

Владимирский государственный университет

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов

Электронное издание

Владимир 2022

ISBN 978-5-9984-1626-2

© ВлГУ, 2022

© Коллектив авторов, 2022

УДК 81

ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Валерий Михайлович Мокиенко** (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор **Татьяна Егоровна Шаповалова** (Московский государственный областной университет, г. Москва).

Редакционная коллегия:

М. Вас. Пименова, д-р филол. наук (отв. редактор), **К. М. Богрова**, канд. филол. наук, **Е. А. Кузнецова**, канд. филол. наук (отв. секретарь), **Е. А. Абрамова**, ст. преподаватель (член редколлегии), **Е. В. Ковальчук**, канд. пед. наук (член редколлегии), **Е. С. Константинов**, ст. преподаватель (член редколлегии), **Е. Ю. Рыкин**, канд. филол. наук (член редколлегии), **Н. А. Сафронова**, канд. филол. наук (член редколлегии), **О. И. Соколова**, канд. филол. наук (член редколлегии), **Г. И. Столбунова**, ст. преподаватель (член редколлегии)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Язык и ментальность в диахронии [Электронный ресурс] : сборник научных трудов по итогам III Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 410 с. – ISBN 978-5-9984-1626-2. – Электрон. дан. (3,02 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Представлены доклады и сообщения участников III Всероссийского научного семинара для молодых ученых с международным участием. Обсуждаются вопросы взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XX – XXI вв.). Материалы издания дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем.

Предназначается для научных работников, аспирантов, преподавателей, учителей, магистрантов и студентов вузов.

ISBN 978-5-9984-1626-2

© ВлГУ, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Содержание

<i>От редакционной коллегии</i>	6
Раздел 1. ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТИ: НАСЛЕДИЕ В.В. КОЛЕСОВА	
<i>Бакиров П.У.</i> Отражение ментальности в пословицах разносистемных языков.....	10
<i>Богданова Л.И.</i> Образ мира в словарях разного типа.....	27
<i>Демидов Д.Г.</i> Возвращение к русскому реализму в течение XVIII века во взглядах проф. В.В. Колесова.....	32
<i>Зеленин А.В.</i> В поисках метода: исследования В.В. Колесова в области исторической лексикологии русского языка.....	49
<i>Зиновьева Е.И.</i> Прилагательные, обозначающие семантическую константу 'положительное мировосприятие', в русской ментальности и языке.....	70
<i>Ильченко О.С.</i> О специфике падежного маркирования личного объекта в древнерусском языке (на примере лексемы КНЯЗЬ).....	82
<i>Колесова Д.В.</i> Записки vs работы vs труды vs эйдос как результат деятельности ученого (из опыта создания персонального сайта ученого).....	87
<i>Михайлова Т.В., Михайлов А.В.</i> Оценочные аспекты потестарных номинаций в повестях Смутного Времени.....	92
<i>Пименова М.Вас.</i> О монографии Владимира Викторовича Колесова «Концептуальное поле русского сознания» (СПб., 2021).....	106
<i>Рылов С.А.</i> Синкретичные синтаксические конструкции в древнерусской речи XII–XIV веков: опыт систематизации.....	116
Раздел 2. ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ	
<i>Абрамова Е.А., Смирнова А.П.</i> Несобственно-прямая речь в структуре художественного текста (на материале рассказов С.К. Никитина).....	134
<i>Алексеев А.В.</i> Символические значения слова в структуре лексического концепта.....	142
<i>Васильева А.А., Красина Е.А.</i> Сравнение как компонент речевого портрета художественного персонажа.....	144
<i>Гаврилова М.В.</i> Семантическое развитие концепта «государство» в русском политическом дискурсе.....	156
<i>Данич О.В.</i> Нормативная картина мира в зеркале фразеологии (на материале белорусского и русского языков).....	161
<i>Дединкин А.Л.</i> Эллипсис как прием нивелирования правовых рисков в экстремистском дискурсе.....	165
<i>Канафьева А.В.</i> Вопросительные формы императива.....	168

Корючкина Е.М., Сафронова Н.А. О нерешенных вопросах теории пояснительных и уточняющих членов предложения.....	174
Лавицкий А.А. Семантика поликодового текста в аспекте лингвистической экспертизы текста.....	180
Маслова В.А. Синтагматические связи как источник глубинных смыслов в языке и тексте.....	183
Николина Н.А. Глагольные неологизмы в современной русской речи.....	190
Умбетова Н.Ж. Стилистическое своеобразие глагола (на материале поэзии О. О. Сулейменова).....	198
Ходжакулова Ш.А. Язык в системе межкультурной коммуникации.....	204
Хужанова О.Т. Восточные названия флоры и фауны в памятниках деловой письменности XVI–XVIII вв.	209

Раздел 3. ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Блинова А.В. Топонимическая система Ленинского района г. Владимира.....	217
Богданова С.А. Роль непродуктивных способов образования окказиональных слов в художественных текстах Виктора Пелевина.....	227
Бухарина А.А., Обрезкова Е.А. Элементы разговорного стиля в публицистических текстах (на материале современных электронных изданий педагогическо-воспитательной направленности).....	235
Груздева М.В. Функционирование этимологических фигур в современных художественных текстах.....	245
Джумаева Д.П. Функционирование вставных конструкций в произведениях Ф.М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди»).....	252
Иванова М.А. Вариантность координации подлежащего и сказуемого (на примере современных художественных текстов).....	257
Константинова Е.А. Новые топонимы Владимирской и Нижегородской областей (на материале названий населенных пунктов).....	263
Кривко Ю.Н. Наименования флоры и фауны в топонимии Владимирской области.....	268
Круглова Л.О., Назарова Е.В. Элементы разговорного стиля в современной поэзии (на материале премии «Поэзия» 2021 г.).....	274
Крымская С.М. Особенности функционирования атрибутивных нетерминологических сочетаний в деловых текстах XVII века (на материале челобитных Владимирского края).....	282
Мёд С.В. Общекультурная оппозиция «жизнь – смерть» в одной русской пословице (<i>смерть на пядень</i>).....	288

Москвина И.В. К вопросу о названиях мифических и «легендарных» растений в средневековых травниках.....	293
Москвичёва А.С. Структурные особенности микротопонимов Александровского района Владимирской области.....	296
Нармуратов З.Р. Лингвокультурологические особенности пословиц с концептом <i>образование</i> в английском и узбекском языках.....	300
Новикова Е.В. Функционирование минералогической лексики в поэтических текстах А.А. Ахматовой.....	305
Сидорова А.Е., Сидорова С.А. Методика сбора и анализа материала для топонимического словаря Владимирской области.....	311
Сидорова Н.Д. Семантика цветообозначений, входящих в лексико-семантическую группу <i>синий</i> (на материале «Травника» Ивана Бирюкова и «Действующего травника из Южной Сибири»).....	321
Спелова А.А. Классификация корейских заимствований по степени освоенности.....	328
Талицкая Д.М. Семантические особенности неофициальной топонимии города Владимира.....	339
Толлиева О.Т. Функциональные особенности современной строительной терминологии и тенденции ее развития.....	345
Фадеева Е.А. Устаревшая лексика тематической группы «Одежда» в русском языке (на материале романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и думка»).....	355
Фарафонова М.С. «Коронавирусные» неологизмы немецкого языка.....	362
Ходжаева Э.Э. О некоторых особенностях функционирования лексических средств выражения времени.....	367
Шавилова Н.С. Явление паронимии в языке.....	372
Эргешова А.Э. Обучение русскому речевому этикету в контексте межкультурной коммуникации (на примере русского и туркменского языков).....	379
Язгулыева Ш.А. Выражение временных отношений в русском языке (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»).....	386
Якунькова А.А. Функционирование прецедентных феноменов в антиутопических романах XXI века (Т. Толстая «Кысь», В. Сорокин «Манарага»).....	393
Трелле Н.И., Маурко Т.С. Речевая структура произведений жанрового «синтеза» (на материале дилогии А.В. Иванова «Дэнжерологи»).....	399

От редакционной коллегии

28 – 30 сентября 2021 г. в рамках XIV Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» прошел III Всероссийский научный семинар для молодых ученых с международным участием «Язык и ментальность в диахронии». Мероприятие было организовано кафедрой русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ).

Сборник научных трудов по итогам семинара открывает раздел «Изучение взаимодействия языка и ментальности: наследие В.В. Колесова».

Владимир Викторович Колесов – выдающийся ученый-филолог, уникальный специалист в области русского исторического языкознания, доктор филологических наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук – ушел из жизни 15 мая 2019 года. Среди основных тем работ Владимира Викторовича последних десятилетий – отражение в языке русской ментальности. Предложенное им определение ментальности цитируется большинством современных исследователей, обращающихся к рассмотрению данного феномена: ментальность – «...миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального

характера в типичных его проявлениях»¹. Разделы «Глубинные смыслы в языке и тексте», «Язык и ментальность в исследованиях молодых ученых» также основаны на этом подходе к пониманию взаимодействия языка и ментальности.

Выбор темы и направленности семинара был обусловлен тем, что в настоящее время наблюдается спад интереса к изучению языка в диахронии – особенно у молодых ученых (как прозвучало на одной из конференций, «история языка обезлюдела»). На наш взгляд, это объясняется целым рядом причин, среди которых – определенное отставание исторических исследований в общетеоретическом плане, ограничение частными диахроническими описаниями, приводящее к «отрыву» от современных приоритетов и новых подходов к лингвистическим изысканиям, хотя вопросы, связанные с отраженной в языке исторически сложившейся совокупности представлений о мире, способе восприятия и концептуализации действительности, являются основополагающими при решении актуальных лингвистических проблем в русле современного антропоцентрического взгляда на язык.

Следует сказать, что первое издание по данной тематике вышло в 2017 г. и открывалось обширной статьей самого В.В. Колесова². Мы с Владимиром Викторовичем переписывались по поводу его статьи и издания в целом, он знакомился с «преамбулой», со следующими вопросами, которые предлагались для обсуждения в виде условного «домашнего задания»³:

1. Источники и методы изучения взаимоотношения языка и ментальности в диахронии.

а) Бóльшая часть современных диахронических работ опирается на материал, извлеченный из исторических словарей и картотек (а не из первоисточников, не из

¹ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. С. 268.

² Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир-Суздаль, 26–28 сентября 2017 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 7–36.

³ Там же. С. 3–6

средневековых текстов). Не приводит ли это нас к ситуации, когда вместо средневековой ментальности изучается логика ученых-лексикографов XIX-XXI вв. (?)

б) Какие методы изучения исторической семантики слова вы используете/ можете предложить?

2. В таблице представлены основные концептуальные формы русской ментальности (В.В. Колесов) и их отражение в языке. Подтверждает ли ваш материал подобные изменения? Или вы наблюдали иные закономерности развития?

XI-XIV вв.	XV-XVII вв.	XVIII –XXI вв.
Ментализация	Идеация	Идентификация
Синкретизм, слово-синкрета (<i>этимон</i>), расширение формы и конкретизация смысла (<i>устойчивые единицы – синкретемы</i>), <i>синкретсемия</i>	Расчленение синкретизма: производные единицы	Синкретизм на новом уровне развития языка
Отношения манифестации (возникновение письменности) и синтагматические отношения (текст)	Эпидигматические (ассоциативно-деривационные) отношения	Парадигматические отношения
Метонимия – объем понятия	Метафора – содержание понятия	Гипероним – объем + содержание понятия
Эквивалентные оппозиции: <i>правый – левый</i>	Градуальные оппозиции: <i>стадо – собрание – собор</i> (Епифаний Премудрый)	Маркированные привативные оппозиции: <i>хороший – плохой</i>

3. Как вы представляете себе модель развития лексического значения?

Априорно модель представлена, как правило, следующим образом: от простого к сложному (от абстрактного к конкретному, от прямого к переносному). Учитывает ли подобная модель особенности древней ментальности (синкретизм абстрактного мышления и чувственного восприятия)? Как в этом случае ее можно представить?

4. В таблице представлены устойчивые сочетания слов (синкретемы) в их истории. Можете ли вы расширить таблицу? Встречались ли подобные примеры в вашем материале?

XI–XIV вв.	XV–XVII вв.	XVIII–XXI вв.
<i>Сътворити миръ, взяти победу, възложити чьсть</i>	<i>Прияти вгъсть, творити вргъдъ</i>	<i>Одержать победу, испытывать волнение, чувствовать тревогу</i>
<i>Радость и веселье, плачь и рыдание, путь-дорога, гуси-лебеди</i>	<i>Радость и веселье и ликъствование, плачь и рыдание и вопль</i>	<i>Базар-вокзал, фигли-мигли, стыд и срам, совет да любовь</i>

<i>Красна дъвица, сърѣи волкъ; великѣи князь, святыи духъ</i>	<i>Божьствъное слово, правая вѣра</i>	<i>Детский сад, домовая книга, зачетная книжка</i>
<i>Свет светлый, петь песню, красотю украси</i>	<i>Един в едино время, един уединенный и уединяся</i>	<i>Гремит гром, снится сон, варится варенье</i>
<i>Яко сокол младый, аки некая ехидна</i>	<i>Яко кедр, яко кипарис, яко земельный аггел и небесный человек</i>	<i>Как кровь с молоком, как скала, как из ведра</i>

5. Показывает ли ваш материал, как отражаются в языке представления о пространстве, времени, количестве, качестве (ценности), цвете, свете и др. (?). Приведите примеры.

6. Концепт как единица ментальности: миф или реальность? Какое место занимает данное явление в языковой системе?

7. Отличаются ли семантические сближения в диахронии от современной образности? Если отличаются, то чем? Есть ли особенности выражения оценки в древнем тексте? Если есть, то какие?

Значительная часть данных вопросов была обсуждена на заседаниях семинара (руководители – *проф. О.Л. Арискина, проф. Л.И. Богданова, проф. Е.М. Маркова, проф. М.Вас. Пименова*) как в лекциях и докладах известных исследователей, так и в сообщениях начинающих молодых авторов – аспирантов, магистрантов и студентов.

Всего в издании содержатся 57 публикаций лингвистов из *России* (Владимир, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург), *Беларуси* (Витебск), *Тайваня* (Тайбэй), *Туркмении* (Кушка, Туркменабад, Чарджоу), *Узбекистана* (Термез), *Финляндии* (Тампере) и др.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

*Ответственный редактор
М. Вас. Пименова*

РАЗДЕЛ 1
**ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТИ:
НАСЛЕДИЕ В.В. КОЛЕСОВА**

БАКИРОВ Поён Уралович (*Термез, Республика Узбекистан*)

доктор филологических наук, профессор
Термезский государственный университет
bakirov.poyan@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В ПОСЛОВИЦАХ
РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ**

Аннотация. В статье рассмотрены пословицы разносистемных русского, узбекского и казахского языков по тематическим группам, исходя из менталитета носителей названных языков. Истолкованы смысл и значение паремий, доказано, что пословицы разных народов мира могут иметь тождество и различие в семантическом отношении. Указаны место и значение пословиц, являющихся бесценным народным богатством и надежным средством воспитания духовно совершенной личности.

В последнее время термин **менталитет (ментальность)** широко употребляется в разных областях лингвистики. «Полный словарь лингвистических терминов» термину дает такое определение: **«менталитет (ментальность) – в когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии: способ мышления, склад ума, особенности мировоззрения и мировосприятия действительности, характерные для национального сознания (лат, mens. mentis – ‘ум’, ‘разум’, ‘образ мыслей мнение, взгляд’).** В содержательном отношении менталитет определяется составом концептов, совокупность которых несет в себе самобытный опыт духовной и практической жизни народа, отражает его историческую судьбу.

Обобщенно менталитет связан с картиной мира данного народа, прежде всего, ключевыми концептами этой картины. Так, для русского национального менталитета характерно своеобразие, сложившееся на основе православной культуры: целый ряд концептов (соответственно, слов русского языка) демонстрирует ориентацию на духовную связь личности с абсолютным идеалом. <...>

Понятие менталитет может применяться не только по отношению к нации в целом, но и к различным социальным группам людей (профессиональным, возрастным и др.) В таких случаях термин уточняется: групповой, профессиональный менталитет» [7: 201–202].

Как констатирует В.В. Колесов в книге “Русская ментальность в языке и тексте”, ментальность «... представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство на данной территории его существования» [6: 3]. Он также считает, что ментальность – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [5: 15].

Говоря о менталитете и ментальности, наблюдающихся в паремиях, Е.А Ошева считает, что «менталитет отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности. Он влияет на мироощущение и понимание: одни и те же предметы и явления могут быть восприняты с разной точки зрения. Особенности менталитета отражаются в паремиологическом фонде, который является передатчиком и хранителем информации, накопленной человечеством. Единицами данного фонда выступают паремии (пословицы, поговорки), фразеологизмы, крылатые выражения, слоганы, функционирующие в паремиологическом пространстве. Паремиологическое пространство представляет собой среду функционирования и образования паремиологических единиц, фрагмент русской и английской языковой картины мира и является сложным, многослойным образованием, характеризующимся динамичностью и открытостью границ.

Являясь порождением речевой стихии, паремиологические единицы ярко свидетельствуют о тех свойствах и закономерностях

языковой системы, которые обусловлены тесной связью языка и мышления» [9: 6–7].

Пословица является основной паремиологической единицей. «Пословицы – не самая обширная, но самая характерная часть фольклорного наследия народа. Черты народной истории и характера, труда и быта запечатлены или метафорически зашифрованы в них с такой же достоверностью, как след древней жизни на окаменелости, с той разницей, что они остаются живыми все те долгие века, пока существует народ, их создавший, и его язык, сделавший их своей частью, сгустками своей образной энергии» [13: 86].

При этом не следует забывать, что пословицы несут в себе мудрость создавшего их народа. А мудрость – это целая наука: ею владеют умудренные опытом люди. Гений своего времени и последующих веков великий философ IV в. до н. э. Аристотель отмечал, что «мудрость...есть наука о некоторых причинах и началах. ... Мудрость по справедливости можно назвать божественной и потому, что она в первую очередь подобает богу, и благодаря природе познаваемого его предмета» [2: 8].

Этнолингвистика – направление в языкознании, изучающее связи языка с культурой, народными обычаями и представлениями и с народом в целом. Крупнейший представитель американской этнолингвистики Э. Сепир полагал, что «язык приобретает все большую цену в качестве руководящего начала в изучении культуры. В известном смысле система культурных моделей той или иной цивилизации фиксируется в языке, выражающем данную цивилизацию» [12: 223]. Пословица и есть модель (или мини-модель) «частицы» цивилизации, а поэтому без ее изучения трудно понять особенности мировой цивилизации.

Пословица, несмотря на свою внешнюю структурную простоту, представляет собой настолько сложное явление, что до сих пор в науке нет единого, всеми признанного определения паремии этого вида. Более того, многие исследователи считают, что такое определение вообще дать невозможно. Ср.: «Определение пословицы слишком трудно, чтобы браться за такую задачу. О том, является ли данное предложение пословицей или нет, говорят нам какие-то неуловимые признаки. Поэтому никакое определение не поможет нам с уверенностью установить, имеем ли мы в данном случае дело с пословицей» (А. Тейлор); «Предложить краткое и в то же время приемлемое для работы определение пословицы, особенно такое, которое охватывало бы все пословичные фразы, почти невозможно... К счастью, определение не является действительно необходимым, так как все мы знаем, что такое пословица» (Б.Дж. Уайтинг) (цит. по: [4: 14]).

Мы не разделяем такую пессимистическую точку зрения. Можно определить любое понятие, если мы в состоянии выделить существенные и общие его признаки.

Общепринятым представляется мнение о том, что пословица – это паремия, грамматически соотносящаяся с предложением: она не может быть м е н ь ш е предложения и в то же время не может превосходить его по объему. При этом имеются в виду как простые предложения различных типов, так и сложные.

Первые пословичные изречения возникли в глубокой древности. «Тайна происхождения пословиц скрыта в них самих. Многие пословицы вторгаются в сферу деловых отношений, обычаев, становятся их частью. Поэтическое выражение мысли в этих пословичных суждениях всего лишь неосознанно-художественная форма отражения реальности <...>» [1: 116].

Возможно, у каждого народа свое отношение к пословицам. Так, А. Наумов пишет: «<...> Для узбека пословица имеет особенную ценность. Я замечал не раз, что здесь пословицу любят не только как мудрое слово, кстати, вековым опытом подтверждающее чью-то сегодняшнюю правоту или вину, или ошибку или надежду, но и как нечто всецело прекрасное, подобно песне или захватывающему повествованию. С каким восторгом принимается целая цепь пословиц, нанизанная в речи умелого оратора или говоруна» [13: 87].

Семантическое содержание пословиц определяется не только языковыми универсалиями, но и специфическими особенностями конкретных языков. Для каждого народа характерны своя языковая картина мира, свое видение мира через призму языка. Наличие у каждого народа языковой картины мира, отражаемой в структуре языка и его единицах, в том числе и пословицах, – одна из теоретических и реальных предпосылок сопоставительного исследования пословиц разносистемных языков. При этом не следует забывать, что «национальные традиции также следует изучать и сохранять. Национальное своеобразие сближает нации, а не разъединяет их. Мы отправляемся к другим народам, чтобы увидеть их индивидуальность, «непохожесть» и в этой «непохожести» увидеть вечную красоту» [8: 287].

Один из знатоков народных слов, писатель М. Шолохов во вступительном слове к сборнику В. Даля «Пословицы русского народа» пишет: «Различны эпохи, породившие пословицы. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков» [3: 3].

По мнению М.А. Рыбниковой, пословицы доказывают нечто, проверенное на опыте, указывая на законы общественной жизни. Они утверждают что-либо, исходя из знания природы человека, особенностей его характера. Вместе с тем они вскрывают сущность вещей и выражают различные логические отношения. «Раскрывая понятие «народная мудрость», скажем, что это – народная логика и психология, педагогика и правила общежития, народный кодекс понятий о государстве и обществе, о законах трудовой жизни» [11: 230].

В.П. Аникин во вступительной статье к сборнику «Пословицы и поговорки народов Востока» пишет, что содержательная сторона пословиц интересует специалистов различных профилей. Историки находят в пословицах обычаи народной старины и отзвуки событий древности; юристы видят в пословицах отражение норм обычного права; этнограф благодаря пословицам получает представление о характере «уже исчезнувших обычаев и порядков»; философы «через пословицы пытаются понять» особенности и «строй народного мышления»; лингвисты видят в пословицах «ценнейший материал для изучения характера и законов человеческой речи» [10: 7].

Содержательная сторона пословиц поистине безгранична. Это утверждение в равной степени можно отнести к материалу всех трех сопоставляемых языков – русского, узбекского и казахского. Пословицы охватывают все сферы человеческой деятельности, отражают быт, культуру, жизнь и историю общества. Выражая народную мудрость, они представляют собой своеобразный моральный кодекс, в котором получают одобрение лучшие нравственные качества человека и утверждается духовность, но осуждаются всевозможные пороки.

Многие пословицы представляют собой руководство к действию: они предписывают, что надо делать, и предостерегают от

нежелательных поступков. Национальная особенность пословиц наиболее четко обнаруживается при сопоставлении разных языков.

Предметно-тематические группы в пословичных фондах русского, узбекского и казахского языков, в основном, совпадают. Проанализируем некоторые предметно-тематические группы в сопоставительном плане. Приведем несколько примеров.

Любовь к Родине, родной земле, своему народу

В пословицах трех сопоставляемых языков выражается глубокая, беззаветная любовь к Родине. Ср., например: Русск.: *Родина наша – солнца краше*. Узб.: *Ватан учун ўлмоқ ҳам шараф* (Умереть за Родину – великая честь). Каз.: *Отан – оттан да ыстық* (Родина – священный очаг).

В этом плане вместе с тем существуют некоторые семантические различия между русскими пословицами, с одной стороны, и узбекскими и казахскими – с другой.

В русских пословицах настойчиво подчеркивается призыв к защите и служению Родине: *Жить – Родине служить; Первое в жизни – честно служить Отчизне; Тот герой, кто за Родину горой*.

Если Родина сравнивается с матерью, то указываются мотивы сравнения: *Родина – мать, умей за нее постоять* (защита Родины); *Родина смелому – мать, трусу – мачеха* (отношение к Родине); *Родимая сторона – мать, чужая – мачеха* (Родина и чужбина).

В узбекских и казахских пословицах Родина отождествляется с колыбелью, например: Узб.: *Она юртинг – олтин бешигинг* (Родная земля – золотая колыбель). Каз.: *Өз елім – өлең төсегім* (Моя Родина – моя колыбель).

Любовь к Родине неотделима от любви к родной земле. Русские пословицы отражают прагматичное отношение к земле: *Земля – мать*

богатства; Земля – тарелка: что положишь, то и возьмешь; Пахарю земля – мать, лентяю – мачеха.

В узбекских и казахских пословицах любовь к земле выражается как глубокое чувство: Узб.: *Севги ерга – севги Ватанга* (Любовь к земле – любовь к Родине); *Сув – деҳқоннинг қони, ер – унинг жони* (Вода – кровь дехканина, земля – душа дехканина). Каз.: *Ел іші – алтын бесік* (Родная земля – золотая колыбель).

В пословицах трех рассматриваемых языков выражены вера в силу народа, призыв к его единству: Русск.: *Не тот человек, кто для себя живет, а тот, кто народу счастье дает; Наша сила – семья едина; Народу единство, что птице крылья.* Узб.: *Халқ соғлиғи – юрт бойлиғи* (Здоровье народа – богатство страны); *Халқ ҳаракати – денғиз тўлқини* (Движение народа – волнующееся море); *Халқ ҳукми – ҳақ ҳукми* (Решение народа – правильное решение). Каз.: *Отансыз адам – ормансыз бўлбўл* (Человек без Родины – соловей без леса); *Жері байдың – елі бай* (Богатая земля – богатый народ).

Итак, общее в содержании пословиц тематической группы «Любовь к Родине, родной земле, своему народу»: беззаветная любовь к Родине, вера в силу народа, призыв к его единству; различия: в русских пословицах подчеркивается призыв к защите и служению Родине; если Родина сравнивается с матерью, то указываются мотивы сравнения; в узбекских и казахских пословицах Родина отождествляется с колыбелью; любовь к земле представляет собой глубокое, выстраданное чувство.

Сущность, внутренний мир человека

Как отмечалось, в сущности, все пословицы носят антропологический характер: все они в той или иной мере касаются жизни человека, его переживаний, устремлений и т. п.

Но в ряде пословиц (тематическая группа «Человек и его жизнь») открыто говорится о человеке, его сущности, жизни и нравственных качествах. Тематическая группа пословиц «Человек и его жизнь» представлена во всех сопоставляемых языках. Внутри этой группы выделяются подгруппы, в частности, подгруппа «Сущность, внутренний мир человека».

В русских пословицах часто указывается на обыденность бытия человека, например: *Все мы люди, все мы человеки; Привычка – вторая натура.*

Очень трудно проникнуть во внутренний мир другого человека: *Чужая душа – потемки; Чужая душа – темный лес.*

В узбекских и казахских пословицах в большей степени выражается восхищение человеком: Узб.: *Одам ақли – олмос* (Ум человека – алмаз); *Одам – гавҳар, қўли – гул* (Человек – драгоценный камень, руки – цветок); *Одам боласи – элнинг лоласи* (Ребенок человека – тюльпан народа). Каз.: *Адам – дүниенің ажары, дүние – өмірдің базары* (Человек – украшение мира, мир – базар жизни); *Еңбек – адамның көркі, адам – заманның көркі* (Труд – украшение человека, человек – украшение времени).

Иногда в пословицах (в основном устаревших) внутренняя сущность человека характеризуется отрицательно, например: Русск.: *Человек человеку – волк.* Узб.: *Одам – одамга ёв* (Человек человеку – враг); *Одам шайтони – одам* (Дьявол человека – человек).

Исследование показывает, что общее в содержании тематической подгруппы «Сущность, внутренний мир человека»: отражение жизни человека, его переживаний, устремлений; различия: в русских пословицах часто указывается на обыденность бытия человека; в узбекских и казахских пословицах в большей степени выражено восхищение человеком.

Жизнь и смерть, молодое и старое

Пословичные фонды трех языков объединяет отношение к жизни, как к очень важной категории: Русск.: *Жизнь прожить – не поле перейти; Жизнь – наука, она учит опытом; Жизнь – это море житейское; Жизнь что соленая вода – чем больше пьешь, тем больше жажда.* Узб.: *Умр савдоси – қийин савдо* (Житейские заботы – тяжелые заботы); *Умрнинг эгови – қайғу* (Пила жизни – горе). Каз.: *Өмірдің өзі – ұлы ұстаз* (Сама жизнь – великая наставница).

В некоторых пословицах говорится о скоротечности жизни: Русск.: *Жизнь не камень – на одном месте не лежит, а вперед бежит.* Узб.: *Умр – ариқдан оққан сув* (Жизнь – вытекающая из арыка вода); *Умр – ўткинчи меҳмон* (Жизнь – проходящий гость). Каз.: *Өмір сүру – өлеңдету емес* (Жизнь прожить – не поле перейти).

В русских и узбекских пословицах старость и смерть предстают как неизбежные явления: Русск.: *Старого любить – только дни губить; Долго жить – старым слыть; Молодица у старика – ни девка, ни баба, ни вдова.* Узб.: *Ўлим ҳаёт душмани, қайтиб келмас пушмони* (Смерть – враг жизни, она не возвращает раскаяния); *Қарилик – давосиз дард* (Старость – неизлечимая болезнь); *Қарилик уй – айғули уй* (Дом старости – скорбный дом); *Қарилик – хасталик* (Старость – болезнь).

В русских пословицах подчеркивается задор молодости и кратковременность ее поры: *Молодой ум что молодая брага; Молодость не бездонный горшок; Молодость не кошелек: потеряешь – не найдешь.*

Узбекские пословицы говорят о привлекательности молодости: *Ёш чоғим – олтин чоғим* (Время молодости – золотое время); *Ёшлик вақтим – олтин тахтим* (Время молодости – золотая сокровищница).

Таким образом, общее в содержании тематической подгруппы «Жизнь и смерть. Молодое и старое»: весьма серьезное отношение к

жизни, скоротечность жизни, непривлекательность старости и привлекательность молодости; различие: в русских и узбекских пословицах старость и смерть предстают как очень непривлекательные, хотя и неизбежные явления; четкого выражения этой мысли в казахских пословицах нет.

Свое – чужое

Отношение к своему и чужому в русских пословицах противоречивое: в одних пословицах говорится о том, что свое лучше, чем чужое, в других утверждается обратное. Например: 1. *Свой глаз – алмаз, чужой глаз – стекло; Чужая одежда не надежда.* 2. *Своя жена – курица, а чужая – голубка.*

В узбекских пословицах свое всегда лучше, ближе, а чужое представляется странным и непонятным. Например: *Ўз жойида лайча ҳам шер* (В своем доме и собака – лев); *Бегона тупроқ – девона тупроқ* (Чужая земля – странная земля); *Бегонанинг қалби – қоронғи ўрмон* (Чужая душа – темный лес).

Семантические различия пословиц тематической подгруппы «Свое – чужое» состоят в следующем: в одних русских пословицах говорится о том, что свое лучше, чем чужое, в других утверждается обратное; в узбекских пословицах свое всегда лучше, ближе, а чужое представляется странным и непонятным.

Учение, знание, наука

В пословицах трех сопоставляемых языков высоко оценивается роль науки, знаний, учения. Различие заключается в том, что в узбекских и казахских пословицах выражается трепетное отношение к знаниям и науке. Русские пословицы более прагматичны, узбекские и казахские – образны. Например: Русск.: *Ученье – свет, а неученье – тьма; Знание – сила; Наука – светильник разума; Учить – ум точить; Без знаний и утро – ночь.* Узб.: *Ўқиш – билим ўчоғи, билим – умр булоғи* (Учение –

очаг знания, знание – источник жизни); *Илм – дилнинг чироғи, мактаб – илм чорбоғи* (Наука – светильник сердца, школа – сад науки); *Илм – хазина, билим – дафина* (Наука – казна, знание – сокровище); *Илм – инсон яроғи* (Наука – оружие человека); *Илм – тубсиз қудуқ* (Наука – бездонный колодец). Каз.: *Кітап – алтын қазына* (Книга – золотой клад); *Талап – тұлпар, білім – сұңқар* (Стремление – сказочный скакун, знание – сокол); *Оқу – білім азығы, білім – ырыс қазығы* (Учение – пища знания, знание – сокровищница богатства); *Оқу – білім бұлағы, білім – өмір шырағы* (Учение – источник знаний, знание – светильник жизни).

Иногда пословицы калькируются, например: Русск.: *Знание – сила*. Узб.: *Билим – қувват*. Каз.: *Білім – қуат*. Ср. также: Русск.: *Учение – свет, а неученье – тьма*. Узб.: *Илм – ёруғлик, жаҳолат – зулмат* (Наука – свет, невежество – тьма).

Общее в содержании пословиц данной тематической группы: высокая оценка роли знаний, науки, учения; различия: русские пословицы прагматичны; узбекские и казахские более образны, в них выражено трепетное отношение к знаниям и науке.

Дети, их взаимоотношения с родителями и взрослыми

Русские пословицы о взаимоотношениях между родителями и детьми отличаются прагматизмом: дети обязаны следовать по пути отца, о детях заботится мать. Сын и дочь имеют в доме и семье разное предназначение: сын служит опорой семьи, а дочь ее украшением. Воспитание детей – непростое дело.

В узбекских и казахских пословицах выражается восхищение детьми. Например: Узб.: *Бола кўнгли – подшо* (Душа ребенка – царь); *Бола қалби – гул* (Душа ребенка – цветок); *Боламнинг боласи – қандин ўрик донаси* (Ребенок моего сына – зерно сахаристого урюка). Каз.: *Ата – асқар тау, ана – бауырындғы бұлақ, бала – жағасындағы құрақ* (Отец – высокая гора, мать – родник у подножья, ребенок – растительность

вокруг родника); *Әйел – үйдің ажары, бала – үйдің базары* (Женщина – украшение дома, ребенок – базар дома); *Ата – бәйтерек, бала – жапырақ* (Отец – дерево, ребенок – листья).

Общее в содержании тематической подгруппы «Дети, их взаимоотношения с родителями и взрослыми»: о детях необходимо заботиться; различия: русские пословицы отличаются прагматизмом; в узбекских и казахских пословицах, характеризующихся образностью и яркими сравнениями, выражается восхищение детьми.

Дружба и любовь

В русских, узбекских и казахских пословицах выражена высокая оценка настоящей дружбы. Вместе с тем русские пословицы говорят о том, что к дружбе следует относиться осторожно, друг должен быть настоящим другом. Например: *Дружба дружбе рознь, а иную хоть брось; Друг до поры – тот же недруг; Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет.*

В пословицах трех рассматриваемых языков большое значение придается любви.

Русские пословицы предупреждают о серьезном отношении к любви: *Любовь не картошка – не выкинешь в окошко; Любовь не пожар, а загорится – не потушишь; Любовь что стекло: разобьется – не срастется.*

Любовь может приносить не только радость, но и страдания: *Любовь – крапива стрекучая; Любовь хоть и мука, а без нее скука.*

В узбекских и казахских пословицах выражено восторженное отношение к любви. Например: Узб.: *Муҳаббат – бир сўз, мазмуни – дунё* (Любовь – одно слово, его смысл – целый мир); *Муҳаббат – дилнинг меваси* (Любовь – плод души). Каз.: *Сұлу сұлу емес, сүйген – сұлу* (Красавица – не красавица, любимая – красавица).

Общее в содержании пословиц данной тематической группы: высокая оценка настоящей дружбы, большое значение придается любви; различие: русские пословицы предупреждают о серьезном отношении к любви; в узбекских и казахских пословицах выражено восторженное отношение к любви.

Социальные отношения между людьми

В пословицах исследуемых языков говорится о необходимости доброжелательных взаимоотношений между людьми. Вместе с тем семантика пословиц разных языков несколько различна. В русских пословицах подчеркивается необходимость социального равенства между людьми, общающимися друг с другом. Например: *Гусь свинье не товарищ; Барану пара – овца.*

В узбекских пословицах большое внимание уделяется гостеприимству:

Меҳмон – уйнинг зийнати (Гость – украшение дома); *Меҳмон – атойи худо* (Гость – подарок бога).

Казахские пословицы призывают к единству и согласию: *Ырыс алды – ынтымақ* (Начало успеха – единство); *Теңге тиыннан, ынтымақ – ұйымнан* (Деньги – от копейки, согласие – от общества); *Ынтымақ түбі – бірлік* (Итог согласия – единство).

Общее в содержании пословиц: необходимы хорошие взаимоотношения между людьми; различия: в русских пословицах подчеркивается необходимость учета социального равенства или неравенства в процессе общения между людьми; в узбекских – большое внимание уделяется гостеприимству; казахские пословицы призывают к единству и согласию.

Хозяйственная деятельность человека. Отношение к труду

В русских, узбекских и казахских пословицах выражено уважительное отношение к труду – основе жизни человека. Трудолюбие

приветствуется как высокое нравственное качество человека, а лень сурово осуждается.

В русских и узбекских пословицах отражено традиционное уважение к хлебу. Например: Русск.: *Хлеб – всему голова; Хлеб – батюшка, вода – матушка*. Узб.: *Нон мўллиги – эл тўқлиги* (Изобилие хлеба – радость народа); *Нонга эътибор – элга эътибор* (Уважение к хлебу – уважение к народу).

Жизнь и быт народа накладывают отпечаток на семантику пословиц. Так, огромная роль воды в жизни узбекского народа и ее сравнительно ограниченные запасы обуславливают самое бережное отношение узбекского народа к воде, отраженное во многих пословицах. Например: *Сув – ёруғлик* (Вода – свет); *Сувлик – бойлик* (Обилие воды – богатство); *Сувсиз ер – мозор, сувли ер – гулзор* (Без воды земля – могила, орошенная земля – цветник).

В узбекских и казахских пословицах подчеркивается большая роль животных в жизни человека. Например: Узб.: *От – йигитнинг қаноти* (Лошадь – крылья джигита). Каз.: *Жылқы – малдың патшасы, түйе – малдың қасқасы* (Лошадь – царь домашних животных, верблюды – лучшее домашнее животное).

Общее в содержании пословиц трех языков: уважительное отношение к труду и хлебу; различия: в узбекских и казахских пословицах – в отличие от русских – в большей степени подчеркивается важная роль животных в жизни человека; в узбекских в большей степени, чем в русских и казахских, выражено бережное отношение к воде.

Рыночные, имущественные и денежные отношения

В пословицах русского, узбекского и казахского языков выражено осторожное отношение к деньгам, торговле, имуществу. В одних русских пословицах признаются сила и власть денег, а в других выражается к ним открытое пренебрежение. Положительно оценивается

бережливость, а скупость, напротив, осуждается. Например: *Деньги – крылья; И барину деньга господин; Рубль – ум; а два рубля – два ума; Деньги что вода; Деньги – временные хлопоты; Беречь – половина счастья; Скупые что пчелки: мед собирают, да сами погибают.*

Большое значение в пословицах придается личному имуществу и дому.

Узб.: *Уйим – синч, кўнглим – тинч* (Мой дом из каркасной стены, поэтому душа спокойна).

Общее в содержании пословиц тематической группы «Рыночные, имущественные и денежные отношения»: осторожное отношение к деньгам, торговле, имуществу; придается большое значение личному имуществу; различия: в русских пословицах положительно оценивается бережливость и осуждается скупость; в одних русских пословицах признаются сила и власть денег, в других к ним выражено пренебрежение. В узбекских и казахских пословицах выражено более осторожное отношение деньгам и имуществу.

Результаты нашего исследования показали, что русские, узбекские и казахские пословицы имеют много общего в плане содержания: они заключают в себе народную мудрость, учат правильно жить, дают хорошие советы, метко характеризуют моральные качества людей. Вместе с тем в семантике пословиц разных народов имеются существенные различия, обусловленные особенностями быта, культуры, истории, экономики каждого народа. На семантике пословиц в определенной мере сказывается и национальный менталитет, который ярко находит выражение при сопоставлении паремий разных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
2. Аристотель. Метафизика. Серия «Выдающиеся мыслители». Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 608 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. М.: Художественная литература. 1984. Т.1. 383 с.

4. Дандис А.О структуре пословицы // Паремиологический сборник. М.: Изд. вост. лит., 1978. С. 13–34 .
5. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006
7. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на Дону: Феникс, 2010. 562 с.
8. Лихачев Д.С. Раздумья / Сост. и общая ред. Дубровской Г.А. М.: Детская литература, 1991. 318 с.
9. Ошева Е.А. Лингвокультурная специфика паремиологического пространства (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь 2013. 22 с.
10. Пословицы и поговорки народов Востока / Сост. Брегель Ю.Э. М.: Изд. вост. лит., 1961. 76 с.
11. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М.: Изд. АН СССР, 1961. 230 с.
12. Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч.II. С. 231–238.
13. Узбекские народные пословицы и поговорки / Пер. и сост. Наумов А. Ташкент: Узбекистан, 1985. 93 с.

БОГДАНОВА Людмила Ивановна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
libogdanova1@mail.ru

ОБРАЗ МИРА В СЛОВАРЯХ РАЗНОГО ТИПА

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы оптимизации словарного толкования. Словарные дефиниции, представленные в традиционных толковых словарях, нередко не включают в себя важную информацию о познании мира человеком. Актуальной задачей современных исследований является обогащение словарной статьи когнитивной информацией. Когнитивная информация для словарного толкования – это своего рода отражение в языке фрагмента мира, проиллюстрированное цитатами, пословицами, устойчивыми сочетаниями. «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова демонстрирует один из оптимальных способов сохранения русской культуры в словаре.

«И образ мира, в слове явленный, и творчество, и чудотворство...». Эти строки из стихотворения Бориса Пастернака «Август» с полным правом можно отнести к научному творчеству Владимира Викторовича Колесова, который обладал чудодейственным даром воссоздавать и открывать «образ мира» и образ человека, образ духа человека, его ментальность – в слове, через слово, благодаря Слову. Со страниц произведений В.В. Колесова [3, 4] предстает русский человек в его отношении к добру и злу, к милосердию и справедливости, к судьбе, к счастью. Образ мира через постижение человека запечатлен и в «Словаре русской ментальности» [4], обращение к которому предполагает, что читатель Словаря способен занять диалогическую позицию, позицию понимания, осмысления духовных начал, воплощенных в Правде, Воле, Совести..., в сложных и простых вещах.

Как мы знаем, слово, как один из важнейших инструментов познания мира, дает возможность проникнуть в суть не только сложнейших философских понятий, но и открывает новое в привычном, знакомом. Обратимся к т.н. «простым вещам», которые в виде «первоэлементов»

входят в образ мира. Открыв любой толковый словарь, мы обнаруживаем, например, дефиницию времени года, такого, как **зима** [6]: 'самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне'. Из толкового словаря мы узнаем также, что *зима* бывает *холодная, суровая, мягкая*, что о зиме мы можем ласково сказать: *зимушка-зима*. Формат толкового словаря, разумеется, не предполагает обязательного наличия развернутой, структурно организованной информации об употреблении слова, о его национально-культурных коннотациях, способности сочетаться с другими словами, но чувство разочарования от того, что нам не сообщили чего-то очень важного, значимого, «русского», иногда все же возникает. Обращение к «Словарю русской ментальности» [4] дает совершенно другой результат. Привлекает, прежде всего, богатство определений к слову **зима**, касающихся как объективных признаков: *белая, снежная, метельная, вьюжная, студеная, холодная, морозная*, так и субъективных оценочных характеристик: *жестокая, крепкая, крутая, лихая, лютая, строгая, суровая, ярая* и др.

Определения в своей совокупности и в соединении с устойчивым словосочетанием *матушка-зима* воссоздают образ настоящей русской зимы: зимы жестокой и суровой, богатой вьюгами и метелями, играющими важную роль в судьбе русского человека, и зимы лихой, крепкой, воспитывающей человека. Иллюстративный материал Словаря подтверждает эту мысль: *Зима воспитывает человека ничуть не хуже лета* (Белов). В Словаре представление о зиме ассоциативно соединяется с образом *медведя*, что также сообщает культурную информацию, придает национальный колорит и обеспечивает различительную силу описываемому явлению: *Всю зиму проспали в берлоге, как медведи...* (А. Чехов).

Когнитивный подход к описанию семантики лексических единиц [1; 7] должен обеспечивать их многоаспектное представление в словарях. Однако в традиционных словарях толкования не всегда

обладают различительной силой, из-за чего нередко бывает трудно понять, чем же отличаются друг от друга описываемые явления. Особенно это заметно при лексикографической интерпретации близких или сходных объектов. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» [6] животные *заяц* и *кролик* представлены одинаково: *заяц* – ‘зверек отряда грызунов с длинными ушами и сильными задними ногами, а также мех его’; *кролик* – ‘грызун семейства зайцев, а также мех его’. Однако очевидно, что в обыденном сознании русского человека *заяц* – это дикое животное, а *кролик* – домашнее. Существенным образом различаются и коннотации этих слов, влияющие на их употребление. Такие качества, как ‘быстрота’ (*быстрый как заяц*) и ‘трусливость’ (*заячья душа, трусливый как заяц*) характеризуют в русской языковой картине мира именно зайца, но не применимы к кролику, который ассоциируется с ‘плодовитостью’ (*размножаются как кролики*).

Признание субъективного компонента в языковом отражении мира должно было бы, на наш взгляд, способствовать осознанию того факта, что словарные толкования многих самых простых обиходных слов могут различаться в словарях разных языков. Однако лингвистические словари, привнося в толкования детали научной картины мира, до сих пор толкуют практически одинаково лексические единицы, обозначающие, например, «первоэлементы» [1], такие, как *небо, солнце, луна, звезда, земля, вода, огонь, ветер*. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» слово ***ветер*** объясняется как ‘движение, поток воздуха в горизонтальном направлении’ [6]. Такое определение не учитывает ассоциативный потенциал слова, компоненты которого отражаются в дериватах, в устойчивых сравнениях, в метафорических проекциях, и, как правило, в своей совокупности редко совпадают в разных языках. Так, например, в русском языке *ветер* характеризуется, прежде всего, ‘силой’. Значимость этой коннотации проявляется и в параметрических обозначениях: ср. параметр *Маж* – *сильный ветер, штормовой ветер* (на море);

шквалистый ветер, буря, вихрь, шторм; AntiMagn – слабый, тихий; Вон – легкий ветер, свежий ветер, ветерок, ветерочек [5]. Для рядового носителя языка такая характеристика ветра, как его сила, крайне важна, поскольку сильный ветер может принести разрушения, гибель, быть причиной различных бедствий. В ассоциативном комплексе слова *ветер* также представлены признаки 'быстрота': *быстрый как ветер*; 'воля': *вольный как ветер*; 'одиночество, неприкаянность': *один как ветер в поле*. Дополнительные смыслы нередко связаны друг с другом. Так, коннотация 'быстрота' связана ассоциативно с дополнительным смыслом 'обновление, изменение, переменчивость' (*ветер перемен*). Однако *ветер* в своей переменчивости несет в себе не только революционный дух преобразований, но и порождает другую коннотацию – 'беспринципность', т. е. способность быстро менять свои взгляды, преследуя личную выгоду (*держат нос по ветру, откуда ветер дует*), что связано с коннотациями 'легкомыслие, безответственность, ненадежность': *ветер в голове, ветренный, ветреник, ветреница, бросать слова на ветер, бросать деньги на ветер, ветром подбитый* и т. п. Итак, образ «русского ветра» включает в себя разнонаправленные оценочные признаки, что характерно для восприятия и многих других объектов.

Анализ словарей позволяет предположить, что в словарях активной практической направленности, создание которых является актуальной задачей лексикографии, должно получить отражение не столько собственно научное, сколько обыденное знание носителя языка о том или ином объекте. Словарная статья, обладающая информативностью такого рода, по-видимому, должна включать в себя те признаки значения слова, которые существуют в коллективном сознании носителей языка и эксплицитно представлены в языке в виде типичных определений, устойчивых сравнений, пословиц, поговорок и т. д. Включение в словарную статью коннотаций обогащает информацию о слове, дает своего рода алгоритм понимания его различных

употреблений в живой речи и способствует формированию умений на основе базового значения проецировать переносные, метафорические [2]. В словарной статье должны содержаться ответы на вопросы, которые возникают у обычного человека: что делает объект, какой он, какие у него свойства, как он функционирует [1] (**ветер** – *дует, поднимается, стихает*; **огонь** – *горит, вспыхивает, гаснет* и т. д.).

Как показывает анализ материала, основными задачами при лексикографическом описании слова следует считать не только выявление семантических признаков, которые могли бы обеспечить различительную силу толкований, но и системное описание ассоциативных комплексов, актуализирующих «смысловые прибавки» к значению слова и обнаруживающих как универсальные, так и национально-специфические культурные компоненты в семантике слова.

Главной целью представления слова в словаре, по-видимому, следует считать отражение национального способа восприятия объекта людьми, говорящими на данном языке в данном культурном контексте, что блестяще демонстрирует подход В.В. Колесова, воплощенный в «Словаре русской ментальности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
2. Богданова Л.И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №2. С. 65-70.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В двух томах. СПб: Златоуст, 2014.
5. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. М.: Языки славянских культур, 2016. 992 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19–48.

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич (*Тайбэй, Тайвань*)

доктор филологических наук, доцент
Государственный университет Чжэнчжи
Demidoffs@rambler.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РУССКОМУ РЕАЛИЗМУ В ТЕЧЕНИЕ XVIII ВЕКА ВО ВЗГЛЯДАХ ПРОФ. В.В. КОЛЕСОВА

Аннотация. Показаны актуальные для нашего времени стороны учения проф. Колесова о языке эпохи Русского Просвещения. Историческая перспектива позволяет видеть в ней наследие Средневековья и возвращение к реализму в конце века. Слово полностью отделилось от текстовой формулы, а понятие – от образа и символа. Калькирование иноязычных терминов позволило выработать свою систему понятий в русской ментальности.

Книга [1] еще ждет достойной оценки в контексте более чем десятивековой истории русского языка и мышления. Остановимся на положениях разделов, написанных В.В. Колесовым: Предисловия, I – II, V и VII глав.

Решительный, но внешний разрыв с прошлым в начале XVIII в. не помешал осмыслить, усвоить опыт Русского Средневековья к концу века и выразить его в академических и художественных формах, используя самые передовые достижения западной историко-филологической науки и словесного искусства. Все XVIII столетие явилось одновременно и первым веком современности, и последним веком древности. В языке того времени «внутреннее движение форм преобразования имеет свою логику, которая укладывается в трехчастное деление века: польский стиль барокко с его номинализмом сменяется французским классицизмом с его концептуализмом с тем, чтобы в конце века снова вернуться к традиционному русскому реализму. На всех этапах ментального преобразования подспудно, в глубинах народного духа, то всплывая на поверхность общественной жизни, то на время погружаясь в ее глубины, зреет и растет коренное русское мировоззрение – реализм, устремленный к слову как воплощению всего сущего» [1: 10].

С началом имперского периода традиционная русская духовность никуда не исчезла, – преодолевая болезненные столкновения с

западным рационализмом, она нашла новые формы сосуществования с ценностями западного Просвещения. «Еллино-славенский» слог XVII века создавал светскую языковую норму из церковно-славянского материала. На основе длительного опыта передачи греческих текстов он открывался новейшим иноязычным заимствованиям и калькам с новоевропейских языков. В лексике на **символ** литературно освоенного церковно-славянского варианта накладывался словесный **образ** живого русского слова. Это позволяло «конструировать» новые **понятия**, для которых слово было **знаком**. Термины *понятие* и *знак* впервые описаны в 1731 г.

Понятийное значение слова складывалось в рамках нового этапа **идентификации**, который следовал за этапами **ментализации** времен Киевской Руси и **идеации** периода Московской Руси. По В.В. Колесову и Е.М. Верещагину, ментализация происходила в период первых переводов духовной литературы. Словесный знак наполнялся образным смыслом, перерабатывая и усваивая путем калькирования христианский символ со стороны его предметного значения, то есть **объема понятия** (денотата). Символ сверялся с миром вещей, поскольку сознание было еще номиналистичным и на первое место ставило обозначение внешних вещей. В XV в. ментализацию сменил принцип идеации. Он заключается в том, что не мир вещей осмысляется идеями, а мир идей осмыляется вещами. В словах закладываются концептуальные признаки. Славяно-русское слово получает свое собственное развитие значений на основе уже усвоенного христианского символа со стороны его словесного значения, то есть **содержания понятия** (десигната). Идеация заложила основание русского реализма, на фоне которого в течение XVIII в. проходила идентификация. Значение слова стало отождествляться с вещью. Слово отчуждается от символа и выражает понятие, содержание которого выработано ментализацией, а объем – идеацией. Словесное и предметное значение объединяются, становится возможным «конструирование понятия» (И. Кант) вне контекста. Слово теперь

самостоятельно и готово ко всемирной и всевременной отзывчивости. Массовые переводы такими словами литературы о чужих странах и народах, большие монографические исследования собственной русской истории, от Татищева до Карамзина, создали способность «миграции церковнославянизмов» (выражение Виноградова), что повлекло за собой процессы модернизации архаизмов и свободной архаизации словесных выражений вне классических рамок трех стилей. Елагин, Чулков, Херасков, Фонвизин, Карамзин и другие писатели и поэты конца XVIII в., каждый в своей неповторимой индивидуальной творческой манере, владея свободным арсеналом панхронических слов, изображали яркие исторические сюжеты.

Образ и идея исследуются у одного из первых представителей философии русского реализма Григория Сковороды. Готовую идею образ воплощает полнее понятия. Оно лишь констатирует очевидное, через образ раскрывается тайное, а символ помогает проникать в сущность явления до бесконечности. То, что заложили еще исихасты, теперь приобретает новые эстетические формы польского барокко, затем французского классицизма, наконец, русского сентиментализма, открывшего душевные переживания героев собственной старины.

За системой Буало гений Ломоносова разглядел достоинство славянской стихии реализма. Опираясь на свой опыт обучения в Славяно-греко-латинской академии и на рациональную философию Христиана Вольфа, Ломоносов создает свою теорию трех стилей и упорядочивает лексический хаос, царивший до него. Своими образцовыми одами он закладывает блестящую традицию русской высокой поэзии.

В послеломоносовское время «отмечено намеренное возвращение к лексической архаике – естественное стремление получить слова для номинации отвлеченных понятий, но на традиционной основе» [1: 12–13]. Стилистическую нормализацию Ломоносова авторы доводят до лексико-

семантической кодификации, результатом чего стал «Словарь Академии Российской». Освобождаясь от своих старинных формул-синтагм, в новых сочетаниях слова развивают многозначность. Фонвизин, Радищев и другие писатели-моралисты пишут «философически», словесные средства позволяют им выразить тонкие отвлеченные мысли и душевные переживания за счет свободного и органического соединения славянизмов с русизмами.

Новый карамзинский слог не отменяет современный ему елагинский слог, но реформирует его прежде всего в синтаксическом отношении. Карамзинские авторские неологизмы создаются из арсенала церковно-славянских словообразовательных средств. Будучи строгим редактором сочинений своих друзей и своих собственных, он продолжал очищать русский язык от неуместных заимствований. Такой опыт помог ему «отредактировать» древние летописи для современников в виде «Истории государства Российского».

В.В. Колесов характеризует новый литературный язык, развивающийся во второй половине XVIII в., как «язык интеллектуального действия» русской нации. Это светский язык культуры, государственного управления, науки, ремесел и торговли, основанный на более сложном и полном, но менее приспособленном к новым практическим нуждам языке церковного богослужения. Из «мраморной глыбы» общего, ориентированного на греческий или новоевропейские славянского языка, через опыт славянорусского, преисполненного выразительных средств, высекается особенный, реализующий русскую ментальность русский литературный язык – язык секуляризации научного знания и подверженный процессам демократизации. На первых порах он заимствовал свои грамматические нормы из Грамматики Смотрицкого, но после описания новой русифицированной нормы Адодуровым и Ломоносовым приобрел свою кодификацию, основанную на среднем стиле.

Язык становился отвлеченным от текста объектом, его обработанная литературная форма, которая стала, наряду с церковнославянским, предметом школьного преподавания, отчуждала носителей языка от множества идиолектов. Это способствовало становлению нового типа мышления, отвлеченного, но не конкретного речевого. Нужда в гиперонимах активизировала славянизмы. Ломоносовская теория трех стилей оторвала от жанров лексику и распределила ее по «вертикальным» стилям. Сочинители больше не ориентировались на какие-то текстовые образцы, а создавали свои авторские тексты. Язык литературы теперь преобразился в литературный язык. Создавая новую норму литературного языка, Ломоносов вывел понятия правил языка, предложил образцы красноречия, вскрыл символы поэзии.

В послеломоносовский период наблюдается возврат к лексической архаике ради номинации отвлеченных понятий на традиционной славянской основе. Происходит «удвоение сущностей»: *влияние* – *вливание*, *глава* – *голова*. Славянорусское устойчивое ядро лексики заняло активную родовую позицию в градуальных рядах типа *влияние* – *инфлюенция* – *вливание*. Варваризм оказывался слабым излишним средним членом оппозиции. Таким образом национальные формы русской речемысли создавали русскую цивилизацию, уже не нуждающуюся в западных образцах.

Эта цивилизация основана на русском реализме, духовно усвоенном в Московской Руси (язык молитвенного действия), утвердившемся в ресурсах языка к концу XVIII в. (язык интеллектуального действия), воплотившемся в художественных формах словесности XIX–XX вв. (язык нравственного императива) и социально-политической практике XXI в. (государственный язык соборного управления). Реалист движется не от частного к общему, а от конкретного к особенному, к той особенной идее, которая выражается в вещах. Эту идею реалист открывает, а не конструирует. Словесные

формы языка уже вполне приспособлены для таких открытий, которые производятся самостоятельными действиями русской ментальности.

Новая **норма** выполняет все запросы мысли. «*Норма* – динамический процесс выявления *инварианта* (самого общего, типичного варианта) на основе речевых вариантов, выработанных развивающейся *системой* языка. Такие речевые варианты в конкретном их проявлении воспринимаются как варианты *стилистические*. *Стиль, норма и система* есть триединство языка в его действии, представленном в следующем порядке: система образует стили, а стили формируют норму» [1: 143].

Теория трех стилей дала новое качество лишь по результату. Процесс же их становления восходит к кирилло-мефодиевской древности. «XVIII век – время завершения многовековых тенденций культурного развития России, при своем осуществлении тотчас создавших тенденции новые. Историческая заслуга деятелей этого века в том, что они ничего не ломали в действиях языка – они смиренно и терпеливо продолжали начатое предшественниками, но продолжали в верном направлении. Органически присущие языку тенденции сами развивались таким образом, что породили новое качество языка» [1: 145].

Теорию трех стилей Ломоносову помогло создать ясное представление об автономности слова от формул речи. Он разделил символы типа *глава, длань, чело, уста, очи* и понятия типа *голова, ладонь, лоб, рот, глаза*. «Именно реформа Ломоносова позволила выделить те группы слов "родового" значения – гиперонимов, – которые обслуживали традиционно книжную культуру средневековья, и использовать их в новом литературном языке» [1: 29]. К слову Ломоносов относился с активной позиции и называл его *речением*. Стили родного языка направляли творческие и мыслительные усилия современников и последователей. Третьяковскому это давалось очень тяжело, потому что он отталкивался от переводов.

Средний стиль создавался под давлением сверху, со стороны высокого стиля, и снизу, со стороны низкого стиля. Блестящие опыты совмещения высокого со средним и, с 1760-х годов, низкого со средним дали к концу века выразительную свободу среднему стилю и разрешили прежнее противостояние церковно-славянского и русского в универсальном славяно-русском языке, пригодном для старых и новых жанров, а также для многочисленных переводов.

Благодаря филологической деятельности Ломоносова к современному пониманию были приближены понятия стиля и нормы. В Средние века вместо предписанной парадигматической нормы существовали текстовые образцы, которые брали за основу жанра. Ломоносов увидел в стиле структурное качество самого языка, пока в пределах его лексической системы. Грамматическую норму великий ученый оторвал от языка церковных книг, который осваивал по Мелетию Смотрицкому, и соотнес с текущей светской естественной практикой, живым «природным нашим» языком, находящимся в обращении писателей, законодателей, делопроизводителей, купечества, путешественников, ученых, то есть с узусом. Такая норма опиралась на средний стиль.

XVIII век не разрушал прежние достижения. Он сохранил и упорядочил все «традиционные особенности русского языка в изображении изменяющегося мира словом» [1: 185]. Богатые славянские словообразовательные модели усиливали свою продуктивность в порождении все новых и новых церковноруссизмов (по В.В. Виноградову), или неославянизмов. Они осознавались как необходимая строевая принадлежность русского языка. Метонимические переносы объективировались в словарном порядке, метафорические переносы происходили в текстах, расширяя традиционные усвоенные символы и расширяя семантические возможности славянизмов. Структурно славянские слова становились

семантически русскими, ср. *возбуждать, возмущать, восхищать, извращать, изящный, общество, отчуждать, смущение, суждение, утверждение, учреждение, чуждаться* и под. [1: 186]. Русские дублеты были вытеснены вошедшими в нормативное употребление славянизмами *бремя, вождь, враг, вхождение, жажда, изящный, между, мрак, надежда, общий, плен, срам, хождение* и др. Славянизмы были носителями идей, но не замкнутых понятий, поэтому легко обрастают новыми символическими значимостями. Предметные обозначения типа *берег, озеро* закрепляются в русской огласовке. Действует логический принцип распределения лексического материала: для конкретных вещей берутся русизмы, для отвлеченных идей – славянизмы. При этом русизмы могут включаться в тот же контекст, что и славянизмы, а славянизмы «заражаться» специализированными значениями русизмов.

Теория трех стилей, преодолевая жанровую ограниченность, действовала вплоть до начала XIX в. Сентиментализм пытался продолжить расширение среднего стиля за счет низкого стиля классицизма, а место низкого стиля стало занимать просторечие. Три стиля перестали выполнять нормативно-предписывающую функцию на основе образцовых жанров, но само трехчастное членение языковых ресурсов осталось неизменным до сих пор. Стиль совмещался сначала с жанром, затем с функцией, к концу века – со слогом повествования.

К концу XVIII в. все очевиднее становилось возвращение к ценностям позднего русского средневековья на основе допетровского эссенциализма, то есть реализма. Но происходило это уже на твердой почве открытого в слове понятия.

Взгляды Шишкова и Карамзина на пути будущего развития русского культурного языка уравнивали друг друга и выявляли две тенденции, одинаково необходимые для поступательного развития русской словесности. Шишков справедливо настаивал на том, что церковно-славянский и русский суть не разные языки, а стили одного

языка, язык развивается за счет единого славянского корнеслова, ставящего преграду иноязычным заимствованиям, обновление словарного состава должно происходить за счет активизации архаизмов. Карамзин легко приспособлял лексику к выражению новых понятий, но пользовался при этом церковно-славянскими словообразовательными моделями, реформировал синтаксис сообразно вкусу дворянского общества, более терпимо относился к иноязычным заимствованиям, но и их часто заменял при авторедактировании: *визит* – на *посещение*, *инсекты* – на *насекомые*, *фрагмент* – на *отрывок*, *энтузиазм* – на *жар*, *публиковать* – на *объявить*, *интересный* – на *занимательный*, *момент* – на *мгновение* [1: 208]. Шишков оставался рыцарем символической идеи, направлявшей славяно-русское слово, в котором теперь на первое место вышло понятие, и поэтому преуспел в публицистическом красноречии, задачей которого было убедить. Карамзин преуспел в линейном снабжении понятия красивым эпитетом, добиваясь легкой ритмизованной прозы, организованной периодами, стремился писать, как говорят, и поэтому стал лучшим беллетристом, превзошедшим своих современников.

«...ни рационализм, ни механицизм, ни энциклопедизм не привились на русской почве, мелькнув в XVIII в. как заемные идеи, еще больше высветившие достоинства собственного философского подхода. Историческим остатком заимствованных илей стало хронологическое их движение в пространстве XVIII в.: механистическая сборность в Петровскую эпоху, рационализм Просвещения в классицизме и тяга к энциклопедизму в конце века. ... необходимость в отвлеченных понятиях определялась общей установкой русской ментальности на философский реализм, который в слове соединял единство вещного и вечного (идеального)» [1: 252].

К концу века русский ум уже избавился от подражательности иностранному и обрел твердую почву **понятия**. Само слово *понятие*

еще не появляется в 1-м издании Словаря Вейсмана 1731 г. для передачи нем. Begriff, вместо него дается неопределенное описание: «...краткое изъявление, оглавление, разум, удобопонятие. Nach meinem Begriff, Pro captu meo – елико умом поемлю, по моему умопонятию, по силе ума моего» [1: 254]. Во 2-м изд. 1782 г. слово найдено: «...понятие, сокращение; поелику я понимаю, по моему смыслу, понятию» [1: 254]. Понятие осмыслялось сначала со стороны своего объема как понятие о вещи, как знание рациональное и чувственное. Позже стали говорить о понятии об идее. Уже Кантемир предлагает *идею* толковать через *понятие*. Много пишут об общих понятиях. Понятие означается словом. В Древней Руси таким обозначением было вещное имя, в период второго южнославянского влияния – символическое знамя, а в век Просвещения – абстрактный заместитель знак.

Волевое направление познания проявляется в производных: *ум* > *ум-е-ть* > *с-ум-е-ть*. Первоначально говорили о понимании сердцем как условию разумения головой. Процесс мышления был соборным (*думу думати*), а результат – личным. Разум был образом вещи, о котором надо было догадаться («уразумети»). К концу XVIII в. объем понятия совместился с его содержанием, и оно уже было готово к словесному выражению в виде гиперонима общего языка. Иностраный язык при этом только направляет русское слово в рациональное русло, а русское слово, благодаря развитию полисемии, приобретает совсем новые психологические образы-ассоциации, отсутствовавшие в языке-источнике. Таким образом развивается совершенно самостоятельная научная и творческая мысль, отталкивающаяся от европейской цивилизации. Так, в одном и том же месте иностранного текста *вечная Вина бытия* (перевод 1788 г.) передается как *вечная причина ее существования* (перевод Карамзина 1792 г.) В ряду *causa – вина – причина* хорошо видно, как моральная сфера отделяется от логической

в процессе поиска подходящего термина для окончательно понятого в своем объеме и содержании понятия.

Для «конструирования понятия» необходимо совместить стилистический уровень его содержания и логический уровень его объема. Русский реализм действует следующим образом: если понятия нет в русской ментальности, то для него находится описательное выражение (*ревнительное неистовство, жар исступления*), либо происходит формальное заимствование (*фанатизм, энтузиазм*); если понятие постигнуто переводчиком, но не принадлежит концепту общерусской ментальности, то сначала происходят попытки калькирования (*вещность, действительность*), затем их вытесняют заимствования (*реальность, активность*), а кальки по-своему развивают концепт, устраняя синонимию; если понятие существует в русской ментальности, то иностранное слово переводится (*отпуска, обольщение*), с течением времени входят в оборот и заимствованные слова, чтобы очистить термины от естественных образно-оценочных ассоциаций, неизбежных в процессе развития концепта (*реляция, престиж*).

«Конструирование понятия» словом происходит за счет выделения **гиперонима** в ряду синонимов, напр., *влажность* и *сырость, волглость, мокрота*. Процесс гиперонимизации позволяет выстроить родо-видовые отношения в системе понятий. «...происходило естественное развитие значения с перенесением признаков с предметно внешнего мира на внутренне идеальный – в полном соответствии с режимом реализма (русского эссенциализма), требовавшего выработать понятие в сфере идеального в соответствии с понятием в сфере реального» [1: 278].

Если процесс калькирования опережает встраивание новых полученных понятий в существующую осознанную систему понятий, то возникает дурной эффект «шизофренического» переименования. Либо

русское слово насыщается чуждым и чрезмерным значением, либо иностранное слово тут же обрастает разрушающими понятие образами.

Родовые понятия в разных областях жизни складываются по-разному. В общественно-политической лексике расширяется объем понятия на основе древнерусизма: *волость, государство, земля, крестьянин, купец, мужик, староста* [1: 286]. Номинация происходила по правилам реализма: уже существовавшая и названная идея находила применение к новой вещи. В сфере искусствознания, напротив, происходила номинация по одному из признаков понятия в духе французского концептуализма. Это приводило к избыточности терминов: *статуя – болван – истукан, произведение – вещь – штука, скульптура – ваяние* [1: 288].

В.В. Колесов выделяет 3 типа порождения новых значений слова в процессе «конструирования понятий» в российском обществе XVIII века:

1) Семантическая индукция. Исходный образ слова задает направление его «семантического усиления» [1: 282]. Переосмысливается содержание понятия, за счет чего происходит и сдвиг в его объеме. Чаще это происходит в признаковых словах – прилагательных и глаголах. *Личный* изменяет отношение к лицу: ‘к лицу относящийся’ > ‘до персоны принадлежащий’, *личность* в XVIII в. – это еще ‘пристрастное мнение’.

2) Формирование понятия нового смысла, отличающегося от того, который был заложен в исходном образе. *Гражданин* – это первоначально ‘горожанин, житель города’, но уже у Кантемира – ‘член гражданского общества’. Политизация понятия довела императора Павла Первого до запрета этого слова к употреблению в официальных документах. Он требовал заменить его синонимом *обыватель*.

3) Детерминологизация значения в силу метафоризации. Расширяется предметное значение слова, содержание понятия сохраняется. Это обычно происходит с более ранними

заимствованиями, приспособляемыми русской ментальностью к своему строю, ср. *машина, модель, театр, сфера, сцена, картина* [1: 284].

Русские слова занимают позицию родового понятия, их заимствованные синонимы – видового: *вопрос – проблема, начало – принцип, опыт – эксперимент, основание – фундамент, словесность – литература* [1: 284–285]. Русские словообразовательные гнезда дробят и понятийно оформляют древние синкретичные образования: *суть – сущее, существо, сущность, существенность, существование, существенный* [1: 285].

Для нашего текущего времени из всего вышесказанного можно сделать следующие поучительные выводы:

1) XVIII век не есть некий забавный довесок предыстории «золотого», «серебряного» и позднейших веков русской словесности и духовности, напротив, он есть основание и оправдание дальнейшего взлета русской духовной, государственной и словесной культуры, образец и цель наших устремлений в будущее.

2) Осмысление наследия своего прошлого, его практическое освоение выливается в творчество таких художников слова, как поэт Василий Петров, вероятный автор великой художественно-исторической реконструкции «Слова о полку Игореве» [2], писатели Андрей Белый или ныне здравствующий саратовец Валерий Володин.

3) «Полезность книг церковных», возвращенная Ломоносовым, открывает дорогу свободному привлечению не только словесных, но и грамматических древностей, обогащению архаизмами новых форм русского литературного языка.

4) Иноязычные заимствования первой половины XVIII в. послужили «предпонятием», которое замещалось своим славянизмом, противопоставленным предметному русизму. В этом выражалось действие русской ментальности, и таким образом вырастала самостоятельная русская цивилизация как субъект мировой истории,

распростершийся от Варшавы до Аляски, способный усмирить Европу, направить в нужное русло развитие Северной Америки, наладить равноправную торговлю с Китайской империей.

5) В области метода исследования: «История вообще имеет дело с единичным и случайным (вещью), а только "реалист" интересуется этим аспектом бытия наряду с обычным для лингвиста вниманием к особенному (идее) и общему (знаку, их соединяющему). Реалисту необходимо восходить от конкретно-частного к общему, однако от индивидуального (от частного факта – наличия вещи) к отвлеченному общему восходить невозможно, поскольку индивид и вид входят уже в различные уровни познания (вещь и ее идея). Номиналист проходит мимо этой проблемы, совершая логическую ошибку: он извлекает отвлеченные "виды" (species) из конкретных индивидов и тем самым историю сводит к типологии, развитие – к схеме, диахронию – к синхронии, язык – к логике и т. д. Именно в этом – корень ошибок тартуской школы семиотики. Между тем всякое конкретное познание исторично» [1: 35].

6) Чтобы успешно двигаться вперед, язык имеет лишь два основных источника – иноязычный и свое собственное прошлое. Именно поэтому расцвет русской словесной культуры всегда сопровождается волнами архаизации: вторым и третьим южнославянским влияниями, эстетическими опытами «серебряного века», «возвращенными» словами постсоветского периода.

7) Культура освоения славянизмов как носителей идей заложила дальнейшие тенденции в грамматической норме имени и в наиболее продуктивных словообразовательных моделях. Так, например, сугубо церковно-славянская категория причастодетия, усвоенная в деловой речи еще в XVI–XVII вв., активно развивалась в XVIII в. и последующее время, а в наши дни вышла на уровень одного из самых модных речевых средств блогосферы, которая изобилует

разнообразными *загребательными лапками жучков, кричательными детьми, обнимательными мягкими игрушками, шагательными тренажерами, выжигательными аппаратами* и проч.

8) Теория трех стилей действует и в современной речемысли с нейтральным средним стилем. Словарные пометы распадаются на высокие и низкие. Постоянные попытки оторвать средние понятия от высоких символических идей и приписать им произвольные образы, низкие по их начальной роли в формировании концепта, наталкиваются в России на полное неприятие. Высокий дискурс служит основой идеологии, средний – ежедневной практики, низкий – разного рода манипулятивных технологий.

9) В XVIII в. наступает национальный период развития русского языка и мысли. Самостоятельная научная и творческая мысль отталкивается от европейской цивилизации и оформляет словесно-понятийным образом цивилизацию византийско-русскую. Так же, как Византия умела ладить с арабским миром, Российская империя ладит с империей Китайской. Но с западной стороны, несмотря на старательное ученичество у французов, приходится останавливать Наполеона, злодея и супостата, а затем взбесившегося Гитлера.

10) Покажем на новейших примерах из НКРЯ расхождения в русских необщепринятых и иностранных терминах. «Ей свойственны баланс *вещности* и символичности, использование воспроизводимых ресурсов». [Александр Попов, Александр Ивантер. От периферии к провинции // «Эксперт», 2014] «Наличность вещей всегда воспринималась здесь как нечто само собой разумеющееся, сомнения возникали лишь в способности человека эту *вещность* адекватно воспринять». [И.М. Чубаров. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда (2014)] «Думал он теперь о существенности и *вещности* смерти». [Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007] «Он поэтический сказочник и дерзкий волшебник, срывающий

покровы *реальности*». [Спасительная эстафета игры // «Экран и сцена», 2004.05.06] «Однако в этой связи возникает много противоречий с *реальностью*». [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22] *Вещность* понимается как наличие вещи или что-то, представленное как наглядная вещь, это качество. *Реальность* понимается как «То, что существует на самом деле; действительность» (МАС). Реальность стала понятием грамматики и психологии, действительность – понятием философии.

11) Эффектом «шизофренического» переименования понятий широко пользуются современные СМИ. Ср. *прививка* и *вакцина*. Обратим внимание на чуждость и неприемлемость для русской ментальности, в которой **соборность** не подавляет, а оберегает свободу личности и изъявление ее **воли**, термина *вакцинация*, не имеющего аналогичного производного от русского слова *прививка*. Проблема была понята уже в 1907 г.: «Слепое подчинение народонаселения всего цивилизованного мира *вакцинации* объясняется боязнью последствий оспы: неизгладимого обезображения зеркала души – лица человека». [Н.Ф. Федоровский. О безусловном вреде прививок (Посвящается V Всероссийскому съезду земских деятелей) // Врач-гомеопат, 1907, 7-9, с. 234-252, 1907] До недавнего времени условность пользы от прививок многократно превышала безусловный вред от них, но всякое открытие имеет пределы своего применения, и наше время показывает пределы применения бесспорно спасительного открытия великого француза Луи Пастера.

12) Многие процессы в лексике XVIII в., связанные с действием ментальности, завершились и дали свои плоды в веке XIX-м. В этом состоит методологическая сила результатов исследования эпохи Просвещения в России с лингвоментальной стороны, применяемая и к анализу смысла текущих периферийных процессов деконструкции и **прагматицизации** (Так! Не умеренной и полезной прагматизации в духе

Пирса.) понятий под воздействием американско-глобалистского неореализма, которому противостоит русский реализм, верно определенный Н.О. Лосским как идеал-реализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидов Д.Г., Калиновская В.Н., Колесов В.В., Черепанова О.А. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Под ред. В.В. Колесова. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2013. 317 с.

2. Власов С.В. Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В.А. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума: сб. научн. трудов. Красноярск: Сиб. Гос. аэрокосмич. ун-т, 2013. С.169–181.

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич (*Тампере, Финляндия*)

доктор филологических наук
Университет Тампере
aleksandr.zelenin@tuni.fi

В ПОИСКАХ МЕТОДА: ИССЛЕДОВАНИЯ В.В. КОЛЕСОВА В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается развитие и формирование лингвистических идей В.В. Колесова в области исторической лексикологии русского языка на широком историологическом и конкретном языковедческом фоне. Поиски своего метода исследования в научной деятельности ученого осуществлялись обращением к трудам выдающихся российских и советских компаративистов (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин), глубоким знанием средневековых текстов как единственно надежной базы в историко-лексикологических изысканиях, применением философско-эвристического принципа триады, являющейся диалектической сущностью объекта и отражаемой в его моделировании исследователем.

Размышления о методологии, методах, приемах научных исследований – одно из важных направлений в научной деятельности В.В. Колесова: что такое научный метод и как возможно получение нового знания, его верифицируемость, насколько далеко простираются возможности того или иного метода, чем метод отличается от методологии, методики, приемов исследования. Рассуждения на эти и другие темы, о чем пойдет речь в статье, была обозначены уже в ранних работах ученого. Первые пособия В.В. Колесова в области исторической фонетики и фонологии обозначили его пристальное внимание к этой проблематике [Колесов 1972; 1982]. Итоговой монографией, подводящей итоги полувекового размышления исследователя о структуре филологического (в первую очередь лингвистического) знания, о способах его изучения на материале языка стала монография «Основания науки» (СПб., 2013).

Систематический, поэтапный анализ методологических изысканий В.В. Колесова, предложившего ряд новаторских идей, еще ждет своего часа и своего исследователя. Задача настоящей статьи скромнее –

только пунктирно обозначить те инновационные, эвристические подходы и решения, пройденные и найденные самим В.В. Колесовым.

Историологический аспект. Поиски метода проходили на фоне историологических изысканий ученого об укоренении компаративистики в России. Работы В.В. Колесова в области исторической лексикологии появились в годы, когда в мировой и советской (российской) лингвистике стал совершаться поворот от структуралистских идей к антропоцентрической парадигме в языкознании. Первой научной парадигмой в европейской лингвистике считается сравнительно-историческое языкознание (компаративизм). Если следовать спиралевидной модели развития знания, то компаративизм (XIX в.) и антропоцентризм (конец XX в.) выступают как звенья диалектической триады (по Гегелю): тезис (компаративизм) – антитезис (структурализм) – синтез (антропоцентризм). 1950–1970-е годы – расцвет социолингвистики, которая сместила интерес исследователей от семиотики (связь между знаками и их пользователя) к речевому сообществу, социуму, социокультурным аспектам. Антропологическая лингвистика продолжала приоритеты старой филологии (компаративизма), отвечая запросам нашего времени: лингвистика должна что-то объяснять за пределами языка – «зачем язык вообще» – вот вопрос, который в наши дни поставлен перед изучающими историю языка» [Колесов 2009: 6].

Сопоставляя развитие компаративистики в современный (антропологический) период развития с этапами возникновения сравнительно-исторического языкознания в начале XIX в. В.В. Колесов больше всего солидаризировался, пожалуй, с позицией В.Н. Топорова. Теоретические установки обоих исследователей объединял тезис о необходимости учета «общего идейно-интеллектуального контекста, который складывался в научно-философской, литературно-художественной и общественной жизни Европы во второй половине 18 в.

– первые десятилетия 19 в.», «за внешне разнообразными фактами должно крыться (по крайней мере, в значительном числе случаев) внутреннее единство, нуждающееся в истолковании». Отсюда – один шаг до признания следующей ступени развития науки. «Принципом истолкования для секуляризованной науки того времени стал *историзм* [курсив автора. – А.З.], т.е. признание развития во времени, осуществляющегося естественным образом (а не божественной волей, реализующей некий общий план), по *законам* [курсив автора. – А.З.], которые не только описывают самую смену одних форм другими, но и конкретный вид, ими принимаемый» [Топоров 1990: 486; 2006: 22; см. также содержательную статью: Jankowsky 2000]. Развитие – это уже не механическая «лестница форм», но «цепь развития». В русской филологии, по Колесову, эту идею как отправной пункт исследования стал впервые использовать А.Х. Востоков [Колесов 1975], но только в классических работах А.А. Потебни «диалектика “сравнительного” и “исторического” приобрела свойственное им теперь единство и глубокий смысл» [Колесов 2003: 124; также: Колесов 1984; 2002].

В своих работах В.В. Колесов провозглашает принцип и цель изучения лексики русского языка в исторической перспективе – «прозреть носителя <...> языка, его создателя – русского человека с присущими ему духовными и ментальными особенностями» [Колесов 2009: 6]. Мысль исследователя ясна: через познание собственного объекта исследования историческое языкознание призвано объяснить как самого человека-носителя языка, так и мир, в котором человек обитает.

Метод: начальные точки опоры. В своей глубокой научно-популярной книге о жизни, новаторских идеях Л.В. Щербы Колесов неслучайно уделил особое внимание теме поиска метода выдающимся лингвистом первой половины XX в.: во многом их научно-поисковая стезя совпадала. Наблюдения над живой речью («твердая почва

реального факта») и созданный Л.В. Щербой в результате наблюдений и обобщений метод экспериментальной фонетики («[т]олько методы экспериментальной фонетики открыли мне сущность явления» – слова Щербы; [Колесов 1987: 45]) стали отправными и для В.В. Колесова. Научный метод нельзя «присвоить», арендовать для своих научных исследований, его нужно освоить, опираясь на работы предшественников, и усвоить, апробируя в своих изысканиях. Каждый исследователь в поиске «своего» метода проходит свой, присущий ему, тернистый путь.

Но суть вещей не в звуках, а в словах, в лексике, в смысле: «[т]ак и мы вслед за Щербой должны подняться над ограниченным полем фонемного уровня, углубиться в изучение тех сторон *языка*, которые сами по себе несут значение, и тем самым находятся ближе к языку, к его *системе*, к сути вещей» [Колесов 1987: 47]. Как изучать лексику, особенно в ее истории? В отличие от фонетики и морфологии, которые в компаративистике изучены лучше всего, «методика <...> сравнительно-исторического изучения лексики, семантики и синтаксиса разработана пока слабо и не дает ожидаемых результатов» [Комарова 2013: 309]. В свое время Ф.П. Филин в историческом языкознании признавал за исторической фонетикой приоритет методов и надежности полученных результатов, предлагая искать адекватные и релевантные способы описания и изучения лексики в исторической перспективе: «Чтобы подготовить историческую лексикологию русского языка *наподобие исторической фонетики*, потребуются гигантские усилия поколений ученых. И все же уже теперь можно и нужно начинать обобщающую работу, в которой была бы разработана историко-лексикологическая проблематика и описаны хотя бы некоторые важнейшие *тенденции* (везде курсив мой. – А.З.) в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка» [Филин 2008: 46].

Научную обоснованность выбранного метода для исследования В.В. Колесов видел в двух сущностных моментах: *перспективности* метода и его *продуктивности* (верифицируемости результатов на разных изучаемых текстах) [Колесов 2013]. Используя уже проверенную в исторической лексикологии методику, В.В. Колесов вместе с тем создавал «свой», авторский метод; в такой диалектике частного (субъекта) и общего (метода) происходит и становление самого ученого, и обновление метода. Метод должен отрабатываться и оттачиваться как инструмент научной теории на узком предметном поле, а не навязываться со стороны [Колесов 1996]. Забота о методе в учебных пособиях В.В. Колесова являлась важнейшей частью его лингвопедагогической концепции как элемента «идеологии познания» [Колесов 2009: 11].

Триада как принцип научной рефлексии и исследовательский прием. Следуя исследовательской методологической стратегии развития и историзма, ученый выбирает для своей работы: а) мыслительный способ анализа материала, б) способ выявления в предметном поле вектора развития, в) манеру изложения результатов полученной рефлексии над объектом. Триада – излюбленный прием В.В. Колесова в представлении всех трех аспектов. В своих лекциях, семинарах по методологии научного знания, в книгах у В.В. Колесова часто звучал этот термин, обозначавший в его работах в первую очередь внутреннюю логику развития объекта (вещь-в-себе) и выявляемую исследователем (вещь-для-нас). Триада для В.В. Колесова служила и как модель структуры самого изучаемого объекта, и как методический, дисциплинирующий мысль и направляющий ее последовательное разворачивание прием, и как принцип классификации. Это фундаментальное основание философии Гегеля Колесов заимствовал не прямо из работ философа, но через интерпретацию и восприятие Э.В. Ильенкова, к работам которого часто обращался

[Ильенков 1974; 1984]. Триада как всеобщая, всепроникающая, всеобъемлющая модель всех реконструкций проявляется во всех работах ученого: и в наиболее ранней историко-лексикологической книге [Колесов 1986], в обобщающем методологическом компендиуме (**условие** (материал) – **причина** (метод) – **цель** (построение модели объекта) – [Колесов 2013: 4], и в лингвофилософии (концептологии): ментализация – идеация – идентификация [Колесов 2002: 405].

С гегелевской идеей принципа единства логического и исторического (опять же в интерпретации Ильенкова) читатель встречается в книге «Мир человека в слове Древней Руси»: это принцип *развития*, включающий в себя *процесс становления законов, тенденций* в той или иной сфере жизни или мысли. Поскольку это диалектический принцип, то логическое и историческое не всегда совпадают, логическое позволяет исследовать, проявить необходимые, релевантные связи в историческом. Логическое есть понятое (в *понятиях* выраженное) историческое. Ср. цитату из указанной книги: «история слов дана на широком развороте средневековой истории. Это позволяет понять, почему термин-понятие в своем появлении *всегда чуть опаздывал* по сравнению с *темпом общественного развития*. Раннее средневековье, породившее феодализм, пронизано терминологией родового быта, и только к концу древнерусского периода *понятия* (и слова, их выражающие) *начинают соответствовать уровню социальной жизни*, оставляя для последующих поколений уже свое представление о социальном. Но как только средневековье выработало собственные понятия о мире, в котором живет человек, возникло стремление к намеренной архаизации сложившихся именований, что, в свою очередь, долго препятствовало осознанию *тех действительных изменений, которые происходили в обществе* (везде курсив мой. – А.З.)» [Колесов 1986: 8]. Закурсивленные мной слова и словосочетания призваны зафиксировать диалектическую

борьбу-единство исторического и логического и в самом рассматриваемом материале, и в исследовательской логике автора. Ср. также характерный и типичный для научного творчества ученого подход, где сфокусированы базовые исследовательские принципы исследователя: «только *динамический* аспект изучения *объекта* и *предмета* способен доказательно и всесторонне представить его *онтологическую* сущность – в *становлении*, в *движении*, в *развитии*, то есть целиком и во всех *системных* отношениях» [Колесов 1999: 340].

Историческая лексикология русского языка. Термин *лексикология* – языковой продукт XVIII в. [Considine 2007: VIII], но актуализация его произошла только во второй половине XX в. Одно из первых употреблений термина *историческая лексикология* – в обзоре французской исторической грамматики: *si la lexicologie historique a déjà été l'objet de plusieurs traités ... nous n'avons encore aucune grammaire qui nous donnât l'histoire de la syntaxe*⁴ [Rablet 1882: 76. – цит. по: Considine 2010: VIII]. В немецкоязычном языкознании этот термин-калька появился спустя несколько лет для описания исторического развития романской филологии: *die historische Lexikologie* [Gröber 1888]. В 1918 г. термин впервые зафиксирован в англоязычной литературе (*an exercise in historical lexicology* [Clark 1918: 198]). Однако подлинная жизнь и наполнение исследовательскими результатами научного направления, обозначенного данным термином, начались только после Второй мировой войны.

По утверждению Мэтьюса, приоритет использования термина в послевоенные годы следует несомненно отдать советской лингвистике. Согласно проведенным им историографическим изысканиям, первые послевоенные употребления в научном дискурсе связаны, во-первых, с

⁴ «[е]сли историческая лексикология уже была предметом нескольких трактатов ... у нас все еще не было грамматики, которая дала бы нам историю» (перевод мой. – А.З.).

изысканиями В.В. Виноградова⁵, во-вторых, с антимарровской дискуссией 1949–1950 гг. [Matthews 1949: 606], последовавшим назначением В.В. Виноградова директором Института языкознания АН СССР и его многочисленными публичными выступлениями; в частности, В.В. Виноградов вывел термин *историческая лексикология* в публицистический стиль в статье в «Правде»: «Учением И.В. Сталина об основном словарном фонде и о словарном запасе языка закладываются марксистские основы *исторической лексикологии* и истории словообразования <...> (курсив мой. – А.З.)» [Виноградов 1950, 4 июля. № 185]. Историографы полагают, что этот термин Виноградов перенес из французской лингвистической традиции, которую хорошо знал и которой во многом следовал, в «подходящее время и в подходящий момент» в советскую филологию [Ellis, Davies 1951: 255]. Традиции исторической лексикологии в Ленинградском университете были сильны, начиная с 1930-х годов, В.В. Виноградов, видимо, неслучайно прочитал доклад на эту тему именно в этом университете. В 1972 г. в Ленинградском государственном университете начала выходить периодическая серия «Русская историческая лексикология и лексикография» (1972–2008; выпуски 1–7), с 2008 г. серия поменяла название «Историческая лексикология и лексикография» в связи с «задачей расширения поля научных проблем и фактографической базы исследований» [ИЛЛ 2008]. Эта серия, по признанию компаративистов, является уникальной в своем роде, поскольку нигде в мире не существует такой длительной и систематической серии сборников, излагающих целенаправленное изучение лексики в ее историческом развитии. Активным участником сериального издания на протяжении многих лет был и В.В. Колесов (статьи, редактора).

⁵ Очевидно, одно из первых упоминаний в научном дискурсе – тезисы и прочитанный В.В. Виноградовым доклад в Ленинградском университете [Виноградов 1946].

С чего начать? Никто не станет спорить, что самой причиной языка является коммуникативная, то есть общение и передача сообщения. «Семантика – это ”самый глубокий” уровень грамматики, и, по сути, все языки на этом уровне одинаковы, независимо от того, как осуществляется их формальная реализация» [Anttila 2009: 133]. Восстановлением протослов, протооснов занимается палеолингвистика. Но если мы говорим об исторической лингвистике (или – уже – лексикологии) какого-либо языка, то насколько глубоко может и должна простираться историческая реконструкция?

Так, Ф.П. Филин полагал: «С чего начинать? С реконструкции *словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи* (курсив мой. – А.З.), когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения. Если возможна реконструкция более древнего праславянского лексического фонда, то должно быть возможным описание прарусского (древнерусского) словарного состава» [Филин 2008:46]. В.В. Колесов как убежденный сторонник идеи, что история слов (историческая лексикология) невозможна без привлечения истории общества выбирает исторические понятия и категории в качестве отправной точки. Свою книгу «Мир человека в слове Древней Руси» В.В. Колесов начинает с обозначения хронологического периода, в пределах которого он рассматривает в данном труде становление, семантическое движение социальных и этических терминов: «от понятий первобытного строя (этимологическая реконструкция) до времени сложения первых феодальных государств в обстановке столкновения языческой и христианской культур» [Колесов 1986: аннотация]. Однако ссылки на работы В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, И.Я. Фроянова позволяют утверждать, что для В.В. Колесова существенно важными для историко-лексикологических изысканий являются: VIII–IX в. (первобытнообщинный строй) – X или первая половина XI в. (раннефеодальные отношения) – XI–XII вв. (сложение

основных социально-экономических и политических институтов феодального строя). В целом можно видеть, что начальные точки отсчета при изучении исторической лексикологии у Филина и Колесова совпадают – VIII–IX вв.

Этимология в исторической лексикологии. Компаративизм на заре своего развития сделал этимологические изыскания в сравнении разных языков одной из центральных зон изучения и выявления сходств и различий, с тех пор утвердилось убеждение, что этимология – это научно контролируемое изучение истории слов. Она тесно связана с генетической (компаративной) лингвистикой, потому что историческая грамматика или реконструкция должны основываться на тщательной проверке всех этимологических соответствий. (Это было особенно заметно на фоне полушутливо-полусерьезных «этимологических занятий» XVIII в., характерных для всей Европы; ср. примеры их русского материала: Норвегия из *Наверхия* (на верху географической карты), Италия – из *Удалия* (удалена, отдалена от Москвы), этруски – *хитрушки* у В.К. Третьяковского). Младограмматизм (конец XIX в.) развил и уточнил методику этимологического анализа. Переосмысление роли этимологии в младограмматической школе Г. Шухардта («*Wörter und Sachen*», «Слова и вещи»), на которого довольно часто ссылался В.В. Колесов, заключалось в выведении этимологии из узкой зоны лексикологии в сферу культуры и вещного мира. Младограмматизм также показал сложности в диахронической стратификации слова: исторические пробелы часто таковы, что большая часть истории слова известна, но не его происхождение, или же происхождение ясно, но история содержит неопределенности. Один из ведущих методологов компаративистики второй половины XX в. справедливо оценивал роль младограмматизма в компаративистике: «Этимологический скрининг является обязательным условием для реконструкции, чтобы не

допустить обременения протоязыка обломками нашего невежества и высокомерия» [Anttila 2009: 333].

Непременное обращение к этимологии слова в филологических студиях А.А. Потебни, сыгравшего важнейшую роль в формировании научного и методологического аппарата компаративистики в России, одного из вдохновителей и «учителей» В.В. Колесова на протяжении всего его научного творчества, проходило рефреном в историко-лексикологических изысканиях ученого: специфику семантического развития слова во многом (пред)определяет его внутренняя форма, отсылаемая к этимону. Эта мысль явственно была обозначена и в работах Л.В. Щербы о механизмах семантического развития слова в истории; лексикографическая разработка Щербой семантики слова *игла* в «Словаре русского языка» расценивалась Колесовым как образцовая [СРЯ 1935, 9]. Идеи Потебни о функции внутренней формы слова как стержне в его семантическом развитии Щерба применил в области лексикографии: чтобы научно мотивировать структуру лексикографической статьи и правомерность выделения в слове игла 10 значений, он предлагает ввести особое «значение» – ‘нечто подобное швейной игле’; это «значение» служит стержнем, скрепой, интегральным семантическим признаком для всех значений, прямых и переносных [см. также: Истрина 1951]. Но даже если этимон не всегда ясен, лингвистически установлен, то его неясность порой компенсируется обращением именно к тексту, где может выявляться заложенный в гипотетическом этимоне начальный смысл.

«Реабилитация» текста. Начальное развитие компаративистики совершалось через и на основе изучения текстов, разложение их по лексическим «атомам» привело к составлению словарей разной направленности (сравнительно-языковых, этимологических, словарей памятников и др.). С этим непосредственно связано и то, что на заре компаративистики синтаксис был центральной областью

зарождающегося сравнительно-исторического метода, и язык всегда изучался в контексте полных текстов, интегрированных со сферой культуры. Но младограмматики пренебрегали синтаксисом, предпочитая изучать слова, а не тексты. Накопление словарной составляющей в компаративистике привело к тому, что сравнение языков или исследовательская работа внутри одного языка стала вестись со все большей опорой на словари, а иногда и просто с полной ориентацией на словарные материалы. Способ извлечения материальной базы для словарей из текстов – дедуктивный. Переориентация в компаративистских построениях на словари в ущерб текстам – это применение индукции как главного исследовательского и интеллектуального приема⁶.

Понимание, что построение надежных и верифицируемых результатов изучения древнерусского текста невозможно на базе лексикографических источников, присутствует во всех исследованиях В.В. Колесова по исторической лексикологии, семантике, стилистике. Отсюда многочисленные работы (главы в книгах, статьи, заметки) В.В. Колесова по изучению языка и стиля отдельных писателей, церковных авторов (Даниила Заточника, Кирилла Туровского, Епифания Премудрого и др.), многочисленных изданий и комментариев литературных памятников («Житие протопопа Аввакума, писанное им самим», «Житие Сергия Радонежского», «Домострой» и др.; см., например, Колесов 1989); именно в текстах раскрывается подлинная линия семантического и стилистического развития лексемы, словари служат ученому лишь как подспорье, как факультативный,

⁶ В методологической и методической литературе, описывающей и характеризующей методы изучения, индукция и дедукция применительно к сравнительно-историческим работам рассматриваются как последовательно сменяющие доминирующие исследовательские процедуры: «в современной компаративистике <...> индуктивное начало преобладает над дедуктивным» [Тарланов 2019: 165]. На рубеже XIX и XX вв. ослабление одного (дедукции) привело к доминированию индукции в современном языкознании [Курилович 1965].

вспомогательный, уточняющий инструмент анализа, но не определяющий и направляющий вектор семантического развития, даже если в словарных статьях указаны даты фиксации лексемы в текстах. Хронология, снабжающая слово в словаре временной привязкой, не может служить единственным объективным маркером его жизни.

Объект изучения никогда не существует, не дан сам по себе, он формируется мыслью исследователя⁷. Объектом исторической лексикологии «является семантика слова, в своем историческом движении определяемая функцией текста», «историческая лексикология изучает текст, изучая слово» [Колесов 2004: 117; 29]. В.В. Колесов, рассматривая текст с диахронических позиций, понимает его как «последовательность семантически выразительных знаков, построенную согласно правилам данного языка и образующую сообщение, *идеологически важное* (курсив мой. – А.З.) для данной культуры» [Колесов 1989: 32]. Выделенный фрагмент не следует понимать в социологическом, политологическом смысле, напротив – Колесов использует эту фразу в рамках ленинградской (петербургской) школы исторического языкознания. В частности, в этой цитате Колесова можно увидеть явную интертекстуальную отсылку к идеям Б.А. Ларина, высказанные им еще в 1930-е годы во время обсуждения планов создания словаря древнерусского языка: в таком словаре необходимо «расширить и пополнить узко-филологическую обработку материала <...> экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением *данных истории материальной культуры...*», ибо только в содружестве «*языка и идеологий* (везде курсив мой. – А.З.)» [Ларин 1977: 120] можно

⁷ «[В] реальной практике работы исследователь всегда имеет дело не с объектами изучения как таковыми, <...> а с конкретными знаниями, фиксирующими то или иное объективное содержание <...>» [Щедровицкий 1995: 169]; «Ни один исследователь никогда не имеет дела с объектом «как таковым». Объект всегда определенным образом «дан» исследователю. Это значит, что ученый смотрит (и не может не смотреть!) на объект через призму существующего в настоящий момент знания» [Юдин 1997: 80].

продвинуться в изучении текстов прошлого. «Идеологическим» воплощением слова в древнерусском тексте выступает символ: «символическое изображение может быть таким же важным и опорным, как образ вещи» [Ларин 1977: 122].

Озабоченность смещением материально-источниковедческой базы историко-лексикологических исследований к словарям, тезаурусам, электронным базам данных в ущерб изучению текстов начинает осознаваться все больше и острее. Ср. характерный и важный вопрос, помещенный под номером 1 в вопроснике, предварительно распространенном накануне проведения научного семинара, посвященного изучению вопросов взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XX–XXI вв.): «Какие источники и методы изучения исторической семантики слова вы используете? Можете предложить? (Вопрос возник в связи с тем, что значительная часть современных диахронических работ опирается на материал, извлеченный из исторических *словарей* и *картотек* (а не из первоисточников, не из древних/средневековых *текстов*), что, как мы полагаем, приводит к ситуации, когда вместо ментальности прошлых эпох изучается логика ученых-лексикографов XIX–XXI вв.)» [Язык 2017: 3–4].

Постструктуралистский вызов исторической лингвистике. В западной компаративистике предпринимались попытки перенесения формализованного описания семантических изменений с использованием популярного в 1960-е годы структуралистского метода компонентного анализа Каца-Фодора [Katz – Fodor 1963], применяемого в синхронической лингвистике, в частности, на материал лексики французского языка [Werth 1974; Voyles 1973], однако никакого продолжения они не имели, так как не привели к удовлетворительному объяснению процессов в исторической семантике [Posner 1980]. «Чтобы раскрыть всю полноту значений слова, необходимо выяснить также его

значение в системе духовных и культурных ценностей народа». [Бабурина 1997: 49]. Для понимания причин семантических изменений часто требуется глубокое историческое знание (историко-культурной) ситуации, что структурализм по природе своей выносит за рамки декларируемого им «точного», «объективного» исследования. Формальный аппарат языка (фонетика, морфология) гораздо более консервативен, чем изменения в культуре или человеческом опыте, которые постоянно расширяются и требуют семантических трансформаций. Из структурализма историческая компаративистика вынесла себе задание: требовалось новое осмысление соотношения между *описанием* и *объяснением* языковых явлений. В постструктуралистский период «попытки внести объяснения в анализ языка неизбежно должны были сопровождаться созданием гипотез об устройстве языка, выработкой теорий, объясняющих его глубинные, *недоступные для непосредственного наблюдения структуры* (курсив мой. – А.З.)» [Шулежкова 2004: 335]. Очевидно, таким выходом за пределы «непосредственного наблюдения» является введенное В.В. Колесовым в историческую лексикологию русского языка понятие синкреты.

Языковая синкрета – исследовательская гипотеза и исследовательский инструмент. Лексиколог, занимающийся исторической проблематикой, всегда строит для себя вектор движения мысли при изучении объекта: можно двигаться от современности – к древности, используя современные термины «слово», «лексема» применительно к древнерусскому материалу, но в этом случае исследователя подстерегает «абберация зрения» (одно из любимых выражений ученого). Этот путь изучения – ретроспективный. Однако исследователю нужно пытаться интеллектуально реконструировать прошлое, постараться вжиться в него, прибегая и интроспекции,

интуиции⁸ и двигаясь в противоположном направлении: от древности – к современности. Этот путь – перспективный. Ближайшим аналогом такому способу методу работы с древнерусским материалом В.В. Колесова выступают категории «прямой и обратной перспективы» П. Флоренского: на примере иконы он показал смену обратной перспективы на прямую, свойственную современному восприятию реального ряда предметов, вещей [Колесов 2004: 161].

Идеи о синкретизме средневекового мышления и отражения его в языке высказывались уже давно (А.В. Потебня, М.М. Покровский, А.Н. Веселовский, Л. Леви-Брюль, Д.С. Лихачев, А.Я. Гуревич, В.Г. Гак, В.З. Панфилов, Л.С. Ковтун, В.М. Марков и др.). В частности, уже у Потебни отчетливо звучала мысль о распаде древнерусского синкретизма (без использования данного термина), укреплении парадигматики в движении языков к Новому времени и ослаблении синтагматических связей, обусловленных распадом синтагмы как структурно-семантического единства [Потебня 1968]. Инновационным исследовательским приемом явилась теоретическая и лингвометодическая разработка и применение В.В. Колесовым этого понятия на лексическом материале древнерусского языка. Древнерусский синкретизм, по его мнению, – это феномен языка, а не речи; семантический синкретизм онтологичен по своей природе, являя собой скорее психологическое, нежели логическое понятие: синкрета – «сложное понятие, функционально представленное как образ и воплощенное в символе» [Колесов 1991]. Развитие синкреты в исторической перспективе рассматривается исследователем также по триадической схеме: от обозначения денотата – через семантически

⁸ Об усилении влияния интроспекции и на способ мышления лингвиста, и на лингвистические построения в период развития антропологистики в последние три десятилетия много говорилось (Л. Теньер, И. Мельчук, А. Вежбицкая, Е. Падучева, Е. Кубрякова, Н. Рябцева, И. Кобозева, М. Русакова, В. Левицкий и др.).

насыщенную (наполненную) метафору – к культурному концепту [Колесов 1992].

В сравнительно-историческом языкознании метод внутренней реконструкции применяется, в основном, для этимологических и морфологических изысканий. В.В. Колесов использовал этот метод в лексикологии; в частности, им были предложены новаторские историко-лексикологические интерпретации формирования синонимических рядов в древнерусском и вскрыт их семантико-морфологический механизм. Например, слово *домъ* в древнерусском использовалось в значениях 'очаг', 'семья', 'здание', 'домохозяйство', в последнем значении слово *домъ* синонимизировалось со словом *дворъ*. Однако семантическая и стилистическая дистрибуция слов *домъ* и *дворъ* зависела от морфологической парадигматики (*dvorъ* – тип склонения на *-ѡ, *domъ* – тип склонения на *-ѣ). Повторяющееся (рекуррентное) употребление, семантически и прагматически важное для коммуникации в определенных внеязыковых конситуациях, явленных в контекстах, устраняло синкретичную полисемию слова *домъ* и вызвало сначала контекстуальную (речевую), а затем привело к языковой синонимизации со словом *дворъ* [Колесов 1984]. Реконструкция не является произвольным, случайно выбранным исследователем процессом, она не создает идей. Скорее она тестирует и модифицирует идеи.

Лексика соответствует символическим аспектам знака, грамматика – знаковым, то есть правилам построения текста. Феномены культуры, как правило, вызывают различные реакции на номинацию, например, с помощью метафоры, метонимии, и в результате синхронная вариативность возрастает. Эта вариация лежит в основе семантического изменения, когда происходит появление или, напротив, отмирание значений. Отмирание значения в принципе связано с потерей

стилистической маркированности⁹. Изменение всегда является результатом вариативности и речепроизводства.

Завершая небольшой экскурс в проблематику историко-лексикологических изысканий В.В. Колесова, я бы хотел использовать слова А.М. Камчатнова, сказанные им в рецензии на «Словарь русской ментальности» [СРМ]: этот словарь пытается «уловить неуловимое» [Камчатнов]. Работы В.В. Колесова в области исторической лексикологии также пытаются «уловить неуловимые» историко-культурные и семантические сдвиги в значениях слов в приближении к Новому времени. В.В. Колесов цитирует слова Достоевского «Вы говорите: факты, – мы и без того завалены фактами и не знаем, что с ними делать» [Колесов 1986: 5]. Не «факт» (частный случай) исследователь делает предметом своего рассмотрения в историко-лексикологических штудиях, а целью его являлось, «жертвуя частностями и опуская однородные факты, выразить полученный многолетними исследованиями результат компактно, как целостную картину древнерусских представлений о ценностном мире человека в том виде, как они отразились в древнерусской письменности» [Колесов 1986: 6]. Научный метод, избираемый ученым, реализуется ведь не сам по себе, он осуществляется субъектом: как через метод проявляется активное отношение субъекта к действительности, так и метод служит характеристикой самого субъекта. Субъект и метод в фигуре В.В. Колесова слиты воедино, он никогда не боялся брать на себя ответственность за выдвигаемые идеи и гипотезы, не боялся признаться в «авторской концепции поднятых проблем». И далее важное признание:

⁹ А.М. Камчатнов, размышляя о книге В.В. Колесова «Философия русского слова» [Камчатнов 2004: 137], справедливо акцентировал его мысль: «чистой» семантики в слове нет – «она всегда стилистически окрашена» [Колесов 2002: 136]. Аналогичная мысль высказывалась и в западной компаративистике [Anttila 2009: 153]; очевиден автономный, независимый путь рождения идеи, но характерно общее понимание в проблематике компаративистики актуальности связи семантики и стилистики на самом глубинном (социопсихологическом) уровне слова.

«[я] не уверен, что, опровергая некоторые частные аспекты изложения или не соглашаясь с ними, оппоненты добьются положительного результата. В конце концов, здесь излагаются результаты исследований по истории языка за последний полуторазековой период, так что по меньшей мере и они должны будут предложить собственную интерпретацию этих коллективных усилий русистов-историков» [Колесов 1996: 6]. Накопление знаний осуществляется «фактами», развитие теории – концепциями.

ИСТОЧНИКИ

1. СРЯ – Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 9, вып. 1 (И-Идеализировать). М.; Л., 1935. 159 с
2. СРМ – Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. 1184 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабурина К.Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. М., 1997. № 3. С. 48–52.
2. Виноградов В.В. Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка // Научный бюллетень ЛГУ, Л., 1946, № 6. С. 16–18.
3. Виноградов В.В. Программа марксистского языкознания // «Правда», 1950, 4 июля, № 185 (11657). С. 3.
4. ИЛЛ – Историческая лексикология и лексикография: межвуз. сб. Вып. 8 / отв. ред. О.А. Черепанова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. 236 с.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
6. Ильенков Э.В. Принципы материалистической диалектики как теории познания. М.: Наука, 1984. 304 с.
7. Истрина Е.С. Л.В. Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С. 82–87.
8. Камчатнов А.М. Фундаментальное исследование о русском слове // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. М., 2004. С. 133–138.
9. Колесов В.В. Введение в историческую фонологию. Ч. 1. Сегед, 1972; Ч. 2. Л., 1982.
10. Колесов В.В. Поиски метода: Александр Христофорович Востоков // Русские языковеды. Тамбов, 1975. С.82–113.
11. Колесов В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развитие языкознания первой половины XIX века. Л.: Наука, 1984. С.163–199.
12. Колесов В.В. Л. В. Щерба. М.: Просвещение, 1987. 144 с.
13. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.
14. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40–49.

15. Колесов В.В. Возвращение на круги своя... // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1996. Вып. 3. С. 44–53.
16. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
17. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
18. Колесов В.В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 471 с.
19. Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. 702 с.
20. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.; СПб.: СПбГУ, 2009. 511с.
21. Колесов В.В. Основания науки. СПб.: Нестор-История, 2013. 196 с.
22. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М: Флинта, 2013. 820 с.
23. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 400–433.
24. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря. Вводная заметка // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 114–125.
25. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
26. Тарланов З.К. Методы лингвистического анализа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 236 с.
27. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Том 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 1. М.: Языки славянских культур, 2006. 544 с.
28. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: учеб. пособие для филологических вузов. М.: Флинта: Наука, 2004. 400 с.
29. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 545–576.
30. Юдин Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. 444 с.
31. Язык – Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир-Суздаль, 26–28 сентября 2017 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. 509 с.
32. Anttila R. Historical and Comparative Linguistics. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 462 p.
33. Jankowsky K.R. The crisis of historical-comparative linguistics in the 1860s // History of the Language Sciences / Geschichte der Sprachwissenschaften / Histoire des sciences du langage. 3. Teilband. Sylvain Auroux, E.F.K. Koerner, Hans-Josef Niederehe, Kees Versteegh (eds.). Berlin, N-Y: Walter de Gruyter, 2000. P. 13261338.
34. Clark J.T. Lexicological evolution and conceptual progress // University of California publications in modern philology. V. 7. Berkeley. University of California Press, 1918. P.175–200.
35. Considine J. Historical lexicology and historical lexicography // Webs of Words: New Studies in Historical Lexicology. Ed. J. Considine. Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. XII–XXI.
36. Rablet P.D. Bulletin bibliographique [review of A. Chassang, Nouvelle grammaire française: Cours supérieur, avec des notions sur l'histoire de la langue (1878)]

// Taalstudie: Tweemaandelijksch tijdschrift voor de studie der nieuwe talen, Tom 3. Amsterdam, 1882. P. 76–78.

37. Gröber G. Methodik und Aufgaben der sprachwissenschaftlichen Forschung // Grundriss der romanischen Philologie. Strassburg: Karl J. Trübner, 1888. S. 209–250.

38. Katz J.J., Fodor J.A. The structure of a semantic theory // Language. V. 39. Baltimore: Linguistic Society of America, 1963. P. 170–210.

39. Matthews W.K. Review of V. V. Vinogradov, Russky yazyk (1947) // Slavonic and East European review. V. 27 (no. 69). London: University College, 1949. P. 605–611.

40. Posner R. Historical Romance lexicology and semantics // Romance Comparative and Historical Linguistics. Eds. R. Posner and John N. Green. Berlin: Mouton de Gruyter, 1980. S. 175–190.

41. Werth P. Accounting for semantic change in current linguistic theory // Anderson J. M., Jones C. (eds.) Historical linguistics. Proceedings of the First International Conference, Edinburgh 1973. V. 1. Amsterdam: North Holland, 1974. P. 377–419.

42. Voyles J. B. Accounting for semantic change // Lingua. V. 31 1973. P. 95–124.

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СЕМАНТИЧЕСКУЮ КОНСТАНТУ 'ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ', В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прилагательного *жизнерадостный* в его взаимоотношениях с синонимичными прилагательными *оптимистичный* и *позитивный* в русской ментальности и современном русском языке с точки зрения теории концептуального поля русского сознания В.В. Колесова.

Сквозной темой научных трудов В.В. Колесова является исследование проявления в языке русской ментальности. Предложенная ученым дефиниция этого термина стала хрестоматийной: ментальность – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [5: 268]. Если менталитет «представлен в объективной картине мира, ментальность – в языковой картине мира отдельного человека, носителя группового менталитета» [6: 248]. Рассмотрим в этой связи в рамках теории «концептуального поля русского сознания» В.В. Колесова, как проявляется в современной русской языковой картине мира семантическая константа 'положительное мировосприятие', номинируемая синонимичными прилагательными. Как указывает ученый, «только семантическая константа выражает смысл в наиболее полном виде» [6: 253].

Синонимический ряд прилагательных с общим значением 'испытывающий или вызывающий приятное бодрое чувство, радость, веселье; исполненный таким чувством', по данным словаря К.С. Горбачевича, выглядит следующим образом: *веселый – радостный – жизнерадостный – ликующий – сияющий – мажорный – развеселый* [2: 72]. Исключительно внешнее проявление эмоционального состояния

характеризуют синонимы *ликующий* и *сияющий*. Как характеристика человека, и, причем характеристика его в целом (в отличие от взгляда, выражения лица и т. п.) в языке чаще используются *веселый*, *радостный*, *жизнерадостный*, *развеселый*. Но если прилагательные *веселый*, *радостный* и *развеселый* образуют синонимическое звено особенно близких по значению лексем, то *жизнерадостный* выделяется своим значением ‘отличающийся или проникнутый **светлым**, бодрым **восприятием** окружающей действительности’ [2: 72]. В настоящее время в языке функционируют еще два синонимичных данному прилагательных – *оптимистичный* и *позитивный*.

Рассмотрим соотношение этих трех прилагательных на уровне выражаемого концепта, концептума и концепции в рамках теоретических положений В.В. Колесова [6: 14–15], уделив особое внимание исходно входящему в словарный синонимический ряд прилагательному *жизнерадостный*.

На первый взгляд, «общее значение» или «концепт» всех трех прилагательных выражает их семантическая константа – ‘положительное мировосприятие’, то есть светлое восприятие окружающего мира. Следовательно, можно предположить, что все прилагательные вербализуют один и тот же концепт. Рассмотрим, так ли обстоит дело на практике.

Конкретные признаки каждого прилагательного («основное значение» или «концепция» в терминологии В.В. Колесова) явно различаются. *Жизнерадостный* образовано путем сложения русских основ *жизн-* + *радост-* + суффикс *-н-*. Толковый словарь современного русского языка определяет значение этого прилагательного как «не знающий уныния, радостный, бодрый» и отмечает, что слово образовалось не ранее второй половины 19 века под влиянием

немецкого *lebensfroh* или *lebensfreudig* [10: 235]. Прилагательное обозначает того, кто радуется жизни во всей полноте ее проявлений.

Материалы «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) свидетельствуют о том, что жизнерадостным человек является длительное время или постоянно, это черта характера: *Итак, никто еще в Акустической не занимался работой, и только неизменно жизнерадостный и деятельный Пряничков, уже одолевший в себе воспоминание о ночной Москве и о шальной поездке, обдумывал новое улучшение схемы* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990); – *Это он всегда такой жизнерадостный? – осведомился Чехардин* (И. Грекова. На испытаниях (1967)); *По характеру она, как и в комсомольские годы, энергичная, веселая, жизнерадостная* (Т. Белоусова. Ровесница СКВО // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03) [8].

Жизнерадостным может быть человек любого возраста и пола: *Легкий жизнерадостный человек вопреки стереотипам о пожилых людях не осуждает поколение гаджетоманов и зависимую от социальных сетей молодежь, а наоборот, приветствует* (Беседовала Светлана Поворазнюк. «Хочу заработать на YouTube, ведь на пенсию прожить сложно» // lenta.ru, 2017.04.10); *Отец вон рассказывал: их приятель институтский – жизнерадостный парень, балагур, душа компании – вдруг, бах!* (Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)); *И жена его Наташа тоже удивительно подходила этому заводу – жизнерадостная, энергичная, общительная* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)); *И через сто лет, обещаю, я буду такая же жизнерадостная...* (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010) [8].

Обычно жизнерадостный человек активен и энергичен: *Жизнерадостный и энергичный, вечно растрепанный и неопрятный,*

рассеянный и наблюдательный, простой и честный, у многих он вызывал симпатии (Илья Кашницкий. Незаменяемый // «Зеркало мира», 2012); Земфира сейчас живет в Москве. Носит другую фамилию – Мулюкова. Жизнерадостная, очень энергичная (Айсылу Кадырова. «Мы жили радостно и красиво – как два дельфина в море» // «Вечерняя Казань», 2003.01.11) [8].

Прилагательное употребляется как самохарактеристика: – *У меня поводов переживать нет, – усмехается Кокорин. – Я – жизнерадостный человек. Грустить особо не о чем. Даже не могу вспомнить, когда плакал последний раз (Артем Локалов. Нападающий «Динамо» Александр Кокорин: «Динамо» – это «мерседес» // Советский спорт, 2011.10.21); 19-20 июня 1940 года. Москва. Я слишком жизнерадостный человек. Только знай еще – раз вся моя жизнь в тебе, то мои настроения и причины так или иначе связаны с тобой (Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)) [8].*

Жизнерадостный человек улыбчив, никогда не унывает, не пасует перед трудностями, умеет поднять настроение другому: *Отличный сотрудник, а еще веселый, жизнерадостный, никогда не унывающий, не останавливающийся перед трудностями человек (Живая вода для кузбасской столицы // Комсомольская правда, 2011.03.16); Мне будет его очень не хватать – он умел поднять настроение любому человеку. Жизнерадостный, всегда улыбался. Много занимался спортом – играл в футбол, ходил в тренажерный зал (Ирина Неуймина, Елена Благинина, Елена Шангина. Пострадавший при крушении самолета под Тюменью Иван Рябков: «Не хотел в Сургут, но начальство настояло» // Комсомольская правда, 2012.04.02); Все, проходные матчи отменяются. Долой уныние! До чего жизнерадостный человек, этот Михаил. В промозглый, с дымкой питерский вечер самый веселый болельщик ЦСКА вселил в меня*

весеннее настроение и веру в то, что совсем скоро мы получим качественно новый футбол (Андрей Бодров. Первый блин «большой восьмерки» // Советский спорт, 2011.11.18) [8].

Показательно частотное употребление прилагательного в одном контексте с синонимом *веселый*: *Прошлое наплывало, наваливалось в ночных кошмарах, от которых он, **веселый жизнерадостный человек**, просыпался в холодном поту и долго не мог прийти в себя* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)); *И я испугался, что допрос продлится недолго. – Ну, отец мой был **веселый, жизнерадостный**. Любил поесть, выпить и приударить за женщинами* (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)); *Не в Америке, где **жизнерадостный и веселый**, к тому же очень гордый грузин никогда не сможет сойти за беженца, а в бедной России, которая, однако же, на фоне опустошенных склонов и грязных от селей альпийско-кавказских лугов смотрелась как вожденное Эльдorado* (Валерий Лебедев. Крах маленькой империи // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.30) [8].

Интересно, что самооценка не всегда совпадает с восприятием человека людьми другой культуры: *Еще часто слышала, что я не похожа на русскую, потому что улыбчивая и жизнерадостная* (Подготовила Асмик Аракелян. «Из кустов выпрыгивают негры и предлагают наркотики» // lenta.ru, 2017.10.02) [8].

Прилагательное *жизнерадостный* сочетается с наречиями степени, амплитуда которых колеблется от *вполне* до *на редкость* и *излишне*: ***Вполне жизнерадостный**, любил футбол и баскетбол, как любой мальчишка в его возрасте* (Гузель Амирзянова. Школьник повесился из-за скандалов родителей // Комсомольская правда, 2013.03.03); *Красивый, скромный, тихий, но вместе с тем **очень жизнерадостный человек**, он одним своим присутствием вносил в дом праздничное настроение*

(А.А. Есенина. Родное и близкое (1960-1979)); *Этот на редкость жизнерадостный человек соглашался на все* (Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016) [8]. Наречие *излишне* указывает на ту негласную границу, за которой жизнерадостность воспринимается как избыточная, неуместная в данной ситуации: *Впереди них поднимался какой-то либо излишне жизнерадостный, либо попросту неопытный лыжник, начавший раскачивать трос* (Ольга Грушко. Сноубордисты серьезно пострадали на Северном склоне Мурманска // Комсомольская правда, 2010.12.01) [8].

Психологи выделяют следующие характеристики жизнерадостного человека:

1. *Внимательность*, рожденная жизнерадостностью. Жизнерадостный человек живет вне бешеного потока. У такого всегда найдется время и насладиться ароматным кофе, и поблагодарить за него.
2. *Ассертивность*. Свойственная немногим способность не зависеть от внешних влияний и оценок.
3. *Открытость для нового*.
4. *Благоразумие*. Жизнерадостный человек готов уступить, но при этом всегда остается собой, и потому он всегда настоящий. Ему чужда одержимость беспрестанными попытками угождать всем и вся. Его внутренний стрежень не оставляет другим людям возможности для манипуляций.
5. Жизнерадостный человек *никогда не жалуется*.
6. Жизнерадостный человек *энергичен*.
7. *Знает смысл своего движения по жизни, свое призвание*.
8. *Сбалансированность*. Будь то семейные отношения или отношения с друзьями, во всех сферах очевидна уравновешенность.
9. *Его лексикон лишен унижительных и оскорбительных выражений*.
10. *Излучающий мир*. В нем и вокруг него царит спокойствие и достоинство [3].

Прилагательное *оптимистичный* ('проникнутый оптимизмом') восходит к латинскому *optimus* – 'наилучший'. Оптимистичный человек

всегда ищет лучшее в любой ситуации и всегда ожидает, что случится только хорошее.

Прилагательное применяется к взрослым людям любого пола: *Как бы то ни было, добродушный и оптимистичный гражданин, мечтающий «накупить продуктов на целый месяц и накопить на брочку», – это далеко не новое амплуа Антохи МС, а тот образ, который он формирует на протяжении всей карьеры* (Марина Погосян. Главная музыка месяца // lenta.ru, 2019.06.17); *Мать семейства – Анна Георгиевна, милая маленькая женщина под пятьдесят. Оптимистичная очень. Сейчас в квартире только трое детей, остальные выросли* (Алексей Торгашев. Безусловная любовь // «Известия», 2001.11.07). *Оптимистичный* может служить самохарактеристикой: *Я же по натуре человек оптимистичный. Вот вчера, например, просидела с мальчиком тридцати трех лет до двух ночи – разговаривали* (Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012) [8].

Преимущественная сфера использования прилагательного – СМИ, публицистический дискурс. При этом лексема употребляется часто с оттенком иронии, вызванным тем, что оптимистичный человек воспринимается как идеалист, носящий розовые очки, плохо подготовленный к реальной жизни: *Таким образом, оптимистичный человек, который считает, что полупустой стакан наполовину полон, скорее всего не сумеет подготовиться к тяготам будущего – окажется менее, чем другие, склонным к накоплению сбережений на старость или не станет заниматься защищенным сексом* (Артем Михайлов. Оптимизм – отклонение, которое можно лечить // РБК Дейли, 2011.10.13); *Она у нас снова оптимистичная холостячка, пребывающая в хроническом поиске идеального супруга* (Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)) [8].

Оптимистичный отличается от своих синонимов тем, что он «верит в хорошее», т. е. в семантике этого прилагательного есть доля фатализма. Можно не стараться, все по определению будет хорошо. Чаще вместо прилагательного употребляется существительное, характеризующее носителя признака – *оптимист (оптимистка)*.

Прилагательное *позитивный* образовано от немецкого *positiv* или французского *positif*, восходит к латинскому *positivus* ‘положительный’. Значение прилагательного *позитивный* применительно к человеку отсутствует в толковых словарях современного русского языка, его семантика отличается некоторой диффузностью в силу недавнего вхождения слова в активное употребление. Семантике и прагматике этого прилагательного посвящена работа Л.Н. Храмцовой [11]. На наш взгляд, представление о позитивном человеке можно сформулировать следующим образом: это человек, который всегда находится в хорошем расположении духа, он «заражает» своей жизнерадостностью окружающих и мотивирует их, так как сам всегда стремится к успеху, много работает и не опускает рук из-за неудач. В данной статье не будем подробно останавливаться на особенностях употребления данного прилагательного, детальный анализ которого приведен в статье Е.И. Зиновьевой, А.П. Соколовой [4].

Как лайфхаки в интернет-пространстве отмечаются такие типичные черты поведения позитивных людей: позитивные люди не ждут хорошего дня – они сами создают его; позитивные люди легко расстаются с лишним; прошлое, по их мнению, должно оставаться в прошлом; позитивные люди не сосредотачиваются на шероховатостях и камнях на своем пути, но готовы искренне благодарить бога, судьбу, жизнь за каждый шаг, сделанный на дороге; позитивные люди сосредоточены на своих возможностях, а не на ограничениях; не позволяют своим страхам влиять на жизнь; много улыбаются;

общительны; отлично знают, что такое отрицательные эмоции, но осознанно выбирают положительную сторону; несут ответственность за свою жизнь [1].

Прилагательные *жизнерадостный* и *позитивный*, употребляясь применительно к человеку, совпадают по многим параметрам. Портрет жизнерадостного и позитивного человека выглядит практически одинаково: это, как правило, улыбчивые и веселые люди, пребывающие в приподнятом настроении, они способны оказывать положительное влияние на других людей, активны и энергичны.

Но если *жизнерадостный* – это врожденная черта человека, естественное целостное мировосприятие, то *позитивность* – это нечто, навязанное извне, ответ на запрос социума, времени, дань господствующей психологии, осознанный выбор. Можно предположить, что прилагательное *позитивный* приобрело новое значение и вошло в разговорную речь в связи с развитием нового направления в психологии – позитивной психологии, предметом исследования которой стали положительные эмоции, черты характера, а также социальные факторы, которые можно определить как позитивные. Эта область исследования стала стремительно развиваться в конце 1990-х годов в США [4]. В позитивном человеке есть большая доля рационализма. Он прилагает определенные усилия для того, чтобы позитивно думать, выглядеть. *Жизнерадостный* употребляется в обиходно-бытовых ситуациях, *позитивный* – в основном применительно к характеристике деловых качеств человека. (В этом смысле можно провести параллель с прилагательными *общительный* и *коммуникабельный*, которые также закреплены за разными сферами употребления). В качестве антонима прилагательного *жизнерадостный* выступает *унылый*, а *позитивного* – *депрессивный*, *негативный* или даже *токсичный*, недавно заимствованные и «модные» слова.

Таким образом, следует согласиться с Л.Н. Храмцовой в том, что в случае с «позитивным» произошел импорт концепта: концепт был заимствован из американской культуры, он связан с «американской мечтой» и идеей о том, что можно добиться успеха благодаря собственному трудолюбию и активности [11]. Показательно, что в научной литературе исследуется концепт «позитивное мироощущение» [9], с таким же успехом можно проанализировать концепт «позитивное мышление».

Однако тот факт, что *позитивный* и *жизнерадостный* разводятся в сознании носителей русского языка, не отождествляются ими, а являются взаимодополняющими характеристиками человека, подтверждается использованием обеих лексем в одном контексте в устном и публицистическом дискурсах: *for you, вы очень **позитивная и жизнерадостная**, так держать:-)))* (Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)); *Я думаю, что это человек легкий на подъем, **позитивный и жизнерадостный**, ищущий и желающий познания* (Александра Сопова. В Тюмени Депардье может сыграть гетмана в «Днях Турбиных» // Известия, 2013.01.09); *[№ 26, муж, 27, 1978, музыкант] Я был **жизнерадостный человек такой/ очень позитивный/ улыбчивый*** (Телевизионная беседа с психологом Курпатовым (2005) // Из коллекции НКРЯ); *[Мужчина, муж] Такая **позитивная/ жизнерадостная// Смотришь и настроение/ поднимается//*** (Здоровая Россия. Рекламный ролик Минздравсоцразвития России (2010) // <http://www.radioadv.ru/media/work16017.htm>); *Конечно, из-за большего количества солнечных дней в году испанцы не такие угрюмые, более **позитивные и жизнерадостные*** (Дарья Ткачева. «Испанский матерный язык не беднее русского» // lenta.ru, 2015.10.05) [8].

Пик употребительности всех трех анализируемых прилагательных, по данным «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» [7], пришелся на начало 2000-х годов, начиная с 2017 года, частота употреблений всех прилагательных начинает резко уменьшаться, что, вероятно, обусловлено социально-экономическими факторами. См. таблицу №1.

Таблица №1. Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Годы	Прилагательные и их частота		
	Жизнерадостный	Оптимистичный	Позитивный
2002	85		
2017	1		
2018	1		
2019	1		
2003		176	
2017		5	
2018		1	
2019		2	
2004			638
2017			23
2018			6
2019			1

Частота распределения исследуемых прилагательных с 1862 по 2019 гг. в основном корпусе НКРЯ показывает, что прилагательное *жизнерадостный* достигало пиков своего употребления в конце 19 века, в начале 20 века, перед Великой Отечественной войной и в послевоенные годы, затем в начале двухтысячных. Частота употребления прилагательных *оптимистичный* и *позитивный* стала увеличиваться только с начала двухтысячных.

В настоящее время прилагательное *позитивный* лидирует в интернет-источниках – блогах, чатах, статьях психологов, а также в деловых документах, например, при запросах работодателей и в составе резюме потенциального работника.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что первоначально высказанное предположение оказалось неверным. Рассмотренные синонимичные прилагательные, имея одну и

ту же семантическую константу, вербализуют концепты разных национальных концептосфер, у них разные концептумы-первосмыслы. Есть ли основания для тревоги? Нужно ли опасаться, что заимствованный концепт подменит собой уже существующий в русской ментальности? Думается, что нет, поскольку каждый из них занял свою нишу в русской языковой картине мира, произошла дифференциация по сферам употребления. Прилагательные *оптимистичный* и *позитивный* оказались в эквиполентной оппозиции по отношению к прилагательному *жизнерадостный*, который, на наш взгляд, содержит концептум, свойственный русской ментальности. Дальнейшие наблюдения за функционированием прилагательных покажут, какое соотношение между ними закрепится в узусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. 10 ценных привычек позитивного человека URL: <https://lifestyler.ru/10-cennykh-privyчек-pozitivnogo-cheloveka/>
2. Горбачевич К.С. Русский Синонимический словарь. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. 512 с.
3. Жизнерадостный человек – вымирающий тип URL: <https://vashnastroy.ru/zhizneradostnyiy-chelovek-vyimirayushhiy-tip>
4. Зиновьева Е.И., Соколова А.П. «Позитивный человек» в русской языковой картине мира // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2022. Вып. 2 (в печати).
5. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
6. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 612 с.
7. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 22.12.2021).
8. Национальный корпус русского языка. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (дата обращения 23.12.2021).
9. Рыжкина О.А. Концепт *позитивное мироощущение* в русской лингвокультуре // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 211–215.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.
11. Храмова Л.Н. Семантико-прагматический потенциал лексемы *позитивный* в современном русском языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск, 2015. Т. 5, № 2. С. 103–116.

ИЛЬЧЕНКО Ольга Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
o.ilchenko@spbu.ru

О СПЕЦИФИКЕ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ ЛИЧНОГО ОБЪЕКТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексемы *князь*)

Аннотация. Статья посвящена *ментальным* аспектам развития категории одушевленности в русском языке. В частности, показано, что сохранение падежной формы И=В у лексемы *князь* в некоторых древнерусских контекстах отражает своеобразную черту архаического мышления, в котором представление о целом доминирует над отдельными частями.

Как известно, древнерусские источники демонстрируют архаическую вариативность падежного заполнения синтаксической позиции дополнения (прямого и косвенного) у личных существительных *masculina singularia*. В исследованных нами древнерусских памятниках письменности различных стилей, жанров и различного происхождения [1] варьирование падежных форм Р=В и И=В наблюдается, как правило, в кругу личных существительных, обладающих *специфическим семантическим потенциалом*, способным реализоваться в особом типе контекста.

Специфика падежного маркирования личного объекта в древнерусском языке, как показывают факты, связана с философским и психологическим понятием *идентификации личности*, т. е. с определением ее *границ*, в результате чего в человеке на первый план выносятся или социальное, или индивидуальное.

В древние эпохи, как пишет А.Ф. Лосев, «везде имеет значение не сам индивидуум, а тот коллектив, к которому данный индивидуум относится и воплощением или, по крайней мере, выразителем которого он всегда является. Поэтому вопросы о том, кому и чему принадлежит индивидуум, к какому коллективу относятся те или другие предметы и вещи, кому и чему тот или иной человек, а также та или иная вещь

принадлежит и, кроме того, *как именно* принадлежит, все эти вопросы весьма существенны» [6: 293–294].

С.Д. Кацнельсон также указывает, что отдельные лица мыслились объединенными в некое конкретное множество, конкретную группу, выступающую нераздельно в сознании древней исторической эпохи. Это ‘супружеская чета’, ‘родители’, ‘отец и сыновья’, ‘родные или сводные братья’, ‘семья с челядью’, ‘сородичи’, ‘друзья’, ‘конунг и его дружина’, ‘спутники по походу’ и под. Представление о целом доминирует здесь над отдельными частями, а отдельные лица, входящие в состав такого коллектива, постоянно мыслились только в отношении к данному коллективу [4: 185]. Ср.: *и азъ есмь вашего племени* (типичный контекст из памятников старославянского языка). Действительно, часть может осознаваться только после того, как уже сложилось понятие целого, так как часть – это всегда часть чего-то, по отношению к чему-то, т. е. целое в сознании всегда предшествует части.

Древнерусские летописные тексты доносят до нас эту своеобразную черту архаического мышления, нашедшую отражение в различных сторонах древних языков, когда человек осознавался не как самостоятельная личность, а как часть того или иного целого (коллектива), представителем которого он является (род-племя, семья, княжество, государство, церковь): *Не буди лъжь послухъ на свои гражданинь, сиречь на свои единоверьникъ* (Панд. Ант. XI в., 93) [3].

Наличие отнюдь не единичных форм И=В у слова *князь* свидетельствует, казалось бы, против *социологической концепции*, согласно которой Р=В у существительных, обозначающих полноправных лиц, противопоставлен И=В у существительных со значением социально неполноправного лица (существенная корректировка этой концепции с позиций *ситуативной семантики* представлена в нашей статье [2] на материале «Русской Правды»). Консерватизм существительного *князь* в

отношении выражения категории одушевленности становится понятным, если принять во внимание *исторический контекст*, проливающий свет на зависимость падежной формы личного объекта в ранних древнерусских текстах от ситуативной семантики.

Хотя историки ведут дискуссии о характере княжеской власти в Древней Руси, однако, несмотря на различие в деталях, общим является то, что князя нельзя назвать властителем в полной мере (подробнее об этом см. в [1: 45]). Древнерусский князь являлся прежде всего представителем веча и общины, особенно на новгородском севере, где население определяло общественное положение князя и степень его свободы: *Новгородци въсташа на князь свои на Святослава Ростиславича* (Моск. лет., 68)

Для славян, как пишет В.В. Колесов, характерна *синкретичность* представлений о власти: власть принадлежит роду, а не личности, и только вождь, принимая ее от старших, может от имени всех распорядиться ею. «Власть – это *сила рода*, которой время от времени наделяют одного из его членов» [5: 282].

Поэтому в контекстах, отражающих намерение группы людей выбрать *для себя* правителя, уместна падежная форма И=В, поскольку самостоятельная активность погашается: *въскормили есмы собе князь* (Лавр. лет., 276). Эта «нераздельность» князя (*герм.* конунга) и его дружины нашла отражение в следующих контекстах из Лаврентьевской летописи: *поимемъ жену его Вольгу за князь свои Маль; поиди за князь наш за Маль; а княгини наша хочеть за вашъ князь* (Лавр. лет., 55-56). Сочетание существительного с притяжательным местоимением формирует значение 'представитель', 'один из нас', смещая семантический акцент с объекта на то сообщество людей, *чьим* представителем является князь. Многочисленность конструкций *послати(ся) по князь* в летописях,

особенно в Новгородской, свидетельствует об образовании *речевого штампа* в результате регулярной воспроизводимости общественной ситуации, которая затем осознается как типичная. В подобных контекстах человек определяется *не сам по себе*, а по отношению к тем, *чьим* представителем он является, *чью* волю исполняет, т. е. князя можно назвать *проводником активности* других людей. В противном случае, когда в летописи речь идет о князе как о самостоятельно активной личности, зачастую даже непокорной, пытающейся противопоставить группе свою волю, мотивированно используется падежная форма Р=В: *се князя оубихомъ Рускаго* (Лавр. лет., 55); *яко сами оубили князя* (там же, 58); *[Новгородцы] сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода* (Новг. I лет., 129).

Наш материал подтвердил мнение В.В. Мадояна о том, что в тех контекстах, где слово *князь* указывает на титул, должность, а не на конкретное лицо ('послали приглашать на княжение, стать князем, княжить', а не 'послали за каким-то определенным князем'), оно стоит в падежной форме И=В, если же «речь идет о князе как об определенной личности», используется падежная форма Р=В [7: 51].

Таким образом, в древнерусских текстах выбор падежной формы – Р=В или И=В – определялся, как правило, *ситуативной* семантикой. В контекстах, преломляющих архаические модели *посессивных отношений*, одну из которых мы называем «*один из своих*» [1, 3], у лексически одушевленных имен семантический признак самостоятельной активности *ситуативно* погашался и поэтому не требовал «родительного заменительного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильченко О.С. История категории одушевленности в русском языке / Вступ. ст. В.В. Колесова. СПб.: Нестор-История, 2011. 224 с.
2. Ильченко О.С. Категория одушевленности в раннем древнерусском тексте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 4. С. 148–158.

3. Ильченко О.С. Проявление скрытой категории *посессивности* в позиции прямого объекта в языке летописей // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 6. С. 33–41.
4. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования (1949). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 422 с.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.
6. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
7. Мадоян В.В. История категории одушевленности в русском языке // Филологические науки. 1986. № 1. С. 49–54.

ИСТОЧНИКИ

- Лавр. лет.* – Лаврентьевская летопись, вып. 1-3 // ПСРЛ. Т. 1. Изд. 2. Л., 1926-1928 [воспроизведение текста издания 1926-1928 гг. М., 1962], сп. 1377 г.
- Моск. лет.* – Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Панд. Ант.* – Пандект Антиоха Черноризца. Рукоп. ГИМ, воскрес., № 30, к. XI в.

КОЛЕСОВА Дарья Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
d.kolesova@spbu.ru

**ЗАПИСКИ VS РАБОТЫ VS ТРУДЫ VS ЭЙДОС
КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО**
(из опыта создания персонального сайта ученого)

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, чем по сути может являться продукт деятельности ученого. На материале анализа персонального сайта профессора В.В. Колесова показано, какой многогранной, творческой и вдохновляющей может быть научная деятельность.

Как принято ссылаться на статьи и монографии? «В своей работе ученый показал...», «в трудах исследователя проводится мысль...», то есть предполагается, что ученый работает или трудится. Однако мы хорошо знаем, что работа – это «тяжелый подневольный труд по обязанности (*рабство*) с установкой на характер исполнения и на качество (обычно низкое) без внимания к процессу и к результату (работа не волк, в лес не убежит)» [1, 148], соответственно, к результату деятельности рабочего, работника, работяги мы подсознательно относимся без пиетета. Труд же – «напряженная и длительная творческая (*трудная*) деятельность, осуществляемая по долгу совести («терпение и труд все перетрут») с особым вниманием к процессу (*трудоуой*), а не к результату его, как в деле (вещь), и не к его качеству, как в работе (*грязная работа*): не случайно сильно убеждение, что труд создал человека» [2, 398], потому труженик достоин уважения. Насколько точно принято в научном дискурсе обозначать продукт деятельности ученых, корректным ли является общепринятое обозначение результатов их постижения мира и человека, а именно – ученые труды и научные работы?

Разумеется, подобными вопросами мы задаемся очень редко, ведь речь идет об удобных общепринятых формах обозначения опубликованных результатов исследований. Однако внутренняя форма

используемого слова продолжает участвовать в формировании нашего мировоззрения, даже если мы находимся в профессиональной сфере общения. А значит, эти обозначения конечного продукта влияют и на то, какие цели ставит перед собой исследователь, когда приступает к написанию статьи, диссертации, монографии.

К этим общим размышлениям меня подтолкнула практическая деятельность, посвященная созданию персонального сайта профессора В.В. Колесова [3]. Сегодня существует немало персональных сайтов, есть их аналитическое представление, например: веб-сайт ученого «содержит биографию, контактные данные, сведения об основной области исследований, библиографию, полные тексты публикаций и лекций» [4]. Понимая, что здесь перечислены важнейшие и обязательные рубрики подобного ресурса, коллектив создателей сайта хотел представить многогранную личность ученого по возможности более комплексно.

В ходе обсуждения концепции ученики и последователи ученого (д.ф.н. Д.Г. Демидов, к.ф.н. Л.Н. Дониная, д.ф.н. А.В. Зеленин, д.ф.н. О.С. Ильченко, д.ф.н. М.В. Пименова, д.ф.н. Т.С. Садова при участии д.ф.н. Д.В. Руднева и д.ф.н. М.А. Харламовой) а также его родные (Д.В. Колесова, Н.В. Колесова, А.А. Харитонов, И.А. Харитонов) сформулировали основные цели создания сайта: с одной стороны, это систематизация наследия, изучение метода, осмысление и развитие научных идей В.В. Колесова; с другой стороны – информация заинтересованных посетителей о наследии ученого. При уточнении возможного адресата материалов сайта стало понятно, что речь идет не только об исследователе-филологе, но и о студенте-филологе и даже школьнике, а также о любом любителе русского слова, а с другой стороны – о профессиональном философе и о гуманитарии в широком понимании этой области знания. Соответственно, все материалы сайта маркированы с данной точки зрения, и любой читатель, определив свою

позицию, может легко найти статью, монографию, видеоконтент, подходящий именно для него.

Ученый – это прежде всего его основные монографии. Они представлены по тематическим разделам, которые наглядно показывают многосторонние интересы В.В. Колесова – акцентология, диалектология, историческая грамматика, историческая лексикология, историческая фонетика, история языка, концептология, культура речи и русская ментальность. Каждую монографию представляет эксперт в данной области, один из учеников ученого, здесь круг участников проекта расширился (к перечисленным выше присоединились д.ф.н. Е.И. Зиновьева, к.ф.н. В.Н. Калиновская, д.ф.н. А.Д. Кривоносов, д.ф.н. Б.В. Кунавин, д.ф.н. М.Б. Попов, д.ф.н. Т.Н. Рогожникова).

Однако ученый – это не только его монографии. Видеозаписи лекций, фрагменты телевизионных выступлений, интервью и заметки для городской газеты, где в течение нескольких лет профессор вел колонку об истории слов и выражений – все это также доступно на сайте, и мы полагаем, что это очень важная часть жизни и деятельности В.В. Колесова. О его лекциях, о педагогическом даре и просветительской миссии с благодарностью вспоминают многие очевидцы (эти отзывы-воспоминания присутствуют на сайте).

Наконец, постепенно стал наполняться и еще один раздел сайта, который принципиально важен для представления наследия ученого и его осмысления – развитие идей В.В. Колесова (здесь научные статьи учеников и последователей, просветительские и методические разработки, основанные на идеях профессора).

Заметим, что пока на сайте никак не представлен огромный пласт деятельности ученого, связанного с переводом и научным комментированием древнерусских текстов (а это такие важнейшие тексты русской культуры, как «Домострой», «Слова и поучения Кирилла Туровского» и другие тексты эпохи «Слова о полку Игореве» [5],

«Пчела» и другие произведения XIII в. [6], кроме того, тексты XIV и XV веков, вошедшие в указанную библиотеку).

Какое же слово наиболее точно и без потери смысла подходит к тому многообразию жанров и форм, о котором сказано выше? Очевидно, что не имеющие завершенности записки, унылые работы, тяжкие труды – все это лишь составные части, ступени дома, а не окончательное здание. Представляется, что мы имеем дело со свободным, одухотворенным смыслом интеллектуальным деянием, которое предстает перед нами в разноликих образах, причем эти образы у нас на глазах, для нас самих становятся образцами истины и красоты. Сам В. В. Колесов дал исчерпывающее определение этому концепту – это творение, результат творчества [7, 373].

В «Словаре русской ментальности» есть не только емкие вербализации концептов, но и замечательные цитаты думающих людей, и две такие цитаты хочется повторить. «Творчество – это прежде всего борьба со смертью, с забвением» (М. Пришвин). «Творческий акт происходит вне времени. Во времени лишь продукты творчества, лишь объективация» (Н. Бердяев) [8, 374]. По этим критериям настоящий научный труд – это несомненно творческий акт, каждый вновь обратившийся к нему человек участвует в нем сам, следуя за мыслью автора, а затем развивая ее или прикладывая к новому материалу. Безусловно, остающиеся последователям и потомкам произведения, продолжающие свою жизнь, вдохновляющие новые поколения на постижение мира и себя, – это преодоление смерти, то есть «бесповоротной гибели (смертность) организма, идеи или вещи в постоянном круговороте жизни как ее прекращение у отдельного (вида) в пользу всеобщего (рода)» [9, 267]. Ученый создал свое творение – и отдал его нам, мы вольны им пользоваться.

Таким образом, итогом деятельности настоящего ученого, продуктом его творческого акта становятся, несомненно, творения. Мы

же привычны к тяжелому труду и даже тягостной работе, бесконечно выполняя план публикаций и реализуя распределение педагогических поручений. Не обрезаем ли мы сами себе крыльев? Не закрываем ли своим отношением к собственной деятельности – небо, открытое для нашего полета? Пример мыслителя, ученого, педагога, просветителя, оратора, переводчика, страстно и самозабвенно погружающегося в свое дело, – вдохновляет. Коллектив создателей сайта <http://vvolesov.ru/> приглашает всех посмотреть на образцы и создать собственный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.2. П – Я. С.-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.
2. Там же.
3. Профессор В.В. Колесов: персональный сайт. Эл. ресурс: <http://vvolesov.ru/> (дата обращения 29.01.2022).
4. Гуськов А.Е., Косяков Д.В., Григоренко А.В., Сергеев А.В. Используют ли российские ученые современные технологии научных коммуникаций? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2018. DOI 10.25205/1818-7900-2018-16-1-74-85.
5. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. Эл. ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4877> (дата обращения 29.01.2022).
6. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с. Эл. ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4879> (дата обращения 29.01.2022).
7. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.2. П – Я. С.-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.
8. Там же.
9. Там же.

МИХАЙЛОВА Татьяна Витальевна (Красноярск, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
ta.rada@mail.ru

МИХАЙЛОВ Алексей Валерианович (Красноярск, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
avm_2006_64@mail.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПОТЕСТАРНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОВЕСТЯХ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Авторы описывают оценочные аспекты именовании высшей власти на основе анализа текстов Повестей Смутного Времени. Обсуждаются оценочные аспекты в именовании. Отдельно рассмотрены ситуации самозванчества. Отнесенность к древнему роду и выборность освящает царя и его власть.

1. Оценочные аспекты именовании власти.

Учение об именах – одно из древнейших в гуманитарных науках. С древнегреческих времен существуют споры о природе имени, о связи имени и вещи [7; 9]. Как писал проф. В.В. Колесов, «литературный язык есть *язык интеллектуального действия*, напрямую связанный с ментальной силой народа и определяющий речемыслительную деятельность его носителей» [7: 7].

Номинация в нашем исследовании понимается достаточно широко. Расширение понятия лингвистической номинации происходит, с одной стороны, как следствие широкого понимания ее содержательного аспекта, с другой стороны, широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте. Такое понимание номинации активно обсуждалось в русском языкознании с середины 1970-х годов, ср. книгу «Языковая номинация. Общие вопросы» (1977) [23]. В аспекте содержания понятие номинации в широком смысле трактуется «как обозначение всего отраженного и познаваемого человеческим сознанием: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий...

Расширенное понимание языковой номинации дает основание расширить и круг средств с номинативной функцией» [2: 315].

Наблюдается следующая система соответствий: элементу ситуации соответствует прямая номинация знаменательным словом, сложному элементу – словосочетанием, ситуации – простым предложением, событиям в их отношениях – сложным предложением [2: 339]. Кроме того, в номинации проявляется позиция адресанта и адресата, поэтому при процессе номинации возможны обсуждения оснований приписывания объекту того или иного имени, рефлексия автора по поводу предполагаемой реакции адресата и т. д. Такой подход к номинации позволяет нам описать оценочные значения в номинации, используя классификацию номинации по структуре средств ее осуществления.

Потестарные номинации – это особый вид номинаций, поскольку вопросы, связанные с именованьем верховной власти государства, одновременно относятся к разряду и лингвистических, и юридических, и исторических, и политических. Современные исследователи отмечают тесную связь на всем протяжении существования рода Рюриковичей имени властителя с правами на власть: «Система имянаречения, сложившаяся в династии Рюриковичей, формирует своего рода «язык имен», обращенный в прошлое, настоящее и будущее, актуальный как для самих Рюриковичей, так и для их окружения» [8: 266].

Если вторая половина XVI в. на Руси – это период завершения формирования основных представлений русской средневековой культуры, в том числе и представлений русского общества о власти, то начало XVII в. – это время проверки и поверки этих представлений Смутными временами, войнами, сменой царствующей династии. В развитии московской Смуты, по мнению одного из самых авторитетных исследователей этого периода, «ясно различаются три периода»: династический, социальный и национальный [13: 190]. Во все эти

периоды тем или иным образом обсуждались вопросы именования и самоименования властей, соответствие потестарных номинаций общественным представлениям на право называться царственным именем, что чуть позднее и было отражено в повествованиях о Смуте.

2. Основания номинации.

Основания номинации представляют наибольший интерес для решения вопроса о способах выражения оценки в тексте. Это связано с тем, что сами по себе номинации, в том числе и властные номинации, чаще всего не несут эксплицитированного оценочного компонента в значении. Оценка в номинациях либо положительна, либо прямо отрицательна. Основания номинации открывают причины положительной или отрицательной оценки.

2.1. Оценка в рассуждениях рефлексивного характера об именовании и самоименовании власти.

Составители текстов Повестей Смутного Времени достаточно часто обсуждают вопросы именования вообще и именования властей в частности. Ими обсуждаются вопросы также и самоименований, особенно в связи с «самозванчеством», «принятием на себя» чьего-либо имени. В литературе об именовании оценочные аспекты не были в центре рассмотрения. Однако культурологические аспекты **принятия** имени (как варианта самоименования) на себя, в виде специфического явления **самозванчества**, обсуждены в ряде работ Б.А. Успенского, Ф.Б. Успенского, см. [8; 20; 21].

Не менее актуален для исследования имен вообще и имен собственных в частности аспект обусловленности жизненной судьбы носителя имени (чаще – *определенного* имени) качеством, структурой, значением, предысторией имени или иных носителей данного имени. Данный аспект издавна известен в народном мифологизирующем сознании, ср. внутреннюю форму имен *Богдан*, *Незнам*, *Найден* и под. Также известно явление именного табуирования либо включения во

внутреннюю форму отпугивающих нечистую силу негативных оценочных компонентов, либо использование прозвищ в качестве именовании социального характера, ср. работы [5; 6]. В научной и околонучной литературе он также обсужден и на материале заговорных формул, см. работы [3; 4: 61–63; 14; 10]. Наиболее полную разработку материалам имени собственного в его воздействии на судьбу и существо имени собственного с точки зрения духовной энергетики дал, видимо, в своих незавершенных материалах П.А. Флоренский, см. [22]. В некоторых работах А.Ф. Лосева также можно встретить указания на оценочный в том числе характер семантики имени [9].

Одним из сближающих представления о магическом потенциале имени с представлениями христианского характера является частотное сопоставление тезоименных святых и действующих лиц Смутного Времени (дополнительно стимулирующим такие сопоставления фактором оказывается смута как некое нарушение правильного хода событий, нарушение времен, облегчающее проникновение сверхъестественного в наличное бытие): *не просто же и оного . благодати тезоименнаго [Феодор?] иже отче наследствова имя. зачатие же и рождение бысть, яко же писание поведет, яко и сего родителем молитва дарова* [ВИТ: стлб. 286; здесь и далее древнерусские контексты передаются в упрощенной орфографии и пунктуации. – А.М., Т.М.; тексты цитируются по изданию Русской исторической библиотеки, т. 9, 1909 г.].

Существующие научные представления о номинации, в частности, о номинации в области собственных имен, и тем более именовании высшей земной власти как промежуточном уровне между именем нарицательным и собственным не затрагивают вопросов включения оценки в структуру именовании, ср. [16; 17; 18].

По нашим представлениям, практически все случаи рассуждений об именовании и самоименовании власти в Повестях Смутного

Времени можно считать оценочными, что связано во многом и с особенностями российской исторической ситуации, служащей поводом к таким рассуждениям. Для предмета нашей работы как раз важно, что речь идет о рефлексии именно *оценочного* характера. С именованьем *царь* на Руси в течение всего XVI в. формируется связь с представлением о Божественном порядке, справедливости, правды [12: 68–72]. Иноземные гости уже во времена Смуты с удивлением отмечали, что русские уверены в превосходстве своего царя над всеми другими монархами, их поражало, что своего царя они называют «Солнце праведное, светило русское» [19: 321–336].

Другим аспектом оценки является указание на связанность *имени* царского и *содержания* деятельности царя, с тем, что одно лишь царское имя не делает человека царем: *и слыша те речи Борис Годунов, что такую власть царю на него положил, только окаянному [Григорию Отрепьеву] имени царского нет, а та власть вся в руках его и тем властолюбие своего не наполнил и чрева своего не насытил, пожелал единаго имени царского и душу свою вовсе погубил* [СФИ: стлб 763] – в данном фрагменте указывается на специфическую роль именно *царского имени*, негативная оценка основывается на получении самозванцем царского звания по *своей* воле, а не по чину, то есть установлению.

В другом примере: *вящшии же сего брат [царевич Иоанн Иоаннович] благодатным именем от бога дарован, тепл отцу по всему **именем** и **мудростию** купно с храбростию, не умали в добротах ничим же существа* [ВИТ: стлб 280] – здесь выражено древнерусское представление о различении имен на благодатные и неблагие, о возможности получения имени от Бога (см. в настоящей работе пункт о выражении оценки через ситуацию даяния/приятя). Еще более показательное различие имени как *сочетания звуков* (материального носителя) и мудрости как *смысла* имени (*идеи* имени).

Положительную оценку получает тот, кто обладает и тем, и другим: *...Борис, иже последи в Росии царь бысть, с настоящим того времени царевым приближенным возлюблеником неким, глаголемым **Богданом Белским**, богу смотрителне сему сотворити ся бы тем попустившу* [ВИТ: стлб 275–276] – в именовании автор-составитель имеет возможность выразить *наличие дистанции* между его точкой зрения-именования и точкой зрения-именования других субъектов, через использование глаголов *именования* (или, шире, *речи*), в данном случае, *глаголемым* выражает значение ‘называемым так другими лицами’, что может указывать на негативную оценку со стороны составителя, поскольку он *не присоединяется* к этому именованию: *гордя же ся в безумии рострига, повеле в титлах писати себе наяснеишимъ, **непобедимым цесарем нарицаше ся**, мняше бо окаанныи мало еже царско имя носити, но вышшую и честнейшую **честь желаше привлещи*** [САП: стлб 994] – желание расстриги по собственной воле не только носить царское имя, не только называть себя цесарем, но *через это и посредством* этих действий получить и славу, и честь, причитающиеся царю, объясняется отношением к имени вообще и царскому имени в частности как к *магическому* средству воздействия. Ср.: *такожде и в земностроеніи писмянных делес восприят [Борис Годунов] лукавне в мысли дмением своая гордости восхоте, сотвори чрез первыя самодержавных уставы в писмянех всяцех свое **утвердити имя, полным имяновением** в коеиждо строце описоватися повеле егда **имя** его аще и в мале где **наменено будет не погрешати** полного **именования** отнюдь, аще и **учащено** будет в них, елицы же погрешаши, тии муку прияша, умысли бо он тоя **полности частостию имя** свое **вкоренити** и **памятну** быти в роды, не внят о сем ушесы гласа пророческа, яко в род един потребит ся имя его, еже и **бысть*** [ВИТ: стлб 351] – составитель текста говорит одновременно о нескольких параметрах существования имени: 1)

истинность/неистинность имени [в данном случае имя='звание']; 2) *частота*; 3) *полнота* именованя; 4) «*укорененность*» в памяти народа; 5) *возможность человеческого участия* в судьбе имени и носителя имени/звания; 6) *ответственность* субъекта за несанкционированные свыше манипуляции с именем/званием; 7) параллельность происходящих в мире письменном и реальном [делесы Тв.п. мн.ч. 'делами'='материально'] событий. Все названные действия Бориса Годунова в описанных параметрах подвержены негативной оценке по причине изначальной негативно оцененной посылки – *неподобное* ('недопустимое') вмешательство Бориса в естественный ход событий.

Именованя царя часто становятся также и самоименованиями, или же, наоборот, самоименования – номинациями для общества. Согласно вышесказанному, само существование именованя *чрез первыя самодержавных уставы* и попытка личного субъективного участия оценивается отрицательно, ср.: *от терния проникша смраднымъ скверны помазан, плескова глаголю и прочих, яже о нем [о Борисе Годунове], во имя незнана . ниже нарочита ложна царя . написоватися ему им и крестоклятвено обещаваемъ ся, яко сущу, а не яко не сущу* [ВИТ: стлб 419] – дополнительным основанием для отрицательной оценки Бориса Годунова является его *клятва на кресте* и отсутствие признака нарочит [то есть отсутствие признака *называня* его царем по принятому обычаю *народом*], соответственно, наличию признака самозванства. Ср. также: *богу пустившу на нас грех ради наших, развратника пламеннообразному аггельскомꙋ образу, Гришку зовомаго Отрепьева, сеи же беззаконныи нарицаая себе именем иже в благочестии пресветло сияющего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, иже из его царских чресл произшедшаго тезоименитаго страдалца, добропобеднаго мученика христова, хвалам достоинаго сына его благовернаго царевича Димитрия,*

того именем беззаконныи себе нарече, благочестивыи же мученик царевич Димитреи, яко агнец, заклание приял [ЖДИ: стлб 887]. Здесь дана отрицательная оценка Григория Отрепьева через прямые именованья его негативно оценочными словами усиливается несколькими способами – указанием на присвоение им себе имени, ему не принадлежащего по обычаю и по родству, через указание на искажение смысла монашеского сана, принятого им однажды [как дополнительное указание на преступление и нарушение установлений, см. пункт об оценке через идею *установленности*], через удвоение конструкции со значением присвоения имени, а также через указание на тезоименность убиенного царевича мученику Дмитрию Солунскому, и усиление греховности присвоения имени Дмитрия самозванцем.

2.2. Указание на наследное владение и на выборность.

Апелляция к наследному владению достаточно частотна. Таковы положительнооценочные *отьчина, отьчство, отьчствие, вотчина, земля дедичь и отчичь* и т. д.: *блюдом Руские земли, кождо да държитъ отьчину свою* [Лавр 6605 г. – Срезн II, 1: стлб 831]; *Гюрги же посла ко Изяславу река, мне **отьчина** Киев, а не тебе* [Лавр 6662 г. – Срезн II, 1: стлб 831]; *Князь великии Василеи Васильевичь по **отечеству** и по **деденьству** искаше стола своего* [Никон 6941 г. – Срезн II, 1: стлб 834]; *А чьто буди судиль когда великом **княжене** и **вотчине** в своеи на Москве, или мои бояре или боярьские люди, а того вы, братья моя, не восчинаите* [Дух. Сим. 1353 г. – Срезн I, 1: стлб 307].

Сюда же можно отнести и прием «назначенности свыше»: *избрание бывает от всего освященнаго собора, и от всего царскаго синклита и христоролюбиваго воинства, и от всего народа, и возведен бывает на превысочайшии престол ... иже по благочестии поборатель, благоверныи и благочестивыи, **богомъ избранныи и христоролюбивыи царь** ... Василеи Ивановичь ... истинныи наставникъ православныя веры* [ЖДИ: стлб 888] – в этом

фрагменте, описывающем восхождение на царский престол Василия Ивановича Шуйского, говорится не только о том, как именно происходило избрание на царство конкретного царя, но и том, как это *должно* происходить *вообще*, во вневременном плане, описывается, каким должен быть успешный кандидат на престол, и подчеркивается его пассивность при избрании, а избрание происходит от народа, от всех его слоев, но прежде всего – *от Бога*.

Активно используется прием «авторитетное предшествование», переход имен собственных в нарицательные. На деле они и не совсем «нарицательны», ибо указывают не на *ряд*, *множество* однородных и невыразительных индивидуально явлений, а, напротив, интенсивно индивидуализируют, включая в иерархично более высокий ряд, ср. *король*, *кроль*, *краль* <**korol-(i-s)* /**krol-/kral-* -< **Korl-* < *Карл* (XII). Развитию в таком направлении способствовало также восприятие деятельности Карла IV Люксембургского, императора славянского, хотя и окатоличенного народа, см. также в [11].

2.3. Прием включения в положительно оцененные группы.

Весьма распространен прием переноса положительной или, наоборот, отрицательной оценки через включение оцениваемого, или именуемого субъекта в ряд субъектов, заведомо обладающих отрицательной или положительной оценкой. Разумеется, если речь идет о ныне царствующем или ему предшествующих князьях, то будет речь идти лишь о положительной оценке. К именованию этих групп могут добавляться квалификаторы – прилагательные, существительные, сочетания слов.

На основе осмысления этого способа и его сознательного применения сложился целый памятник письменности, который специально предназначен для подобного включения. Создание такого текста можно назвать способом тотального, или массивного включения как читателя подобного текста в оценочную ситуацию

(адресата его), так и того, в чьих интересах он составлен (так сказать, **пациенса**).

Первичной ступенью включения действующего царя/великого князя является включение его в ряд его отца, деда. Следующая, более глубокая – возведение к Рюрику и включение в ряд «Рюриковичей» – оценочная ситуация присоединения к общности заведомо авторитетной. Кроме того, Рюриковичи – это уже европейская история, выход за пределы собственно Руси. Здесь также надо учитывать специфическое значение множественного числа – значение ‘совокупность, собирательность’ (ср. совр. **предки**, также диалектное **родители, отцы** ‘родители’, **деды** ‘то же’, **прадеды** ‘предки’).

Например, включение в ряд с общим именем *Мономахъ*, *Мономаховичъ*, *Мономаховичи* и под. вводит в древний ряд, авторитетную общность, обосновывая и вхождение в состав «Рюриковичей».

Включение далее еще более древней ступени – цесарь (Caesar) и в ряд цесаревичи – вводит (велико)русского князя в мировую общую историю. Особенно заметно проявилось это у Ивана Грозного в связи с его специальными задачами продолжить традиции «третьего Рима».

И, наконец, самая важная апелляция – включение в ряд библейских царей, судей, пророков, через Иисуса – в его Родословие. История всемирная, освященная авторитетом Священного Писания, включает в свое лоно князя Руси, ее царя.

Итак, осмысление этого способа и его сознательное применение вызвало к жизни памятник письменности, специально предназначенный для выражения оценки через включение субъекта в заведомо авторитетную общность.

В итоге подобная апелляция к авторитетным предшественникам, даже лучше прямым родственникам, решает задачи не только оправдания и правомочности наследного владения (в некоторых

случаях так-таки и не совсем наследного, приобретенного, либо завоеванного). Развитие государственности неминуемо ведет к некоторому усилению личностного начала в обществе и соответственно большей необходимости для власти объяснить, обосновать властное право.

Государь, великий князь оказывается перед необходимостью иллюстрировать свое происхождение, показать путь прихождения к власти. Точно так, как это сделано в Бытии, также в Главе I Евангелия от Матфея (*Книга родства* ('родословие') *Иисуса, сына Давидова, сына Авраамля...*), русские князи начинают конструировать свои родословные. Это делается отчасти и Владимиром Мономахом в его Поучении (он именует себя *худыи, дедом своим Ярославом благословленным нареченыи в крещении Василии* [кстати, βασιλεύς Василий значит 'царственный']) в XII в.

Позже появляются исключительно важные для характеристики произведения. Прежде всего это **«Книга степенная царскаго родословия»**, *иже в Рустеи земли в благочьстии просиявъших богоутвърждьных скиптродержателеи, иже бяху от Бога, яко раиская древеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаниè, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветуць, многоплоден же и зрел и благоухание исполнен, велик же и высок верх и многочадным рождем, яко светлозрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем, и мнози от корени и от ветвеи многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по неи же невозбранен же к Богу восход, утвердиша себе же и сущим по них*, чей текст отнесен перу Афанасия митрополита 1560-1563 гг. [Степенная книга]. См. также подробнее о тексте в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (XIV-XVI вв. Ч. 2. А-К. С.73-79) [15].

В этом тексте произведено некое новое упорядочение происхождения великокняжеских родов, представленное в виде ступеней лестницы [с уподоблением в духовном смысле лестнице Иакова] с точно таким же возрастанием добродетелей от ступени к ступени со свойством накопления благого начала. Семантика возрастания усиливается также с введением образа *древа*.

В XVI веке уже произведена редакции «Родословия царского» с возведением к ветхозаветным царям и судиям через язычески-римского Августа и Цезаря, что визуально удлинит лестницу, умножив количество степеней-ступеней, а возведение к известнейшим властителям также усилило положительный аспект.

В региональных именовании важными моментами оказываются, во-первых, проецируемость номинационной системы центральной власти на региональные подсистемы, во-вторых, организация региональных именовании в некую иерархическую систему по уровням исполнительной власти. Мотивации именовании здесь также весьма сходны с мотивациями общегосударственной власти.

В отношении к именовании региональной власти широко используется вариация способа, описанного выше по отношению к центральной власти, а именно, опора на авторитет уже великокняжеской / царской / императорской власти, утверждающей регионального властителя: **наместника, воеводу, князя, посадника** и т. д. Разумеется, именование *наместник* предполагает не только наличие назначаемого, но и активную волю назначающего, в связи с чем в именовании может указываться, кем назначен властитель: **царский наместник**. Ср. в отношении к царю – **Божий помазанник**.

Таким образом, к концу Московского периода Российской государственности выработана система именовании власти, которая отражает реальную сложность отношений внутри власти и власти

к порождающему ее государственному механизму. Важным моментом в именовании и их восприятии становится наличие оценки.

ИСТОЧНИКИ

Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб.: Типография Скороходова, 1891.

ВИТ – Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб.: Типография Скороходова, 1909. Стлб. 261–472.

ЖДИ – Житие Дмитрия Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб.: Типография Скороходова, 1891. Стлб. 877–898.

САП – Сказание Авраамия Палицына // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб.: Типография Скороходова, 1909. Стлб. 473–524.

СГО – Сказание и повесть... о расстриге и разбойнике Гришке Отрепьеве и о походе его // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб., 1909. Стлб. 713–754.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: репринтное издание : в 3 т. М.: Книга, 1989. Т. 1-3.

Степенная книга – Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарий: в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: Школа «Языки славянских культур», 2007–2012.

СФИ – Слово о царстве Феодора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIII. СПб.: Типография Скороходова, 1909. Стлб. 755–832.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230–293.

2. Гак В.Г. Типология лингвистических номинаций // Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 310–364.

3. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сборник трудов / сост. и вступ. ст. Л.Н. Виноградовой. М.: Индрик, 1994. 270 с.

4. Елеонская Е. Указатель именъ собственныхъ // Елеонская Е. К изучению заговора и колдовства в России. Вып. I / Издание Комиссии по Народной словесности при Этнографическом отделе И.О.Л.Е.А. и Э. Б. М.: Типография Шамординской Пустыни, 1917. С. 60–63.

5. Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994а. С. 38–58.

6. Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994б. С. 59–105.

7. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
8. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
9. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. 269 с.
10. Майков Л.Н. Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова / Послесл., примеч. и подгот. текста А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1994. 215 с.
11. Непомнящая Р.В. Образ идеального правителя в “Vita Caroli” Карла IV // Человек в контексте культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида. М.: Индрик, 1995. С. 65–70.
12. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха: Статья первая // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1983. Т. XXXVII. С. 54–78.
13. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смутного времени. М.: Изд-во АСТ, 2009. 667 с.
14. Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Индрик, 1995. 352 с.
15. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1987. 500 с.
16. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 361 с.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
18. Суперанская А.В. Общая теория номинации. М.: Наука, 1973. 366 с.
19. Ульяновский В. Смутное время. М.: Издательство «Европа», 2006. 456 с.
20. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений. М.: Оргкомитет XVIII международного конгресса византистов, 1991. Т. 2. С. 1200–1202.
21. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 298–319.
22. Флоренский П.А. Имена. М.: Купина, 1993. 319 с.
23. Языковая номинация (общие вопросы) / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. 359 с.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (Владимир, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
pimenova-vgpu@yandex.ru

**О МОНОГРАФИИ ВЛАДИМИРА ВИКТОРОВИЧА КОЛЕСОВА
«КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ» (СПб., 2021)**

*Памяти выдающегося Ученого
и дорогого Учителя*

Аннотация. В статье рассматривается отраженное в языке концептуальное поле русского сознания, которое было выделено и описано в трудах Владимира Викторовича Колесова, посвященных актуальным вопросам современной когнитивистики.

Владимир Викторович Колесов (1934–2019) автор более 750 весомых работ, среди которых только фундаментальных монографий около шестидесяти (!) [23]. Он активно издавал древнерусские тексты, описывал и исследовал их в многотомных сериях «Памятники литературы Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси», а также в книгах «Домострой», «Жизнь и житие Сергия Радонежского», «Мудрое слово Древней Руси», «Кирилл Туровский» и др.

Трудно переоценить вклад В.В. Колесова не только в отечественную, но и в мировую лингвистику. Как отмечает Б.В. Кунавин, «ошеломляющая пронизательность его исследований, необычайная работоспособность, широта кругозора и оригинальность мышления поражают <...> По выявлению развития общеязыковых идей его можно сравнить лишь с А.А. Потебней» [6: 133]. Нельзя с этим не согласиться! Мне посчастливилось учиться у профессора В.В. Колесова в аспирантуре и докторантуре, поэтому я смогла также увидеть и оценить его доброту, великодушие, щедрость, мгновенную скорость реакции, искрометное чувство юмора, – на эти качества Владимира Викторовича указывают все, кто с ним общался лично [4: 7, 10–11; 23; 26].

Имя В.В. Колесова неразрывно связано с Ленинградским/Санкт-Петербургским государственным университетом (см. его биографию [2: I-X; 4: 5–8; 5: 3–8; 17; 18; 23; 27]). Л.А. Вербицкая так пишет о трудовом пути Владимира Викторовича: «студент русского отделения филологического факультета, ассистент, доцент, профессор – путь на первый взгляд простой и обычный. Но, наверное, только те, кто его прошел, понимают, сколько вложено сил, столько было бессонных ночей, сколько раздумий и размышлений, сколько прочитано и продуманно, сколько рассказано и обсуждено» [5: 5]. Педагогический стаж В.В. Колесова включил в себя около шестидесяти лет, из которых почти половину он заведовал кафедрой русского языка ЛГУ/СПбГУ (с 1978 по 2006 гг.)¹⁰. В разные годы эту кафедру возглавляли И.И. Срезневский, И.В. Ягич, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, Н.С. Державин, С.П. Обнорский, М.А. Соколова, В.В. Виноградов, С.Г. Бархударов, Б.А. Ларин, Э.И. Коротаева, Н.А. Мещерский и др. [25], из нее, по словам учившегося у Владимира Викторовича писателя М.И. Веллера, «вышла вся русская лингвистика» [3]. В.В. Колесов продолжил лучшие традиции сформировавшейся еще на исходе XIX века Петербургской (Петроградской / Ленинградской) филологической школы, для которой, как считал сам Владимир Викторович, характерен преимущественный интерес к **смыслу**, а не **форме**, **развитию/процессам**, а не **модели**, **динамике**, а не **описанию фактов** [10: 313–319].

Начинал Владимир Викторович свои научные исследования как историк-фонолог и акцентолог: в 1962 г. (в 28 лет) он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «К исторической фонетике новгородских говоров: /ô/ закрытое, «новый» ѣ /ё/ и цоканье в новгородских рукописях

¹⁰ Как-то, когда я пожаловалась Владимиру Викторовичу на тяготы работы в должности заведующего, он мне ответил примерно следующее: «Трудно только первые двадцать лет, а потом привыкаешь!».

XI–XIV вв.», а в 1969 г. (в 35 лет! и не менее блестяще) – докторскую «Именная акцентуация в древнерусском языке» [2: 1–2; 23]). Б.И. Осипов в рецензии на книгу В.В. Колесова «Русская историческая фонология» отмечает, что в его трудах, опередивших свое время, мы видим «...опыт глобального подхода к проблеме. <...> диахронический подход к фонологии получает объяснительную силу, начинает проявлять себя как способ поиска системных причин развития звукового строя языка», наблюдается «увязка системоцентрического и антропоцентрического аспектов лингвистического материала» [19: 5–6].

Параллельно с фонологией Владимир Викторович обращается к исследованию *семантики* (смысла) фактически **всех уровней языковой системы** в *динамике* их функционирования и развития. Его интересовали историческая грамматика и стилистика, лексикология и лексикография, риторика и культура речи (прагматика), лингвистическая герменевтика, история языкознания и т. д. (см. обзоры/рецензии и библиографические списки его работ [1; 2; 4; 5: 552–556; 6: 133–141, 187–189; 7; 15: 3–5, 254–275; 16: 478–500; 19; 23; 20; 21; 22; 23; 24; 27]). Глобально подходя к каждой проблеме, В.В. Колесов при изучении и представлении языковых фактов наглядно реализовал научные принципы современной лингвистики (*антропоцентризм, экспансионизм, эскпланаторность, неофункционализм, текстоцентризм*), причем сделал это на уровне сути, а не терминологии.

В последние десятилетия В.В. Колесов обратился к обобщению и осмыслению всего им исследованного и накопленного – к философии языка, когнитивной лингвистике и концептологии.

В Предисловии к своей монографии «Концептуальное поле русского сознания» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 612 с. [11]),

изданной после ухода автора из жизни¹¹, В.В. Колесов отмечает, что данный труд – «...своеобразное практическое приложение» к его книгам “Язык и ментальность” (СПб., 2000), “Философия русского слова” (СПб., 2002), “Русская ментальность в языке и тексте” (СПб., 2007) и серии “Древняя Русь” (СПб., 2000–2011), собранной в книге “Древнерусская цивилизация” (СПб., 2014). Это своеобразная проверка тех результатов, – пишет Владимир Викторович, – которые я получил в указанных книгах – с максимально объективной позиции со стороны личных свидетельств многочисленных авторитетных авторов» [9; 11: 4; 12; 13; 14].

В этом труде В.В. Колесов во главу угла ставит исследование основной единицы ментальности, справедливо замечая, что «одним из самых неопределенных понятий когнитивной лингвистики остается, пожалуй, самое главное – “концепт”, и тексты авторитетных когнитологов <...> это подтверждают. Эти определения неясны и неточны, касаются только отдельных признаков концепта, не восполняя его доль цельности. Кроме того, они допускают смешение в сторону понятий “концепция” или “понятие”»¹² [11: 11].

В.В. Колесов, рассматривая различные подходы к определению концепта (линия Абеяра: *conception* (концепция), линия Аскольдова: *conceptus* (концепт), линия Франка: *conceptum* (концептум)) и

¹¹ Как указывают Д.В. Колесова и Н.В. Колесова, «В.В. Колесов завершил работу над своей последней монографией весной 2019 г. и подал заявку на ее издание в научный фонд. Заявка была одобрена, однако кончина автора стала препятствием для издания этого труда при содействии фонда. В 2020 г. рукопись была принята в Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, за что мы глубоко признательны ректору РГПУ С.И. Богданову. Подготовка монографии к печати велась без участия автора, но с бережным вниманием к его воле, выраженной в тексте. Были сохранены индивидуальные знаки препинания и авторские выделения, полностью выдержана задуманная В.В. Колесовым композиция монографии. Мы с радостью и благодарностью представляем вниманию читателя итоговый труд учёного» [11: 10].

¹² Кроме того, многочисленные дефиниции данной лингвистической единицы отождествляют ее также со следующими существующими терминами: *представлением, значением, смыслом, этимолом, словом, символом, образом* и др., что не позволяет определить место данного феномена в языковой системе. Имеющиеся метафорические определения красивы («сгусток культуры», «соцветия», «парЯт» и под.), однако они тем более не связаны с системой языка.

определения когнитологов [11: 11–23], предлагает собственную лаконичную и емкую дефиницию: «*Концепт – это сущность смысла, данная в знаке как выражение знания о мире.* Или в редуцированной форме: **Концепт есть сущностный смысл словесного знака, данный как знание**». *Ментально* в содержательном смысле это самое полное и непротиворечивое определение концепта, которое в явном или скрытом виде содержится во всех рассмотренных определениях» [11: 24].

Продолжая размышления В.В. Колесова, а также отвлекаясь от понятия *концепции (conception)* и его философской, логической, психологической и пр. глобальных составляющих отметим, что, по нашему мнению, *концепт* на лексико-семантическом уровне с чисто лингвистической точки зрения представляет собой по своей сути **инвариант означаемого**, единицу эмического (абстрактного) уровня (сопоставимую с *фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой*), которая на этическом (конкретном) уровне **материально реализуется** в лексических значениях, сигнификатах – интенционалах и экстенционалах, внутренних формах слов – способах представления внеязыкового содержания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках/аллофонах, морфема – в морфах/алломорфах, лексема – в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема – в синтагмах/предложениях и др.).

Нам представляется, что данная трактовка при всей своей очевидности «примиряет» большинство предложенных определений концепта (примиряя также сторонников «революционной» когнитивистики и «устоявшихся»/традиционных лингвистических направлений), «снимая» необходимость все новых и новых дефиниций «ускользающего» термина («размытость» которого объясняется прежде всего его эмическим характером) (см. также [20: 60–64; 21: 303–304]).

В.В. Колесов выстраивает следующую последовательность действий при концептуальном исследовании:

1) подбор массива текстов;

2) **анализ**: предварительная редукция текстов – выбор *десигнатов* (единство словесного значения и содержания понятия), *предикатов*, «...на основе которых в дальнейшем определяются *денотаты* (единство предметного значения и объема понятия»;

3) распределение *контента* (содержания форм) по составам причинности (Аристотель): *основание – условие – причина – цель*;

4) формирование семантической константы на основе «произвольно выбранном ментальном *Основании* (он *дан*) и следующих из него трех конструктивных причин (они *заданы* ключевым словом *Основания*)»;

5) **синтез**: обобщение соотношений смысла в мета-тексте, в котором «... *синтагматически* представлено обобщенное высказывание всех участников речевого акта»;

6) выстраивание *ментальной парадигмы* путем расположения составов концепта «...в *концептуальном квадрате*, причем образ замещает *условие, понятие – причину, символ – цель*, а *Основание* соотносится с “зерном первосмысла” – *концептумом*» [11: 93].

Концептуальное поле русского сознания можно получить, по мнению В.В. Колесова, при помощи последовательного наложения «...индивидуальных парадигм друг на друга. Например, последовательность ментальных парадигм *София – вера – надежда – любовь, лик – лицо – личность – личина, ум – разум – рассудок – мудрость* и т. п., совмещаясь, выстраивают общую структуру *концептуального поля*» [11: 94].

В работе В.В. Колесова структура концептуального поля русского сознания выстраивается ментальными парадигмами разных видов, среди которых следующие:

1) полные «...со всеми четырьмя составами» [11: 604] (*подсознание – сознание – познание – знание* [11: 157], *ум – разум – рассудок – мудрость* [11: 186], *житие – жизнь – живот – жив(отное)* [11: 267], *мышление – ощущение – представление – наитие* [11: 159], *быт – действительность – бытие – реальность* [11: 278], *дух – духовность – душевность – душа* [11: 296], *София – вера – надежда – любовь* [11: 318], *лик – лицо – личина – личность* [11: 325], *плоть – плотность – телесность – тело* [11: 335], *право – правда – правильность – справедливость* [11: 414], *враг – противник – неприятель – супостат* [11: 446], *путь – дорога – тропа – стезя* [11: 463], *гнев – ярость – лютость – гроза* [11: 519], *грусть – тоска – печаль – скорбь* [11: 522], *стыд – стыдливость – срамота – срам* [11: 541], *страх – трепет – ужас – боязнь* [11: 551], *удовольствие – удовлетворение – удовлетворенность – доволен* [11: 557];

2) «...неполные парадигмы в составе трех (*власть – народ – закон*) при отсутствующем концептуме, а также двух (*общество – государство*) или трех (*святость, смех, демократия*)» [11: 604]; см. также *труд, работа, дело* [11: 397], *вожак – вождь* [11: 440], *добро – зло* [11: 469], *свобода – воля* [11: 480], *судьба – счастье* [11: 489], *грех – вина* [11: 495], *чудо – диво* [11: 499], *ряд – порядок* [11: 553], *долг – обязанность* [11: 571], *пространство – время* [11: 583], *культура – цивилизация* [11: 601]. Кроме того, В.В. Колесов ставит вопрос «... о совмещенности ряда концептов в ментальной парадигме в соответствии с их собственным содержанием, ср.: *Дорога – путь, тропа, стезя; Дом – кров, семья, здание, хозяйство...*» [11: 602].

Среди ментальных концептов В.В. Колесов рассматривает *методологию* познания как идею, *метод* исследования – как раскрытие знака, *методику* описания – как анализ текста, представляя их в синергичном треугольнике отношений [11: 101].

На схеме, как указывает В.В. Колесов, «...следование **abc** отражает позицию реалиста, представляющего равенство идеи и вещи в *сознании*, следование **acb** – позицию номиналиста, уравнивающего идею и знак в *познании*, а следование **bac** – позицию концептуалиста, соединяющего знак и вещь в *знании* их смысла» [11: 102].

По мнению, ученого, каждая форма когнитивной лингвистики тяготеет к определенному философскому направлению: «контенсивная (содержательная – *познание*) – к номинализму с выходом на метод, собственно когнитивная (познавательная – *знание*) к концептуализму с предпочтением конкретных методик, а концептология (конструктивная – *сознание*) – к реализму с утверждением метода логических оснований» [11: 108], причем первая форма поддерживается англо-американским позитивизмом, вторая – французским концептуализмом, а третья – русским реализмом [11: 108]. «Неизбежность синтеза, – пишет В.В. Колесов, – приводит к работам Аристотеля, который в методическом отношении представляет исходный научный синтез всех возможных приемов научного анализа» [11: 108].

В.В. Колесов подчеркивает также необходимость различения терминов *менталитет* (заимствованное) и *ментальность* (русское), указывая, что «менталитет предстает как система стереотипов человеческого коллектива, а личная ментальность – как *психическое* образование. Иными словами, менталитет представлен в *объективной*

картине мира, ментальность – в *языковой* картине мира отдельного человека, носителя группового менталитета. В отличие от менталитета, ментальность связана с исконным своим составом, лежащим в основе ментальности, – с *духовностью*. Ментальность предстает в качестве рефлексии о духовности. Духовность онтологична, ментальность гносеологична» [11: 248].

Для нас особо значимы замечания В.В. Колесова, связанные с диахронией, с исторической последовательностью замен типов мышления (подробнее см. [21: 304-315]), «...преимущественно использовавших метонимию – синекдоху – метафору (последняя развилась как раз в средневековой России как средство создания символа), сегодня включился новый троп – *ирония* <...>, пропитанный стебом и безудержным глумлением» [11: 211–212].

В заключение следует отметить, что монография В.В. Колесова «Концептуальное поле русского сознания», как и все его работы, требует особого чтения – «вдумчивого, медленного, сопровождаемого медитациями на основе собственного культурно-языкового опыта» [8: 238], поскольку главная цель трудов выдающегося Ученого и дорого Учителя – «подтолкнуть собственную мысль читателя в нужном направлении» [13: 432].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балалыкина Э.А. Рецензия: Колесов В.В. Основания науки. СПб.: Нестор-история, 2013. 196 с. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т.156, кн. 5. С. 313–318.
2. Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Владимир Викторович Колесов. Самарканд: СамГУ, 1988. 101 с.
3. Веллер М. Обеспечение ударения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=541421&p=1> (дата обращения 10.04.2020).
4. Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова / ред. С.А. Аверина, М.Б. Попов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова, О.А. Черепанова, А.В. Голубева. СПб.: Златоуст, 2021. 352 с.
5. Грани русистики. Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора В. В. Колесова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 559 с.
6. Динамика русского слова: Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В. В. Колесова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 191 с.
7. Зеленин А.В. Гимн учителю // Мир русского слова. 2004. № 1. С. 109–113.

8. Камчатнов А.М. Как уловить неуловимое? (Рецензия на книгу: В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. Словарь русской ментальности: В 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014) // Филология и культура. 2017. № 1. С. 234–238.
9. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
10. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. 364 с.
11. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.
12. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 619 с.
13. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
14. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 237 с.
15. Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография: к 70-летию проф. В.В. Колесова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 276 с.
16. Ментальность и изменяющийся мир: Коллективная монография: К 75-летию проф. В.В. Колесова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с.
17. Мокиенко В. М. Моцарт петербургской русистики: Владимир Викторович Колесов // Профессор Владимир Викторович Колесов: Библиографический указатель научных трудов (к 80-летию автора) / С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, В.В. Клепацкий, М.Вл. Пименова, Т.П. Рогожникова, М.А. Харламова. СПб. Омск: Изд-во СПбГУ–ЛИТЕРА, 2014. С. 5–15.
18. Морозова Е.А. Колесов Владимир Викторович. Профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 4. С. 266–268.
19. Осипов Б.И. Теория фонемы – антропоцентрический аспект фонетики: размышления над книгой В. В. Колесова «Русская историческая фонология» // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 4–10.
20. Пименова М.Вас. Модели словесного знака и синкретичное значение // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. С. 52–69.
21. Пименова М.Вас. Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова // Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова / ред. С.А. Аверина, М.Б. Попов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова, О.А. Черепанова, А.В. Голубева. СПб.: Златоуст, 2021. С. 302–318.
22. Профессор Владимир Викторович Колесов: Библиографический указатель научных трудов (к 80-летию автора) / С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, В.В. Клепацкий, М.Вл. Пименова, Т.П. Рогожникова, М.А. Харламова. СПб. –Омск: Изд-во СПбГУ–ЛИТЕРА, 2014.
23. Профессор Владимир Викторович Колесов: Собираем, изучаем и развиваем наследие профессора В. В. Колесова: сайт. URL: <http://vkolosov.ru> (дата обращения 31.01.2022).
24. Рогожникова Т.П. Русское слово в лингвистическом творчестве В. В. Колесова // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 1. С. 7–11.
25. Санкт-Петербургский государственный университет. Филологический факультет. История кафедры русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/kafedra-russkogo-yazyka/histirykaf/history> (дата обращения 10.04.2020).
26. Слово о Владимире Викторовиче Колесове: Юбилейный сборник очерков, здравниц, откровений. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 119 с.
27. Черепанова О.А., Садова Т.С. Профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 9. Вып. 3. С. 5–7.

РЫЛОВ Станислав Александрович (*Нижний Новгород, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
standap46@mail.ru

**СИНКРЕТИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ РЕЧИ XII–XIV ВЕКОВ:
ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Аннотация. Обращение автора к проблеме синтаксического синкретизма, недостаточно разработанной в исторической лингвистике, стимулировали идеи профессора В.В. Колесова. Ученый одним из первых в отечественном языкознании обратился к проблеме синкретизма языкового знака и создал оригинальную школу лингвистической синкретологии. Автор основывается на понимании синкретизма, отчетливо выраженном в трудах ученого. В целях систематизации значительного разнообразия синкретичных синтаксических конструкций в древнерусской речи XII–XIV вв. выделяются и анализируются типичные древнерусские синтаксические синкреты.

Выдающийся ученый, исследователь в области истории русского языка и культуры профессор В.В. Колесов одним из первых в отечественном языкознании обратился к глубокому научному изучению явления синкретизма языкового знака в *диахроническом* плане (см. его работы [3: 260–264; 7: 18–28; 4: 143, 269, 280; 8: 40–49] и др.). Анализируя истоки синкретизма в Древней Руси, В.В. Колесов отмечал: «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи <...> именно язычество и христианство стали двумя релевантными полюсами мифологического сознания Древней Руси – с присущей им синкретичной мыслительной традицией. Устойчивый дуализм славянского сознания определяется подобным его раздвоением, однако формы выражения такого сознания в языке долго сохраняли свой семантический синкретизм» [8: 40]. Другим основанием синкретизма в Древней Руси было нерасчлененно-целостное восприятие действительности: «Средневековый этап постижения символа скорее всего отражает

диффузность восприятия, основанного уже на представлении, а не на ощущении» [8: 46].

Понимание сущности синкретизма как свойственной древним языковым периодам нерасчлененности содержания (значений) языкового знака и его функций нашло значительный отклик и получило развитие в трудах историков языка О.А. Радутной [20], А.К. Коневецкого [12: 175], О.А. Черепановой [22: 5], М.Вас. Пименовой [15: 52–69; 16: 305–308], Д.В. Колесовой [11: 237–242]; см. также «Словарь русской ментальности в двух томах [10]. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что проф. В.В. Колесов создал Ленинградскую/Санкт-Петербургскую школу лингвистической синкретологии.

Синкретизм – уникальное явление национального языка, которое находит многообразные проявления и в синхронии, и в диахронии, пронизывает все уровни языковой структуры, в том числе синтаксический строй. Проблема синтаксического синкретизма представляет актуальность и для исторического синтаксиса русского языка – в связи с недостаточной разработанностью общей проблемы развития структуры предложения-высказывания как двусторонней (языковой и речевой) синтаксической единицы. Выявление синкретичных конструкций, детальное исследование их грамматической и семантической организации на отдельных синхронных срезах во многом обеспечивают адекватность лингвистических описаний, позволяют проникнуть в историческую реальность языка.

Не случайно, что проф. В.В. Колесов, рассматривая логику внутреннего развития средневековой культуры, описывая ее ключевые особенности с точки зрения русского национального сознания, неизбежно обращается к отличительным особенностям *древнерусского* выражения мысли: «Предложение создавалось в мысли «присоединительным усилием»: насколько хватит впечатлений и сил, столько и соединяй. Это присоединение, а не сочинение и уж тем более

не подчинение одной мысли – другой. <...>. Таково это странное смещение перспективы, когда остается неясным, что в высказывании важно, а что – нет. Здесь все одинаково важно.» [5: 439]; «Древнерусский синтаксис был лаконичен, текст насыщен символами, представлен в синкретизме форм и конструкций.» [9: 235]; «Синкретизм синтаксических отношений отражает общий синкретизм нерасчлененной мысли» [5: 441; 6: 427].

Действительно, синкретизм представляет собой **онтологическое** свойство структуры древнерусского предложения-высказывания, это языковая реальность. Проведенный нами анализ синтаксической организации древнерусской речи (сплошному обследованию было подвергнуто около 270 оригинальных древнерусских текстов XII–XIV вв. разной жанрово-стилевой отнесенности) показал, что грамматическая структура простого предложения-высказывания (ППВ) этого времени характеризовалась значительной «простотой», малой протяженностью (в основном – от двух до пяти членов предложения), компактностью, семантической емкостью. Компактность и емкость древнерусского ППВ нередко были обусловлены другой существенной особенностью его грамматической структуры – **синтаксическим синкретизмом (СС)**. Эта черта была замечена еще А.А. Потебней и им же подробно описана, хотя мы и не находим самого термина «синкретизм» в его фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике» [17: 106–107, 131, 190–191; 18: 258, 275–276]. А.А. Потебня особо выделял такие специфичные конструкции, являющиеся исконными для народного языка и не употреблявшиеся в церковнославянских и славянорусских переводных памятниках, как: *добрый конь стоит, головушка наклонена; на иву, вверху суковата; шуба сукно красно-малиново; обертываться туром золотые рога; Иваном зовут Федотов сын.* Возражая против перенесения современных представлений о структуре предложения в историю языка, ученый доказывал, что тут нет никакого

опущения соединительных слов (местоимений) или сокращения придаточных предложений. Такие конструкции уходят в глубокую древность. Древняя структура ППВ исконно характеризовалась паратактичностью [18: 250–251, 505], т. е. таким построением, в котором господствовало *соположение* предикативных единиц в тексте, членов предложения, и отношения зависимости между ними были не расчленены, грамматически не выражены. Для древнего строя предложения были типичными нерасчлененность субъекта и объекта действия, пространственных и временных, объектных и посессивных отношений, семантики обусловленности (причины, следствия, цели, условия, уступки).

Следует отметить, что понятие синтаксического синкретизма как исторической категории остается в лингвистике недостаточно разработанным. Мы основываемся на понимании синкретизма, отчетливо выраженном в трудах проф. В.В. Колесова. Исходя из этого представляется необходимым рассматривать синтаксический синкретизм в древнерусском языке/речи не только и не столько как особенность грамматической структуры древнего предложения-высказывания, но прежде всего как языковую **кате́го́рию**, имеющую *семантические* основания. Действительно, понятие синтаксического синкретизма применительно к истории языка охватывает определенный **класс** синтаксических конструкций, имеющих общие категориальные особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане *содержания* категориальными для СС признаками являются: сложная, нерасчлененная грамматическая семантика предложения-высказывания, семантическая недифференцированность, совмещение в структуре ППВ разных значений у одного и того же члена предложения или конструкции. В плане *выражения* существенными синкретообразующими факторами могут быть: отсутствие четкой грамматической организации в построении предложения, наличие

синкретичных морфологических форм (например, причастий), совмещение у одного и того же грамматического элемента признаков разных членов предложения, слабая выраженность грамматической зависимости между элементами в структуре ППВ или между предикативными единицами и, как следствие, преобладание соположения между ними, необычный порядок слов в предложении и др.

Категориальный подход позволяет определить синтаксический синкретизм применительно к истории языка следующим образом: **синтаксический синкретизм** – это **исконное** одновременное совмещение нескольких значений в одной синтаксической категории (в предложении-высказывании или в члене предложения), которое не устраняется в процессе ее функционирования. Частным случаем синтаксического синкретизма является отсутствие четкой структурно-грамматической расчлененности, оформленности в построении предложения в речи, недифференцированность его синтагматической формы и, как следствие, – нерасчлененность, диффузность семантики предложения-высказывания. Синкретичная синтаксическая конструкция (синтаксическая синкрета) – мало упорядоченное в структурно-семантическом отношении синтаксическое образование, выражающее сложную семантику, не укладывающуюся, как правило, в рамки современного «одномерного» членения. Необходимо учитывать, что синтаксический синкретизм – весьма сложное явление, которое основывается на морфологическом синкретизме: изначальной диффузности частей речи, синкретизме имен, нерасчлененности видо-временных форм глагола и т. д. Синтаксический синкретизм нередко возникает в результате взаимодействия грамматической структуры ППВ с семантической диффузностью на лексическом уровне.

Анализ текстового материала показывает, что в древнерусской речи XII–XIV веков разной жанрово-стилевой принадлежности весьма широко представлены синкретичные синтаксические конструкции.

Наиболее «богатой» в этом отношении является, по нашим наблюдениям, *летописно-хроникальная* и *деловая* древнерусская речь, где особенно ярко проявляются недостаточная структурно-грамматическая оформленность простого предложения-высказывания, «дробность», нерасчлененность его синтагматической формы, диффузность семантики. Вместе с тем, синтаксический синкретизм представлен в древнерусской речи XII–XIV вв. разными конструкциями, неодинаковыми по характеру, семантике, степени проявления синкретизма. Он может наблюдаться на текстовом уровне, относиться к структуре всего ППВ в целом, проявляться внутри грамматической структуры ППВ – между его членами, а также у отдельных членов предложения, когда в одной словоформе совмещаются дифференциальные признаки разных членов предложения.

Описание многообразия синкретических конструкций, разумеется, невозможно без их классификации. К сожалению, вопросы классификации и типологии синкретических синтаксических конструкций в научной литературе в достаточной степени пока не разработаны даже применительно к современному русскому языку. Следует отметить лишь общую классификацию явлений синтаксического синкретизма, предложенную Г.В. Валимовой [2: 7–14], а также классификацию переходных явлений (оппозиций) в системе структурно-семантических типов простого и сложного предложений, представленную в монографии В.В. Бабайцевой [1: 383–552]. Что касается древнерусской речи, то при систематизации всего разнообразия синтаксического синкретизма в ней необходимо учитывать факторы как структурно-грамматические, так и семантические: структурный тип предложения, на основе которого строится высказывание, его предикативную основу, способ организации синтагматической формы ППВ, смысловые и грамматические связи между компонентами ППВ (членами предложения), характер соположения грамматически и по смыслу связанных членов

предложения (постпозиция/препозиция, контактное/дистантное соположение), морфологическое выражение члена предложения и его морфологическую «предрасположенность» к синкретизму, предикативную «силу» определенных морфологических форм (прежде всего древнерусских кратких действительных причастий) и др.

При решении проблемы систематизации явлений древнерусского синтаксического синкретизма важно опираться и на идеи А.А. Потебни, актуальные и для современного исторического синтаксиса. Так, им был подробно описан ряд характерных для древнерусской речи синкретичных синтаксических конструкций, см., например: [18: 203–211; 248–255; 17: 189–203] и др.

Проведенные нами наблюдения над организацией синкретичных синтаксических конструкций, представленных в древнерусской речи XII–XIV вв., а также богатство рассматриваемых А.А. Потебней синтаксических конструкций, данный им их тонкий семантический анализ – все это позволяет, в качестве первого опыта систематизации всего разнообразия синтаксического синкретизма, выделить наиболее типичные и распространенные группы древнерусских синкретичных конструкций ППВ.

Во всех древнерусских речевых разновидностях подавляющая часть (60–80%) синкретичных конструкций приходится на простые высказывания с синкретизмом внутри грамматической структуры ППВ – между отдельными его членами. **Данный тип (1) – синкретизм, проявляющийся внутри грамматической структуры простых высказываний**, – неодинаков по своему характеру и представлен в древнерусской речи разными синкретичными конструкциями. В типе (1) может быть выделено несколько характерных для древнерусской речи XII–XIV вв. синкрет.

1.1. *Паратактические конструкции с постпозитивным приложением (нередко распространенным) типа: **А зовуць его Власкомъ. Ивановъ сынъ***

Постпозиция приложения и нередко его дистантное расположение по отношению к стержневому слову в таких конструкциях приводит к тому, что приложение, выражая собственно атрибутивный признак, приобретает полупредикативность, относительную самостоятельность. Оно «чувствуется» как независимое (обычен им.п.) и теряет согласование со стержневым словом. «Первоначальное возникновение этого несогласования, – отмечал А.А. Потебня, – можно представить себе как сделку между двумя актами мысли: мыслью «заднюю», предыдущую, с согласованием в именительном: *Михайло Казарянин*, и мыслью последующую, которая преобразует определяемое, согласно с новыми своими требованиями, но не в силах подчинить тому же плану определительное: «зовут меня *Михайлоу Казарянин*» [18: 204]. Постпозитивное приложение в таких конструкциях получает подобие «осколка». Несмотря на внешнюю простоту их грамматической структуры, они отличаются неоформленностью, дробностью, нерасчлененностью семантики, что и обуславливает их семантический синкретизм. – Ср.: *Въ лѣто 6669 ъ Оуладися Ростиславъ съ Андрѣемъ о Новъгородъ ъ и вывѣдоста Мьстислава. Гюргевъ въноукъ* | (Новг. I лет., л. 31 об.).

Синкретичную семантику последней предикативной единицы можно понять и перевести на современный русский язык двояко: а) *и вывели* [лишили престола] *они* [вдвоем] *Юрьева внука Мстислава*; б) *и вывели они Мстислава, он (который) был внук Юрия*. Нечеткая, размытая (с точки зрения норм современного русского языка) грамматическая оформленность и семантическая нерасчлененность древнерусского ППВ позволяют расценивать его как синкрету. Такие конструкции особенно широко представлены в Новгородской I летописи

(древнерусские примеры даются в упрощенной графике; знаком | обозначается граница между предикативными единицами):

*И поклонишася Кыяне | и посадиша Кыевъ Мьстислава Романовиця
въноукъ Ростиславль |; Въ лѣто 6625 | Иде Мьстиславъ Кыевоу на
столъ из Новагорода. марта. въ. 17. | а снѣ посади Новѣгородъ Всѣволода
на столѣ |; Въ лѣто 6550 | Володимиръ иде на Ѥмь съ новгородци. сынъ
Ярославль |; Въ се же лѣто вода бяше велика въ Волховѣ | и хоромъ
много сноси | и князь Полотьскыи оумре. Борисъ Всеславниъ | и Завидъ
посадникъ Новгородскыи оумре. Дѣмитровиъ | (Новг. I лет.).*

1.2. Синкретичные атрибутивные конструкции типа:
конь стоитъ. головушка наклонена

Паратактические конструкции такого рода были подробно описаны А.А. Потебней [18: 248–251]. Если подходить к ним с точки зрения строя древнего языка, в котором они возникли, то следует признать, что вторая часть в низ («головашка наклонена») еще не составляла отдельного предложения. Специфика таких конструкций в том, что они включали синкретичный член предложения, выраженный кратким страдательным причастием (иногда прилагательным), которое ставилось в постпозиции к стержневому слову и приобретало полупредикативность, по значению относясь ко всему предложению. Показателем этого может служить тот факт, что согласование синкретичного члена со стержневым словом может в определенных условиях нарушаться, например: *Томъ же лѣтѣ створи црковь
боголюбивыи архѣспѣ Гаврила. стго възнесення. създана Милонегомъ
тысяцьскымъ* (Новг. I лет.).

Как показывает анализ, такие синкретичные конструкции широко представлены в летописях, нередко употребляются и в художественно-повествовательной речи, например:

А Святъславъ мѹтенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ | си ночь съ вечера одѣвахоутъ мя і рече | чрѣною паполомоу на кровати тисовѣ | чрѣпахутъ ми синее вино съ трудомъ смѣшено | (Сл. о п. Иг.); – ср. «... вино, оно (которое) съ трудомъ смѣшено»; Тогда великий Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено | (Сл. о п. Иг.); Яко же во олово гинеть часто разливаемо | тако и человекъ приемля многия бѣды | (Сл. Дан. Зат.).

Следует заметить, что последнее предложение-высказывание разными исследователями переводится на современный русский язык неодинаково, что и отражает синкретичный характер грамматической структуры древнерусского предложения-высказывания, ср.: а) «Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует» (перевод Д.С. Лихачева) [14: 391]; б) «Как олово погибает от частого плавления, так и человек, терпящий многие беды» (перевод А.Н. Ужанкова) [21: 70].

1.3. Синкретичные конструкции с кратким действительным причастием в функции второстепенного сказуемого модели:

[Подлежащее] – (и) Вт. Сказуемое-кр. действ. причастие – (и) Сказуемое-глагол

Показательно, что синкретичные конструкции простых высказываний с второстепенным сказуемым очень активно и устойчиво функционируют во всех стилевых разновидностях древнерусской речи:

се слышавше Корсѹнци. послаша въ Раманѹ. глице | (Пов. врем. лет); се слышавъ црь. посла к Игорю лучне боляре. моля и гя | (Пов. врем. лет); Игорь же дошедъ Дуная. созва дружинѹ | (Пов. врем. лет); и створше миръ. придоша опять | и поустиша митрополита Кыевоу... | а на Соудаль идоуце. не поустиша его | (Новг. I лет.); И скончавъ молитву. въставъ | поклонися архіепископу | (Пов. о житии А. Невск.); слугы же его. ругающеся. вязахутъ

ихъ къ хвостомъ коней своихъ | (Пов. о житии А. Невск.); *Царь Батыи зря на тело Бупатиєво. и рече* | (Пов. о разор. Рязани); *Аже кто оударитъ мечемъ. не вынезъ его. или роукоятью* | *то 12 гривне продаже за обиду* | (Правда Русск.); *А оже кто въсядетъ на чюжь конь не прашавъ* | *то 3 гривны* | (Правда Русск.); *покланяньє от Мирслава ко Жирошьке* | *створя добре. възмя поцостое. по(нд)и ж(є)...* | (Гр. Ст. Р. 17).

Синкретизм таких конструкций обусловлен грамматическими свойствами древнерусских кратких действительных причастий и их особой синтаксической функцией, которую А.А. Потебня удачно обозначил термином «второстепенное сказуемое» [17: 185]. Специфика этой синтаксической функции состояла в том, что краткое действительное причастие выражало добавочное действие на «фоне» основного действия, обозначенного глагольным сказуемым, то есть проявляло предикативность. Однако предикативность причастия в такой функции, в отличие от глагола, не была самостоятельной: она «носила открытый характер и всегда требовала «закрытия» сказуемым в финитной форме. <...>. Вне связи с глагольным сказуемым второстепенное сказуемое не может выражать ни времени, ни лица, ни модальности. Более того, вне связи с глагольным сказуемым оно вообще не могло употребляться» [13: 9]. Краткое действительное причастие было тесно связано с глагольным сказуемым и семантически, что выражалось во временном соотношении их действий (последовательность действий или их одновременность), причем на это соотношение действий во времени нередко наслаивались различные обстоятельственные значения, которые могли оттеснить на задний план соотношение действий по времени. С другой стороны, краткое действительное причастие в структуре двусоставного предложения сохраняло непосредственную грамматическую связь и с подлежащим, согласуясь с ним в роде, числе и падеже, то есть проявляло атрибутивные свойства. Таким образом, краткое действительное

причастие в грамматической структуре простого предложения-высказывания занимало «аморфное» положение: оно «тяготело» и к главному члену предложения – сказуемому, обладая предикативностью, но, вместе с тем, не было равносильно глагольному сказуемому (А.А. Потебня называл такие причастия аппозитивными), и в то же время – к второстепенному члену предложения, обладая атрибутивностью. Следует отметить, что в древнерусских текстах второстепенное сказуемое могло соединяться с главным сказуемым сочинительным союзом (чаще всего *и*, реже *а*, *но*, *да*), что еще более усиливало «значимость», предикативную силу краткого действительного причастия в функции второстепенного сказуемого. Синкретичный характер древнерусских конструкций с второстепенным сказуемым убедительно был разъяснен еще А.А. Потебней [17: 190–191].

1.4. Синкретичные конструкции модели:

глагол бытия (ЕСМЬ и др.) + краткое действительное причастие в им.п.

Синкретизм такой модели связан с особенностями древнего краткого причастия – формы, промежуточной между именем и глаголом. Морфологический синкретизм этих форм обуславливал то, что краткие причастия имели бóльшую предикативную силу и сохраняли свою относительную самостоятельность, не присоединяясь к глаголу-сказуемому. В предложении *И есть церкви та стоявъши*, по выражению А.А. Потебни, мысль развивается как бы скачками, внимание здесь обращается на признак, а не на действие.

Ярким примером такого рода синкретизма может служить следующее высказывание, состоящее из двух предикативных единиц: (1) *оже ли не боудеть кто его мьстя* | (2) *то положити за голову 80 гривнъ* | (Правда Русск.).

Предикативная единица (1) по своей грамматической структуре в целом представляет двусоставное предложение, но построение его грамматических элементов нечеткое, нерасчлененное – за счет присутствия в структуре ППВ *синкретичного* члена предложения, выраженного кратким причастием *мьстя*, совмещающего в себе функцию согласованного определения (*кто* → *мьстя*) и присвязочного члена сказуемого (*будеть* → *мьстя*). В результате семантическая структура ППВ (1) оказывается синкретичной, так как нерасчлененно соединяет в себе довольно сложную семантику, которую на современном русском языке можно было бы передать сложным предложением: «если же не найдется кто-нибудь [неопределенный субъект], который бы за него отомстил [точнее: за него мстящий], то...». Можно выразить это содержание по-русски и более компактно – одним предложением, но уже не двусоставным, а односоставным безличным; в таком случае «устраняется» *конкретность* указания на действующее лицо (пускай и неопределенное), выражающаяся грамматической структурой древнерусского предложения: «если же *некому будет мстить*» или «если *не будет мстителей*». Кстати, некоторыми исследователями именно так и дается перевод приведенного древнерусского высказывания на современный русский язык [19: 15, 29].

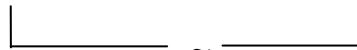
1.5. *Синкретичные конструкции с двойными косвенными падежами*

Конструкции с двойным винительным, двойным родительным, двойным дательным хорошо описаны в историческом синтаксисе русского языка [17: 295–324, 378–379, 381–383; 6: 428–429; и др.]. Они представлены в трехкомпонентном сочетании такой структуры, в которой развиваются двусторонние грамматические и семантические связи:

ГЛАГОЛ → И¹ ... ~ И² (также с постпозицией глагола)

или: И¹ ... ← ГЛАГОЛ → И²

Такие конструкции, несомненно, имеют *синкретичный* характер, поскольку «двойственность» (одинаковость) двух падежных форм имен, представляющая собой грамматическое уподобление их в падеже (хотя оба они управляются глаголом), как раз и была проявлением господствующей роли в структуре древнего предложения *паратактичности*. Несмотря на то, что каждая из двух именных форм несла различные синтаксические функции (второй падеж, в отличие от первого, как известно, выступал в предикативной функции), это функциональное различие не выражалось в структуре ППВ формально-грамматически.

Наиболее распространенной в древнерусской речи XII–XIV вв. была конструкция «двойной винительный», в которой предикативное ядро обычно выражалось глаголом мышления, речи, действия (у одушевленных имен такая конструкция получала форму «двойного родительного»). Чаще всего такие конструкции встречаются в повествовательно-художественных текстах (единичны в иных текстах): *А сами князи Богъ живы въ роуцѣ дава* |; *но хвалю Бога | и прославляю милость его* | ... | *и не лѣнива мя былъ створилъ хоудаго. на все дѣла челоуѣчская потреба* | (Поуч. Вл. Мон.); *Князь Олегъ Ингоревичъ укори царя Батыа | и нарекъ его безбожна и врага христьянска* | (Пов. о раз. Ряз. Бат.); *а сына моего примите собе князя* | (Новг. I лет.); *а кого Б(ог)ъ поставитъ князя | а с тѣмъ мира потвердитъ* | (Новг. дог. гр. XII в.).

Случаи «двойного дательного» в текстах XII–XIV вв. немногочисленны, например: *То же бы намъ все видяще предъ очима лоучшимъ быти* |; *яко всѣмъ одинаковымъ быти* | (Новг. I лет.); *Братие и*

дружино | луцежь бы потяту быти | неже полонену быти | (Сл. о п. Иг.) – с опущенным первым дательным намъ.

Тип (2) – синкретизм, относящийся к грамматической структуре всего ППВ в целом – представлен в древнерусской речи также разнообразными конструкциями, отличающимися по степени проявления синкретизма, способу организации синтагматической формы ППВ и т. д. Заметим, что синкретизм этого типа так или иначе основывается на синкретизме определенного члена предложения. Однако синкретизм здесь носит «глубинный» характер, затрагивает предикативный центр и распространяется на всю грамматическую структуру ППВ в целом.

2.1. *Синкретичные конструкции со значением необходимости – модели:*

диффузный ГЭ (им.сущ. или местоим. в им.п.) ↔ предикатив (не) надобъ (надобно, ноужно)

Синкретичность таких предложений-высказываний связана с особенностями их семантической структуры, включавшей в свой состав диффузный грамматический элемент с семантикой «субъект/объект состояния», т. е. субъект, одновременно являющийся объектом, на который распространяется состояние. Иначе говоря, предложение типа **надобъ сѣмана** (Новг. берест. гр. №17) одновременно обозначало «семена надобны» и «надобно иметь семена».

Конструкции модели 2.1. зафиксированы нами в текстах XII–XIV вв. всех четырех стилевых разновидностей. Приведем несколько примеров:

... самъ творилъ | что было надобъ (Поуч. Вл. Мон.); *псомъ бо и свиннамъ не надобъ злато ни сребро | ни безумному драгии словеса* | (Сл. Дан. Зат.); *пслоуси емоу не надобъ* |; *а задница еи моужня не надобъ* | а

матерна часть дѣтемъ не надобѣ | (Пр. Русск.); *дѣрнѣ ємоу не надобѣ* | *а тажа не надобѣ* (Закон Судный людем); *а то ти книже не надобѣ* | (Дог. гр. Новг. с вел. кн. Яросл. Ярославичем 1264).

2.2. *Безличные генитивные глагольные конструкции со значением неопределенности меры – модели:*

предикатив-глагол бытия в 3 л. – диффузный ГЭ-род.п. имени – нумератив: бѣ бо ихъ мало (Пов. врем. лет)

Особенность синтагматической формы такой конструкции в том, что: а) глагол-предикатив **быти** выносится, как правило, в самое начало ППВ; б) диффузный грамматический элемент в форме род. падежа ставится в препозиции к нумеративу (количественному компоненту). Такая синтагматическая форма, по-видимому, и обуславливает своеобразие семантики данной модели, ее синкретизм: «отношение между субъектом и его предикативным признаком – существованием в некотором количестве», при этом субъект выражается формой род. п. Такие конструкции были весьма распространены в древнерусской речи XII–XIV вв. разной стилевой отнесенности:

бысть же обонх множество |; *бысть много множество полонѣ въ полку єго* | (Пов. о жит. А. Невск.); *и рече имѣ Свѣтославѣ* | *єсть насѣ 20 тысящѣ* | *и прирече 10 тысящѣ* | *бѣ бо руси 10 тысящѣ толко* | (Пов. врем. лет); *и рече ємоу моужѣ тѣ* | *рчи тако Ярославоу* | *даче мѣдоу мало* | *а дружины много* | (Новг. I лет.) – с «нулевым» глаголом-предикативом **ЕСТЬ**; *и много бысть зла* | *и погорѣ всѣ тѣргѣ* |; *онихъ же башѣ много* | *а князь одинѣ* | (Новг. I лет.) – с инверсией либо нумератива, либо диффузного ГЭ.

2.3. Синкретичные конструкции ППВ, совмещающие в себе грамматические структуры простого и сложного предложения

В повествовательно-художественных текстах XII–XIV вв. можно видеть и более сложные случаи синтаксического синкретизма, при котором совмещаются грамматические структуры простого и сложного предложения: *И приѣха въ землю Рязаньскую | и виде ея опустѣвшу | грады разорены | церкви пожены | люди повьены* | (Пов. о разор. Рязани); *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце | и видѣ | отъ него тьмою вся своя воя прикрыты* | (Сл. о п. Иг.).

В приведенных конструкциях (знаком | обозначается возможная граница членения на предикативные единицы для сложного предложения-высказывания), с одной стороны, явно обнаруживаются грамматические связи от глагола-сказуемого **видѣ** к зависимому от него прямому дополнению: сама морфологическая форма зависимого слова **воя**, **грады**, **церкви** указывает как раз на *вин.п.* мн.ч., а не на *им.п.* мн.ч. Однако, с другой стороны, здесь развивается и полупредикативная связь: **воя** → **прикрыты**; **грады** → **разорены**; **церкви** → **пожены**. Поэтому приведенные конструкции можно расценивать как синкретичные, совмещающие грамматические структуры простого и сложного предложения.

Рассмотренные случаи не исчерпывают всего многообразия синкретичных конструкций в древнерусской речи XII–XIV вв. Разумеется, требуется расширение круга привлекаемых для обследования памятников, углубленный анализ выделенных в них синкретичных конструкций, осмысление их в свете идей проф. В.В. Колесова. Можно думать, что исследование синтаксического синкретизма в древнерусской речи позволит в дальнейшем лучше понять особенности мировосприятия и ментальности наших предков, подойти к решению проблемы развития синтаксического строя языка в когнитивном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка: Сб. науч. трудов. Ростов н/Д, 1992. С. 4–14.
3. Колесов В.В. Древнерусская вещь // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции М., 1976. С. 260–264.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. СПб.: Филологич. ун-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 480 с.
6. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Филологич. ун-т СПбГУ, 2013. 512 с.
7. Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование: Сб. науч. трудов / Под ред. В.М. Маркова. Ижевск, 1984. С. 18–28.
8. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1991. Вып. 2. №9. С. 40–49.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.
10. Колесов В.В., Колесова Д.В. Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с. Т. II. 592 с.
11. Колесова Д.В. Всегда ли мысль изреченная есть ложь? // Время языка. Сб. статей памяти профессора В.В. Колесова [Электронный ресурс]. СПб.: Златоуст, 2021. 352 с. – Режим доступа: <https://www.zlatoust.store>, свободный.
12. Коневецкий А.К. Наречия в древнерусском языке // Древнерусский язык домонгольской поры / Под ред. В.В. Колесова. Л., 1991. С. 173–182.
13. Кунавин Б.В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1993.
14. Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1980.
15. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. №3. С. 19–48.
16. Пименова М.Вас. Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова // Время языка. Сб. статей памяти профессора В.В. Колесова [Электронный ресурс]. СПб.: Златоуст, 2021. 352 с. Режим доступа: <https://www.zlatoust.store>, свободный.
17. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. 536 с.
18. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
19. Правда Русская / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. Т. II. Комментарии. М.–Л., 1947.
20. Радутная О.А. Пространственно-временной синкретизм и его выражение в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 16 с.
21. Хрестоматия по древнерусской литературе XI–XVII веков / Сост. А.Н. Ужанков. М.: Русский язык, 1991. 304 с.
22. Черепанова О.А. Историческая лексикология русского языка: Состояние, перспективы, проблемы коллективной монографии // Русская историческая лексикология и лексикография: Результаты, проблемы, перспективы: Тез. всеросс. конф. Красноярск, 1993. С. 3–5.

РАЗДЕЛ 2 ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Абрамова Елена Алексеевна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
ingaabramova2011@mail.ru

Смирнова Анастасия Павловна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
anastasia-1999.smirnova@yandex.ru

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале рассказов С.К. Никитина)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности бытового повествования владимирского писателя С.К. Никитина, анализируется несобственно-прямая речь как контаминированная речевая структура, имеющая на языковом уровне свои способы выражения.

Противопоставление «авторской речи» и «чужого слова» в известной степени определяет повествовательную структуру художественного текста. Выделение субъекта речи, повествовательных точек зрения связано с композиционно-речевыми формами организации текста, его жанровыми особенностями, индивидуальным стилем. Именно «единство всех сторон художественной формы - языка, жанра языка, композиции» отличает творческую личность от других писателей [1: 156]. В результате в тексте художественного произведения «устанавливается динамическое соотношение разных субъективно-речевых планов» [9: 65], а взаимодействие речи повествователя и речи героев (персонажей) определяет особенности повествовательной структуры произведения.

«Чужое слово» ориентировано на различные речевые структуры, в том числе и такую, как несобственно-прямая речь, все чаще привлекающую внимание исследователей как особый тип повествования, основанный на «смешении» субъектно-речевых планов («авторской речи» и «чужого слова», связанного преимущественно с позицией персонажа). Несовпадение субъектных и стилистической структур повествования «расширяет» творческие возможности писателя, создающего сложное структурно-стилистическое целое как особый тип художественной формы, отвечающей определенным содержательным и эстетическим задачам.

В отечественном языкознании несобственно-прямая речь изучалась в сопоставлении с другими речевыми структурами - прямой и косвенной речью (А.М. Пешковский, С.Г. Бархударов и др.), а также как особая речевая категория, обладающая огромным содержательным потенциалом, но отличающаяся терминологической «неустойчивостью»; описывались ее функциональные типы, характер содержания, структурные особенности, связанные с такими признаками, как длительность и четкость границы, средства выражения, позволяющие выделить ее из контекста, стилистические функции в художественном произведении, учитывалась степень взаимодействия автора и героя [13]. Несобственно-прямая речь как стилистический прием может классифицироваться по структурным особенностям - от слова и словосочетания до развернутых форм, включающих в себя самостоятельные синтаксические единицы разного типа [16]. Несобственно-прямая речь имеет разную степень приближения к прямой речи и, как средство выражения субъективированного повествования, находит разные способы своего выражения в тексте [9: с. 16-20]. В настоящее время ставится вопрос о необходимости найти «специальные средства выделения внутренней речи на общем фоне размытия между планами повествователя и персонажей» [8: 271].

В творчестве замечательного владимирского писателя С.К. Никитина нередко художественный текст представляет собой бытовое повествование (рассказы «Сапоги», «Первые заморозки», «Десяток крутых яиц», «Огонь», «Коптитель», «Чудесный рожок», «Пеструшка», «Мой знакомый Леший», «Снежные поля», «Грачи», «Под старыми тополями», «Горькая ягода», «По ягоды», «Весна, старый писатель, маленький мальчик и рыжая собака», «В бессонную ночь» и др.). Сложная, субъективированная структура его рассказов связана с реалистической формой произведений, в которых «звучат» голоса многих (а часто и всех) героев, и самое главное - как важнейшая «примета» идиостиля писателя – эти «голоса» звучат во взаимодействии, каждый персонаж «видит» и оценивает жизнь по-своему, а в целом «голоса действующих лиц и рассказчика составляют сложную, объемную, многоцветную картину жизни, окрашенную чувством и мыслью автора» [1: 147]. Функционирование разговорных элементов всех языковых уровней служит своего рода сигналом (маркером) прорыва «голоса» персонажа в авторской речи, при этом используются разные способы введения речи героя в авторскую речь.

На лексическом уровне чаще всего «наряду со словами констатирующего значения, присутствуют слова экспрессивно-выразительные» [15: 79], эта окраска остается «в рамках непринужденного «домашнего» разговора, живой беседы, близких людей, родственников, друзей, знакомых» [15: 79]. Мир людей «близких», давно знакомых определяет общую оценочную тональность текста, мотивированность в выборе языковых средств.

В рассказе «Первые заморозки» находим следующий фрагмент: *«Ему казалось, что этот горбоносый, по-охотничьи поджарый Фиалковский смотрел на него пренебрежительно. Какой порядочный охотник продает собаку в самом начале сезона!..»*. В этом отрывке можно найти несколько «сигналов» прорыва голоса персонажа. Прежде

всего следует заметить, что несобственно-прямая речь «имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи» [12: 267]. Рассмотрим лексические единицы анализируемого текста: наречие «по-охотничьи» в словаре имеет помету «нар.-разг.» [4: 770] слово «поджарый» со значением «сухощавый и мускулистый, сухопарый» в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет помету «разг.» [11: 535], то же значение можно найти в словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [14: 187], в толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова [3: 865]. Кроме этого, здесь находим и другие элементы разговорной речи: персонаж Фиалковский назван только по фамилии (речь непринужденная, характерная для бытовой сферы, учитывающей персональные отношения между героями), в словосочетании «порядочный охотник» употреблено прилагательное с пометой «разг.» [11: 567], а в целом словосочетание в эмоционально маркированном вопросительном предложении приобретает и дополнительную ироническую окрашенность, выражает оценку с точки зрения размышляющего героя. В целом текст можно охарактеризовать как «третьеличный» [4: 15] (*ему казалось*), что свидетельствует о плане авторской речи, глагол (*казалось*) выполняет функцию сигнала введения во внутреннюю речь героя.

Обратим внимание еще на некоторые способы введения несобственно-прямой речи в текстах С.К. Никитина. Для него характерно отсутствие четкого грамматического противопоставления речи автора и речи персонажа, т. е., как правило, несобственно-прямая речь вводится без кавычек и абзацного членения. Чаще всего это имеет место в том случае, если точки зрения повествователя (или рассказчика) и персонажа пересекаются, а разграничение двух речевых планов, авторского и персонажного, происходит на других языковых уровнях (лексическом, словообразовательном, морфологическом и др.). Однако в творчестве писателя отмечаются и другие случаи, когда С.К. Никитин

намеренно выделяет несобственно-прямую речь специальными знаками, например, кавычками. На наш взгляд, это является особым приемом привлечения внимания читателя к внутреннему миру персонажа. В рассказе «Последнее лето» есть предложение: *«Но вот столовая наконец открылась, и он с разочарованием, переходящим в брезгливое раздражение («Ох уж эти нововведения!»), не нашел в ней ничего от привычного»*. Обращает на себя внимание вставная конструкция, которая напрямую связана с речью главного героя, выражая его отношение к происходящему. Дополнительными «показателями» речи персонажа является также употребления междометия «ох», устойчивого сочетания «уж эти», восклицательная интонация.

Использование несобственно-прямой речи для актуализации плана восприятия картин действительности самим персонажем в текстах С.К. Никитина отмечается неоднократно, он как бы уступает персонажу «нить» повествования - последовательность изложения и оценочность героя ему чрезвычайно интересны. Так, в рассказе «Коптител» есть следующий фрагмент: *«И чем красивее выглядела Нюра, тем в большее раздражение приводило Колю то обстоятельство, что замужем она была за мужичонкой вовсе пустяковым. Возможно, в парнях он был и хорош собой – рослый, с крупными правильными чертами лица, – но теперь от запойной жизни припух весь...»*. В авторской речи персонажи обозначены формами 3 лица (*Нюра, Коля, он*), употреблены обычные, типичные для книжной речи языковые единицы (*чем..., тем..., в большое раздражение..., приводило то обстоятельство...*), но в конце первого предложения находим слова резко отрицательные (*мужичонкой вовсе пустяковым*), открывающие модальный план персонажа, вводящие в его внутренний мир, тем более что между событиями, изображенными в первом и втором предложениях, обнаруживается резкое временное несоответствие.

Вводное слово «возможно» с предположительным значением, отсылка к определенному моменту времени (*в парнях*), оценочное прилагательное (*хорош собой*) подготавливают зрительное восприятие внешности одного персонажа с позиции другого (*Коли*), что подчеркивается также рядом однородных членов, отграниченных от других членов предложения с помощью знака «тире» (уточняющая конструкция). Выделение линии персонажа в этом тексте подчеркивается и другим способом – в названии текста, сильную его позицию, выносятся слово «*коптитель*» в значении, не связанном со словообразовательными отношениями (есть слово «коптитель», образованное от глагола «коптить», «испускать копоть» [14: 101]). Одна из примет разговорной речи – употребление общеупотребительного слова с индивидуальным (в структуре художественного текста – контекстуальным) значением. Автором приводится следующий диалог, в котором находим это контекстуальное значение («*Не горит мужик, коптит только смрадно и зловонно*»).

Употребление в художественном тексте несобственно-прямой речи может определять основу его структурно-семантической организации. В рассказе «Сапоги» слово «*целехонек*» со стилистически ярким формантом (-*ехонек*-) противопоставлено сематическому единству с общим значением «разрушение» (...*швырнуть оттуда сапоги... как плаху... с топором с широким лезвием... в два удара отрубать... удары... стукнул топором раз... стукнул два... палачествующего... изрубив... и др.*). Эта важнейшая художественная оппозиция произведения связана с выражением эксплицитных и имплицитных смыслов художественного текста. Следует заметить, что писателем используется краткая форма от прилагательного «*целехонький*», имеющего в словарях пометы «нар.-поэт. усилит. к прил. целый» [2]. Усилительное значение слова приобретает в тексте особый смысл, оно входит в семантический ряд с другими словами и выражениями:

«прочный», «полсела обую», «Зачем же добро под топор?». Интересно отметить, что в рассказе есть все речевые структуры (прямая, косвенная речь, внутренняя речь, развернутые диалоги и т. д.), но художественно значимым становится именно этот элемент несобственно-прямой речи. Употребление в авторской речи слова *«целехонек»* с разговорной окраской не единственное, используется целый ряд стилистически однородных слов: *«сноровисто»* (стал копать), *«махонький»* и др. Этот словесный ряд в рассказе С.К. Никитина, выполняют характерологическую функцию, причем изображается как внешний, так и внутренний мир героя. Казалось бы, обычный, «бытовой» предмет – сапоги, однако и сюжетное, и эмоциональное развитие в рассказе основывается не только на изображении этого предмета, но и на «приложимых» к нему действиях со стороны персонажей: *«... поднял... пощелкивать по подошве... прижал к груди (сапог)... точно недоумевал... нелепость того, что здесь делалось... быстро заговорил, придерживая занесенную руку...»*. Бытовое содержание рассказа не умаляет его нравственно-этического и философского смысла.

Таким образом, несобственно-прямую речь можно считать уникальным языковым явлением, которое проявляется не только в структурно-смысловом целом на таких его языковых уровнях, как лексика, морфология, синтаксис. «Чужое слово» является одним из важнейших текстообразующих элементов художественного произведения. В современной лингвистике отмечают такие словесные построения, когда определяющим становится изображение «чужого слова», «картина действительности намеренно создается прежде всего с помощью как бы «не своего», «другого», «чужого слова» [5: 225]. Сложное взаимодействие авторской речи и голосов героев в произведениях С.К. Никитина «создает впечатление, что перед нами

самая объективная действительность, и чем более емко, многосторонне она изображена, тем убедительнее точка зрения автора» [1: 148].

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности. 9 кл.: учебное пособие / Р.И. Альбеткова. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2009. 300 с.
2. Большой современный толковый словарь 2012 года. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
4. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Рус. яз., 1989. 152 с.
5. Горшков А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А.И. Горшков. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 367 с.
6. Никитин С.К. Избранное / Сост. К.М. Никитина. Предисл. В.А. Солоухина. М.: Сов. Россия, 1985. 448 с.
7. Никитин С.К. Медосбор. Рассказы / Послесл. А. Семенова. 2-е изд. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1984. 239 с.
8. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной художественной литературы: монография. М., 2009. 335 с.
9. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
10. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2000. (Библиотека словарей русского языка: А). Т. 2: П – Я. 1084 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
12. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Издательский дом «Дрофа», 1998.
13. Славкина И.А. Несобственно-прямая речь. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/nesobstvenno-pryamaya-rech-71732.html>.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
15. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. проф. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2004. 651 с.
16. Цзюань Лю. Формы несобственно-прямой речи в художественном тексте. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-nesobstvenno-pryamoy-rechi-v-hudozhestvennom-tekste>.

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет;
Московский педагогический государственный университет;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
avalekseev74@yandex.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Лексическое значение, посредством которого слово соотносится со знаками (символами) культуры, следует называть символическим значением слова. Такое значение – реализация третьей основной функции слова – символической – наряду с номинативной и коннотативной (оценочной). Символические значения слова должны отграничиваться и от прямых, и от переносных лексических значений, с которыми они могут отождествляться вследствие своей неочевидности. Совокупность исторически зафиксированных символических значений слова – это его культурная значимость.

Историческая интерпретация позволяет рассматривать концепт как категорию исторической лексикологии и изучать не только явную, но и скрытую (потенциальную) семантику слова, архаичные и инновационные семантические признаки. Исторический концептуальный анализ показывает, что культурная значимость слова не случайна, не индивидуальна, не произвольна и определяется развитием семантики слова, явленными в его истории содержательными формами концепта. Такие формы составляют концептуальный квадрат – логическое и историческое единство внутренней формы, образа, понятия и символа. Концепт может рассматриваться как слово, аккумулирующее в себе в ходе языкового развития культурные признаки и категории; концепт – это полная, завершенная содержательность слова. В лексикологическом отношении концепт – историческая сумма актуальных (понятийных и

образных), потенциальных, символических значений слова. Ядро концепта составляют символические значения.

Потенциальное символическое значение (*гроб* 'погребальный ящик – знак смерти'; *топор* 'орудие для рубки – знак простоты, грубости'; *ремень* 'пояс из кожи – знак наказания'; *кино* 'фильм – знак выхода за пределы привычной реальности') содержит культурную коннотацию, которая при дальнейшей эволюции слова сохраняется как со-значение или преобразуется во вторичное значение. Актуальное символическое значение – это категория речи, оно является обязательной реализацией узуального и потенциального значений.

По отношению к праславянским (индоевропейским) ритуалам реконструируются узуальные символические значения *чудо* 'чувственное восприятие – знак эзотерического знания'; *меч* 'сверкающий клинок – знак священной войны'; *волк* 'дикий зверь – хозяин леса, тайный пастух'. Более поздний тип символизма реализуется в средневековых ритуальных ситуациях: *стол* 'трон – знак власти'; *стол* 'предмет мебели – знак социально значимого принятия пищи'; *плач* 'ритуальные слезы – знак общественной печали, траура'. При описании церковных текстов могут быть выявлены в дискурсе проповеди культурные значимости *птица* 'злой дух', *земля* 'душа', *пастырь* 'духовный наставник'; *зима* 'грех', *лед* 'безбожие', *весна* 'обращение к Богу'.

Таким образом, культурную значимость слова образуют прежде всего его узуальные символические значения: прагматический аспект, обусловленный знаковым статусом артефакта, закрепляется в языковой культуре (семиотической системе) определенного типа (в определенном дискурсе – религиозном, мифологическом, идеологическом, мифопоэтическом).

ВАСИЛЬЕВА Анна Александровна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ
vasilyevaaa_mgimo@mail.ru

КРАСИНА Елена Александровна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
elena_krassina@mail.ru

СРАВНЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРСОНАЖА

Аннотация. Речевой портрет персонажа транслирует его идиостиль, компонентами которого являются сравнения как фигуры речи. Сравнительные конструкции выполняют две взаимодополняющие функции – логико-поясняющую и образно-экспрессивную. Авторское сравнение способствует созданию образа, и, сближаясь с метафорой, вскрывает индивидуальную сущность предмета.

Сравнение – один из первичных видов тропа, «в котором одно явление или понятие проясняется путем сопоставления его с другим явлением», при этом при перенесении значения с одного явления на другое сами эти явления не образуют единого понятия, а сохраняются как самостоятельные [10: 371].

Философские и логические словари утверждают, что сравнение – это один из основных приемов познания, поскольку устанавливаются сходства и различия как самых простых, так и самых сложных предметов познания, его субъектов и объектов [11: 650; 7: 568]. В результате появляется возможность устанавливать классы предметов с опорой на родовидовые и цело-частные принципы классификации. Посредством сравнения мир познается как «связное разнообразие».

Сравнение представляет собой один из приемов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется. Оно помогает создать некоторое понятие о предмете. Сущность сравнения однородных объектов класса направлена на установление их совместимости или несовместимости, при том что на

первый план выходят отношения тождества-различия, которые объективируются посредством имплицитных компонентов сравнения *tertium comparationis* (TC) или более конкретно для трехкомпонентного силлогизма – *tertium medius* (TM). Они устанавливаются между так наз. эксплицированными бóльшим и меньшим понятиями, содержащимися в посылках силлогизма, например [7: 528]:

(1) *Все планеты движутся вокруг Солнца* – бóльшая посылка и бóльшее понятие ‘планета’, указывающая на класс планет;

(2) *Меркурий – планета* – меньшая посылка и меньшее понятие Меркурий, т. е. ‘представитель класса планет – ‘одна из планет’, ‘конкретная планета’;

(3) *Меркурий движется вокруг Солнца* – вывод указывает на общий признак Меркурия и других планет.

Здесь свойство-признак ‘способность движения, перемещение планет’ и есть основание сравнения или *tertium comparationis*.

Таким образом, сравнить – это сопоставить понятие или явление «одно» с «другим» с целью выявить их возможные отношения тождества и различия, подобия и сходства, которые являются универсальными.

В русском языке универсальным средством оформления сравнительной конструкции выступает союз КАК: элементарный, однозначный, специализированный союз с классифицирующим значением сравнения, сопоставления, которое устанавливается между частями сравнительной конструкции [9: 713–720]. В отличие от него, другие союзы, например, БУДТО и СЛОВНО, и тем более составные, неэлементарные союзы КАК БУДТО или СЛОВНО КАК, оформляют конструкции с осложненным значением сопоставления, например¹³:

¹³ Здесь и далее примеры извлечены: А.В. Иванов. «Блуда и МУДО. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

1) *Две бабы обогнули их и поперли по зебре через дорогу на красный свет, переваливаясь, как утки.* Наблюдаемое подобие: «бабы переваливаются – утки переваливаются»; ТС – ‘способ передвижения’.

2) *Где-то вверху безалаберно верещали щеглы и синицы и по-учительски строго, **будто** карандашом по столу, постукивал дятел.* Подобие, похожесть: «звуки птиц подобны звуку карандаша». ТС – ‘схожесть субъективного восприятия звуков’.

3) *И на губах, и в памяти он уносил запах и вкус горячей смолы – **словно** лесного пожара.* ТС – подобие чувственного субъективного восприятия запаха и вкуса: ‘пожар мог быть и не в лесу’.

Если в этих примерах сравниваемые понятия и явления сближаются, то в случае отсутствия либо неявного сближения признаков сравнение принято рассматривать как метафорическое. В действительности тропы сравнение и метафора взаимосвязаны, поэтому можно утверждать, что сравнение и метафора как сокращенное сравнение, по Н.Д. Арутюновой, имеют единое основание *tertium comparationis*, например:

1. О **дева-роза**, я в оковах... (А. Пушкин): *дева как роза*, или устойчивая характеристика **дева=роза** в значении ‘красивая, цветущая, нежная дева’.

2. *Тысячерукий, как бог языческий, его высочество **Политехнический!*** (А. Вознесенский): Политехнический музей Москвы был местом встречи поэтов-шестидесятников, был центром общества «Знание» да и фактически имел богатую коллекцию артефактов. **Музей=Бог**, безусловно метафора.

Объединяя словоформы сравнительной конструкции, союз КАК формально автономен: он никоим образом не связан ни с частеречными характеристиками словоформ, ни уподобляется ни одной из словоформ сравнительной конструкции. При этих условиях сравнительная

конструкция может относиться к глаголу-предикату, имени существительному или прилагательному, местоимению и наречию в функции любого члена предложения, сравните:

- В сквозных проемах светового барабана краснело утреннее **солнце**, словно заключенное в собор, как **канарейка** в клетку. Сравнение: **солнце** \approx **канарейка**. ТС – цветное подобие.

- Отражая луну, навзничь, **как убитые**, на дороге **лежали плоские лужи**. Сравнение: **лужи** (лежали) \approx **убитые**. ТС – неподвижность, ср. *На поле брани **полегло** много русских солдат.*

- **Она** (Сонечка. – А.В., Е.К.) была пухленькая и уютная, как **альков**. Сравнение: **она** \approx **альков**. ТС – в значении слова **альков** (от франц. *alcôve* ‘большая ниша, углубление в стене, напр. для кровати’; букв. ‘маленькая комната’) как своеобразном намеке на возможность сексуальных отношений.

- (...).Что же Вы... **Как Чичиков?** – замялся Костёрыч. Сравнение: **Вы** \approx **Чичиков**. ТС – имя персонажа Н.В. Гоголя, обозначающее в переносном значении ‘делового человека без принципов’.

- (День выдался хмурым). **Он мельтешил** за окном, **как черно-белое кино** про колхозный быт. Сравнение: **мельтешил** \approx (как мельтешит) **черно-белое кино**. ТС – ‘быстрая контрастная смена положения предмета’. Кадры черно-белого фильма также быстро сменяют друг друга.

- **Сосновый лес стоял** на спине Колымагиных гор, **как плавник на карасе**. Сравнение: **лес стоял** \approx **плавник на карасе** (стоит). ТС – ‘неподвижное вертикальное положение’.

- (...). А у вас будет **сухо**. Даже очень. **Как в Каракумах**. Сравнение: **сухо** \approx **Каракумы** (пустыня Каракумы). ТС – пустыня

Каракумы в Средней Азии; в пустыне обычно не бывает дождей, низкая влажность, почва – сухой песок.

Практически во всех примерах формальное согласование далеко не регулярное, скорее случайное, да и их семантическое согласование весьма условно, что, на наш взгляд, сближает сравнения с метафорами и свидетельствует об отсутствии непосредственной смысловой связи обозначенных понятий или признаков в действительности (пожалуй, за исключением сравнения **сухо ≈ Каракумы**), т. е. согласно Словарю литературоведческих терминов [10: 372], эти сравнения метафорические.

Подобная характеристика сравнений и функционирование представляющих их сравнительных конструкций наиболее типична для художественного текста, поскольку образность – это обязательная составляющая литературного произведения. Сложная структура образности базируется не исключительно на наличии в нем разнообразных и многочисленных фигур речи, а обусловлена его нарративом.

Понятие нарратива объединяет категория повествования, которое ведется, как правило, либо от автора, либо от персонажа, и представляет их точки зрения на события, способы их развертывания и оценки, содержащиеся в художественном тексте. А задача повествователя (нарратора) – автора или персонажа, от лица которого ведется повествование, как правило, состоит в том, чтобы сформировать субъективный аспект художественного повествования. Поэтому появляется «обращение к повествовательной перспективе как синтезу *субъектно-речевого, композиционно-сюжетного и пространственно-временного* планов художественного текста» [8: 107]. Так в художественном тексте создается образность – его неотъемлемая содержательная составляющая.

Художественный текст романа А.В. Иванова «Блудо и МУДО»[4] – это повествование от третьего лица, но автор как бы поглощается и гармонизируется с главным персонажем романа, художником Борисом Моржовым, который является рассказчиком-нарратором и при описании места и времени действия, и в историко-культурных реминисценциях, как и в диалогах с другими персонажами, и во внутренних монологах-размышлениях, что в целом создает образно-метафорическое повествование, в фокусе которого точка зрения главного персонажа романа. В этом романе А.В. Иванова два вида повествования – «от третьего» и «от первого лица» – принадлежат одному и тому же повествователю, но оказываются переменными в силу того, что его точка зрения постоянно меняется, развивается и перемещается от персонажа-повествователя к другим персонажам, а фокус меняется вместе с точкой зрения. Распределенными оказываются и изобразительные средства – фигуры речи: их выбор обусловлен как объектом повествования, так и отношением к нему рассказчика. Моржов-художник с неподдельным интересом восстанавливает историю провинциального городка Ковязина, в котором он живет и где разворачивается действие романа, но с иронией и отчасти неприязнью относится к несимпатичным ему персонажам, например, члену городской администрации А.Л. Манжетову, руководителю МУДО Г.Н. Шиляевой, новоиспеченному психологу Алисе. Иными словами, Борис Моржов – та самая языковая личность-персонаж, речевой портрет которой лежит в основе художественного нарратива текста романа А.И. Иванова.

В качестве рабочих определений языковой личности и ее речевого портрета примем точку зрения А.В. Васильевой [1: 7]: существенно, что речевой портрет понимается как «экспонента языковой личности художественного персонажа современного русского романа, как

текстовая семантическая структура, своеобразное текстовое поле, включающее в себя языковую картину мира, национальную культуру, ментальное пространство, лингвокогнитивный тезаурус, наконец, индивидуальный лексикон данной языковой личности» [1: 7; 2]. Существенно, что, по мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность не является коррелятом личности как таковой, но определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [5: 3].

В понятии языковой личности заложено представление о ней «как об индивидууме и авторе созданных речевых произведений-текстов, как о типизированном представителе данной языковой общности, как о представителе человеческого рода, свойством которого является использование знаковых систем [6: 7]. Обсуждая объекты изучения языковой личности, акад. В.В. Виноградов разграничивает 1) личность автора и 2) личность персонажа, и обе эти личности выражены «в языке и через язык», поэтому их можно «воссоздать на основе используемых ею языковых средств» [3: 24]. Языковая личность Моржова – главного персонажа и нарратора романа А.В. Иванова «Блуда и МУДО» совмещает в себе оба объекта. Таким образом, в художественном тексте понятие речевого портрета персонажа в отношении к языковой личности персонажа приобретает многоаспектный и междисциплинарный характер [1: 18].

В речевом портрете персонажа-нарратора сравнения как фигуры речи, тем более сравнительные конструкции, выполняют две взаимодополняющие функции – логико-поясняющую и образно-экспрессивную на фоне когнитивной функции. Индивидуально-авторское сравнение способствует созданию уникального, зачастую единичного образа, а сближаясь с метафорой – «сокращенным сравнением»,

раскрывает индивидуально-специфическую сущность предмета или явления.

Обратимся к сравнительным конструкциям в нарративе романа «Блуда и МУДО». В нем рассказчиком-нарратором один и тот же персонаж романа – Борис Моржов совмещает и объединяет обе роли: автора-повествователя и персонажа-повествователя. В качестве примера проанализируем сравнительные конструкции с союзом КАК в описательных фрагментах романа, или собственно повествовании, и во внутренних монологах и диалогах, которые реализуют точку зрения главного персонажа-рассказчика.

Сравнительные конструкции в описании:

а) описание города

Город Ковязин погружался в вечер, как «Титаник» в Атлантику. Темнота заливала низины и лощины. А сверху на Семиколоколенной горе и на Чуланской горе (это холмы города. – А.В., Е.К.), громоздились дома, пока еще празднично освещенные закатом.

Солнце спустилось, и небо без него казалось просторным, как скошенное поле. (...). От асфальта пахло нефтяным теплом, как от танка, остывающего после марш-броска. По набережной в ряд стояли шатры летних кафе, словно армейские палатки на полевых учениях.

Сравнительные конструкции этого фрагмента разнородны. Они апеллируют к известной ситуации гибели «Титаника», который тонул несколько часов и не сразу достиг дна океана. Так и летний вечер наступал медленно – темнота неспешно накрывала город. На этом фоне небо без солнца и облаков казалось опустевшим и просторным, свободным, более огромным. Далее сравнительные конструкции связаны с армейскими буднями, о которых на самом деле Моржов-повествователь не имел реального представления: он не служил в

армии по причине близорукости. В этом фрагменте образность опирается на языковую национально-специфическую картину мира и лингвокогнитивный тезаурус языковой личности персонажа, а его речевой портрет содержит лексикон из разных областей знаний и отражает индивидуально-субъективный опыт восприятия мира творческой личностью художника.

б) описание персонажа:

Описание портрета учительницы физкультуры Женьки в большей степени опирается на личный опыт нарратора и его образное видение мира:

Женька была совсем не во вкусе Моржова: невысокая, с маленькой, спортивной грудью амазонки, с талией, как шарнир, – гибкой и стальной, с компактной попкой, с мускулистыми ногами и животиком плоским и твердым, точно скромное надгробие. Косматая, как гризли, свои черные еврейские кудри Женька собирала в хвост, а сейчас еще, словно лучница на состязаниях, перевязала голову широкой лентой с иностранным словом.

Помимо сравнительных конструкций с союзами КАК, ТОЧНО, СЛОВНО, этот фрагмент содержит большое количество прилагательных-эпитетов, характеризующих внешность учительницы физкультуры, например: *невысокая, маленькая, спортивная грудь, гибкая и стальная талия, компактная попка, мускулистые ноги, плоский и твердый животик, косматые черные еврейские кудри*. Кроме того, есть и скрытое сравнение: *грудь амазонки ≈ грудь, как у амазонки*.

ТС всех сравнительных конструкций **талиа ≈ шарнир; животик ≈ надгробие, Женька ≈ гризли; Женька ≈ лучница** (она не лучница, а мастер боевых единоборств. – А.В., Е.К.) однозначно указывают на то, что здесь все сравнения метафорические, поскольку содержат качественную оценку, опирающуюся на переносное значение.

Образность возникает благодаря метафорическим сравнениям как фигурам речи, сочетающим свойства сравнения и метафоры.

в) Внутренние монологи Моржова:

Это особый род описания, который относится и к пространственно-временным фрагментам нарратива романа, и к портретам персонажей, к мотивации их поступков и чувств. Во внутренних монологах проявляется слияние автора и персонажа-повествователя, поскольку повествователь-персонаж, остранняясь от себя самого, как независимый наблюдатель рассматривает событие, ситуацию, явление или предмет описания как бы со стороны. Обратимся к тексту:

Площадь, как половичок на балконе, лежала на почти отвесном выступе Семиколоколенной горы.

Полая, дырявая громада собора вздымалась из-за бетонных плит, как тяжелый и многоструйный кирпичный фонтан.

Еще Багдад (самый бедный и криминальный район г. Ковязина. – А.В., Е.К.) был знаменит своими тонированными «Жигулями», глядевшими из подворотен, как крысы из нор.

Восемьдесят тысяч человек (население г. Ковязина. – А.В., Е.К.) жили (...) тихо и плоско, как пиксели на экране.

Электричка зашипела, хлопнула дверями и недовольно поволоклась прочь, как дырявый невод без улова.

г) Сравнения в диалогах

Диалоги художественного текста касаются проблем повседневности и даже сиюминутности. Они банальны вдвойне, поскольку все участники диалогов давно знакомы и постоянно встречаются в городе и на работе. Это очень разные люди: в основном педагоги, администраторы-бюрократы, полицейские, рабочие, подростки и местные хулиганы. Примеры сравнений, на наш взгляд, демонстрируют разнородность и разнообразие оснований и видов образности за счет используемых языковых средств, отличающих

речевые портреты персонажа-повествователя Моржова и других персонажей романа:

(Константин Егорович:) *С севера надвинулся щит ледника... Он... Он был как нож бульдозера.*

(Розка:) *Что это значит – завелась? – с удовольствием возмутилась Розка, провоцируя разговор. – Как тараканы, что ли?*

(Серый, житель деревни:) *И что, – Серый кивнул на Моржова, – кроме Боряна, все такие же красивые, как ты?*

(Моржов:) *Уверяю Вас, как старый битый жизнью йог, что заклинать змей гораздо проще, чем заполнить налоговую декларацию.*

(Розка:) *Чего ты, как корова, нюхаешься. Щекотно дышать.*

(Моржов:) *Я не так богат, как Манжетов.*

(Алиса:) *То есть ты не использовал Дашеньку, как компенсацию былой неудачи, да?*

(Моржов:) *Надо поверить , как в бога, в эту правильность – то есть в свою правоту.*

(Моржов:) *Да, Егорович... Константин Егорович, и у него будет хроническая невыполняемость, беспомощен как ребенок.*

Очевидно, что сравнения в диалогах опираются на конкретную ситуацию и наглядность (как тараканы, как корова, как нож бульдозера), включают устойчивые точки зрения (как в бога, как ребенок). Они возникают спонтанно и одновременно отражают полученный ранее жизненный опыт, т. е. вполне соответствуют специфической индивидуальной и общезначимой картине мира. Особенностью диалогов является тот факт, что реплики принадлежат разным персонажам художественного текста, а потому они не могут, хотя бы частично, не характеризовать речевой портрет каждого из них.

Функционирование сравнительных конструкций в тексте романа А.В. Иванова «Блудо и МУДО» подтверждает идею о том, что сравнение является неотъемлемой составляющей речевого портрета персонажа-

повествователя, как и других его персонажей. В сравнительных конструкциях с союзом КАК реализация образности художественного текста обусловлена национально-специфической и отчасти индивидуально-авторской языковой картиной мира, как и лингвокогнитивным тезаурусом персонажа, объединяющего в пространстве романа две языковые личности – личность автора и личность персонажа в образе повествователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.А. Языковая личность и речевой портрет художественного персонажа (на материале романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил»): дисс... канд. филол. наук, 10.02.01 – русский язык. М.: РУДН, 2022 г. 181 с.
2. Васильева А.А. Языковая личность и речевой портрет художественного персонажа (на материале романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил»): Автореферат дисс... канд. филол. наук, 10.02.01 – русский язык. М.: РУДН, 2022 г. 25 с.
3. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. Монография. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 616 с.
4. Иванов А.В. Блуда и МУДО. Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 571 с.
5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
6. Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. Учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 199 с.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. 720 с.
8. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. Монография. М.: Экон-Инофрм, 2020. 200 с.
9. Русская Грамматика. Т.1. М.: Наука, 1982. 783 с.
10. Словарь литературоведческих терминов / Редакторы-составители: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Ильичева Л.Ф. и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

ГАВРИЛОВА Марина Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
mvlgavrilova@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹⁴

Аннотация. Статья посвящена выявлению лингвистических способов экспликации концепта «государства» и изучению динамических тенденций его репрезентации в торжественной политической речи (на материале инаугурационной речи российских президентов). Установлены тенденции, связанные с уменьшением количества вербальных репрезентантов концепта «государство», сокращением денотативного компонента значения концепта и увеличением сигнификативных признаков концепта.

Государство как основной элемент политической системы является предметом пристального изучения в гуманитарных и социальных науках. Актуальность лингвокогнитивного изучения процессов дискурсивного конструирования концепта «государство» обусловлена его значимостью в концептуальной системе русского политического дискурса, а также его социальной ценностью.

Цель нашего исследования - выявление лингвистических способов экспликации концепта «государства» и изучение динамических тенденций его репрезентации в торжественной политической речи.

В качестве материала исследования используются инаугурационные речи российских президентов, поскольку, во-первых, инаугурация – это коммуникативное событие, отражающее определенные социальные взаимоотношения и коллективные ценности; во-вторых, торжественная политическая речь, произносимая на церемонии вступления в должность президента России, представляет собой идеологический текст, предлагающий обществу идеальный проект дела и формирующий общественные представления о стране, народе, власти и государстве.

¹⁴ Подробнее см.: Гаврилова М.В. Экспликация концепта «государство» в торжественной политической речи // Политическая лингвистика – 2020. – № 2(80). С. 10–24.

Процедура лингвокогнитивного анализа концепта «государство» состоит из трех этапов. Первый этап включает рассмотрение этимологического значения слова, репрезентующего концепт; описание семантического развития слова по данным толковых словарей русского языка и обнаружение особенностей употребления слова *государства* в русском политическом дискурсе. Далее мы выявляем и анализируем лингвистические способы экспликации концепта в инаугурационных речах российских президентов. В частности, определяем, с помощью каких лексических единиц вербализуется концепт; выясняем, какие слова избраны в качестве атрибутов слова *государство*, каковы особенности метафорического осмысления концепта; рассматриваем синтаксические функции, в которых выступает слово. На третьем этапе мы сравниваем особенности экспликации концепта в выступлениях российских президентов и реконструируем систему политических представлений президентов о государстве.

Результаты исследования. При различных толкованиях этимологического значения исследователи сходятся во мнении, что слово *государство* древнерусского происхождения и восходит к слову *государь*.

Лексикографические данные XX – начала XXI вв. позволяют выявить прототипическое значение слова: 1) государство – это форма организации общества; 2) государство выполняет охранительную функцию; 3) государство руководит обществом; 4) государство может выполнять функцию подавления.

Преимущественно, в советском политическом дискурсе политическое понятие «государство» было представлено при помощи метафорической модели «государство – механизм / инструмент». Можно предположить, что частотность данной модели может быть связана с классовой теорией происхождения государства (К. Маркс, В.И. Ленин), в которой государство трактовалось метафорически как орудие политической власти в руках господствующих классов. Отметим, что понимание государства посредством механистической метафоры способствовало внедрению в

общественное сознание представления о том, что действия в отношении государства могут быть направлены только на улучшение его функционирования, но не на изменения его устройства.

Наши наблюдения показали, что существительное *государство* как ключевое слово русского политического дискурса на протяжении XX века сочеталось с определениями, фиксирующими идеологические установки правящей элиты: государство диктатуры пролетариата – социалистическое общенародное государство – правовое государство – современное / эффективное государство.

Статистический анализ показал, что слово *государство* входит в состав наиболее частотных, ключевых слов инаугурационной речи. Концепт «государство» представлен при помощи слов *Россия, Российская Федерация, РСФСР, Родина, страна, государство, республика, отчизна, держава*.

В ходе изучения особенностей экспликации концепта «государство» в инаугурационных речах российских президентов мы реконструировали его когнитивно-семантическую структуру: 1) граждане образуют государство, которым руководит его глава; 2) президент обязан защищать и беречь государство; 3) Россия – демократическое государство.

В понятийной структуре концепта наблюдается семантическое развитие от неосновного значения 'страна с определенной формой политического устройства общества' к основному значению 'политическая форма организации общества'.

Мы определили, что концепт разворачивается при помощи восьми тематических категорий, описывающих государство: цель государственной деятельности, состояние государства в настоящее время, качества, присущие государству, источник развития государства, взаимоотношения государства и общества, фундамент государства, задачи в области государственного управления, деятельность государственного аппарата.

Президенты с каждым новым сроком исполнения должности, т. е. в каждой новой инаугурационной речи, актуализируют различные

переменные в семантической структуре концепта «государство»: определенная территория, на которую распространяется юрисдикция данного государства (1991 г.) – (новые) властные отношения между государством и обществом, государственный аппарат (президент и новое правительство) и действия государства по реализации своих функций (помочь нуждающимся, реформирование экономики) (1996 г.) – властные отношения между государством и обществом (2000 г.) – право, закрепляющее определенную систему норм, санкционированных государством (2008 г.) – действия государства по реализации своих функций (2012 г.) – властные отношения между государством и обществом, действия государства по реализации своих функций (2018 г.).

При вторичной номинации государства с помощью метафорических значений актуализируется охранительная функция государства, а именно обязанность государства защищать граждан.

В инаугурационных выступлениях российских президентов сочетательные возможности слова *государство* расширяются, что приводит к возникновению его новых (со)значений. Отметим, что сигнификативные значения концепта у российских президентов различны. Примечательно, что Б.Н. Ельцин наделяет государство идеальными признаками, относящимися к плану будущего времени, что можно объяснить начальным периодом становления нового государства, когда важно воодушевить аудиторию, определив желаемый образ будущего страны. Признаки государства, используемые В.В. Путиным, описывают преимущественно настоящее состояние государства, а также признаки, характеризующие успехи государственного развития в прошлом. Д.А. Медведев представляет искомые атрибуты государства, т. е. речь идет о признаках государства в будущем.

Для Б.Н. Ельцина идеальные признаки государства таковы: *процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое, суверенное*. Д.А. Медведев считает, что государство должно быть *справедливым и*

заботливым. В.В. Путин утверждает, что Россия будет *сильным* государством.

Использованные в речах В.В. Путина такие признаки постсоветского государства, как российский демократический дееспособный сильный / мощный приобретают устойчивый характер в текстовом пространстве торжественной речи.

В первой инаугурационной речи, с которой выступает каждый российский президент, концепт «государство» входит в ядро концептуальной структуры речи. При этом экспликация концепта преимущественно осуществляется в основной части торжественной речи.

Наиболее полно концепт «государство» тематически разворачивается в первой речи Б.Н. Ельцина и в выступлении Д.А. Медведева. Добавим, что эти президенты наделяют государство активной ролью в синтаксической структуре предложения.

Сопоставительный анализ торжественных политических речей позволил установить динамические тенденции в экспликации концепта «государство». С течением времени наблюдается уменьшение количества вербальных репрезентантов концепта «государство», сокращение денотативного компонента значения концепта и увеличение сигнификативных признаков концепта. Иными словами, наблюдается явление лексической эластичности в дискурсивном конструировании концепта «государство». В этой связи можно предположить, что в русском политическом дискурсе продолжается процесс (пере)осмысления и политического понятия, и концепта «государство».

Анализ инаугурационных речей показал, что концепт «государство» является динамическим образованием, которое постоянно преобразуется в соответствии с политическими задачами нового президента и/или нового срока исполнения должности и потребностями общества.

ДАНИЧ Оксана Владимировна (*Витебск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова
odanich@mail.ru

НОРМАТИВНАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Статья посвящена особенностям отображения норм поведения белорусов и русских во фразеологических системах национальных языков. На материале фразеологизмов, обозначающих поведение, рассмотрены основные элементы нормативной картины мира, в качестве иллюстрации приведены примеры русских и белорусских идиом.

Фразеология любого языка является одним из самых излюбленных и богатых пластов, позволяющих лингвистам выявить и интерпретировать особенности менталитета народа-носителя национального языка. В данном докладе предметом нашего внимания являются фразеологизмы со значением поведения, который мы рассматриваем как элемент культуры, имеющий знаковую природу и обусловленный социально-экономическими и нравственно-эстетическими традициями определенного этноса. Следует сказать, что подобная трактовка феномена поведения акцентирует исследование на процессах стереотипизации, проявляющейся в самых разных видах деятельности, от трудовой до игровой. Стереотипы как устойчивые, повторяющиеся формы поведения достаточно ярко отражены во фразеологизмах.

Безусловно, фразеологизм выполняет номинативную функцию, как и большинство языковых единиц. Но его уникальная природа как хранилища лингвистической и экстралингвистической информации обусловлена многокомпонентной структурой его значения. Многочисленные исследования семантики фразеологизма, получившие наиболее яркое воплощение в работах В.Н. Телия, представителей и последователей ее школы, позволяют представить значение

фразеологизма в виде следующих макрокомпонентов: денотативного, грамматического, оценочного, мотивационного, эмотивного и стилистического [1; 3]. Основным интересом в рамках данного исследования является блок компонентов, анализ которых позволяет выявить коннотативные смыслы, т. е. прагматически ориентированный блок. Наличие подобных смыслов как раз и позволяют фразеологизмам выполнять экспрессивную функцию, связанную с интерпретацией окружающей действительности с позиций говорящего/слушающего. Поэтому можно сказать, что фразеологизм характеризует не только внешний мир, но и внутренний мир человека. В первую очередь, это характерно именно для фразеологизмов, обозначающих поведение, поскольку именно сфера поведения подлежит очевидному регламентированию во всех сферах жизни, т. е. нормированию.

Нормативная картина мира носителя языка присуща каждой культуре на определенном этапе ее развития. Следует отметить, что большинство фразеологизмов поведения обозначают тип поведения и поступки, фиксирующие отклонение от принятых в данном обществе норм поведения. Так, например, для носителей и русского, и белорусского языков является нарушением моральных норм обман, введение в заблуждение собеседника (*пускать пыль в глаза, вешать лапшу на уши, гнуць дугі, запраўляць арапа*), воровство (*нагреть руки, запустить лапу, заскабіць руку, запусціць ляшча*), лесть, подхалимство (*петь дифирамбы, смотреть в рот, ходить на задних лапках, віляць хвостом, лізаць боты, падаць лістом*).

В представлении русских и белорусов не следует причинять моральный и физический ущерб другому (*мешать с грязью, пить кровь, распускать руки, наводзіць ценю, даць ляшча, задаць фефару*), создавать препятствия (*становиться на дороге, стоять поперек горла, псаваць абедню, падстаўляць ножку*). В нормативной картине

мира отображен запрет на тунеядство (*сидеть на шее, есть чужой хлеб, на ласкавым хлебе быць*), пьянство (*закладывать за воротник, залить глаза, панюхаць корак, браць у губу*), пустое времяпрепровождение (*плевать в потолок, ходить из угла в угол, бібікі біць, біць лынды*), проявление упрямства, неуправляемое поведение (*ударить в хомут, станавіцца на дыбы*).

В небольшой части фразеологического состава русского и белорусского языков нашло отображение такое соответствие нормам, как оказание помощи и содействия другому (*протянуть руку, идти навстречу, падстаўляць плячо, браць на буксір*), обретение самостоятельности (*становиться на ноги, расправлять крылья, распраўляць плечы*), сдержанность в высказываниях, искренность (*держат язык за зубами, говорить положа руку на сердце, душу разгарнуць*). Как видим, нормативные картины мира носителей русского и белорусского языков принципиальных отличий не имеют, что является следствием близкого языкового и “кровного” родства.

Обязательным элементом и рычагом экспрессивности большинства фразеологизмов является эмотивность, которая проявляется в неизбежно возникающем чувстве-отношении к нарушению или соблюдению норм поведения, отображенных в значении соответствующих фразеологизмов [2]. В приведенных выше примерах мы видим эмоционально-оценочный диапазон от осуждения, порицания до одобрения. Данные чувства зависят также не только от положительной и отрицательной оценки определенного типа поведения, но и от мотива, положенного в основу вторичной номинации при образовании собственно фразеологизма. Экспрессивное воздействие на слушателя будет формироваться и усиливаться, в том числе, благодаря сложным и амбивалентным образам хлеба, дороги, птицы, лошади,

собаки, грязи, лексическим элементам, акцентирующим внимание на проявление “звероподобия” в человеке, и др.

Таким образом, фразеологизм представляет собой языковую единицу со взаимосвязанными и взаимообусловленными компонентами значения. Этот феномен позволяет играть фразеологии особую роль в формировании, функционировании и трансляции общественного опыта целой нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. Маслова В. А. Коды лингвокультуры: учеб. Пособие. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. 177 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 201 с.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович (*Витебск, Беларусь*)

кандидат исторических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
aleksandrdedinkin@yandex.ru

ЭЛЛИПСИС КАК ПРИЕМ НИВЕЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ РИСКОВ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Эллипсис – стилистико-синтаксический прием, заключающийся в пропуске некоторой языковой единицы. Это может быть пропуск любого члена предложения, компонента высказывания, но они легко восстанавливаются по контексту и ситуации. Эллипсис характерен для сферы живого общения.

Как показал наш материал судебных экспертиз, эллипсис может быть маркером речевого портрета экстремиста. Понятие речевого/языкового портрета введено Л.П. Крысиным и представлено описанием типичного русского интеллигента 90-х годов на вербальном и прагматическом уровнях. Идеи ученого привлекли внимание многих исследователей.

Опираясь на данную концепцию, мы разработали модель речевой личности. Так, с учетом всех компонентов когнитивно-прагматического анализа мы предлагаем многоступенчатую структуру речевого портрета:

1) социокультурный аспект – учитывает социальную информацию (возраст, среда проживания, род занятий), культурные ориентиры, информацию об интеллектуальном развитии (широта и глубина обсуждаемых проблем и т. д.), личностно-концептуальные ориентиры в окружающем;

2) вербальный аспект – содержит анализ языковых средств, используемых личностью, прежде всего – лексических, фразеологических, паремиологических;

3) прагматический аспект – анализ концептуального видения отношения человека к миру, репрезентированному в языке.

Речевой портрет современного экстремиста предполагает использование ненормативной лексики, вульгарных жестов по отношению к людям, которых они назначили врагами. Например, изображена кисть руки с непристойным жестом и дана пояснительная надпись: «Я против мусоров» (мусорами в экстремистских текстах называют сотрудников милиции или полиции). Еще пример. На рисунке три сотрудника правоохранительных органов и дана пояснительная надпись: «Акабам – смерть!» (акабами в экстремистских текстах называют сотрудников милиции или полиции). Здесь, кроме ненормативной лексики акабы, мусора, использована также эллиптическая конструкция – Акабам – смерть! Здесь на составлении речевого портрета задействован вербальный и социокультурный аспекты – учитываются не только языковые средства, но социальная информация – возраст, среда проживания, род занятий и культурные аспекты.

Прагматический аспект речевого портрета важен для следующего примера. Изображена русская печь и дана пояснительная надпись: «Надо больше евреев» (здесь легко восстанавливается следующий смысл: надо больше евреев сжигать), рождается ассоциация с Холокостом в годы Великой Отечественной войны. Данные смыслы имплицитны, их восстановление возможно из ситуации.

Крайний экстремизм некоторой части современной молодежи проявляется в желании уничтожить всех непохожих внешне на них. Например, изображены перечеркнутый черный человек, перечеркнутая шестиконечная звезда и перечеркнутый полумесяц со звездой. Дана пояснительная надпись: «Мы – за чистоту» (скрытый смысл: надо убивать представителей негроидной расы, евреев и мусульман).

Таким образом, выявленные нами аспекты речевой личности дополняют друг друга, пересекаются, смешиваются, но наличие их в

структуре речевого портрета личности обязательны. Из вербальных средств наиболее часто в таких фразах-лозунгах отдается предпочтение эллипсису, потому что незамещенная синтаксическая позиция придает тексту динамичность, уверенность в их правоте, выразительность. Но эллипсис помогает раскрыть истинные цели экстремистов.

КАНАФЬЕВА Аля Васильевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет

kanafeva.alya@mail.ru

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности организации вопросительно-побудительных предложений: условность вопросительной формы, специфика интонации, наличие специальных частиц и аналитических образований с частицами. Отмечаются оттенки императивных значений той или иной модели, эмоционально-экспрессивный характер, комплекс функций.

На базе существующих структурных схем предложения сложилась целая система высказываний, имеющих условную вопросительную форму, предназначенную не для запроса информации, а для иных коммуникативных целей. Они противопоставлены вопросительным предложениям и рассматриваются в Грамматике-80 как невопросительные. Их функции определяются исследователями как вторичные, поскольку такие конструкции выражают не вопрос, а сообщение, побуждение, эмоции, оценки, свойственные другим функциональным типам предложений, – повествовательным и побудительным. Использование вопросительной формы для иных коммуникативных целей, особые интонационные контуры, наличие переосмысленных местоименных компонентов, частиц – всеми этими факторами обеспечивается экспрессивность несобственно вопросительных предложений.

Данные синтаксические конструкции являются «модально-экспрессивными вариантами» [Поспелов 2010: 121] той или иной структурной схемы двусоставного или односоставного предложения. Б.Ю. Норман отмечает, что «синтаксическая модель, т. е. тот образец, по которому говорящий строит свое высказывание и на который слушающий проецирует это высказывание, чтобы правильно его понять, многофункциональна и амбивалентна» [Норман 2020: 75].

Они – предмет многочисленных лингвистических исследований. Это обусловлено активностью их употребления в различных стилях, разнообразием их форм, тенденцией к фразеологизации, способностью выражать комплекс модальных и эмоционально-оценочных значений. За основу описания принимаются разные аспекты: особенности структурной организации; специфика значений; функциональный потенциал [См. об этом Канафьева 2021: 67–74].

Предметом рассмотрения в нашей статье являются несобственно вопросительные предложения с императивной семантикой, которые среди невопросительных типов определяются как вопросительно-побудительные. Они не имеют вопросительного значения, а являются в речевом акте специфическими формами побуждения.

Их конститутивным признаком является в первую очередь интонация, которая отличается наличием мелодической вершины на глагольном слове, его спрягаемой форме или инфинитиве: *Ты подождешь меня? Пойдем в театр?* – в этих вопросительно-побудительных предложениях глагол совершенного вида будущего времени приобретает благодаря особой интонации императивное значение, реализующее как просьба или предложение говорящего лица.

Необходимо отметить по отношению ко всем несобственно вопросительным предложениям, что их «мелодическая окраска определяется речевой ситуацией, причинами, вызвавшими ту или иную речевую реакцию, степенью эмоционально-психического накала, возбужденности говорящего, индивидуальных особенностей осмысления и произнесения фразы» [Канафьева 2016: 36].

В вопросительно-побудительных предложениях этой группы отмечается целый комплекс смысловых оттенков: просьба, совет, приглашение к совместному действию. В некоторых из них наряду с побуждением нередко выражается оттенок досады, нетерпения, они

экспрессивны и эмоциональны: *Замолчишь ты уже наконец? Ты перестанешь зевать?*

Запрет, призыв к прекращению действия и одновременно эмоция возмущения выражается инфинитивными моделями, в которых инфинитивом названо действие состоявшееся или намечаемое, неприемлемое для говорящего, осуждаемое им: – **Что? грозить мне вздумал?** – с сердцем заговорил он. – Ты думаешь, я тебя боюсь? Нет, брат, не на того наткнулся! Чего мне бояться?» (И. Тургенев); *Тогда вдруг зашумел чиновник. – Стреляться с Лермонтовым? – закричал он. – Не допущу. Извольте взять свои слова обратно* (К. Паустовский).

Кроме основного «учредителя» – интонации, в структуре вопросительно-побудительных предложений отмечаются специальные показатели, главным образом, частицы. Отметим наиболее часто употребляющиеся из них.

Вопросительно-побудительные предложения с частицей **не... ли**: *Не поможете ли вы нам? Не лучше ли тебе во всем сознаться? – Так-с. И позвольте вас еще спросить, – но не присесть ли нам? – позвольте вас спросить, как отцу, со всею откровенностью: какого вы мнения о моем Евгении?* (И. Тургенев).

Вопросительно-побудительные предложения с частицей с частицей **что** в сочетании с глагольной формой настоящего времени изъявительного наклонения, которая употребляется в переосмысленном, императивном значении. Императивная семантика одной группы этих вопросительно-побудительных предложений заключается в призыве **прекратить** затянувшееся действие, сопровождается эмоциями досады, раздражения, возмущения, что выражается резким повышением тона: *Что ты сиротой-то прикидываешься? Что ты нюни-то распустил?* (А. Островский); – **Что ты врешь?** – сумрачно перебил Чертопханов, – какой такой другой

конь? Это тот же самый; это Малек-Адель...(И. Тургенев); Мне совсем не надо, чтоб ты сгинул! **Что ты говоришь?!** – Четыре года мы прожили вместе. Плохо ли, хорошо ли, но вместе (В. Распутин); – **Что ты меня пытаешь?!** – простонала она. – Чужая тебе, что ли? Не жена, что ли? (В. Распутин); – На какой еще базар?! **Что ты мелешь?** (В. Распутин).

Вопросительно-побудительный предложения другой группы, напротив, содержат призыв к желательному для говорящего действию со стороны референта: – *Напрасно вы это думаете. Впрочем, я вам не верю. Вы не могли сказать это серьезно.* – Базаров продолжал сидеть неподвижно. – **Евгений Васильич, что же вы молчите?** (И. Тургенев).

Частица *что* в разговорной речи нередко заменяется на *чего*: *Это он, он!* – **Кто-о-о? Чего ты раскричался? Кто – он?** (В. Распутин); *Ты чего же, брат Федя, без хлеба ешь?* (М. Шолохов). Ср. с побудительным предложением: *Брат Федя, ешь с хлебом.* В вопросительно-побудительных предложениях этой группы возможно наличие обращений, междометий, усилительной частицы *же*: – **Эх, голубчик, чего ты убиваешься? Али наших сестер цыганок не ведаешь? Нрав наш таков, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзывает душеньку во чужу-дальню сторонушку – где уж тут оставаться?** (И. Тургенев); – **Так если ты такой культурный, чего же ты ствол хватаешь?** – сказал Березовский с раздражением (В. Пелевин).

Своеобразным акцентированием императивного характера вопросительно-побудительного предложения является употребление после него специальной глагольной формы побудительного наклонения: **Чего искать?- останься тут, Останься с нами, добрый странник!** (М. Лермонтов);); – *Это в вас говорит... сестра?* – произнес протяжно Базаров. – *Разумеется... Но что же мы стоим? Пойдемте* (И. Тургенев).

Обращают на себя внимание модели с инфинитивом в сочетании с частицей *а*: ***Брат! а простишь меня? Не хошь? а?*** – слезливо спросил он (М. Горький). Ср. из разговорной речи: *А поговорить? А зайти? А встретиться?* Особенностью их значения является некоторая неуверенность говорящего в желаемой для него реакции адресата. Значительна роль частицы *а*, в отсутствие которой изменяется интонация модели, ее побудительный характер.

Вопросительно-побудительные предложения с аналитическими сочетаниями, включающими частицу *не*: *почему не, отчего не* – с предикатными глагольными формами второго лица будущего времени или инфинитива: ***Ты пошто у меня-то не спросишь? Нашла о чем говорить – о простынях!*** (В. Распутин); *Одинцова быстро повернулась к нему. – Разве вы уезжаете? Отчего же вам теперь не остаться? Оставайтесь... с вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робеешь, а потом откуда смелость возьмется. Оставайтесь* (И. Тургенев); *Почему бы тебе не зайти ко мне?*(разг. речь). Семантика предложения, совета, просьбы относительно не предполагавшегося адресатом действия.

Модальное значение предложения, совета отмечается в предложениях, где форма сослагательного наклонения употреблена в значении императива: *Может, ты смог бы поговорить с ним? Почему бы тебе не поговорить с ним?* Ср.; *Утром, не дожидаясь завтрака, мать Федора засобиралась уходить. – Может, передневала бы? – нехотя спросил Федор* (М. Шолохов); – ***Может, сегодня и соберемся? Завтра я бы за остальными приехал*** (В. Распутин).

В приведенных вопросительно-побудительных предложениях этой группы отмечается наличие персуазивного субъективно-модального компонента *может*, подчеркивающего неуверенность, сомнение говорящего в возможности предлагаемого им действия.

Вопросительно-побудительные предложения в диалогической речи нередко являются средством активизации внимания собеседника: – *Не беспокойся, – промолвил он. – Я не позабудусь именно вследствие того чувства достоинства, над которым так жестоко трунит господин... господин доктор. Позвольте, – продолжал он, обращаясь снова к Базарову, – вы, может быть, думаете, что ваше учение новость? Напрасно вы это воображаете. Материализм, который вы проповедуете, был уже не раз в ходу и всегда оказывался несостоятельным...* (И. Тургенев).

Таким образом, вопросительная форма побуждения, создаваемая не только интонацией, но и комплексом отмеченных в данной статье средств: частицами, аналитическими сочетаниями, включающими частицы – придает вопросительно-побудительным предложениям эмоционально-экспрессивный характер, позволяет говорящему не только выразить волеизъявление, но и разнообразные эмоции, связанные с предметом речи, с отношением к партнеру по коммуникации. Перечисленные факторы способствуют комплексу разнообразных функций вопросительно-побудительных предложений: коммуникативной (в них содержится сообщение о воле говорящего), суггестивной (они являются средством воздействия), контактоустанавливающей (вопросительность формы стимулирует ответную реакцию), эмоционально-экспрессивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канафьева А.В. О некоторых особенностях интонации риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2016. № 5. С. 35–41.

2. Канафьева А.В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №1. С. 67–74.

3. Норман Б.Ю. Эмоциональные смыслы синтаксических моделей? // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2020. № 5. С. 74–82.

4. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 184 с.

КОРЮЧКИНА Екатерина Михайловна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
koryuchkuna.ek@gmail.com

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
natalia_1271@mail.ru

О НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ И УТОЧНЯЮЩИХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы теории уточняющих и пояснительных обособленных членов предложения, которые не получили в современной синтаксической науке однозначной трактовки. Показаны различные взгляды лингвистов на рассматриваемые конструкции.

Пояснительные и уточняющие члены предложения активно изучаются с середины позапрошлого столетия. Их сущностью и статусом в языковой системе, а также вопросами разграничения данных понятий занимались А.А. Потебня, А.М. Пешковский, С.И. Абакумов, Ф.Н. Бондаренко, А.Г. Руднев, Е.В. Кротевич, В.И. Фурашов, А.Ф. Прияткина, В.И. Чуглов, Л.А. Чернова и др.

Начало системного изучения пояснительных и уточняющих членов предложения было положено в середине XIX века. В работах более раннего периода еще не представлено целостной системной теории поясняющих и уточняющих конструкций. А.А. Потебня, говоря об обособленных членах предложения, (пользуясь термином «приложение»), показал их отличие как от второстепенных членов предложения, так и от придаточных предложений. С этого времени появляется возможность говорить о зарождении отдельных понятий об обособленных уточняющих и пояснительных членах предложения. Хотя отдельные наблюдения и замечания Н.И. Греча, А.Х. Востокова,

Ф.И. Буслаева о функционировании союзов *или, то есть, а именно* и др. показывают, что интерес к рассматриваемым нами конструкциям исследователи проявляли и ранее. Практически до середины XX века изучение пояснительных и уточняющих членов предложения происходило совместно с другими обособленными членами предложения. А.М. Пешковский отмечал наличие особых пояснительных союзов, однако «образования с объяснительной интонацией и с пояснительными союзами, хотя некоторым образом и противопоставлены автором образованиям с другими случаями обособления, не связаны с выделением поясняющих обособленных членов как особого синтаксического явления» [12: 32].

Позднее исследователи обращаются к более углубленному изучению и описанию обособленных членов предложения, причём особо отмечаются пояснительная и уточняющая функции обособления. С середины XX века в работах некоторых авторов уточняющие конструкции выделяются в отдельную группу, которая сначала включает лишь обстоятельства места и времени. Последующие исследования в области данных конструкций привели ученых к мысли о том, что уточняться может любой член предложения. На этом основании Ф.Н. Бондаренко предложил выделить уточняющие члены в самостоятельную категорию [3: 20-25].

Новым этапом в изучении пояснительных и уточняющих членов предложения можно считать 70–80-е гг. XX века [12: 32]. Именно в этот период были обозначены основные проблемы теории обособления, которые являются актуальными и до настоящего времени.

Одной из таких проблем является разграничение уточняющих и пояснительных членов предложения. Исследователи справедливо замечают, что до настоящего времени в лингвистике нет достаточно четкого определения этих синтаксических единиц и не выработаны точные критерии их разграничения друг с другом, а также с некоторыми

сходными единицами: присоединительными конструкциями, конструкциями со значением включения / исключения (со словами *включая, исключая, чаще всего* и др.) и однородными членами предложения [2, 5, 6, 12 и др.].

Если поначалу понятия уточняющие и пояснительные члены предложения трактовались синонимично, то на современном этапе изучения эти конструкции представляются чаще всего отличающимися по функции, семантике и морфологическому выражению единицами. Однако до сих пор проблема разграничения уточняющих и пояснительных конструкций остается одной из дискуссионных проблем в синтаксисе простого осложненного предложения.

Так, в «Русской грамматике» (1980) для обозначения уточняющих и пояснительных членов предложения используется термин «поясняющие обороты» [9], основная функция которых заключается в том, что они «уточняют, конкретизируют тот или иной член предложения, раскрывают его содержание» [9]. Как видим, функции уточнения и пояснения при этом не разграничиваются. Некоторые исследователи объединяют пояснительные и уточняющие члены предложения под общим названием «уточнительно-пояснительные конструкции». В.И. Чуглов полагает, что «уточнение ...вопреки сложившимся представлениям и утверждениям, представляет собой грамматически выраженную разновидность пояснения» [12: 8].

Между тем, все чаще отмечается необходимость в их разграничении и выработке четких критериев такого разграничения [5: 40]. В учебниках по современному русскому языку для вузов семантические различия между уточняющими и пояснительными конструкциями определяются следующим образом: пояснительные отношения возникают между двумя членами предложения, которые обозначают одно и то же понятие, явление, признак, но называют его по-разному, то есть в основе пояснения лежит понятие тождества.

Уточнение, в отличие от пояснения, представляет собой сужение, ограничение объема понятия, обозначенного уточняемым членом предложения. Подобной точки зрения придерживаются Н.С. Валгина [4: 416], А.Ф. Прияткина и др. «Уточняющие члены предложения конкретизируют или поясняют значения других членов предложения. При разграничении пояснения и уточнения ...пояснением считают отношения тождества, а уточнением – отношения целого и части» [1: 404]. При этом отмечается, что отличие уточнения от пояснения «не всегда четко просматривается» [1: 404].

Еще одной нерешенной проблемой теории уточняющих и пояснительных членов предложения можно считать проблему наличия у рассматриваемых конструкций значения полупредикативности, характерного для других типов обособленных конструкций. В современной синтаксической науке наметились две противоположные тенденции в определении места уточняющих и пояснительных членов среди обособленных конструкций. Одни синтаксисты противопоставляют их «полупредикативным» конструкциям [2, 9 и др.], лишая тем самым статуса полупредикативных конструкций, другие считают, что все обособленные члены предложения, в том числе уточняющие и поясняющие, обладают полупредикативностью [6, 11 и др.]. В последние десятилетия все более распространенной становится точка зрения, которая оказывается в некоторой мере компромиссной для отмеченных полярных позиций. Исследователи отмечают глубокое отличие поясняющих и уточнительных конструкций от других типов обособленных членов предложения, по традиции называемых «полупредикативными», но в то же время отмечают, что «в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности» [10: 254].

К числу нерешенных следует отнести и вопрос пунктуационного оформления уточняющих и пояснительных членов предложения.

Традиционно их рассматривают как особый тип обособленных конструкций. Если под обособлением понимать не только «смысловое и интонационное выделение второстепенных членов с целью придать им известную синтаксическую самостоятельность в предложении» [8], но и их пунктуационное выделение, то имеется достаточно большое количество случаев, когда обороты со значением уточнения не выделяются знаками препинания, а в качестве ведущего критерия отмечается коммуникативное намерение отправителя речи. Д.Э. Розенталь отмечает, что «разграничение этих случаев (уточнительный характер оборота или его отсутствие) зависит от воли пишущего» [7]. Так, в предложении *Я знаю и люблю Мещеру с детства, с той, **теперь уже очень давней** поры, когда босиком неутомимо бежал по ее зеленым тропинкам, прикивал губами к ее лесным родникам и спрашивал у ее кукушек, сколько лет жить мне на свете (В. Полторацкий)* – распространенное согласованное определение *теперь уже очень давней* явно имеет характер пояснения, но при этом не обособляется.

Таким образом, в изучении пояснительных и уточняющих членов предложения существует в настоящее время множество нерешенных вопросов, которые требуют дальнейшего рассмотрения и научного обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В., Николина Н.А., Чеснокова, Л.Д. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 704 с.
2. Балашова Л.В., Дементьев В.В. Курс русского языка. Ч. 2. Синтаксис и пунктуация [Электронный ресурс]. Код доступа: https://licey.net/free/4-russkii_yazyk/40-kurs_russkogo_yazyka_sintaksis_i_punktuaciya.html (дата обращения: 21.12.2021)
3. Бондаренко Ф.Н. О некоторых вопросах синтаксиса // РЯШ. 1952. № 2. С. 20–25.
4. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. для студентов вузов 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003.
5. Дубова М.А., Чернова Л.А. Урок-исследование на тему «Проблема разграничения уточняющих, пояснительных и присоединительных конструкций в простом осложненном предложении» // РЯШ. 2015. № 6. С. 40–43.

6. Мещеряков С.В. О полупредикативности поясняющих членов предложения // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию профессора В.И. Фурашова. Владимир, 2005. С. 110–123.
7. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация. М.: Эскмо, 2011. 288 с.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов // URL: <http://www.diclemedicaljournal.com/>
9. Русская грамматика. В 2 тт. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с. URL: <http://rusgram.narod.ru/2100-2127.html#2100> (дата обращения: 10.03.2021)
10. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
11. Фурашов В.И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993. С. 204–216.
12. Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): Автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2012. 45 с.

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич (*Витебск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
anton_lavitski@mail.ru

СЕМАНТИКА ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

Лингвистическая экспертиза текста – прикладная подотрасль юрислингвистики, чаще всего имеет дело с экстремистским дискурсом, где явно прослеживается смещение акцентов в сторону использования поликодовых (креализованных) текстов. Лингвоправовая оценка такого рода материалов, к сожалению, представляется достаточно сложной ввиду отсутствия верифицированных экспертных процедур, чем и объясняется наш интерес к заявленной теме доклада.

Сложность экспертного изучения поликодового текста связана, в первую очередь, с необходимостью интерпретации семантического содержания его невербального компонента. В лингвистической теории существует несколько концепций когнитивной оценки восприятия языковой личностью «гибридных» текстов. Так, в 70-х гг. прошлого столетия канадский психолог Аллан У. Пайвио представил теорию двойного кодирования. Ученый утверждал, что в формировании когнитивных образов участвует только невербальный компонент поликодового текста (вербальная составляющая, по мнению автора теории, участвует в формировании вербальных ассоциаций). Думается, что предложенная Пайвио концепция может быть использована при оценке креализованного текста, в семантике которого «доминирует» невербальная составляющая. Однако, очевидно, что и вербальный текст способен формировать когнитивные образы (например, поэтический текст).

В конце 90-х гг. XX века Р. Майер (см. статью «Multimedia learning: Are we asking the right questions?», 1997) предложил собственную концепцию оценки семантики поликодового текста, включающую три

компонента: 1) отбор информации (изобразительная vs вербальная), 2) организация информации (осмысление двух информационных потоков, в результате чего формируется образная и вербальная модели), 3) интеграция ментальных моделей (образная и вербальная составляющие накладываются друг на друга и формируют единую когнитивную модель). Концепция Р. Майер может быть экстраполирована в исследовательское поле судебной лингвистики, но только при условии очевидного совпадения смыслового наполнения вербального и невербального компонентов реализованного текста.

Еще одна концепция восприятия поликодовой информации была разработана В. Щотцом и в значительной степени дополнена А.Г. Сониным. По мнению последнего, базовой основой восприятия поликодового текста преимущественно является невербальная составляющая: после первичной идентификации компонентов гибридного текста происходит процесс их лексической и семантической обработки, которая протекает по разнящимся схемам (невербальная информация активирует сначала семантические репрезентации, а потом лексические, вербальная – наоборот) [Сонин, 2005, 121–123]. Иными словами, невербальный компонент поликодового текста быстрее «интегрируется» в систему хранящихся в языковом сознании представлений.

Заслуживают внимания исследования группы ученых Института русского языка имени А.С. Пушкина (М.А. Осадчий, А.Н. Пучкова, А.В. Горбачёва), предложивших при лингвоправовой экспертной оценке поликодового текста выделять в семантике невербального компонента концептуальное ядро. Основываясь на представлениях о том, что знания в семантической памяти хранятся в форме концептов, авторы полагают, что «необходимым условием активации целостного концепта является активация тех частей нейронной сети, которые отвечают за хранение дифференциальных смысловых компонентов этого концепта.

Думается, что такой подход вполне оправдан, так как многие концепты достаточно хорошо описаны или могут быть реконструированы, в том числе, на материале экстремистского (деструктивного) дискурса.

Представленный научно-исследовательский экскурс доказывает, что современная лингвистика обладает необходимым методологическим инструментарием для реализации качественной лингвоправовой экспертной оценки поликодового текста на предмет наличия в его содержании признаков противоправной коммуникативной деятельности. Невербальный компонент реализованного текста следует рассматривать как особую когнитивную единицу, в семантике которой отражаются концептуальные представления языковой личности. При этом вербальная и невербальная составляющие «гибридного» материала накладываются друг на друга, составляя единую понятийно-смысловую категорию.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (*Витебск, Белоруссия*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова
mvavit@tut.by

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАК ИСТОЧНИК ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье показано, что интерес к глубинным знаниям – важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней; именно синтагматические связи создают в поэзии те глубинные смыслы, которые являют собой очарование и загадку.

Еще А.С. Пушкин заметил, что русский язык неистощим в способности к соединению с другими словами. А сама поэзия также определяется через соединения слов: поэзия, по определению Э. Колдриджа, – это обычные слова в необычном порядке. Именно она учит понимать прелесть обоснованных нарушений соединения слов. Специфику каждого произведения составляют особые отношения языковых единиц внутри поэтического текста, именно они определяют эстетическую функцию всего текста.

Но даже в обыденном языке много загадочного. Так, для передачи идеи движения существует множество синонимов, большинство из которых употребляется с разными по семантике существительными: *облака плывут, море бушует, лед тронулся, ягоды пошли, молоко улежало*. С другой стороны, движение разных объектов может быть передано одним глаголом *идти*: *мальчик идет, время идет, автобус идет, часы идут, годы идут* и т. д. С чем это связано: с обычной многозначностью и омонимией, либо здесь заложены некие глубинные ментальные смыслы, которые делают такие сочетания понятными для носителей языка.

В последнее десятилетие лингвистика доказала, что язык – особая система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими. Больше, разумеется, системных фактов. Поэтому мы

пытаемся управлять языком – где запретами, законами, а переменной социальных практик, т.к. изменения в политической, социальной и др. сферах жизни приводят к трансформации языка. Такое насильственное регулирование языка ни к чему хорошему не приводит. Мысль о том, что язык развивается таким образом, не более, чем миф.

В языке, особенно в поэзии, мало что можно объяснить с точки зрения причинности, потому что мир поэзии лежит за пределами причинности. Несколько слов о каузативности (каузальности) как форме всеобщей связи явлений. Если раньше в традиционной науке считалось, что нет явлений, для которых не было бы причин, и нет явлений, которые не имели бы следствий, то в современной науке этот принцип подвергается сомнению. Это постмодернистская философия Анти-Эдип, направленная на разрушение эдипова комплекса как базового символа классической традиции; шизоанализ, трактующий бессознательное как самодетерминирующуюся сущность, как «нечто, порождаемое самого себя». Сюда же следует отнести теорию Смерти Автора, как причины появления текста, а также индетерминизм, неопредетерминизм и другие современные теории, которые позволяют предположить возможность некаузативного миропостижения.

Сама по себе статистика, даже самая добросовестная, не создает достоверной картины языка, поэтому статистические зависимости в языке не столь важны для языка, хотя и существуют. Это «бухгалтерия в лингвистике». Значительно важнее и сложнее функциональные зависимости. Язык саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не соотносясь с причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф, группа продленного дня, стоять под дверью*. Или такие предложения: *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец*. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый

смысл в них отсутствует, хотя они привычны для русского уха и часто используются в языке.

Образ мира, сотканный из несистемных фактов соотносится с особенностями национальной культуры и психологии, поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем.

В поэзии все происходит еще сложнее. Поэзия – это высшее проявление национального языка, ее пронизывает непреодолимая тяга за пределы, к глубинному знанию. Это можно подтвердить следующим примером, из которого видно, что именно глубинные знания придают тексту, в данном случае стихотворению А.Блока «Девушка пела в церковном хоре...», глубину и позволяют увидеть особый смысл. Талантливый поэт и литературовед П. Вайль считает, что это стихотворение о памяти.

В стихотворении говорится о молитве, которая, как все верят, будет услышана Богом: *И всем казалось, что радость будет*. А потом следует, казалось бы, неожиданная фраза:

*... только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад...*

На поверхности лежит мысль о бессмысленности человеческих надежд и даже молитвы. Так и трактовалось данное стихотворение в советском литературоведении.

Но на глубинном уровне здесь просвечивает мистический смысл Литургии. Младенец в Христианстве – это Ангел. Реальные дети тоже иногда плачут перед Причастной Чашей. В этом тоже свой мистический смысл: указание на духовное неблагополучие, на отсутствие благодатного действия Причастия, которое устанавливает мир в душе. Вероятно, ребенок плачет потому, что молитвы не доходят до Бога, и он,

как ангельская душа, это видит. Как видим, глубинный пласт многое объясняет.

Интерес к глубинному – важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней. Еще В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова, отметил сокрытость этих смыслов от человеческого рассудка, при этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство: язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть [2: 378].

Уже в начале нашего века было установлено, что познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы... с выходом на концептуальные построения языка» [1: 38]. И действительно, если традиционная лингвистика – это превращение языка из тайны в систему единиц и сеть значений, то тенденции современной лингвистики – желание посмотреть в обратном порядке – на глубинные основы языка через систему значений и смыслов. Еще в конце прошлого века возникла отдельная область знаний - нейролингвистическое программирование, в котором считается, что слова и фразы языка – это поверхностные структуры, которые лишь в самых общих чертах выражают глубинные структуры.

Следовательно, путь к раскрытию тайн языка, тайн смыслов – это путь современной лингвистики, которая посредством овладения глубинными художественными смыслами сможет постичь основы мироздания и сформировать культурную личность, потому что систематическое чтение поэзии и восприятие ее глубинных смыслов является важнейшим источником формирования гуманитарной культуры личности.

Посмотрим на поэтическую картину мира, созданную украинским поэтом Дм. Бураго, который формирует свое видение мира не только на основе переработки собственного опыта, своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, зафиксированного в мифах и архетипах. В центре его поэтического космоса – полифония смыслов, которая создается перевернутым мировосприятием:

*Дерево становится птицей,
птица становится ветром,
ветер становится деревом.*

*потому что у птицы крылья ветра,
у ветра крепость дерева,
а у дерева душа птицы.*

Как видим, синтагматический аспект его фраз не подчинен логике здравого смысла. Столкнувшись с разбегу, слова, фразы как бы резонируют, создавая для нас образ перевернутого, но в целом верного мира. Мы понимаем, что мир в поэзии устроен удивительно мудро и загадочно. Столкновение неожиданных слов переполняют их смыслом, но смыслы диффузны и зыбки.

С помощью неожиданной сочетаемости Случайность врывается в стих, и мир становится непредсказуемым, иррациональным. Поэтическая картина мира Дм. Бураго – это система многомерных образов, знаний, представлений. Тайная тяга за пределы видимого мира, к угадываемой подлинности, пронизывает всю его поэзию. Такой подход свидетельствует о нелинейном видении текста и, соответственно, мира, которое, по мнению К.Г. Юнга, присуще пророкам, поэтам и большим ученым.

Функция поэзии – открывать нам гармоничный и удивительный мир, фиксировать какие-то состояния души, в которых читатель

угадывает собственные. В.В. Налимов утверждает, что культура, лишенная глубинного и иррационального, становится антикультурой [3: 93]. Следуя поэтическому слову, мы не скользим по поверхности жизни, а проникаем в бездну истины.

Глубинные смыслы не всегда закладываются поэтом с текст сознательно, а читатель, в свою очередь, извлекает не всегда те смыслы, которые вложил поэт, потому что эти смыслы в голове у читателя.

Л.А. Новиков очень тонко заметил, что «источник эстетического – переживаемый смысл, воплощенный в художественной форме, которая реализуется посредством того или иного приема» [4: 32]. Часто приемы настолько переплетены, что являют собой тончайшую игру со смыслами: Так, у Дм. Бураго встречаем: *Эта блажь, это серая устрица, / устье трепета, троп наготы. / Торопливого лепета лущится / лесть изнанки и страх пустоты.* Здесь в общую метафору внутреннего состояния поэта, который переживает очередной украинский майдан и видит его бессмысленность и разрушительную мощь, вплетаются скрытые сравнения (*блажь* сравнивается с *серой устрицей*), необычное метафорическое видение ситуации – *лесть изнанки*, а все вместе рождает *страх пустоты*, появление которой предвидит поэт.

Отсюда **вывод** о том, что лишь поэзии под силу раскрыть процессы, происходящие на глубинных уровнях сознания и подсознании, т. е. в ментальности. Смысл в поэзии является психическим по своей природе. Язык с помощью поэта творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. И эта сотворенная поэтом реальность называется культурой. Смыслы в поэтическом тексте далеко уходят за пределы значений слов, используемых в стихотворении. Истина, содержащаяся в стихах, сокрыта, ее следует искать, как ищут ее в речах пророка. Содержание стихотворения часто алогично и загадочно. А основной

источник эстетического переживания – художественный смысл, а, точнее, игра со смыслами, которые закладываются в текст и извлекаются из него чаще всего с помощью сочетаемостных возможностей слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Г.И. Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков. Липецк. 2017. С. 7–25.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 451 с.
3. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 264 с.
4. Новиков Л.А. Феномен эстетического в языке. Опыт аналитического синтеза // Новиков Л.А. Избранные труды. Т.2, М.: Изд-во РУДН, 2001. С.17–36.

НИКОЛИНА Наталия Анатольевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
natnikmoskwa@gmail.com

ГЛАГОЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются активные процессы в сфере глагольного словопроизводства в современной русской речи. Материалом для анализа служат глагольные неологизмы, встречающиеся в языке СМИ, интернет-коммуникации, художественной речи, а также извлеченные из словарей новых слов. Показано, что наибольшую продуктивность при образовании новых глаголов проявляют суффиксация, префиксация и постфиксация. Выделяются ведущие тенденции в сфере современного глагольного словопроизводства: активизация образований на базе заимствований, рост числа отыменных глаголов, интенсивное образование возвратных глаголов, некоторое «оживление» словообразовательных типов глаголов, образованных сложением.

По сравнению с другими частями речи глаголы обновляются не столь интенсивно. По оценке Н.З. Котеловой, в словарях новых слов «подавляющее большинство неологизмов – существительные, прилагательных в несколько раз меньше» [3: 287]. По подсчетам Т.Н. Буцевой и А.В. Зеленина, глагольная неологическая лексика составляет 5-6% всех лексических инноваций [1: 127]. Тем не менее, количество новых глаголов в русской речи постепенно увеличивается: по данным исследователей, с 2000 по 2020 гг. в СМИ и интернете было зафиксировано около 1000 неологизмов, семантика и особенности употребления которых еще недостаточно описаны.

Словообразовательной адаптации в этот период подвергались многие заимствования, прежде всего англицизмы. Получили распространение также глаголы, пришедшие из жаргонов и используемые в настоящее время в СМИ и художественной речи. Например:

*Но проходит час икс, и я стала **очковать*** (Ю. Гурина. Мы же взрослые). – *Не **очкуй**, французенка* (В. Арн. Весна умирает осенью). *Нет ничего серьезного, над чем **закошмариться*** (Ю. Гурина. Мы же взрослые). *Аккуратно поглядела ленту, она ругалась, ... **мемчилась**,*

постиронизировалась. Проскроллились разноцветные маски...
(Е. Некрасова. Банкомать).

Ряд глагольные неологизмов связан с пандемией коронавирусной инфекции. Так, в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» представлено более 30 новых глаголов. Они обозначают процессы, связанные с

- карантинными мерами и их окончанием: *заизолироваться, локдаунить, залокдаунить*;

- с удаленной работой и учебой: *зумиться, дистантить, дистантиться, позумиться*. По итогам года (2020) глаголы *зумить, зумиться* заняли 6-е место сред Слов года;

- с заражением и болезнью: *заковидить, ковиднуться, перековидить, откоронавирусить, расковидиться*;

- с отношением к эпидемии: *ковидобесить, ковидофобить*.

Неологизмы-глаголы входят в новые СГ с вершинами *ковид, коронавирус, ухань*. Например:

Ухань → *уханькать* → *уханькаться*

→ *уханькнуть*

→ *уханьствовать*

Наиболее распространены глаголы с основой **ковид-**. Глаголы с данной основой демонстрируют разнообразие способов современного аффиксального словопроизводства, ср.: *ковидить, ковидиться, заковидить, отковидиться, обковидить*.

Глаголы с основой *ковид* развивают многозначность и в ряде случаев могут выступать даже в энантиосемичных значениях. Так, глагол *ковидить* отмечен в значениях:

1) “болеть ковидом” (*Они ковидят у себя дома*);

2) “заражать ковидом” (*Пусть не ковидят других*);

3) “лечить зараженных ковидом” (*Ковидят в Коммунарке*).

Глаголы-неологизмы, отражая динамику общественной жизни, представлены в различных тематических сферах. Они доминируют при обозначении действий в сфере интернет-коммуникации (*лайкать, постить, репостить, спамить, чатиться*), экономики (*офшоризовать, дисконтировать, чарджить*), современной музыкальной культуры (*баттлиться, джемить, слэповать*), политики (*заединороссить, майданить, роскомнадзорить, митинговаться*), в сфере межсемейных отношений и социального поведения (*газлайтить, менсплейнить, троллить, хейтить*). В составе глагольной неолексикой возникают отдельные синонимические ряды. Например, жаргонизмы *свиолончелить, сфаготить, среферендить* входят в ряд синонимов со значением “украсть”.

Анализ глагольных неологизмов позволяет выявить ряд деривационных процессов, характерных для современного словопроизводства и образования слов этой части речи. Прежде всего, наблюдается активное образование глаголов от заимствований; см., например, такие единицы, как *абьюзить, банить, посттить, селфить, рофлить, троллить, феймить, хайпить, хейтить*.

При образовании глаголов на базе иноязычных слов особенно часто используется суффикс -и; ср., например: *контейнерить, сталкерить, газлайтить, кешбэчить, панчить, роскомнадзорить*.

Наряду с суффиксом -и, продуктивность проявляют суффиксы -ну, -ова (ева), -изирова, например: *скрепизировать, юберизировать, бранчевать, кринжевать, хайповать, лайкнуть, трампнуть*. Так, глагол *кринжевать*, как и глагол *кринжить*, образован от англицизма *кринж* (англ. *cringe* - “испытывать неловкость, отвращение, стыд”) и выступает в значении “стыдиться чего-либо; чувствовать возмущение, отвращение из-за чего-либо, совершенного другим человеком”.

В современной речи увеличивается число отыменных (преимущественно суффиксальных) глаголов, причем глагольные неологизмы часто мотивируются прецедентными именами; см., например: *джигурдить, мазепить, перекодзимить, собянить, смарадонить, трампить, церетелить*. Так, в 2018 году после выступления Дианы Шурыгиной в телепередаче «Пусть говорят» был зафиксирован глагол «*шурьжничать*», который выступает в значениях: 1. «Вести себя нескромно, рискуя стать жертвой насилия»; 2. «Привлекать к себе внимание скандальным поведением». Например: *Я видела Женю. Много лет он ходил по разным ток-шоу. Но не шурьжничал там, не искал дешевой славы* («Комсомольская правда». 31.03.2018).

В интернет-коммуникации и языке СМИ получил распространение глагол «*ванговать*», образованный от имени болгарской прорицательницы. Этот глагол чаще употребляется в форме 1-го лица единственного числа и имеет значение «предполагать что-либо, предсказывать». Ср., например: *Оперная дива Любовь Казарновская вангует о России, населенной оцифрованными биороботами* (Gorodche.ru. Октябрь 2021). *Вангую, что пройдет совсем немного времени, и экстремистскими станут последние независимые СМИ* (Г. Гудков. Эхо Москвы, 21 мая 2021).

Ряд отантропонимических глаголов образует объемные словообразовательные гнезда. Таково, например, гнездо с вершиной **Трамп**, включающее глаголы *трампануть, трампнуть, трампировать, трампить, потрампить, трамповать, оттрампить, утрамповать*.

«... Словообразовательному усвоению способствует фонетический облик производящей основы – фамилия Трамп выразительна и лаконична. Кроме того, лексема своим фонетическим обликом созвучна с узуальными словами в русском языке» [2: 18].

Отсылку к прецедентным именам могут содержать и сложные слова, от которых образованы глаголы. Так, например, производящая база глагола **михомайданить**, зафиксированного в 2018 году, включает основу грузинского имени собственного Михо- (Михаил Саакашвили): *михомайданить* – “участвовать в михомайдане”, т. е. в акциях, организованных сторонниками Михаила Саакашвили.

Суффиксальные глаголы служат производной базой для приставочных глагольных неологизмов, которые выражают различные модифицированные значения: *гуглить* – *прогуглить*, *лайкать* – *полайкать*, *постить* – *запостить* и др.

Широкое использование префиксации характерно и для новообразований в современной поэтической речи. Например:

*Прошу: **поснись** мне, покажись...*

(Н. Галкина).

*Что бы нам **похотеть**?*

(А. Денисов)

*Я **вспал** неглубоко, и впалый сон натужно кашлял...*

(В. Строчков)

Доминирует при этом перфективация. Значительно реже встречаются примеры имперфективации. Ср.:

*Бывало. **Плывала**. Вокруг временами*

(М. Матвеева).

Петр, понимаешь, Григоренко

*не на ура, а крепость **бравал***

*(или **бырал**)...*

(Д. Бобышев).

Другой активный деривационный процесс в сфере глагольного словопроизводства – рост числа возвратных глаголов, образованных как чистым постфиксальным способом, так и комплексными способами с участием постфиксального форманта. По подсчетам Ю.С. Ридецкой, из

400 глагольных неологизмов 15 единиц представляют собой возвратные глаголы [4: 672]. Новые возвратные глаголы служат для выражения различных аспектов субъектно-объектных отношений, например: *зумиться, карантиниться, ковидиться, логиниться, скрабиться, чатиться* и др. Наиболее часто при этом реализуются собственно-возвратное и взаимно-возвратное значения. Ср.: *себячиться* – “делать селфи”, *чатиться* – “общаться в чате”, *зумиться* – “проводить совместную конференцию в Zoom”, *скайпиться* – “общаться по скайпу”. Увеличение числа взаимно-возвратных глаголов свидетельствует о тенденции к расширению состава этой группы в современном русском языке.

В поэтической речи также регулярно появляются новые возвратные глаголы, однако этот процесс сопровождается другим, парадоксальным, явлением – депостфиксацией глаголов; в результате в современных поэтических текстах встречаются как индивидуально-авторские возвратные глаголы-неологизмы, так и окказиональные единицы, утратившие возвратность. Ср.:

*Когда я умрусь
оставь мой балкон
над рамами выше моря...*

(Н. Азарова)

Войнушка ждет, ныряется Чапай...

(И. Шостаковская)

*Сам себе я врусь,
Пополам рвусь*

(С. Петров)

Все замелькало, смеркло

(О. Мартынова)

*Человек запутался в пододеяльнике
снил о забытом в школе угольнике*

(Д. Суховей)

*Живешь, живешь и обжигаяешься
вдруг ужасом, что не живешь,
а потихоньку умираешься
и потихоньку умираешься
и полегоньку исчезаешься...*

(Валерий Черешня)

*Вот не думаешь, что доживу, дождю
До подгнивших слив*

(Е. Шварц).

Отметим еще один активный деривационный процесс в сфере современного глагольного словопроизводства – активизацию образования сложных глаголов. Если ранее сложные глаголы, за исключением глаголов с префиксоидом сам(о), образовывались сравнительно редко, то в современной русской речи заметно возрастает число глаголов не только с компонентом сам(о), но и с префиксоидами взаимо- и полу-. Ср.: *самопиариться, саморазвлекаться, саморекламироваться, самоустраняться, взаимолайкать, взаимооценивать, взаимопостить, взаимоустранять, полувыздороветь, полузаболеть.*

Так, несмотря на то, что глагольная словообразовательная подсистема в меньшей степени, чем именные подсистемы, подвергается неологизации, она также активно развивается и пополняется новыми единицами разной структуры. Наибольшую активность при этом проявляют суффиксация и постфиксация. Ведущими тенденциями в сфере современного глагольного словопроизводства являются интенсивное образование неологизмов на базе заимствований, рост числа отыменных глаголов, мотивированных прецедентами именами собственными, активизация образования возвратных и сложных глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей // Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 125–138.
2. Вепрева И.Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики. М.: Азбуковник, 2018. С. 16–19.
3. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 46–63.
4. Ридецкая Ю.С. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке 2010-2020-х годов // Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 670–680.

УМБЕТОВА Надежда Жамельевна (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
nadejda.umbetova@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ГЛАГОЛА (на материале поэзии О.О. Сулейменова)

Аннотация. Статья посвящена стилистическим особенностям глагола в поэтическом тексте. Глагольная лексика анализируется на примере поэзии О.О. Сулейменова, в которой наблюдается особая динамика глагольной лексики. Автор отмечает, что выразительность глаголов в поэтическом тексте О.О. Сулейменова связана с семантическими, грамматическими и синтаксическими особенностями. Также автор подчеркивает, что стиль речи требует определенного словоупотребления, поэтому выразительность глагольных форм полностью зависит от их отношения к определенному стилю. Это позволяет считать способность глагольных форм выражать многоплановое и подтекстовое значение опорным моментом, так как глагол является основой как речевой, так и языковой выразительности текста.

Стилистика – это наука, которая помогает нам находить ответы на самые сложные вопросы, связанные с культурой речи. А культура речи требует особого внимания и бережного отношения, так как несоблюдение правил культуры речи и стилистических норм может привести к необратимым последствиям.

Интерес к стилям речи растет с каждым новым днем, это связано с необходимой потребностью людей в культуре общения. Значительный вклад в исследования в области стилистики внесли Д.Э. Розенталь, А.Н. Гвоздева, М.П. Сенкевич, Е.М. Галкина-Федорук, Ю.С. Сорокина, А.И. Ефимов, И.Р. Гальперин, Р.А. Будагов и многие другие. Коммуникабельные личности должны обладать искусством культуры общения, которая в свою очередь требует в речи стремительного развития, динамики и движения. Данными перечисленными способностями обладает глагол. Именно глагол придает речи динамизм, экспрессию и выразительность изображаемых предметов.

«...Выразительные возможности основных глагольных категорий обусловлены тем, что они непосредственно связаны с важнейшими понятийными категориями, отражающими в нашем сознании реальную

действительность и необходимыми для ее художественного воссоздания. Глагольное время отражает категорию темпоральности, вид – аспектуальности, наклонение передает модальность, лицо – персональность, залог – субъектно-объектные отношения. Эти функционально-семантические категории могут быть выражены, конечно, и другими языковыми средствами (например, лексически, синтаксически), но глагол, в отличие от других частей речи, обладает специфическими грамматическими формами для их воплощения, что и ставит его в исключительное положение...» [2: 347].

Широкими возможностями глагола восхищались не только лингвисты, но и литературоведы, писатели и поэты. Например, Чернышевский отмечал: «Наши виды... придают русскому глаголу такую живость и определенность оттенка в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам» [5: 816]. А. Толстой подчеркивал, что: «Русский язык настолько богат глаголами и существительными, настолько разнообразен формами, выражающими внутренний жест, движение, оттенки чувств и мыслей, краски, запахи, материал вещей и пр., что нужно для построения научной языковой культуры разобратся в этом гениальном наследстве «мужицкой силы» [3: 551].

Глагол обладает огромным количеством категорий и их форм, которые с легкостью заменяют друг друга. Глагольная лексика имеет богатые изобразительные возможности, которые имеют развитую синонимическую глагольную систему, позволяющая заменять одни слова другими. Мы можем привести в пример строчки из стихотворения О.О. Сулейменова, где с помощью глаголов смог выразить эмоции лирического героя: «... пил хорошо, как надо пить, / как надо жить - / зубами! / Потом вскочил, не пересилив / радость, / и стал бросаться на меня с ножом...» [4: 163].

В поэзии О.О. Сулейменов присутствует богатая глагольная лексика, имеющая синонимы с разнообразными оттенками значений: «...если *хочешь*, - веселым *будь*, только прежде *стань* стариком...*бей* в свой белый висок кулаком, / *бей* великим ножом в свою грудь. / *Упади*, / *умереть не забудь*... В каждом доме *ждет* меня чай... / каждый рад мне руку *пожать* / и *спросить* о здоровье коня, / мне бы так людей *уважать*, / как они *уважают* меня...» [4: 186]. Глагол *хотеть* имеет синоним *желать*, *быть* – *существовать*, *становится* и т. д.; синонимы к глаголу *бить*: *колотить*, *ударять*, *стучать* и т. д.; синонимы к глаголу *упасть*: *грохнуться*, *ниспадать*, *валиться*; синонимы к глаголу *умереть*: *помереть*, *скончаться*, *угаснуть*; синонимы к глаголу *ждать*: *подстерегать*, *караулить*, *дожидаться*; синоним к словосочетанию *пожать руку*: *приветствовать*, *поздороваться*, *приветствовать друг друга*; синоним к глаголу *уважать*: *ценить*, *дорожить мнением*, *относиться с почтением* и т. д. Приведенные синонимические связи, подтверждают тот факт, что русский язык имеет богатый запас глаголов не только художественного характера, но и просторечного.

Стиль речи требует определенного словоупотребления, поэтому выразительность глагольных выражений полностью зависит от их отношения к тому или иному стилю. Но мы будем рассматривать выразительность глагольной лексики в поэтическом тексте. Где они приобретают особую художественную выразительность, насыщая текст, всевозможными метафорическими, изобразительными, безличными, возвратными глаголами и т. д.

В поэтическом тексте часто используется один глагол вместо другого, настоящее время использует вместо прошедшего, с целью, приблизить читателей к давно минувшим временам. С помощью данных приемов, мы можем побывать в историческом времени, как в настоящем. Например: «...Хрипит, задыхается конь,/ Без дорог, без сапог, огибая кишлак,/ Мчит угрюмый гонец, он ушел от погонь./ На копье

раздувается/ черный флаг./ Флаг жалеет – не спеши/ не спеши.... Враг идет в Бешатыр./ Он стотысячным топом линчует аулы,/ пот съедает глаза, конь хрипит./ О Батыр, / лучше б ты под копьем умирал/ ясаулом!...» [4: 130]. Поэт также широко использует настоящее время в значении будущего, с целью указать на действие, которое должно совершиться в будущем, использует совершенный вид вместо несовершенного (это позволяет показать событие более реально), экспрессивные формы глагольного прошедшего времени, формы давно прошедшего времени, междометные глаголы и т. д. Например: «Пес сидел на цепи весь век./ Он охрип, одряхлел, шкура – войлоком./ Как-то вышел во двор пожилой человек./ Пес не взлаял, пошел ноги волоком...» [4: 94]. Глаголы сидел, охрип, одряхлел, вышел, взлаял, пошел относятся к прошедшему времени совершенного действия и представляет событие, как совершившиеся; «...Он сорок раз вырезался на совесть./ До глин выжигался./ Съедался до корки...» [4: 145], «...И по лицам их стекали/ белые дожди...» [4: 176], в данном примере суффикс -а – в глаголах вырезался, выжигался, съедался, стекали указывает на длительность и повторяемость действий в прошлом. В лирическом тексте присутствуют не только личные формы глагола, но и неопределенная форма глагола, которая передает значение прошедшего времени: «...Они зажгли огонь и научили/ беречь огонь и/ кланяться огню,/ лечить огнем радикулит и чирий,/ и научили подходить к коню,/ и верить солнцу,/ и гадать по звездам,/ от них пошло – и танцевать и петь,/ от них вы почитали только весны,/ от них пахать, выращивать и печь...» [4: 152].

В одном стихотворении употребляется совершенный и несовершенный вид одного и того же глагола, с целью противопоставить усиление высказывания: «... Человек притворяется штатским,/ но не очень,/ а так,/ на пятак./ Притвориться бы принцем датским!...» [4: 195]; используется будущее время, совершенного вида: «...прошу, не

забудьте и это – к счету...» [4: 161], в данном примере глагол *не забудьте* указывает на действие, обращенное в настоящее.

В поэзии О. Сулейменова, мы можем заметить и двойные личные формы глаголы, т. е. глаголы книжного и разговорного характера: «...Он подмигнул и выдул пиалу/ и вдруг затрясся,/ засучил/ ногами,/ пил носом, и губами, и лицом,/ глазами, всхлипывал,/ пил хорошо,/ как надо пить,/ как надо жить - / зубами!/ Потом вскочил, не пересилив/ радость,/ и стал бросаться на меня с ножом...» [4: 163].

Как мы уже отмечали, поэзия, насыщенная глаголами, придает энергию, жизнь и выразительность произведениям. А выразительность в поэзии О. Сулейменова, создается при помощи метафоризации глаголов. Чаще всего, она используется преимущественно для олицетворения неодушевленных предметов. Например: «...Проходят тучи по горам/ пешком./ Гниют хребты, обласканные ливнем,/ и оседают, гордые,/ песком./ Не верят каракумские барханы/ былинам недалекой старины ... / Пески молчат. Размолотый гранит...» [4: 155]; «...Тучи храпящие ветер несут...» [4: 104]. Данные глаголы способствуют живости, эмоциональности стилевых разновидностей русского языка. Если бы поэт, заменил данные глаголы, на глаголы в прямом смысле или на отглагольные существительные, это создало бы тяжеловесность конструкций. Г.О. Винокур, в своей работе подчеркивал, что употребление отглагольно-именной конструкции там, где возможна нормальная глагольная, делает выражение более «худосочным», «вялым», «книжным» [1: 75].

Итак, из вышесказанного следует, что специфика глагола в лирическом тексте заключается в стилистическом использовании его грамматической природы. Взаимодействие глагола с семантикой создает безграничную возможность для выражения тонких смысловых оттенков при описании действий в поэтическом тексте. Это и является преимуществом глагольной лексики, которая основана на точном

изображении действия, благодаря чему и создается ритм, ощущение света, достоверность и выразительность поэтической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. Учеб. пособие, с.511
3. Толстой А.Н.. Избр. соч., т. 6, М., «Советский писатель», 1953, с. 551
4. Сулейменов Олжас. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата, «Жазушы», 1976. 456 с.
5. Чернышевский Н.Г. О словопроизводстве в русском языке. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. 816 с.

ЯЗЫК В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье представлено общее понимание языка и коммуникации между представителями разных культур в современном мире. Анализируется роль и место языка в системе межкультурной коммуникации и обеспечении межкультурного согласия. Приводится ряд правил, направленных на использование языка для обеспечения успешного межкультурного общения.

В XXI веке межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью жизни любого человека. Это обусловлено происходящими процессами глобализации экономического, политического и культурного аспектов сотрудничества. В связи с этим, изучение особенностей и факторов, способствующих эффективной межкультурной коммуникации является перспективным и актуальным направлением научных исследований. Прежде всего, это необходимо для обеспечения эффективной коммуникации между представителями разных культур для всеобщего развития и способствования сотрудничеству.

В современном мире взаимодействие разных культур выступает в качестве средства сохранения культурных различий и культурного многообразия. Ни одна из культур нашего мира не существует сама по себе и изолированно. На протяжении всего исторического развития происходил непрерывный обмен культурными достижениями между представителями разных народностей. На этот счет, известный отечественный ученый – Н.В. Кокшарова, отмечает, что межкультурное взаимодействие носит двусторонний характер, то есть представляет собой взаимообусловленный двусторонний процесс, в рамках которого осуществляется изменение состояния, содержания и функций одной культуры, под влиянием воздействия другой.

В наши дни межкультурная коммуникация понимается с разных точек зрения. Так, под межкультурной коммуникацией принято понимать

межперсональную коммуникацию в специальном контексте, когда имеет место культурное отличие ее участников. Межкультурная коммуникация определяется также, как общение между носителями разных культур, когда их различия приводят к тем или иным трудностям. Более того, довольно известным пониманием межкультурной коммуникации является ее понимание с точки зрения совокупности отношений между представителями разных культур.

Классическое определение феномена межкультурной коммуникации обнаруживается в рамках книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», где под ним понимается адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Одной из сложных, многоаспектных и тем не менее актуальных проблем современности является проблема соотношения языка и культуры.

В российской науке на этот счет имеется как минимум два основных подхода. Так, с точки зрения первого подхода, представителями которого являются С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян, А.В. Смирнов – взаимосвязь языка и культуры представляет собой движение в одну сторону, поскольку если язык призван отражать действительность, а культура является неотъемлемым компонентом этой самой действительности, то язык представляется как простое отражение культуры.

При этом какие-либо изменения действительности приводят к обязательным соответствующим изменениям в культуре, что в свою очередь отражается непосредственно в самом языке. В связи с этим можно сказать о том, что в случае изменения действительности изменениям подвергаются и национально-культурные стереотипы, а также язык. Такой подход не учитывает довольно значимую проблему влияния языка на культуру.

В рамках следующего подхода рассматривается несколько обратное воздействие языка на культуру. В частности, В. Гумбольдт систематизировал имеющиеся представления о языке, как картине мира, которые способствовали развитию многочисленных теорий, включая теорию лингвистической относительности. Первоначально основные положения этой теории были сформулированы американским антропологом Ф. Боасом, который занимался изучением соотношения языка и культуры.

В результате многолетних исследований ученый пришел к выводу, что культура не может быть понята без знания ее языка. По его мнению, знание языков выступает важным проводником к полному пониманию обычаев и верований людей, а чисто исследование чисто лингвистического характера является неотъемлемой частью скрупулезного исследования психологии народов мира. Имеется также и третий подход, который основан на взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры, в рамках которого язык представляется составной частью культуры, наследуемой от предков и выступает в качестве основного инструмента усвоения культуры. Так, с точки зрения С.Г. Тер-Минасова язык является орудием познания, передачи информации, выступает носителем культуры, поскольку отражает мир, хранит и передает знание об этом мире, формирует носителя языка.

В рамках настоящей статьи соотношение языка и культуры рассматривается нами с точки зрения третьего подхода, поэтому взаимоотношения между языком и культурой рассматриваются нами как отношение части и целого. Язык является и компонентом, и одновременно орудием культуры. Однако в то же время он носит автономный по отношению к культуре характер и может рассматриваться как независимая автономная семиотическая система. Пожалуй, одним из главных и основных свойств языка является его универсальность, которая позволяет реализовать внутрикультурное и межкультурное общение.

Язык выступает в качестве основного средства общения между людьми. С точки зрения его коммуникативной функции он может быть назван основным средством общения. Вместе с этим язык является основным носителем и мощным транслятором культуры. Так, посредством языка могут выражаться все компоненты культуры. В процессе эволюции культуры она предстает как средство межчеловеческой коммуникации и общения в пространстве и времени. Главным средством общения выступает язык, в котором большинство исследователей видит наиболее отличительный признак культуры. Вне языка не существует культуры, а культура на каждом этапе своего развития символически оформляется, находит свое выражение, в первую очередь именно в языке.

Несколько обобщая проведенный анализ, мы можем отметить, что в культурологической литературе значение языка оценивается прежде всего как: зеркало культуры, отражающее не только реальный мир, который окружает человека, но и ментальность народа, его национальный характер, обычаи, традиции, систему норм и ценностей, а также картину мира в целом; кладовая, копилка культуры, поскольку все знания, умения, материальные и духовные ценности, которые веками накапливались народом, хранятся в его языковой системе – фольклоре, книгах, в устной и письменной речи; носитель культуры, поскольку именно посредством языка обеспечивается ее передача от одного поколения к другому. Так, дети в процессе инкультурации вместе с овладением языком осваивают обобщенный опыт предыдущих поколений, а язык выступает инструментом культуры, обеспечивающим формирование личности, которая именно посредством языка воспринимает менталитет, традиции, обычаи народа, а также специфический культурный образ мира.

В связи с тем, что язык является ведущим средством коммуникации, благодаря которому происходит контакт между отдельными лицами на основе знания и понимания двух языков и культур. Обобщая данное высказывание, мы вправе утверждать, что без знания вторичной,

культурной среды никакая коммуникация вообще невозможна. В связи с этим, при осуществлении межкультурного общения следует придерживаться некоторых языковых правил, которые обеспечат ее эффективность. Прежде всего, следует отметить, что в рамках межкультурной коммуникации недопустимым является использование сленговых понятий и идиом, подбор слов следует осуществлять так, чтобы они передавали максимально денотативное значение. Следует проявлять особое внимание к собеседнику, представителю другой культуры, выяснять и разъяснять не вполне понятные ему слова. Кроме того, следует помнить о том, что в некоторых языках неправильно поставленное ударение и неверная интонация могут в корне изменить сущность и смысл произнесенного предложения.

Таким образом, язык занимает ведущее место в системе межкультурной коммуникации, обеспечивает успешность и эффективность межкультурного общения. Проведенный анализ позволил увидеть заметную параллель в коммуникативном взаимодействии между людьми. Мы можем говорить о том, что язык навязывает человеку свое видение мира, культуры другого этноса и играет определяющую роль в обеспечении межкультурного согласия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: 1990. 120 с.
2. Межкультурная коммуникация. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Принципы межкультурной коммуникации](https://ru.wikipedia.org/wiki/Принципы_межкультурной_коммуникации) (дата обращения 34.05.2017).
- 3.Дэцзидэма Д., Будаева С.В. Язык как средство трансляции культуры в процессе межкультурной коммуникации // Гуманизация образования. 2014. № 6. С. 51–55.
- 4.Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
- 5.Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
- 6.Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова; НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2011. 403 с.

ХУЖАНОВА Озода Тожиевна (Термез, Узбекистан)

доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Термезский государственный университет
ozoda.xuzhanova@bk.ru

ВОСТОЧНЫЕ НАЗВАНИЯ ФЛОРЫ И ФАУНЫ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI-XVIII ВВ.

Аннотация: В данной статье рассматривается процесс проникновения восточных названий животных и растений в русский язык, а также способы их толкования в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII вв., отражающих дипломатические и торговые отношения России со странами Востока.

В последние годы в мировом лингвистическом источниковедении изучение заимствованных слов, содержащихся в деловых памятниках, а также вопросы полного раскрытия особенностей их использования считаются актуальными. С этой точки зрения исследование истории и семантики экзотической лексики в связи с использованием ее в текстах приобретает в мировом языкознании важное значение.

В мировой лингвистике большое внимание также уделяется исследованию истории взаимоотношений и взаимовлияния языков, межъязыковым коммуникативным актам, отражающим результаты установления дипломатической переписки. Анализ экзотизмов, использованных в текстах деловых письменных памятников разносистемных языков, считается одним из важных направлений мировой лингвистики. Изучение восточной экзотической лексики, содержащейся в текстах памятников русской деловой письменности XVI–XVIII вв., отражающих дипломатические и торговые отношения России с Монголией, Китаем, Дагестаном, Хивинским и Бухарским ханствами, определяет актуальность данного исследования. «Следует признать, что в настоящее время изучение данного пласта словарного состава является одной из актуальных проблем русской исторической лексикологии и лексикографии, так как многие вопросы, связанные с историей слов, из-за недостаточного исследования деловых памятников, пока что не получили своего окончательного выяснения. В языкознании

XX века началось активное исследование лексики восточного происхождения, в частности, тюркизмов» [16: 218].

Рассматриваемые нами письменные деловые памятники содержат в своем словарном составе восточные экзотизмы, называющие флору (*арбуз, ревень, чай, тикан*) и фауну (*ирбиз, ельбарс, юлбарс, катыри, ишеки, тюльфар, манул, мерин*), характерные для растительного и животного мира Востока.

Ельбарс отмечается в Грамоте царя Михаила Федоровича Алтына-хану о принятии его послов лабы Тархана с товарищами, о посылке жалованья и защите Алтына-хана от калмыцкого тайши Хара-Хулы от 24 апреля 1620 года: «Да с ними же прислал еси к нашему царскому величеству 3 ельбарса, да ирбиз с ногами, да рысь, да камку красную, камку желтую, да бархат, наручи железные» [7: 95].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *ельбарс* регистрирует в Истории Сибири Г.Ф. Миллера под 1640 годом: «И тѣ, государь, наручи и барс и 2 елбарса и бобры и кошлоки посланы к тебе ко государю к Москве» [8: 44].

В одном из рассматриваемых нами документов – в Челобитной хивинского посла Пехлеван-кули-бека царю Алексею Михайловичу от 9 апреля 1673 года, встречается фонетический вариант *ельбарс – юлбарс*: «...ситец ручной золотом шитый, бардадж (?) 9, шкура юлбарса 2х9, луки специальные (?), юлбарс 1 ...» [4: 212].

Как указывает Д.С. Кулмаматов, восточный экзотизм тюркского происхождения *елбарс* (дословно «полосатый барс») встречается также в старинных русских переводах хивинских и бухарских грамот, а также челобитных XVII в. вместо персидского *бобр* [3: 291]. Поэтому он считает, что «персидское слово *бобр* и тюркское *елбарс* в русском языке XVII в. употреблялись как синонимы» [3: 292].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» *ельбарс* отмечается под 1640 годом, а в наших источниках – 1620 годом.

Ирбиз фиксируется в Записи в Посольском приказе о приеме послов калмыцкого тайши Хара-Хулы от 29 января 1620 года: «...калмыцкой Каракула-тайша з братьею прислал к вам, великому государю, поминки: 3 сорока соболей, 2 ирбиза, барс» [7, с.93].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» восточный экзотизм *ирбизъ* отмечается впервые в значении «снежный барс; шкура этого животного» в Актах исторических, собранных и изданных Археографическою комиссиею под 1640 годом: «Дани: барсь, 2 ирбиза, камка цвѣтная, бобръ рыжь» [9: 248]. Форма *ирбис*, где звонкий [з] заменяется коррелирующим парным глухим [с], является одним из фонетических вариантов слова *ирбиз*. Согласно Е.Н. Шиповой, восточный экзотизм *ирбис* в значении «сибирский барс» заимствован из монгольского языка [18: 144].

Карагальник засвидетельствован в Статейном списке посольства Ф.И. Байкова в Китай от 25 июня 1654 г. – 31 июля 1657 г.: «А от лабы и от реки Иртыша на правую сторону до Облаевых пашенных бухарцов ходу 2 недели, а идти меж гор каменных: в горах улусы калмыцкие многие кочевные Аблая-Тайши, а в горах лез березник и осинник, а где гор нет, в таких местех и лесу нет, кроме тово ложника да карагалника, и водою скудно» [7: 401].

По данным «Словаря русского языка XI-XVII вв.», первая фиксация восточного экзотизма *карагальник* в значении «вид кустарника» относится к 1675 году: «А гдѣ горъ нѣтъ, и въ такихъ мѣстахъ лѣсу нѣтъ, кромѣ таволжника, карагалника, и водою скудно» [10: 71].

Вышеизложенный материал свидетельствует, что восточный экзотизм *карагальник* начал употребляться в русских деловых памятниках не с 1675, а с 1654 года.

Катырь, ишек отмечаются в Росписи Китайского государства и Монгольских земель, составленной томским казаком И. Петлиным

от 16 мая 1619 года: «А лошадей добрых в Мугальской земле нет, катырей и ишечишков много» [7: 83].

«Словарь русского языка XI-XVII вв.» восточный экзотизм *катырь* фиксирует в значении «помесь жеребца и ослицы, лошак» в документах в Путешествии в Китай Ивана Петрова и Бурнаша Елычева под 1567 годом: «А лошадеи добрыхъ, катыреи и ишечковъ много» [10: 93].

Катырь восходит к джагатайскому «خاچير [xāchīr – О.Х.] – «лошак» [1: 524].

Восточный экзотизм *ишек* является фонетическим вариантом *ишак*, который «Словарь русского языка XI-XVII вв.» свидетельствует в Книге глаголема Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих под 1670 годом: «Верблюдовъ, слоновъ, ословъ, ишаковъ, тамъ не родится» [9: 358].

Происхождение *ишак* объясняется исследователями по-разному. По мнению М. Фасмера, он заимствован «из тур., кыпч., азерб. äšäk «осел», тат. İšäk – то же» [15: 146], согласно Н.М. Шанскому, – «из тюркских языков» [21: 140]. Н.К. Дмитриев пишет: «ишак встречается во многих тюркских языках: тур. eşek, азерб. əшшək, узб. зшак, турк. əшек, тат. ишək. ... Русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак – обычное животное (Кавказ, Средняя Азия) и, где во втором слог слышится широкое ə (ä), откуда русское а. Всего вероятнее, это произошло на Кавказе. Данное слово настолько прочно укоренилось в речи местных русских, что они употребляют производные от этого корня: *ишачья работа, ишачить* – «буду я тебе ишачить – как же!» [2: 24].

Манул упоминается в Челобитной томского сына боярского Я.Е. Тухачевского, поданной в Томской приказной избе, о непослушании и злоупотреблениях Д. Агаркова от 30 марта – 23 апреля 1635 года: «Тово ж числа принесли дары от матери Алтына-царя Чечен-царицы: ко

мне принесли шубу боранью да ирбизик малой, да лисицу красную, да манул, да сапоги, да лошадь» [7: 251].

Согласно данным словаря иностранных слов, восточный экзотизм *манул* является заимствованием из монгольского языка и имеет значение «хищное млекопитающее, семейства кошачьих, обитающее в степях, полупустынях Центральной Азии» [14: 300-301]. Он «является общемонгольским, ср.: х.- монг. *мануул*, стп. -м. *manuul* «дикая степная кошка», бур., *мануул* «дикая степная кошка; рысь». Возможно, что в основе слова *мануул* лежит общемонгольский глагол *манна* - «стеречь, караулить», а *-уул* тоже общемонгольский отглагольный словообразовательный аффикс для имен существительных» [6: 167].

Мерин встречается в «Письме шамхала Хазбулата генералу А.П. Девицу с просьбой пропустить из Кизляра закупленных лошадей и разрешить приобрести олово, нашатырь и свинец: «А ныне в высокопр. Дружески прошу пожаловать приказать означенных кобыл с ним, Абдулою, чрез заставы пропустить, а для моей надобности прошу покупкою не запретить... меринов и дву кобыл, також и запретительного товару, а именно, олова, нашатырю, свинцу» [7: 83].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» восточный экзотизм *мерин* регистрирует впервые в значении «*мерин, холощенный жеребец*» в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским под 1492 годом: «А взяли [грабители] два мерина, а цѣна имъ два рубля рижские» [11: 99].

История восточной экзолексемы *мерин*, «заимствованной из монг, *mögin, morin, калм, möṙṙ*» [15: 604], непосредственно связана со словом *лошадь*, являющейся древнерусским производным от тюркского *алаша* «лошадь, мерин» [17: 247]. Если *лошадью* можно назвать и самца (коня), и самку (кобылу), то *мерин* обозначает «кастрированного жеребца».

Тукан упоминается в Расспросных речах возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в

Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию от 1697 года: «А в наволоках конский корм там мелкий и камыш и воды желтыя, людям и скоту нездоровы и трава колюча, больше шипишнику, называют цюнга и тикан, и от той де травы бывает мыто» [4: 264].

Данный контекст был использован составителями «Словаря русского языка XI–XVII вв.» для презентации и установления значения («Колючий кустарник семейства гвоздичных, колючелистник (*Acanthophyllum*) (ср. узб. тикан)») [12: 345] восточного экзотизма *тикан*. Но, заметим, что он получил свое пояснение путем использования внутритекстовой многословной глоссы.

В «Словаре малопонятных слов», приложенного к этому сборнику документов, отмечено, что «*тикан* – особый вид колючей травы» [4: 459].

Согласно М. Фасмеру, *тикан* заимствован «из чагат., казах., тар. *Tikän* «терн, колючий кустарник»» [15: 57].

Тюльфар упоминается в Расспросных речах бухарского посланника Хаджи-Фарруха «на разговоре» с ближним боярином А.С. Матвеевым от 4 марта 1675 года: «... а в поминках к великому государю (Алексею Михайловичу – О.Х.) с тем послом (Хаджи-Фаррухом – О.Х.) прислано будет: слон, 2 бабра, 2 каплана, 2 рыси, 18 лошадей иноходцев, 2 кутаса белых, 2 тульфара резвых бег такой имеют, что на лошади ехать 20 дней, а тот *тюльфар* днем одним тот путь перебежать может, 2 попугая ребых...» [4: 221].

Составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» при оформлении словарной статьи восточного экзотизма *тюльфар* его значение поясняют следующим образом: «особо резвый боевой конь (ср. узб. *тулпор* 'скакун, боевой породистый конь')» [13: 264-265].

В исследованиях, посвященных истории рассматриваемого нами экзотизма, анализируется, в основном, его фонетический вариант *тулпар* вместе с русским эквивалентом «богатырский конь» [20: 13]; «крылатый, мифический конь», «скакун, породистый конь» [5: 60].

Дж.М. Шихмурзаеве *тулпар* возводит к тюркскому слову *тул* "быть полным, упитанным", а – *пар* – к словообразовательному элементу или к *фарь // фарь* "конь" (древнейшее заимствование из греческого через посредство арабского)» [19: 48].

В процессе анализа восточных названий растений и животных, содержащихся в текстах русских деловых памятников XVI-XVIII вв., касающихся дипломатических и торговых отношений России со странами Востока, установлены пути и время их проникновения в русский язык.

Восточные названия флоры и фауны, употребленные в текстах памятников русской деловой письменности XVI-XVIII вв., возникших в результате регулярных дипломатических и торговых отношений России со странами Востока, по своему происхождению восходят к следующим восточным языкам: арабскому, монгольскому и тюркским.

На фактическом материале выделены маргинальные и внутритекстовые однословные, многословные, этимологические глоссы (препозиции, постпозиции), введенные с помощью союзов, скобок, словосочетаний, развернутых дефиниций, а также с указанием на язык-источник «по-русски», «по-мугальски», «по-калмыцки» для пояснения восточных экзотизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I.
2. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского слова // Лексикографический сборник. М.: Госизд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Вып. III.
3. Кулмаматов Д.С. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: Дисс. ... д-ра филол, наук. М., 1995.
4. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР). Л.: Наука, 1932. Вып. 3. Ч. I.
5. Ольмесов Р.Н. Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка (названия домашних животных и птиц). Махачкала, 2004.
6. Рассадин В.И., Трофимова С.М., Дензинова Л.М. Названия животных в калмыцком языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: филология, история, востоковедение, 2009. Вып. 3.

7. Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1978. Вып. 5.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1982. Вып. 9.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука-Азбуковник, 2011. Вып. 29.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып.30.
14. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Издание второе, стереотипное. М.: Прогресс, 1987. –Т. II.
16. Хужанова О.Т. Из истории разработки вопроса об экзотизмах // International Scientific Journal ISJ Theoretical & Applied Science Philadelphia, USA issue 06, volume 86 published June 30, 2020 p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online) Year: 2020 Issue: 06 Volume: 86 Published: 19.06.2020 <http://T-Science.org>, Impact Factor.
17. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.
18. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, Наука КазССР, 1976.
19. Шихмурзаев Дж.М. Иппонимы в фольклоре ногайцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: название животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988.
20. Эбзеева Ф.П. Карачаево-балкарская зоонимия: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2013.
21. Этимологический словарь русского языка / Под. редакцией Н.М. Шанского. Изд-во МГУ, 1980. Т. II. Вып. 7.

РАЗДЕЛ 3
ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

БЛИНОВА Анастасия Викторовна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
anastblinova321@gmail.com

Научный руководитель –
БОГРОВА КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА
Г. ВЛАДИМИРА

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу топонимов Ленинского района города Владимира, их систематизации и классификации.

Топонимы представляют собой большую историко-культурную часть любого города. Так, город Владимир является одним из древнейших городов России, где местные топонимы хранят в себе огромное количество исторически ценной информации. Лингвистика в этом случае становится одним из основных инструментов изучения данной области.

Многие работы посвящены топонимии Владимира в целом, при этом недостаточное внимание уделяется именно систематизации материала, представлению точных классификаций. Возникает необходимость в упорядочении топонимических объектов, представлении их в виде систем и микросистем, где отражено их функционирование.

В данной статье предметом изучения становятся топонимы определенного района города, их подробная характеристика, структурные и семантические особенности.

Топонимика (топономастика) – это один из больших разделов науки ономастики. Она изучает географические названия (топонимы), их

значение, структуру, происхождение, ареал распространения, отмечает закономерности их развития, возникновения и функционирования. Топонимия представляет собой совокупность топонимов на определенной территории (местности).

Топонимы возникали в различные исторические периоды, тем самым стали свидетельствами разных событий. Каждый период характеризовался своим набором географических названий, их возникновение тесно связано с развитием общественной жизни и языка народов, которые жили или живут на различных территориях. В связи с тем, что менялись условия, сменялись эпохи, языки и народы, менялась и географическая среда обитания человека [1: 1].

А.В. Суперанская предлагает ввести особый термин урбанонимы – для упрощения обозначения наименования системы улиц и других небольших объектов внутри населенного пункта. К урбанонимам относятся **годонимы** (названия улиц): *Дорожная, Мира, Каманина*, **огоронимы** (названия площадей): *пл. Ленина, пл. Фрунзе*. В особый раздел ономастики также входят **дромонимы** – названия путей сообщения и маршрутов.

С 1973 г. и по настоящее время город Владимир административно делится на 3 района: *Ленинский, Фрунзенский и Октябрьский*. Их названия очевидно были даны по большим главным улицам в каждом из них – Ленинский проспект, площадь (ранее улица) Фрунзе и Октябрьский проспект. Но ранее город имел несколько иное деление. В 1946 г. существовало 3 района: Центральный, Железнодорожный и Тракторозаводской. С 1951 до 1956 года существовали 2 крупных района: Центральный и Промышленный [4: 169].

Топонимическая лексика г. Владимира представляет собой большой исторический пласт. С рождения города и по мере его развития топонимическая система росла и приобретала системность. Топонимы

аккумулируют информацию о прошлом, о событиях, о людях и ландшафте местности, создавая богатое культурное наследие. Изучение географических названий позволяет нам оценить многовековую культурную ценность этих данных. А.В. Суперанская, говоря о топонимике, указывала на важность исторического компонента в ней, а именно историю языка, ведь следы исторических событий не отражаются в языке непосредственно, а лишь косвенно отражены в отдельных словах [3: 7]. Такими словами являются имена собственные, в данном исследовании – топонимы.

В.И. Титова, рассматривая топонимию г. Владимира, говорит о том, что улица – это не первоначальная единица, ее возникновению послужил какой-либо дом или усадьба. В 1899 г. вышел «Список домов и улиц города Владимира, с показаниями полицейских частей и участков, участков городских судей, судебных следователей и санитарно-статистических», в котором обозначались все улицы города, с указанием не только номеров зданий, но и фамилий владельцев [5: 20]. Впоследствии по имени владельца усадьбы или названия дома улица получала наименование. В г. Владимире таким примером может служить наименование *Куткин переулок* (это прежнее название ул. Гоголя. Пётр Куткин – бывший владелец одного из домов на этой улице). Подобным образом точное происхождение ул. Бакулинской неизвестно, но можно говорить о том, что *Бакула* (Бакулин) – прозвище (фамилия) человека, который каким-то образом был примечателен, или его дом был построен на этой улице одним из первых. Такие географические названия, получившие имя от проживавших здесь ранее людей, являются патронимическими топонимами.

Языковой материал показывает, по каким словообразовательным моделям образовывались патронимы. Топоним *Бакулинская* появился путем присоединения суффикса относительного прилагательного -ск- к

фамилии Бакулин. Другим примером патронимического топонима служит *Помпецкий* (переулок). Образовано от христианского календарного имени Помпей. К основе этого слова был также присоединен суффикс -ск-, что дало нам прилагательное Помпейский. С течением времени для упрощения произношения слово преобразовалось в окончательное Помпецкий. Завершением образования топонимов является субстантивация, например, *ул. Горячева*, названная по фамилии первопоселенца, появилась по модели: «улица + фамилия Горячев в форме Р.п.».

Стоит отметить, что в топонимиконе Ленинского района г. Владимира значатся топонимы-ориентиры. Это обусловлено физико-географическими условиями местности. Благодаря большому количеству холмов, оврагов, крутых склонов, водных объектов и лесов многие урбанонимы города получают свое наименование по своему расположению относительно них. Об этом говорят такие названия, как *ул. Верхняя и Нижняя Дуброва* – данные наименования отсылают нас к тому времени, когда на месте этих улиц находилась дуброва (Ямской бор), которая включала в себя 2 яруса: верхний и нижний. Стоит упомянуть также *ул. Западную* – такое название она получила в связи с ее местонахождением на западной границе города. Существуют системы: *Верхний проезд* и *Нижний проезд*. В этом случае слова Верхний и Нижний отражают свое местоположение относительно друг друга (или относительно других улиц). Данный вид топонимов отражает в наименованиях местонахождение объекта.

На примере топонима *Нижняя Дуброва* видно, что он появился путем соединения относительного прилагательного «Нижний», который указывал на местоположение в пространстве, с апеллятивом «Дуброва», который перешел в разряд имени собственного. Для других ориентирных названий регулярной словообразовательной тенденцией в

топонимизации является переход прилагательных в имена собственные:
ул. Лесная, ул. Набережная, ул. Озерная.

Самая многочисленная группа топонимов – **мемориальные топонимы**, или **топонимы-мемориалы**. Такие названия объекты получают в память о каком-то человеке. В Ленинском районе можно выделить целую систему мемориальных названий улиц. Среди них наименования:

1. В честь известных композиторов и музыкантов: *ул. Глинки, ул. Алябьева, ул. Балакирева;*

2. В память о Героях Советского Союза: *ул. Доватора, ул. Крайнова, ул. Василисина;*

3. В память выдающихся ученых: *ул. Ломоносова, ул. Мичурина, ул. Благонравова;*

4. В память государственных деятелей (в том числе советских партийных служащих): *ул. Завадского, ул. Дзержинского, ул. Бобкова;*

5. Улиц, названных в память исторических фигур: *ул. Ермака, ул. Павлика Морозова, ул. Болотникова;*

6. В честь писателей и поэтов: *ул. Гоголя, ул. Демьяна Бедного, ул. Николая Островского;*

7. В память художников: *ул. Куликова.*

Для мемориальных названий словообразовательной моделью является присоединение фамилии в Р.п. к апеллятиву «улица». Необходимо отметить, есть и другой вариант рождения топонима, когда наблюдается присоединение не только фамилии, но и имени, как в случае с топонимами *ул. Павлика Морозова, ул. Демьяна Бедного.*

Довольно распространены в Ленинском районе топонимы, возникшие после Великой Октябрьской революции 1917 г. В.И. Титова дает им название «**слова-символы советской эпохи**». На их наименование повлияла идеология, существовавшая в то время в

государстве. Это такие топонимы как *ул. Красноармейская, Октябрьский проспект, ул. МОПРа* (Международная организация помощи борцам революции) и др. В эту группу входит топоним *ул. Мира*. Мир – слово-символ, особо значимый 1950-ые гг., когда в стране был популярен лозунг борьбы за мир. Однако, как замечает В.И. Титова, «употребление абстрактного существительного в форме родительного падежа является нарушением лингвистического статуса топонима» [5: 177].

Данные топонимы также образуются по вышеизложенной модели присоединения к апеллятивам «улица» или «проспект» прилагательных, согласованных с ними в роде и падеже, перешедших в разряд имени собственного, за исключением названия *ул. МОПРа*. В этом случае аббревиатура находится в форме Р.п., что является свидетельством наличия у топонима неполной падежной парадигмы, т.к. данная аббревиатура имеет лишь 2 формы: форму И.п. и форму Р.п.

К малочисленным подвидам топонимов этого района можно отнести **геортонимы** и **агиогодонимы**. К геортонимам относятся *ул. 8-го (Восьмого) Марта, ул. 9-го (Девятого) Января, ул. МЮДа* (Международный юношеский день). Улицы *Никитская* и *Вознесенская* являются агиогодонимами. Одним из интересных явлений можно назвать годоним *Ново-Гончарная*. Эта улица подтверждает тенденцию средневековых городов, где улицы получали свое наименование в связи с родом деятельности жителей. Существует также переулок с одноименным названием. Это следствия существования во Владимире Гончарной слободы, где жили каменщики и кирпичники [5: 189]. Подобным образом возникли топонимы *Ново-Ямская* улицы и переулок, как напоминание о существовавшей на этой территории Ямской слободе.

При образовании геортонимов можно наблюдать соединение апеллятива «улица» с календарной датой в Р.п.: *ул. 8-го (Восьмого) Марта*. Существует также особенность в написании: порядковое

числительное в составе даты может иметь 2 варианта – как цифрой, так и просто словами.

В основе агигодонимов лежит уже готовое название какой-либо церкви: Никитская церковь – ул. *Никитская*, Вознесенская церковь – ул. *Вознесенская*.

В случае с улицами Новогончарной и Старогончарной мы видим сложные топонимы, состоящие из двух частей: Ново- (Старо-) и Гончарной. К готовому названию Гончарная (слобода) была присоединена часть Ново- (Старо-). Нужно заметить, что на современных картах топоним Старогончарная дается в дефисном написании, но в академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В.В. Лопатина [6: 131] говорится о том, что нормативным вариантом написания первой части Старо- является слитное написание.

В связи с постоянным расширением города и включением в него близлежащих сел и деревень можно заметить, что наименования улицы получают от названия включенного в состав города поселения. Такими примерами служат ул. *Левино Поле* (д. Левино Поле) и *Быковский проезд* (д. Быковка). Топоним Левино Поле образован по форме: прилагательное принадлежности Левино + апеллатив Поле, который перешел в имя собственное.

Можно проследить закономерность, когда улицы получают свое наименование от названия слободы, на территории которой они находились в момент своего появления. Это такие улицы как *Новогончарная улица* и переулок, а также *Старогончарная улица* и переулок, возникшие на месте Гончарной слободы, Новоямская улица и переулок, которые появились на территории Ямской слободы, сюда относятся улицы Пушкарская и Стрелецкая как напоминание о существовании Пушкарской и Стрелецкой слобод. Интересным

явлением считается *Дмитриевская слобода*, которая превратилась в полноценный топоним – улицу Дмитриевская Слобода, где апеллятив «слобода» перешел в разряд имени собственного.

Рассматривая топонимы Ленинского района, нельзя не заметить тот факт, что семантика наименования некоторых улиц отражает в себе информацию о проживавших в данной части города различных слоев населения. Так, например, ул. *Дворянская*, одна из старейших улиц города Владимира, является прямым свидетельством того, что одним из выделяющихся сословий в городе было дворянское сословие. Улица *Большая Мещанская* (в настоящее время – ул. им. Дзержинского) также является показателем того, что значительным слоем населения были именно мещане (горожане). К этой микросистеме можно отнести улицы Пушкарскую и Стрелецкую, на территории которых в XVI веке проживали служилые люди – пушкар и стрельцы. Аналогично и на ул. *Офицерской* в послевоенные годы селились военнослужащие, в т. ч. офицеры. С точки зрения словообразования, данные топонимы представляют собой субстантивы относительных прилагательных, которые превратились в имена собственные.

В Ленинском районе Владимира существуют уникальные наименования. Примером таких наименований служит древнее название ул. *Большие Ременники*. Его уникальность заключается в неоднозначном происхождении, которое все еще не установлено. По мнению некоторых краеведов, эта улица – свидетельство того, что Владимир в древности окружал густой лес.

Другой пример единичного названия – *Кольцевые Первая, Вторая, Третья улицы*. Эти топонимы созданы по принципу соединения прилагательного и порядкового числительного в одном падеже. Улица *Летнеперевозинская* получила свое название в честь места, где в древности летом осуществлялся перевоз людей с одного берега

Клязьмы на другой. Отсюда соединение прилагательного летний с существительным перевоз при участии суффикса -ск- (-ин- интерфикс). *Улица Майдан*, наименование которой, как считают топонимисты, имеет арабский корень и восходит к персидскому majdan и означает «арена, площадь», тоже является единичным случаем в нашем словаре. *Улица Парижской Коммуны*, хотя и входит в систему геортонимов Ленинского района, как улицы 9-го (Девятого) Января, ул. МЮДа, но является необычным примером наименования улицы в честь события, происшедшего за пределами страны.

Еще один интересный топоним *ул. Студеная Гора*. Он представляет собой сочетание апеллятивов студеная и гора, которые перешли в имена собственные. Такое название возникло от названия местности, на которой находится улица – возвышенность на территории города, называемая Студёная гора.

Как особую группу можно выделить наименования улиц, которые были взяты из топонимического банка данных. Этим вопросом занимается топонимическая комиссия, которая принимает решение о наименовании того или иного географического объекта. Чаще всего такие наименования не имеют смысловых связей и были выбраны путем исключения уже имеющихся наименований. Топонимическая комиссия работает согласно «Положению о порядке наименования, переименования и упразднения названий топонимических объектов муниципального образования город Владимир» [vladimir-city.ru], поэтому все названия соответствуют правилам русского языка. К таким топонимам можно отнести улицы микрорайона Юрьевец: *Искристая, Неповторимая, Вольная, Прохладная* и др. Названия данных улиц являются именами прилагательными, перешедшими в разряд имен собственных.

Таким образом, топонимическая лексика Ленинского района г. Владимира представлена обширной системой урбанонимов, включающей в себя наименования с уникальным происхождением. Благодаря этой системе можно проследить историю города на разных этапах развития, от зарождения города, до нынешнего состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюбов А.Р. Топонимы как ценное наследие культуры. // Ученые записки Худжанского Государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. №4. С. 53-57.

2. Постановление Администрации города Владимира от 15.01.2016 № 27 «Положение о топонимической комиссии города Владимира» // Официальный сайт органов местного самоуправления города Владимира. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vladimircity.ru/urban/placenames/inf.php>.

3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М: АСТ. 2009. 432 с.

4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука. 1973. 365 с.

5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука. 1984. 182 с.

6. Титова В.И. Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей и др. Владимир: Транзит-ИКС. 2012. 232 с.

7. Титова В.И. Улицы Владимира от А до Я: историко-топонимические очерки. Владимир: Калейдоскоп. 2019. 336 с.

БОГДАНОВА Снежанна Артуровна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
bogdanowa.snezhanna@yandex.ru

Научный руководитель –
БОГРОВА КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

**РОЛЬ НЕПРОДУКТИВНЫХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ
ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА**

Аннотация: В статье проводится анализ непродуктивных способов образования окказиональных слов в художественных текстах Виктора Пелевина. На примерах нескольких произведений обнаруживаются такие редкие процессы словообразования, как ассоциативная провокация, аббревиация, прием «фокус-покус», фонетический тип образования. Делается заключение о колоссальной роли конструкций подобных типов в языковой и художественной картине мира.

Подъем словообразовательной активности в настоящее время очевиден, поскольку язык тесно связан с развитием человеческого общества и является основным средством передачи и приема информации. Прямым следствием изменений в языковой ситуации являются перемены в социокультурном укладе жизни говорящего. Мотивацией людей к созданию новых слов выступает внутренняя энергия российского бытия и непреодолимое желание к смыслообразованию.

Недостаточная освещенность вопросов динамичной языковой картины, затрагивающей особенности образования и функционирования лексических единиц, пристальный интерес лингвистов к проблеме образования и появления новых слов объясняют **актуальность** выбранной темы. **Целью** исследования является определение функций непродуктивных способов образования окказиональных слов в художественных текстах Виктора Пелевина.

Понятие «окказионализм» впервые употребила Н.И. Фельдман в 1957 году в статье «Окказиональные слова и лексикография». Под окказионализмом подразумевалось «слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной. Подобно потенциальному слову, окказиональное слово есть факт речи, а не языка» [4: 2]. Говоря другими словами, окказионализмы не претендуют на то, чтобы зафиксироваться в словаре, войти в лексическую систему языка в качестве общеупотребительных слов. «Слова-самоделки» как результат интерпретации уже имеющихся в языке слов, как правило, не согласуются с общепринятыми языковыми нормами, не получая вследствие этого общественного признания. Слова данной группы «сохраняют новизну, ощущаются как новые независимо от времени своего создания» [5: 3].

Для создания окказиональных слов могут использоваться как продуктивные способы словообразования (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, словосложение, основосложение, универбация), так и редко встречающиеся словообразовательные процессы. В нашей работе уделим пристальное внимание второй группе образования лексем.

По мнению Т.А. Гридиной, для создания окказионализмов могут использоваться конструктивные принципы языковой игры. Конструктивные принципы языковой игры – «это принципы, реализующие ее стратегию и моделирующие (конструирующие) игровой ассоциативный контекст» [2: 38]. Выделим один из множеств конструктивных принципов, изложенных Татьяной Александровной в монографии «Языковая игра в художественном тексте». Речь идет об *ассоциативной провокации* – конструктивного принципа языковой игры, который моделирует «ассоциативный контекст актуализации языкового

знака, не соответствующий ожиданиям адресата («провокативный» код языковой игры)» [Там же: 39-40]. Другими словами, ассоциативная провокация сознательно нарушает устойчивую номинацию и преобразует лексический состав словосочетания / фразеологизма.

Российский филолог Владимир Зиновьевич Санников в книге «Русский язык в зеркале языковой игры» пишет о таких редко встречающихся процессах словообразования:

- аббревиация;
- прием «фокус-покус».

Аббревиация основывается на образовании сокращений от словосочетаний. По мнению В.З. Санникова, аббревиация имела широкое распространение после октябрьского переворота, а в настоящее время используется редко [9: 168]. «*Фокус-покус прием*» – «необычный способ экспрессивного словообразования, давно обративший на себя внимание исследователей» [Там же]. Данный способ имеет несколько других названий: «повтор-отзвучие», «эхо-конструкция». Суть приема заключается в том, что слово «повторяется с изменением начального звука или группы звуков. Получается своеобразный рифмованный прицеп, как бы отзвучие к базовому слову» [Там же].

Дополнением к вышеперечисленным типам выступает *фонетический тип* окказионализмов, исходящий из классификации Н.Г. Бабенко. Фонетический окказионализм формируется в том случае, когда «автор предлагает в качестве новообразования какой-либо звуковой комплекс, считая, что этот комплекс передает, содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, его составляющих» [1: 9,10].

В текстах художественной литературы лингвокреативное мышление, обращенное к языковым фактам, моделирует окружающую действительность личности в переплетении с языковыми ресурсами.

Словесная игра Виктора Пелевина создает ряд приемов для осмысления отраженной действительности, прибегая к нетрадиционным структурам воплощения слов. Надеясь старые слова новыми смыслами или создавая побочные конструкции единиц языка, автор акцентирует внимание и на потенциале лексических конструкций русского языка, позволяющих явственнее демонстрировать бесконечный полет фантазий творца.

Входящие в группу апеллятивной лексики окказионализмы играют в художественных текстах Пелевина несколько функций: номинативную (название новых понятий), стилистическую (образные наименования известных предметов), характерологическую (выражение оценки происходящего) и функцию экономии времени и языковых средств (лаконичность в выражении мысли). Реализуясь посредством очерченных функций, окказионализмы несут смыслопорождающую или предметно-понятийную, идиостилевую окраску.

Характерной приметой стиля Виктора Пелевина выступает каламбурная словесная игра, служащая для создания комического и смехового эффекта.

«Мать – сыра кожа...» – фраза, произнесенная героем романа «Жизнь насекомых» комаром Сэмом в момент нахождения его на теле человека. На основании устойчивого сочетания «мать – сыра Земля» новообразованное сочетание «мать – сыра кожа» выступает в роли ассоциативной провокации, сознательно нарушающей устойчивую номинацию слов. Важно отметить, что и идиома, и новое сочетание семантически тождественны: для людей земля – кормилица, и для насекомых кожа – средство пропитания.

Проследить конструктивный принцип языковой игры можно на примере того же романа. В контексте «Пелдис Шарм, ведущий телепрограммы **«Караоке о Главном»** пристального внимания заслуживает название телепрограммы, мысленно ассоциируемое с

циклом музыкальных телефильмов «Старые песни о главном». Трансформатор в виде ассоциативной провокации создает отсылки, перекликающиеся между собой. И в первом, и во втором случае главным связующим элементом выступает музыка.

Ассоциативная провокация в романе «Священная книга оборотня» находит реализацию в подобном фрагменте: «В силу **форс – минорных** обстоятельств, предлагалось осуществить расчет на месте». Сочетание «форс – минорный» со значением «обстоятельства преодолимой силы» идет в противовес устойчивому сочетанию «форс – мажорный» или чрезвычайно неотвратимое обстоятельство.

Всем известная фраза «увидеть Париж и умереть» мигрировала в текст Пелевина, реформировавшись в конструкцию «увидеть **Лондон и умереть**». Следствием ассоциативной провокации явилась подмена городов, вследствие чего утратилась семантика сочетания.

Эффект шутовства и комизма прослеживается и в следующих примерах: «Все это без всякого **хвостоприкладства**» и «обман простителен, и не наше **лисье** дело в это лезть». Игра слов в первом случае заключена в смене орудия действия (рукоприкладство), а во втором – в субъекте деятельности (изначальным было «собачье дело»).

За счет конструкций подобного рода писатель в художественных текстах ставит целью рассмешить читателя, завлекая их восприятие на понимание нетривиального.

Опираясь на классификацию Санникова, рассмотрим примеры редко встречающихся процессов словообразования: аббревиации и приема «фокус-покус».

В романе «Жизнь насекомых» аббревиатура появляется лишь единожды, в момент заострения внимания одного из героев на детали, набитой на кисти руки другого персонажа. Татуировка «**ЛОРД**», одна из популярных в списках тюремных наколок, несет несколько функций в тексте. Во-первых, функция называния, выражающаяся в расшифровке

аббревиатуры – «легалым отомстят родные дети». Во-вторых, указывая на принадлежность к преступной субкультуре, аббревиация выполняет дейктическую функцию. Во-третьих, с сокращением лексических единиц в инициалы функционирует принцип экономии выражения мысли и устранения избыточности информации. И в-четвертых, словообразование подобного рода служит средством экспрессии и эмоциональности картины.

Виктор Пелевин вводит в роман «Священная книга оборотня» аналогичную аббревиатуру: «А на татуировке были буквы **«ПСПО»** – «Пацан сказал, пацан ответил». Сокращенные лексические единицы обыгрываются в шутливо-иронической форме, моделируя среду «гопник с нашего двора».

Приемом «Фокус-покус» наделяется эпизод в «Жизни насекомых»:

«— Артур, – спросил Арнольд, – ты не знаешь, что в этих флаконах?

— А это лес, – вдруг сказал Сэм. – Русский наш лес.

— Какой лес?

— **Кипр шипр**, – непонятно отозвался Сэм»

Окказионализм «Кипр шипр» представляет собой рифмовку созвучных слов, одно из которых является искаженным двойником другого с модификацией двух первых букв «ш» и «к». В результате новообразование со значением «парфюмерного запаха леса» вносит в художественное произведение как оттенки языковой игры, так и ноты ароматов.

Обратимся к фонетическому типу образования слов на примере романа «Жизнь насекомых». Формирование новообразования в виде звукового комплекса **«умпс-умпс»** в контексте: «Мелодия была довольно величественной, только время от времени ее прерывало непонятное «умпс-умпс», – дает возможность выразить слышимую реальность. В дополнении к этому благодаря приему повтора создается

эстетическая симметрия в соединении с мелодичностью, выраженной в желании произнести звуковой состав вновь и вновь.

В отрывке стихотворения «Реввоенсовет» из романа «Чапаев и Пустота» Виктор Пелевин вновь прибегает к фонетическим приемам звуко-символики. К примеру, в контексте:

«Он потянул было руку за пазуху,
покачнулся, закрыл глаза и на землю – **хлоп!**»

– звуковая организация построена возле падения тела человека на землю, в связи с чем возникает звук удара, передающийся резким грохотом.

Примерно такой же звуковой комплекс обнаруживается в тот момент, когда один из главных героев романа «Священной книги оборотня» волк-оборотень начинает метаморфизироваться, издавая в процессе вырывающийся из души протяжный рев: «**P-p-pppa**, – сказал он. – P-pppau-y...». Так, при помощи фонетического приема, автор создает звуковую оболочку, формирующую в восприятии читателя эмоциональные образы.

Окказионализм «**скиф**» («древние ираноязычные племена, кочевавшие или населявшие северное Причерноморье в VII в. до н.э. – III в. н.э.»[3]), изображенный на майке героини А Хули создан на основе двух типов: путем изменения качества последней буквы (фонетический процесс) и за счет транспортировки ее из буквенного состава русского языка в буквенный состав английского языка (транслитерация).

Подобные фонетические окказионализмы передают семантику через звуковые комплексы, входящие в ее поле.

Несмотря на то, что данные способы словообразования нерегулярны, мы видим на примерах, что их роль в языковой и художественной картине мира – колоссальна.

В ходе написания работы была достигнута цель исследования по определению функций нераспространенных способов образования

окказиональных слов в художественных текстах Виктора Пелевина. Новые конструкции подобного рода, модифицируя и переосмысляя языковые знаки, рожают новые смыслы, сфера восприятия которых неограниченна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Калининград. ун-т. Калининград, 1997. 84 с.
2. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография: Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. 165 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Лаврова Н.А. О соотношении понятий контаминант, окказиональное слово, неологизм. Признаки контаминированных образований (на материале английского языка). Учебные записки казанского университета, 2010. 10 с.
5. Несветайло Ю.Н. Трактровка понятий "нелогизм" и "окказионализм" в современной научной парадигме // Вестник Ставропольского государственного университета. УДК 801.316.1, 2008. 5 с.
6. Пелевин В.О. Жизнь насекомых: [роман] / Виктор Пелевин. М.: Издательство АСТ, 2019. 288 с.
7. Пелевин В.О. Священная книга оборотня / Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2021. 416 с.
8. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота / Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2021. 416 с.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

БУХАРИНА Анна Алексеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
buharina.anka@yandex.ru

ОБРЕЗКОВА Екатерина Алексеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
catignateva@gmail.com

Научный руководитель –
АБРАМОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,
старший преподаватель
кафедры русского языка ВлГУ

ЭЛЕМЕНТЫ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования элементов разговорного стиля, используемых в публицистических текстах, их стилистические характеристики как способ выражения эмоциональной оценки описываемой действительности, актуализации внимания читателей.

Каждый язык обладает определенными стилистическими возможностями, связанными прежде всего с наличием в нем различных языковых пластов, например, литературного языка с его функциональными стилями (официально-деловым, научным и публицистическим) и разговорного языка с его разновидностями (просторечием, территориальными и профессиональными диалектами, «общим» разговорным языком и т. д.). Эти разновидности имеют свои особенности, выражаемые на разных языковых уровнях, а также свои сферы употребления. При этом язык представляет собой «живой организм», который подвержен изменениям. М.Н. Кожина, один из авторов учебника «Стилистика русского языка», пишет: «Классификация ФС – стилей при учете их полевой структуры и базового (конструктивного) принципа показывает проницаемость стилей, их

взаимовлияние и взаимопроникновение» [8: 199]. Это действительно так, и подобное взаимопроникновение возможно как в устной, так и в письменной речи. Следует отметить также, что понятие стиля языка «основано на своеобразных внутренних экспрессивно-смысловых принципах отбора, объединения, сочетания и мотивированного применения выражений и конструкций» [2: 33]. Для подтверждения этого тезиса нами были рассмотрены интернет-издания журналов об образовании. Они относятся к публицистическому функциональному стилю, однако довольно часто в них употребляются элементы других функциональных стилей, в том числе разговорного, поскольку большинство статей затрагивают актуальные темы из области современного школьного и вузовского обучения и ориентированы на молодое поколение читателей.

В настоящее время понятие публицистического стиля может трактоваться по-разному в зависимости от широкого или узкого подхода к его определению. В рамках данной статьи мы придерживаемся узкого подхода к его определению. Исследователи Н.Д. Десяева [3: 136], В.Г. Костомаров [9: 18], Д.Н. Шмелев [3: 136] и др. в узком смысле под публицистическим стилем понимают прежде всего газетную речь. Важно отметить, что газетная речь под влиянием экстралингвистических факторов в зависимости от жанра может включать в себя элементы различных стилей – научного, разговорного и официально-делового.

Основные функции газетной речи тесно связаны с особенностями языковых средств, которые, как отмечает А.К. Панфилов, «рассчитаны не только на сообщение, но вместе с тем и на эмоциональное воздействие» [15: 12]. Традиционно принято выделять две основные функции газетной речи: 1) информативную и 2) воздействующую, однако некоторые исследователи выделяют и третью – популяризаторскую [8: 343].

Воздействующая функция предполагает использование в речи открытой оценки. Так называемая публицистическая экспрессия в

газетной речи (открытая авторская оценка), по мнению В.И. Максимова, создается в результате «взаимодействия специально организованной лексики и фразеологии» [13: 123], а также синтаксической организации языкового материала. Публицистическая экспрессия может быть выражена на разных языковых уровнях, на лексическом уровне она выражается в подборе качественно-оценочных существительных и прилагательных (*безжалостный, маргинал, победоносный, врунишка* и т. д.), в оценочной фразеологии, в разных формах сокращений слов, особых речевых оборотах. На словообразовательном уровне активно используются оценочные словообразовательные аффиксы (*антитрендовый, ультрамодный, военщина, лужица* и т. д.); на синтаксическом уровне экспрессия выражается с помощью различных конструкций, инверсии, знаков пунктуации.

Как уже отмечалось, именно открытая оценка является отличительной чертой публицистического текста. Сам текст выражает «авторское Я», и для того, чтобы нестандартно продемонстрировать отношение к написанному, авторы намеренно используют основной стилеобразующий принцип организации газетной речи – чередование стандарта и экспрессии, употребляют различные лексические пласты слов, в том числе неологизмы, «наделяют» словоформы новой, индивидуально-авторской семантикой, широко применяют средства словесной образности и т. д.

Важно отметить, что массовый характер (популяризаторская функция) газетной речи оказывает сильное влияние на авторский выбор языковых средств. М.Н. Кожина пишет, что в зависимости от жанра газетного текста (интервью, статья, заметка и т. д.) в текстах могут варьироваться элементы устно-разговорной речи, что позволяет авторам расширить стилистику своей работы, включив в нее единицы «непублицистического» характера [8: 346-347]. Как правило, авторы употребляют разговорные элементы, «наделенные» сильной

экспрессией, помогающие актуализировать внимание читателей, воспринимающих ту или иную информацию. В нашей работе мы обратили внимание на некоторые жанры публицистического стиля, в которых предполагается использование элементов «живой речи». Это такие жанры публицистического стиля, как интервью (речь интервьюируемого), поскольку интервьюеру важно выразить не только отношение к описываемой ситуации, но и передать подлинные эмоции собеседника; жанр репортажа, так как для репортера важна не только фактологическая, но и эмоциональная составляющая будущего текста. В публицистических статьях, где обсуждаются общественные и социально значимые явления нашего времени, также нередко находим элементы разговорного стиля.

Довольно много примеров использования устно-разговорных элементов нами было встречено в текстах электронных популярных среди молодого поколения читателей изданиях педагогическо-воспитательной направленности (в частности в номерах за второе полугодие 2021 года интернет-издания об образовании и воспитании «Мел» и в еженедельном независимом педагогическом издании «Учительская газета»). Обнаружено, что в текстах современных электронных изданий неоднократно соединяются разностильные элементы, используются стилистически маркированные единицы устной речи, имеющие различные экспрессивные оттенки. В данных изданиях употребляются такие разговорные единицы, как: «тоска смертная», «черт побери», «обскакать», «впасть в маразм», «как по мне» и другие, имеющие различные стилистические оттенки.

Например, в интервью школьника о выборе профессии встречается: «Раньше я думал, что быть продавцом, целый день стоять за прилавком, быть привязанным к своему магазину или отделу – **тоска смертная**» (Учительская газета. – 2021. – №22). В данном контексте словосочетание *тоска смертная* имеет разговорный оттенок, что

отражено в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой пометой «разг.» [14: 910], а позднее в словаре Т.Ф. Ефремовой. В этом словаре, кроме стилистической пометы, раскрывается лексическое значение этого сочетания, связанное и с оценочной коннотацией: «Скука, уныние, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием интереса к чему бы то ни было» [5: 168]. Используя данное словосочетание в письменном тексте, автор «воспроизводит» речевую ситуацию, в которой актуализируются такие экстралингвистические факторы разговорной речи, как непринужденность, неподготовленность, персональность и т. д. Эта же речевая ситуация, отражающая устное общение (в соответствии с жанром), делает возможным использование элементов разговорной, «живой» речи с открытой оценочностью. Элементы образности, оценочности и экспрессии наблюдаем также в словосочетании «быть привязанным к чему-либо» (в данном случае *привязанным к магазину*).

Аналогичный пример встречаем и в другом интервью этого издания. «Я могу хоть сейчас **впасть в маразм или уехать на Соловки**, он действительно починит, запишет, примет решение, поговорит, он может сам...» (Учительская газета. – 2021. – №22). В устойчивом словосочетании **впасть в маразм** словоформа *впасть* согласно Толковому словарю под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, имеет 2 переносных значения, одно из которых: «*во что. Прийти в какое-н. (неприятное, тяжелое) состояние или прийти к чему-н. (неправильному)*» [14: 123], то же самое отражено в словаре под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [12], и в Толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова [11: 154], а в словаре Т.Ф. Ефремовой имеет пометы «перен.», «разг.» [5: 148].

В интервью одного из учителей интернет-порталу «Мел» нами было обнаружено высказывание: «Почему же тогда, **черт побери**, учителя в отличие от детей порой не могут вспомнить, чем одна неделя,

месяц, год отличаются от других, почему ты не успел оглянуться, а уже подходит к концу четверть, триместр, полугодие и вот уже на носу ЕГЭ и ОГЭ?» [6], в котором встречается элемент разговорной речи – выражение *черт побери*. В словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой содержится помета «*межд.*», «*прост.*» [5: 986]. В Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова есть следующая словарная статья: «*разг.*» «*Полностью разрушиться, расстроиться, потерпеть неудачу, провал. Грубо. Никому не известно. Черт бы тебя побрал!*» [1: 1476], аналогично и содержание статьи в Толковом словаре под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [12]. Можно заметить, что помимо пометы о стилевой принадлежности данного выражения, указаны и другие коннотативные семы (груб.).

Отметим, что разговорные выражения: «тоска смертная», «впасть в маразм», «черт побери» и др. часто используются в устной речи школьниками и студентами, поэтому авторы, не желая нарушать целостность и естественность интервью, включают эти выражения в письменные варианты статей.

Прокомментируем случаи употребления в публицистических текстах просторечий, как правило, эти единицы наделены пейоративной окраской, позволяющей автору выразить негативное отношение к каким-либо фактам, имеющим место в школьной практике. Например, в статье о написании сочинения по литературе с названием «Перспективны ли наши перспективные модели?» употребляется выражение: «**Всовывать термин** ради лишнего балла грешно» (Учительская газета. – 2021. – №23); глагол *всовывать* в словаре Т.Ф. Ефремовой комментируется в словарной статье во втором значении с пометами «*перен.*», «*разг.*» «*прост.*» [5: 71]. Данная словоформа обладает коннотативной семой с оттенком неодобрения, что помогает автору направить внимание читателей к проблеме школьного образования, а также выразить свою оценку к изложенным фактам. Как уже отмечалось, отрицательное

отношение к некоторым проблемам образования может выражаться в употреблении языкового средства с яркой стилистической окрашенностью: «Но тревога не разбирается в таких деталях, и вот 46% хотели бы **запихнуть** ребенка в колледж или вуз по собственному выбору» (Мел. – 2021. 13.12.21). Желание родителей определить ребенка в университет передается глаголом *запихнуть*, имеющим в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [14: 260] пометы «разг.», «прост.», те же пометы в словаре под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [12], и в словаре под ред. С.А. Кузнецова [11: 337]. А вот другой пример: «Но пока, увы, **идеал маячит** где-то в бесконечной дали, причем не совсем понятно, впереди или позади, в античных схолах и гимназиях. (Учительская газета. – 2021. – №22). Глагол *маячит* употреблен в переносном значении, трактуемом в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой следующим образом: «перен.» «кому. О чем-н. неопределенном, неясном: предстоять, быть возможным» [14: 435], тогда как в Толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова значение определено как: «разг.» «предвидеться, ожидать в ближайшем будущем» [11: 527]. В словаре Т.Ф. Ефремовой содержатся обе пометы: «перен.», «разг.» [5: 908].

Иногда употребление в газетном заголовке разговорных элементов с оттенком просторечия может указывать на ироничный подтекст, который актуализирует внимание читателей к подобным публикациям. Например, в цикле статей о «10 коварных ударениях» встречается устойчивое словосочетание «проблем хватает»: «С ударением в глаголах настоящего времени тоже **проблем хватает**» (Мел. – 2021. 24.12.21). Данное словосочетание, безусловно, имеет разговорный оттенок, употребляя его, мы, как правило, имеем в виду досадные в каком-то смысле обстоятельства жизни каждого человека. В словаре под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой зафиксировано два значения глагола «хватать», в том числе второе значение характеризуется еще и

стилистической пометой «разг.» [14: 1069]. Отметим, что при употреблении глагола возможен оттенок неодобрения, поскольку глагол комментируется как «о чем-н. неожиданном и неприятном, а также о том, кто мешает, не нужен» [14: 1069]. Аналогичную словарную статью можно встретить и в словаре под ред. С.А. Кузнецова [11: 1440].

Еще пример: «Соседа с дрелью, конечно, никто **не переплюнет**, но есть еще один товарищ – оставляющий пакеты с мусором» (Мел. – 2021. 24.12.21). Глагол *не переплюнет* употребляется в переносном значении: в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет пометы «перен.», «прост.» [14: 632], то же самое и в словаре Т.Ф. Ефремовой [5: 931]. Помимо этого, в словаре под ред. С.А. Кузнецова содержится помета о разговорно-сниженном оттенке словоформы [11: 813]. Отметим, что в данном контексте присутствует и оттенок иронии.

Еще один пример употребления просторечного слова мы встречаем в статье, посвященной вопросам воспитания и взросления школьника. «Это когда тебе говорят: «Вы уж сидите, **мамаша**, я сам все сделаю», – и делает» (Мел. – 2021. 15.09.21). Для акцентирования внимания читателей на абсурдности описываемой ситуации употреблена из ряда возможных словоформ (этот ряд читателю хорошо знаком) словоформа *мамаша*. Словоформа в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [14: 427] отмечается как просторечие, а в словаре под ред. С.А. Кузнецова [11: 518] как элемент разговорного стиля.

Необходимо отметить, что часто в публицистических текстах нейтральная общеупотребительная лексика может приобретать стилистические оттенки, что делает текст более выразительным, экспрессивным. Например, «И было даже забавно, как быстро они **переобулись**» (Учительская газета. – 2021. – №24). Словоформа *переобулись* употребляется не в прямом значении, в контексте публицистического текста (статьи) можно говорить о том, что словоформа приобретает иной смысл («поменяли свое мнение»).

Словоформа *переобулись* в таком значении обычно употребляется в устной, разговорной речи и может сопровождаться дополнительными коннотациями пренебрежения и осуждения. Аналогичное явление можно отметить и в следующем контексте: «Наверняка пословица «Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят» теперь по-другому **зазвучит у вас в голове**» (Мел. – 2021. 24.12.21). В данном примере словосочетание *зазвучит у вас в голове* вместе с контекстуальным значением приобретает и яркие стилистические характеристики.

Таким образом, воздействующая функция публицистической речи (в частности газетной) может находить выражение в употреблении стилистически сниженной, разговорной лексики, которая нередко не только воспроизводит речевую ситуацию, привнося в конкретный контекст (в соответствии с жанровым своеобразием) семантические элементы непринужденности, неподготовленности, персональности, но и различную стилистическую информацию, в том числе оценочную. На наш взгляд, стилистическую окрашенность следует учитывать как информационным структурам общества, так и работникам в области школьного образования – учителям русского языка, психологам, педагогам, помогающим учащимся в процессе обучения находить различные, в том числе альтернативные, способы отбора и реализации языковых единиц в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2-е изд. СПб., 2000. 1536 с.
2. Горшков А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А.И. Горшков. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 367 с.
3. Десяева Н.Д., Арефьева С.А. Стилистика современного русского языка: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
4. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2003.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 2168 с.
6. Интернет-издание «Мел» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mel.fm>.
7. Интернет-издание «Учительская газета» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ug.ru>.

8. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
9. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971. 30 с.
10. Красникова Е.Н. Жаргоны и просторечия в языке публицистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhargony-i-prostorechiya-v-yazyke-publitsistiki>.
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
12. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/1150469/post352464156>.
13. Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование: [электронный ресурс] учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2007. 653 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. 1732 с.
15. Панфилов А.К. История становления публицистического стиля современного русского литературного языка: автореф. дис. ... докт филол. наук. М., 1974. 12 с.

ГРУЗДЕВА Марина Владимировна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
midoriflare00975@gmail.com

Научный руководитель –
ПИМЕНОВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ВлГУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена выделению и описанию основных функций этимологических фигур в художественных текстах, написанных на современном русском языке.

Этимологические фигуры (ЭФ) – это единые неделимые сочетания разных лексем, имеющих один корень. Сочетания строятся на основе синтаксических, грамматических, семантических и фразеологических связей, при которых один из элементов невозможен без существования второго.

«Этимологические фигуры обозначают качественно и количественно «удвоенный» денотат – объект, существующий только в процессе реализации определенного признака или во время соответствующего действия» [3].

Например: «... *самъ господь вдохнулъ ему душу...*» (Апокр.: 138)) – душа не могла появиться без процесса, названного в глаголе-сказуемом [5].

Исследователи отмечают, что явление этимологических фигур связано с верой человека в магическую сущность слова, чем объяснялась повторяемость одного корня в рамках синтагмы. Вряд ли можно утверждать, что современный человек верит в «магичность» слова, подразумевает ритуальную значимость повтора, используя этимологические фигуры в устной или письменной речи. Но нельзя не согласиться с тем, что большинство ЭФ (в которых прослеживается

единообразии корневых морфем) воспринимается носителями языка как должное, как необходимое, в отличие, например, от подобных этимологическим фигурам по внешнему облику неоправданных лексических повторов (*продолжительность процесса продолжается несколько часов*), компоненты которых не имеют внутренней необходимости с точки зрения семантики находиться рядом друг с другом; как следствие, такие сочетания в современном русском языке считаются ненормативными.

Этимологические фигуры родом из глубокой древности, но остаются явлением живым и продуктивным в современном русском языке. Тем интереснее рассмотреть особенности функционирования ЭФ сегодня.

Однако интересующая нас область языкового явления – это *многое множество* вариантов контекстов как в устной речи, так и в письменной. Благодаря разнообразию источников, мы имеем разнообразие речевых стилей и сфер употребления ЭФ. Этимологические фигуры в синхронии чаще всего встречаются в художественном и разговорном стилях речи. Большая часть обнаруженных нами в Национальном корпусе русского языка контекстов приходится именно на художественную литературу и сферу бытовых отношений. Публицистический стиль – язык средств массовой информации – на третьем месте по встречаемости этимологических фигур. Единичные примеры ЭФ в научном стиле речи, стиле научных трудов и учебников, присутствуют только по причине полной утраты некоторыми этимологическими сочетаниями всякой эмоциональной смысловой нагрузки (*играть в игру, цветы цветут*). Из всех собранных нами языковых единиц ни одна не была почерпнута из документов или деловых бумаг: этимологические фигуры обошли стороной официально-деловой стиль. Посему целесообразным представляется обратиться

внимание в первую очередь на функционирование ЭФ в художественных текстах, чему и посвящена настоящая статья.

В художественной литературе рефлексы этимологических фигур бытуют многообразно.

1. ЭФ в прямом значении.

1.1. Ряд этимологических фигур реализует в текстах свое прямое значение, называя реалии. При этом тавтологичность сочетания воспринимается носителем языка как норма, поскольку затруднительным представляется выразить то же значение другими языковыми средствами. Придание сакраментальной важности повторению однокоренных слов в рамках синтагмы на современном этапе полностью отсутствует. Возникновение данной функции можно рассматривать как закономерный итог развития языковой единицы.

Стоит отметить, что в более ранних произведениях, написанных на заре становления современного русского литературного языка (XVIII-XIX вв.) в прямом значении используются многие ЭФ, в XX-XXI вв. выполняющие уже другие функции.

(1) *В трубы трубить, громы гремят, подарки дарить, делать дело, думу думать.*

«— Народ полагает, что когда **гром гремит**, это Илья пророк в колеснице по небу разъезжает» [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)] [1].

«**Гром гремит**, земля трясется — очередные соседи затеяли очередной ремонт» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

(2) *Дуть в дудку, жизнь прожить, играть (в) игру, капает капель, метлой метет, снится сон, варить варенье, жить жизнью.*

«А куда надо? — Помочь? — уже **играя игру**, спросил Ломакин. — Чем? — чуть улыбнулась она» [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)].

1.2. Прямое значение ЭФ в некоторых контекстах может быть ограничено стилистической окраской некоторых из них.

1) *Нож вонзен – всадить/воткнуть нож.*

*«Он размахнулся, чтобы **вонзить нож**, но тут же упал, сраженный пулей в самое сердце»* [Егор Радов. Змеесос (2003)].

*«И раз за разом как военную добычу, как шлюху брал женщину, которая была его женой и которая его ненавидела и, может быть, вынашивала планы **всадить нож в спину**»* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)].

ЭФ *всадить нож* можно отнести к стилистически сниженной лексике, в то время как ЭФ *нож вонзен* не появляется в контекстах со сниженной оценкой, ее употребление ограничивается книжной речью.

1.3. Прямое значение ЭФ в отдельных случаях имеет оттенок непредметности, определяемый собирательностью значений компонентов сочетания.

– *Многое множество* – количественная характеристика ряда предметов.

*«Как видишь, Отшельник умел не только горевать, но и думать, а это значит, что он был очень, очень умный рак! А кругом валялось **многое множество раковин**»* [Борис Заходер. Сказки для людей (1960-1980)].

– *Всякая всячина* – качественная характеристика ряда предметов.

*«— Я вот тут **о всякой всячине** говорю, — сказал Сергей Сергеевич, — а тут ведь опять намечается ерундовина»* [А.Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

2. ЭФ как экспрессивное средство художественной выразительности.

2.1. Этимологические фигуры (в основном соотносимые с семантической группой 'высшая степень проявления признака') часто выступают в тексте в качестве языкового воплощения яркого эмоционального переживания.

– *Адский ад, блин блинский, воля вольная, диво дивное, чудо чудное.*

«*В общем — конец света! Адский ад! — Сколько забросили варить? — поинтересовалась из кухни Анка*» [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Функционирующие таким образом ЭФ не имеют предметного значения, но могут служить эмоционально-оценочной характеристикой предмета речи.

2.2. Промежуточное положение между ЭФ первой и второй группы занимают подчинительные словосочетания, в которые главное слово функционирует в прямом значении, а зависимое является экспрессивным определением.

– *Воля вольная, сила сильная, честь честная, масло масляное.*

«*Знаю, он приехал в Москву из деревни – о том и занюхал твое сердце. Впервые не обо мне. О воле вольной простого русского человека. Но ведь ее же не было никогда, этой воли, была одна горькая мечта о ней, ты сам мне про это говорил, помнишь?*» [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012].

Целью включения подобных ЭФ в текст может являться стилизация под фольклорное произведение. Зависимый компонент здесь используется как постоянный эпитет со значением «соответствующий идеалу». Фактор однокоренности определяет усиление выразительности эпитета.

3. ЭФ в переносном значении.

Этимологические фигуры в переносном значении сродни ФЕ: они помогают автору текста в создании художественного образа. Кроме того, такие ЭФ, как и фразеологизмы, нередко фиксируются в словарях.

– *В трубы трубить, вдохнуть душу, громом гремит, дуть в дудку, масло масляное, святая святых, чудо чудное диво дивное, шутки шутить.*

*«Ирина влезла в **святая святых** — в свои доллары, вытащила громадную сумму, шестьсот долларов, и завезла в дом холодильник — белый, сверкающий, с тремя морозильными камерами, саморазмораживающийся»* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

- *Святая святых* (иноск.) – место, мало или совсем недоступное для непосвященных, вообще, – сокровенное, как, напр., кабинет ученого специалиста, помещение редкостей любителя и т. п. [2].

Основная особенность исследуемого явления заключается в устойчивости не единичной, как у современных ФЕ, а в устойчивости на уровне модели.

4. ЭФ как средство создания комического эффекта.

Этимологические фигуры как в прямом, так и в переносном значении могут использоваться как средство создания комического эффекта посредством иронии.

– *Разговоры разговаривать, гром гремит, думу думать, шутки шутить, в трубы трубить, соблазнять соблазном.*

*«Стала **думу думать**, кого бы из запланированных на кесарево под американские лапы, жаждущие нашей русской кровушки, уложить»* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

*«Солнышко пышет, березки колосятся, на них изюм растет, детки в белых панамах водят хороводы, их папы **в трубы трубят**, мамы с грудями, бицепсами и снопами куда-то вдаль смотрят, улыбаются...»* [Андрей Дмитриев. Голубев (1988)].

При явно прослеживаемом для носителя языка единстве корневых морфем в словосочетании ироническая направленность вырисовывается более четко.

Завершая краткий обзор функциональных возможностей этимологических фигур в современных художественных текстах,

остановимся на двух положениях, в которых заключены наиболее общие наблюдения над рассмотренным явлением:

1) ЭФ могут иметь как прямое (номинативная функция), так и переносное значение (функция выражения субъективно-оценочной модальности).

2) Одна и та же ЭФ может не только реализовывать разные возможности применения в разных контекстах, но и обладать смешанным функционалом – в отдельно взятом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index> (дата обращения 30.11.2021).

2. НЭБ: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак. наук.. М. И. Михельсон. 1896—1912. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003793585/ (дата обращения 01.12.2021).

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М.: Учпедгиз. 1935. 452 с.

4. Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007. 416 с.

5. Сидорова Л.В. Этимологические фигуры в древнерусском тексте: семантика и структура: Выпускная квалификационная работа. Владимир, 2013. 93 с.

6. Солдатова А.И. Этимологические фигуры в древнерусском тексте (на материале памятников литературы Древней Руси XI-XIII вв.) // Курсовая работа. Владимир, 2008. 60 с.

Джумаева Дидарахан Поладовна
(Владимир, Россия – Чарджоу, Туркмения)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
didarajumayeva@mail.ru

Научный руководитель –
САФРОНОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(на материале романа «Бедные люди»)**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования вставных конструкций в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди», в частности, выявляются функции, которые вставные конструкции выполняют в художественном произведении.

Вставные конструкции появились в языке достаточно поздно. Как отмечают исследователи, их становление в литературном языке относится к XVIII веку [4: 49]. В современном русском языке использование вставных конструкций широко распространено практически во всех стилях речи и является активным стилистическим приемом сжатия информации (компрессии).

Вставки, как отмечают исследователи, – один из характерных элементов синтаксиса Федора Михайловича Достоевского и одна из особенностей его стиля [5: 25]. Это связано не только с частотностью употребления вставных конструкций в его произведениях, но и с разнообразием функций, которые они выполняют в тексте художественного произведения.

Н.И. Иванова, анализируя функционирование вставных конструкций в произведениях Ф.М. Достоевского, приходит к выводу о том, что все вставки могут быть разделены на 2 большие группы: выполняющие служебную функцию и коннотативные, подчеркивая

условность термина «служебные» вставки и полагая, что такие вставки обладают семантической значимостью, организуют информационное расширение высказывания, эмоциональная составляющая вставной конструкции при этом оказывается «приглушенной» [2: 26]. Так называемые «коннотативные» вставки раскрывают настроение, психическое и эмоциональное состояние героев, создавая тем самым «градус высокого эмоционального напряжения» [2: 29]. Оба типа вставок представлены в тексте романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: *Мы все сидели тогда в зале у Анны Федоровны и пили кофе (было воскресенье)* – служебная вставка; *Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем, но – горька судьба моя! – я умею любить и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вам за ваши благодеяния...; Я не про дебош мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю вас и что вовсе не неблагоприятно мне было любить вас, вовсе не неблагоприятно – коннотативные вставки.*

Исследователи выделяют достаточно большое количество функций, которые вставные конструкции могут выполнять в тексте. Так, С.В. Вяткина выделяет пять функций вставок в основном предложении: пояснение, мотивация, ссылка на источник информации, передача дополнительных сведений, попутных замечаний [1: 100]. М.Н. Кулаковский выделяет 26 функций вставных конструкций, однако отмечает, что наиболее часто встречаются 3 основных функции вставных конструкций:

- 1) уточняюще-пояснительная;
- 2) сообщение дополнительной информации;
- 3) эмоционально-экспрессивная и эмоционально-оценочная [3: 138-140].

В повести «Бедные люди» нами было выделено 52 примера вставных конструкций. В результате анализа были обнаружены все 3 основных функции, которые характерны для вставных конструкций.

1. Вставные конструкции, которые выступают в уточняюще-пояснительной функции: *Хозяйка наша, – **очень маленькая и нечистая старушонка**, – целый день в туфлях да в шлафроке ходит и целый день все кричит на Терезу; Впрочем, кажется, люди хорошие, все такие образованные, ученые. Чиновник один есть (он где-то по литературной части), человек начитанный: и о Гомере, и о Брамбеусе, и о разных у них там сочинителях говорит, обо всем говорит, – умный человек!*

2. Вставные конструкции, сообщающие дополнительную информацию: *Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот как: тут подле кухни есть одна комната (а у нас, **нужно вам заметить, кухня чистая, светлая, очень хорошая**), комнатка небольшая, уголок такой скромный... то есть, или еще лучше сказать, кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, номер сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все, одним словом, все удобное; Домой-то я не пришел, а приплелся; ни с того ни с сего голова у меня разболелась; уж это, знать, все одно к одному. (В спину, что ли, надуло мне.)*

3. Вставные конструкции, выполняющие эмоционально-экспрессивную и эмоционально-оценочную функции: *Он ужасно смешно сердился, а нам это было чрезвычайно забавно. (Мне даже и вспоминать это стыдно); Но я была подчас робка и застенчива; в настоящем положении моем я ни на что не могла решиться и ограничивалась одними мечтаниями (и бог знает какими мечтаниями!).*

Таким образом, вставные конструкции в повести «Бедные люди» Ф.М. Достоевского могут выполнять как функцию уточнения, так и эмоционально-экспрессивную (эмоционально-оценочную). Однако чаще всего (26 примеров, 50% встреченных конструкций) они служат для передачи дополнительной информации, которая лишь косвенно касается сообщаемой в основной части предложения информации, а иногда и вовсе не связана с ней, но позволяет лучше увидеть внутренний мир персонажа, в чьей речи встречаются вставные конструкции подобного типа, познакомиться с фактами его жизни и жизни других персонажей. Вставки, выполняющие эмоционально-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию, помогают лучше понять персонажа, его внутренний мир, систему ценностей.

Следует отметить, что роман «Бедные люди» представляет собой произведение, построенное как переписка Макара Девушкина и Варвары Алексеевны. В результате статистического анализа удалось выявить, что чаще всего вставные конструкции встречаются в письмах Макара Девушкина (34 примера). Гораздо реже мы встречаем эти конструкции в письмах Варвары Алексеевны (10 примеров) и в речи автора (8 примеров). Вероятно, можно сделать вывод, что наименьшее количество использования вставных конструкций в речи автора объясняется самим характером повествования (переписка), а преобладание исследуемых конструкций в речи Макара Девушкина говорит о потребности автора раскрыть внутренний мир героя через сообщение дополнительной информации и эмоционально-оценочных суждений, которые сам персонаж включает в свою письменную речь. Кроме того, исследователи отмечают, что вставные конструкции характерны для устной речи и пришли в письменную речь из устной разговорной речи. Активное использование вставных конструкций в рассматриваемом произведении предопределено самим жанром

произведения – переписка героев (жанр письма), который предполагает написание текста непосредственно в данный момент, что сближает его с устной речью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяткина С.В. К вопросу о становлении вставных конструкций в русском литературном языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1987. Вып. 2 (№ 9). С. 100–102.
2. Иванова Н.И. Вставки в синтаксисе Ф. Достоевского. Донецк: Горловка, 2015. 226 с.
3. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Том 1 (Гуманитарные науки). С. 138–142.
4. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. С.В. Друговейко-Должанской, Д.Н. Чердаковой. СПб, 2014. 584 с.

Иванова Марина Александровна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
mariontenfon@gmail.com

Научный руководитель –
СОКОЛОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

ВАРИАНТНОСТЬ КООРДИНАЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. Статья посвящена изучению вариантности координации подлежащего и сказуемого и определению наиболее частотных форм в современных художественных текстах.

Предложение – синтаксическая единица коммуникативного уровня, в отличие от словосочетания – номинативной единицы. Это обуславливает возникновение особых отношений между словоформами, выступающими в той или иной синтаксической функции. Наряду с тремя типами синтаксической связи: согласованием, управлением и примыканием, которые реализуются и на докоммуникативном уровне, в предложении возможны также детерминативные связи (связь детерминанта с грамматической основой), двойные связи (связи дуплексива). Главная же связь, которая реализуется в предложении, – это связь предикативная, возникающая между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении.

Согласно школьным учебникам, а также некоторым вузовским (например, П.А. Лекант [4: 418]) она носит название *согласование*. Так ее обозначал А.А. Шахматов: «Сказуемое грамматически уподобляется подлежащему; это уподобление мы называем согласованием» [5: 274].

Действительно, зачастую подлежащее и сказуемое имеют одинаковые грамматические формы числа, рода, а в случаях с составным именным сказуемым также падежа, поэтому связь напоминает согласование. Однако в некоторых случаях формы

подлежащего и сказуемого не уподобляются (например, при соположении).

Более точно обозначает связь между подлежащим и сказуемым термин *координация* (лат. *con* – с, вместе, совместно и *ordinatio* – упорядочение, расположение). Термин, предложенный В.В. Виноградовым, широко употребляется в научной литературе (И.Б. Голуб, Н.С. Валгина, Е.С. Скобликова, Н.Ю. Шведова и др.). Так, согласно И.Б. Голуб, координация – это «грамматическая более широкая и свободная связь, в которую «могут вступать разные слова и словоформы, и их морфологические свойства не обязательно должны соответствовать друг другу, так как их взаимоотношения определяются не лексико-грамматической принадлежностью, а синтаксической позицией в структуре предложений» [2: 375]. Например, в предложении: *Обед – штука приятная* – мы не наблюдаем полного уподобления словоформ *обед* и *штука*. Термин *координация* подчеркивает двустороннюю связь, взаимозависимость форм подлежащего и сказуемого.

Вариантность подлежащего и сказуемого изучается и на уровне синтаксиса, и на уровне стилистики. На уровне синтаксиса рассмотрение связи подлежащего и сказуемого предполагает изучение структурного (формального, конструктивного) и семантического аспектов. Варианты связи подлежащего и сказуемого изучали А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, они исследованы в Грамматике русского языка 1960 г., Русской грамматике 1980 г. О формах подлежащего и сказуемого писали Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайцева, Н.С. Валгина, Г.А. Золотова, П.А. Лекант, Е.С. Скобликова, А.Ф. Прияткина, Л.Д. Чеснокова и др.

На уровне стилистики возможности координации подлежащего и сказуемого регламентируются стилистическими требованиями. Этому

вопросу много внимания уделил в своих работах Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, К.С. Горбачевич, В.Г. Костомаров.

Особенные трудности вызывает выбор правильной формы числа сказуемого, если в составе подлежащего есть слова, указывающие на количество или совокупность предметов:

- собирательные существительные (*большинство, меньшинство*),
- количественные числительные (*пять, двадцать*),
- собирательные числительные (*двое, трое, пятеро*),
- счетные существительные (*тысяча, миллион, миллиард*),
- слова, обозначающие приблизительное количество (*более десятка, менее пятидесяти, несколько*),
- счетные местоименные наречия (*много, столько, сколько*),
- существительные со значением определенного (*тройка, пара, сотня*) и неопределенного (*масса, уйма*) количества.

Координация подлежащего и сказуемого может регламентироваться нормой и узусом, вследствие чего могут возникнуть различные варианты.

Л.П. Крысин указывает, что в узком значении *норма* – это «результат целенаправленной кодификации языка» [3: 10]. Понятие нормы тесно связано с понятием литературного языка, «который иначе называют нормированным или кодифицированным» [там же]. Узус ученый характеризует как «общепринятые, устоявшиеся способы использования данного языка» [3: 22], то есть узус – это реализация нормы в живой, часто отступающей от кодифицированных норм речи.

Понятие *вариантность* в Лингвистическом энциклопедическом словаре объясняется как: 1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы; 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и

системы языковой в целом [6]. Таким образом, вариантность – это некое отступление от норм или разновидность нормы.

Грамматическая координация форм подлежащего и сказуемого может осуществляться в виде соответствия форм: 1) рода, числа и падежа: *Погода хорошая; Книга моя; Он умный*; 2) рода и числа: *Зима наступила; Он приехал; Письмо пришло; Птица убита*; 3) числа и лица: *Я пишу; Ты гуляешь, Мы едем*; 4) числа и падежа: *Сестры – ткачихи; Столица – наша гордость; Женщина – кандидат наук*; 5) падежа: *Дети – наше счастье*; 6) числа: *Мы работали; Препятствия преодолены* [1: 105].

Наиболее часты колебания в форме числа при подлежащем, выраженном сочетанием слов с количественным значением, а также при подлежащем, выраженном сочетанием со значением совместности (типа большинство + субстантив, типа *брат с сестрой*), сочетанием со значением избирательности (типа *немногие из студентов*), местоимением – вопросительным, относительным, неопределенным, отрицательным (типа *кто из...; все, кто...; никто не мог...*): *Большинство собравшихся решили и Большинство собравшихся решило; Брат с сестрой пришли и Брат с сестрой пришел; Немногие из студентов сдали сессию и Много из студентов сдало сессию.*

Таким образом, сказуемое в форме единственного числа (грамматическое согласование) предпочитается, если:

- 1) подлежащее выражено неодушевленным существительным;
- 2) сказуемое предшествует подлежащему;
- 3) подчеркивается совместность или неактивность лиц, указанных в подлежащем;
- 4) есть обозначение меры веса, пространства, времени;
- 5) сказуемое имеет значение состояния.

Сказуемое в форме множественного числа (согласование по смыслу) предпочитается, если:

- 1) подлежащее выражено одушевленным существительным;
- 2) подлежащее предшествует сказуемому;
- 3) подчеркивается раздельность или активность лиц, указанных в подлежащем;
- 4) при обратном согласовании;
- 5) при наличии причастного оборота или придаточного определительного со словом *который* в форме множественного числа;
- 6) есть однородные подлежащие или однородные сказуемые.

Она помолчала и потом говорит: «Папу любит два человека?» (А. Геласимов, «Чужая бабушка») – сказуемое стоит в форме единственного числа, поскольку оно предшествует подлежащему, в предложении подчеркивается совместность лиц, производящих действие.

Множество_овощей и фруктов, засоленных, засахаренных и прочими способами приготовленных, за зиму не съеденных, хранились на полках. (А. Снегирев, «Вера») – несмотря на неодушевленность существительных, входящих в количественно-именное сочетание, что предпочитается при выборе форм единственного числа, здесь подлежащее предшествует сказуемому, в составе подлежащего однородные члены, подлежащее и сказуемое расположены дистантно, поэтому автор предпочитает множественное число.

Нами был выявлен случай грамматического «рассогласования», когда однородные сказуемые употреблены в единственном и во множественном числе в пределах одного предложения по смыслу: *Большинство его соучастников уже арестованы и дает признательные показания* (Е. Чижов) – что подчеркивает сложность выбора формы писателем. С одной стороны, признаков, свидетельствующих о том, что следовало бы предпочесть форму множественного числа больше (порядок следования главных членов, одушевленность, активность у второго однородного члена), но, с другой

стороны, автору, вероятно, важно подчеркнуть массовость членов, названных в подлежащем, и пассивный характер выполняемых им действий.

В качестве вывода отметим тенденцию употребления в современном русском языке во множественном числе сказуемых при подлежащих, выраженных сочетаниями собирательных существительных с субстантивами. В современных художественных текстах наблюдается тенденция к согласованию по смыслу – сказуемое употребляется при подлежащем – количественно-именном сочетании во множественном числе. При подлежащем-местоимении формы глаголов-сказуемых ориентированы на рекомендации справочников и учебников, то есть более частотны формы нормативного единственного числа, наблюдать сказуемое в форме множественного числа мы можем в редких случаях, что является отступлением от языковой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного языка: Учебник. М. : Агар, 2000. 416 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2010. 448 с.
3. Крысин Л.П. Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.
4. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» под ред. П.А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2007. 557 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е.С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : «Советская энциклопедия», 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>.

Константинова Елизавета Александровна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
konstantinovaliza65@gmail.com

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

НОВЫЕ ТОПОНИМЫ ВЛАДИМИРСКОЙ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются новые топонимы Владимирской и Нижегородской областей (на материале названий населенных пунктов). Проведенное в работе исследование дает возможность раскрыть основные закономерности возникновения новых названий населенных пунктов: причины переименования, временные отрезки указанного процесса.

Функцией любого топонима является выделение объекта из множества ему подобных объектов и указание на него. Во многих названиях можно отследить другие значения, которые связаны с характеристиками объекта, идеологией и эмоциональной окрашенностью имен. При наименовании объекта имя привязывается к нему и при этом осуществляется не только денотация (указание на объект), но и коннотация (привнесение дополнительных значений). Слово приобретает новые, совершенно другие свойства, что и отличает его от имен нарицательных, и топоним, являясь названием, включает в себя множество коннотаций. Каждый топоним может рассказать многое о времени, среде, в которой он существует, так как имена собственные чувствительны к социально-политическим изменениям, отражают прошлые и настоящие события и имеют историческое объяснение.

Перечень топонимов конкретной территории периодически пополняется новыми названиями. При этом иногда происходит не просто наименование нового объекта, а переименование старого. Переименование географических объектов совершается по разным

причинам. В основном данный процесс связан с политическими факторами: революциями, войнами, образованием новых и разрушением старых государств, идеологической подоплекой топонимов, совершенствованием национальной топонимии. Но зачастую переименованию подвергаются и многочисленные нейтральные названия. Одни из них по ошибке относят к числу неприемлемых, другие становятся фундаментом для внедрения названий с новым идеологическим содержанием.

Проблему переименования географических названий изучали многие лингвисты: М.В. Горбаневский [1], А.В. Суперанская [3], В.Н. Топоров [4] и др. В центре внимания настоящей статьи находятся новые названия населенных пунктов Владимирской и Нижегородской областей, которые появились в связи с переименованием объекта.

Вопрос о названиях, появившихся на карте Владимирской области в XX в., в период существования Советского Союза, вызывает множество споров, и относительно этого существует немало точек зрения, порой весьма противоположных. Главным недостатком подобных топонимов является то, что придуманы они были, не исходя из каких-то исторических, географических или культурологических реалий местности, а искусственно, по велению времени и в соответствии с политической модой.

Оценивая последствия переименований географических объектов, А.В. Суперанская указывала: «Вместе со старым названием уходит в прошлое информация, связанная с объектом и закрепленная в его названии. А поскольку топоним всегда продукт своей эпохи, то перемена названия создает иллюзию, что перед нами новостройка, а не город с многовековой историей» [2: 143].

Многие новые названия населенных пунктов Владимирской области, появившиеся в результате переименования объекта, пришли на смену таким топонимам, которые казались неблагозвучными.

Рассмотрим основные особенности проанализированных новых названий населенных пунктов во Владимирской области.

1. Некоторые населенные пункты получали новые названия в связи с советской идеологией. В данной группе топонимов можно выделить следующие подгруппы переименований:

а) прямая номинация, связанная с советской идеологией, напр.: *Красный Луч* (бывш. *Лачуги*), *Октябрьская* (бывш. *Гольяж*);

б) переименования, которые отражают идеологически окрашенное восприятие действительности, напр.: *Ясные Зори* (бывш. *Сварухи*), *Рассвет* (бывш. *Огрызково*), *Приволье* (бывш. *Объедово*), *Спутник* (бывш. *Душилово*), *Дружная* (бывш. *Кика*).

2. Можно выделить также неидеологические переименования, которые, в свою очередь разделяются на подгруппы:

а) указание на связь с другим географическим объектом, напр.: *Нерлинка* (бывш. деревня *Жадёнка*) ← от названия реки *Нерль*; *Каменка* (бывш. *Неелово*) ← от названия реки *Каменка*; *Заполье* (бывш. *Мочалки*) ← от слова *поле*; *Заречное* (бывш. *Перники*) ← от слова *река*; *Овражная* (бывш. *Большие Рылухи*), *Луговой* (бывш. пос. *Владимирской госконюшни подсобного хозяйства*), *Полянка* (бывш. *Вошня*), *Приозерная* (бывш. *Ворынино*), *Крутые горки* (бывш. *Голобоково*), *Заболотье* (бывш. *Гришки*), *Набережная* (бывш. *Жадёнка*), *Березовая Роща* (бывш. *Блудово*), *Зеленые Пруды* (бывш. *Горелые Рылухи*);

б) названия, которые обозначают особенности ландшафта, напр.: *Кленовка* (бывш. *Мироедово*), *Елкино* (бывш. *Акулиха*), *Васильково* (бывш. *Алешино*), *Тополевка* (бывш. *Дьяконово*);

в) название, которые отражают связь с фауной, напр.: *Шмелево* (бывш. *Коврское Квиногово*), *Грачевка* (бывш. *Злыднево*), *Вороновка* (бывш. *Гнусово*);

г) названия, которые отражают особенности климата, напр.: *Холодово* (бывш. *Погибельцево*);

д) названия, показывающие географическое положение объекта, напр.: *Южная* (бывш. *Брюханово*).

В Нижегородской области тоже происходило переименование населенных пунктов, пик которого приходится на 40-60-е гг. XX в. Одной из главных причин появления нового названия уже у существующего населенного пункта является неблагозвучность старых названий.

Остановимся на некоторых особенностях новых названий в Нижегородской области. В этой связи можно выделить следующие группы:

1. Переименования, которые связаны с советской идеологией:

а) прямая номинация, связанная с советской идеологией, напр.: *Красная Горка* (бывш. *Собачий Остров*);

б) переименования, отражающие идеологически окрашенное восприятие действительности, напр.: *Свобода* (бывш. *Вшивка*), *Трудовое* (бывш. *Дурновка*), *Рассвет* (бывш. *Рылово*), *Мирный* (бывш. *Лесозавод*), *Молодежный* (бывш. пос. *Профтехучилища*).

2. Выделяются также неидеологические переименования:

а) названия, которые отражают связь территории с фауной, напр.: *Скворцово* (бывш. *Страли*);

б) названия, обозначающие особенности фауны, напр.: *Дубки* (бывш. *Блудово*), *Сосновка* (бывш. *Вороватка*), *Елховка* (бывш. *Вонячки*), *Ягодная* (бывш. *Грехи*), *Сосновка* (бывш. *Дураково*), *Нагорная* (бывш. *Дурашиха*), *Кленова* (бывш. *Кобелево*), *Липовка* (бывш. *Кобылино*), *Калиновка* (бывш. *Кобыляки*), *Малиновка* (бывш. *Котомкино*), *Дубовка* (бывш. *Лежебоково*), *Калиновка* (бывш. *Молокоедовка*), *Рябинки* (бывш. *Плутово*), *Дубрава* (бывш. *Поганцево*), *Малиновка* (бывш. *Погиблово*), *Рябиновка* (бывш. *Самодуровка*), *Малиновка* (бывш. *Дальний*), *Орехово* (бывш. *Вздеринога*), *Черемушки* (бывш. *Дурино*);

в) названия, отражающие особенности ландшафта, напр.: *Высоково* (бывш. *Могилы*);

г) названия, которые указывают на связь с другим географическим объектом, напр.: *Подлесная* (бывш. *Голодаево*), *Луговая* (бывш. *Жеребцы*), *Набережная* (бывш. *Жеребчиха*), *Заречная* (бывш. *Заглупаево*), *Заволжье* (бывш. *Пестово*), *Полевой* (бывш. *Заготскот*) *Большое Окское* (бывш. *Хреново*), *Ключи* (бывш. *Пьяново*), *Пруды* (бывш. *Пенькозавод*);

д) названия, показывающие географическое положение объекта, напр.: *Северный* (бывш. *Льнозавод*, Шахунского района);

е) названия, которые были соединены друг с другом, напр.: *Курляпшиха* (бывш. с. *Курган* и д. *Ляпшиха*);

ж) названия, отражающие связь с прозвищем человека, напр.: *Гордеевка* (бывш. *Голодаево*, Ковернинский район), *Юрьевка* (бывш. *Елдиха*), *Ольховка* (бывш. *Клоповка*), *Борисовка* (бывш. *Мотавка*), *Александровка* (бывш. *Несытово*).

Итак, идеологических переименований в Нижегородской области, как и во Владимирской, сравнительно немного, большую часть составляют переименования, связанные с неблагозвучием старых названий. При этом ввиду большего количества самих переименованных объектов в Нижегородской области наблюдается их большее семантическое многообразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знание, 1987.
2. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 177 с.
3. Суперанская А.В. Социальность географических названий и переименования // Центральночерноземная деревня: история и современность: Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 105–108.
4. Топоров В.Н. Об одной топонимической катастрофе // Исторические названия – памятники культуры: Сб. мат-лов II Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1991. Вып. 1. С. 9-18.

Кривко Юлия Николаевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
Jyliakrivko00@mail.ru

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

НАИМЕНОВАНИЯ ФЛОРЫ И ФАУНЫ В ТОПОНИМИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей топонимов Владимирской области, в которых отражены представления о флоре и фауне. Анализ языковых единиц позволил классифицировать топонимы по разным категориям. Классификация наглядно демонстрирует разнообразие флоры и фауны исследуемого региона, на основе чего можно сделать выводы о преобладании определенных видов растений и животных.

Исследования, посвященные владимирской топонимии, долгое время носили преимущественно историко-краеведческий характер. Богатый языковой материал был собран на кафедре русского языка Владимирского государственного педагогического университета благодаря работе В.В. Носковой [3; 4]. В настоящее время работа в этом направлении продолжается.

Топонимическая система Владимирской области имеет свою специфику, отражающую жизнь народа и языка. Особого внимания заслуживает внутренняя форма слов, так как это признак, положенный в основу названия. Иначе говоря, именно внутренняя форма позволяет понять, почему именно так назван определенный географический объект. В топонимике это позволяет прийти к этимологии названия, а значит – приблизиться к пониманию мировоззрения языкового коллектива. Работа, проведенная в рамках данного исследования, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях названий населенных пунктов во Владимирском регионе. Материалом для анализа послужил список названий населенных пунктов (ойконимов)

Владимирской области: из 2524 наименований была отобрана 281 языковая единица, которая имеет в своей основе наименования флоры и фауны.

Изучение владимирской топонимии дает основания утверждать, что некоторые населенные пункты получили свое название из языков финно-угорских племен, живших здесь в древности. Эти племена при назывании конкретного объекта опирались чаще всего на особенности местности (преобладание определенных растений, животных, холмов, деревьев или расположение на возвышении, у водоема, в низине). Конечно, не представляется возможным претендовать на безусловную истину, однако возможную этимологию некоторых топонимов ученым удалось установить. Например, название города Гусь-Хрустального происходит от финского слова «кусси» - 'елочки'.

Производящей основой для определенных названий послужили наименования растительного ландшафта. Во Владимирской области подавляющее число топонимов образовано от наименований хвойных и реже лиственных деревьев, что позволяет сделать вывод об их преобладании на территории региона на определенном этапе его исторического становления, например: *Елец, Сосновый Бор, Сосенки, Осинки, Подсосенье*.

Остановимся на тематической классификации анализируемых топонимов и рассмотрим, какие производящие основы могли становиться базой для их создания:

1) наименования деревьев:

а) лиственные, ср. названия населенных пунктов: *Березовка, Березка, Дубки, Вязники, Вязовка, Большое Сокурово, Ветельницы, Кленовка* и др.;

б) хвойные, ср. ойконимы: *Ельцы, Подсосенье, Гусь-Хрустальный, Елино, Поелово, Сосенки* и др.;

в) плодовые, ср., напр.: *Вишняки, Калинино, Красная Яблонь, Рябино, Рябинки* и др.;

г) цветущие, ср. названия населенных пунктов: *Большие Липки, Липки, Липовая усадьба, Черемха* и др.;

2) кустарники:

а) лиственные, напр.: *Тонковижка*;

б) хвойные, напр.: *Кипарево*;

в) плодовые, напр.: *Малининский, Малинки, Малиновка, Орехово, Мордыш*;

3) травы:

а) цветущие, ср. ойконимы: *Васильки, Ромашево, Борзаково, Маренкино, Бузаково, Цветково* и др.;

б) травянистые, ср.: *Лопухово, Крапивье, Азиково, Баранники, Канабьево, Мураково, Табачиха, Хмелево* и др.;

в) злаковые, ср.: *Просье, Овсянниково, Зернево, Просеницы, Пшеницыно* и др.;

г) ягоды, ср.: *Ежево, Попиново, Ягодино* и др.;

д) бобовые, ср.: *Гороховец, Горохово, Струково* и др.;

4) грибы, ср., напр., ойконимы: *Груздево, Груздевский, Песьяне, Бакинец, Бакино* и др.;

5) корнеплоды, ср., напр.: *Хреново, Репино, Репники* и пр.

Животный мир исследуемого региона многообразен, и в лесах Владимирской области встречаются различные виды животных: ежи, лисы, волки, медведи, белки и прочие. Кроме того, в реках водятся различные виды рыб: караси, лещи, судаки и т. п. В ходе проведения исследования выяснилось, что наименования диких и домашних животных стали производящей основой для группы топонимов. Трудно сказать, почему определенный населенный пункт образован от наименования того или иного животного, так как информация относительно этого вопроса неполная и зачастую неточная.

Представляется возможным лишь предполагать, что животные, послужившие причиной названия местности, преобладали на этой территории или люди занимались разведением определенного вида животных.

Изучение топонимов Владимирской области позволило классифицировать названия по классу животных, именованья которых стали производящей основой для указанных названий:

1) насекомые, напр.: *Пчёлкино, Жуковка, Бабурино, Овчух, Гнусово* и др.;

2) млекопитающие:

а) хищные, напр.: *Волково, Медведево, Лисино, Левино, Лисавино* и др.;

б) парнокопытные, напр.: *Барановка, Козлово, Большая Козловка, Буланово, Быково, Козики* и др.;

в) насекомоядные – мелкие зверьки, напр.: *Ежово*;

г) грызуны, напр.: *Бобры*;

д) зайцеобразные, напр.: *Зайкино, Зайцево*;

е) семейство куньих, напр.: *Барсуки, Куницино, Новобарсуково, Норкино, Соболево*;

3) птицы:

а) хищники, напр.: *Сокол, Соколово, Орлово, Кокорекино, Коршуниха, Меркутово*;

б) воробьинообразные – в основном лесные птицы, напр.: *Галкино, Вороново, Воробьевка, Анкудиново, Воронино, Грачевка, Дроздово, Снегирево*;

в) ржанкообразные, напр.: *Слукино, Быкасово* и пр.;

г) журавлеобразные, напр.: *Журавлиха, Коростелево* и др.;

д) куриные, напр.: *Тетерино, Кочетки, Кочетиха, Петухово* и др.;

е) совы, напр.: *Филино, Сычево, Бухлово* и др.;

ж) голубеобразные, напр.: *Сизово, Голубино* и др.;

4) земноводные:

а) бесхвостые, напр.: *Жабино*;

5) рыбы:

а) окуневые, напр.: *Ершово*;

б) карповые, напр.: *Карпово, Большая Карповка, Карповщина*.

Имена собственные, в частности топонимы, в отличие от нарицательных, более устойчивы и поэтому сохраняют в языке определенную информацию. Географические названия привязаны к определенному пространству, что позволяет на основании их изучения прийти к выводу об освоении и хозяйственном использовании местности. Географы благодаря изучению названий получают разнообразный материал для реконструкции и познания как ландшафта, так и этнической принадлежности местного населения. Лингвисты, в свою очередь, изучая топонимию, могут проследить этапы развития языка, происходящие в нем процессы и события, влияющие на него в определенный момент времени.

Анализ языковых единиц показал, что топонимы, образованные от наименований флоры, демонстрируют разнообразие. Тематическая классификация по производящим основам указывает на преобладание хвойных и лиственных лесов, а также разных видов плодовых деревьев и кустарников. Среди травянистых растений особо выделяются полевые цветы, злаковые культуры и травы.

Топонимы, производящей основой которых являются наименования фауны, показывают, что во Владимирской области обитают различные насекомые (это может быть связано с большим количеством лесов). Кроме того, на изучаемой территории наблюдается явное преобладание хищных зверей и птиц, а также птиц семейства воробьинообразные. Количество наименований парнокопытных животных позволяет предположить, что владимирцы активно занимались скотоводством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1903-1909.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
3. Носкова В.В. Из истории Суздальской топонимии // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 252–255.
4. Носкова В.В. Особенности современной сельской микротопонимии // Центрально-черноземная деревня: история и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции (Белгород, 13-14 ноября 1992 г.). М., 1992. С. 145–147.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. А.Б. Ларина: В 4-х т. М., 1964-1973

КРУГЛОВА Лилия Олеговна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
liya.kruglova.99@mail.ru

НАЗАРОВА Елизавета Владимировна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
eliz.nazarowa20166@gmail.com

Научный руководитель –
АБРАМОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,
старший преподаватель
кафедры русского языка ВлГУ

ЭЛЕМЕНТЫ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ (на материале премии «Поэзия» 2021 г.)

Аннотация. Статья рассматривает особенности организации художественной речи, в частности поэтического текста как особой структуры на материале современной поэзии. В центре внимания отбор и реализация различных языковых средств (в том числе элементов разговорной речи) с точки зрения композиционного строения текста.

Ключевые слова: художественный текст, разговорный стиль, стихотворная речь, словесный ряд, композиция

Исследователи утверждают, что жанры художественной литературы «все больше «раскрываются» для всех разновидностей разговорного языка и всех функциональных стилей и их «подстилей» [3: 351]. В современных литературных произведениях все чаще встречаются элементы неподготовленной, спонтанной речи, в том числе просторечия. Включение разговорных слов в повествовательную структуру находит отражение не только в прозаических текстах, но и в поэзии, в этом можно убедиться, познакомившись с творчеством многих поэтов нашего времени. С точки зрения проникновения живых разговорных элементов в современную поэзию интересно рассмотреть произведения лауреатов премии «Поэзия 2021» в номинации «Стихотворение года» как самый «свежий» материал для исследования.

Нами были отобраны лишь некоторые из этих произведений, в них стилистически маркированная лексика представлена наиболее ярко.

Художественный текст – это сложная, многогранная система, «особым образом организованный язык» [5: 7]. Перед читателем ставится задача декодирования этой системы, но сделать это можно, только «вскрыв» закономерности использования в ней языковых единиц. Начинать «расшифровку» системы следует прежде всего с рассмотрения лексических пластов, представляющих наиболее широкие возможности для реализации художественных целей. Это и литературный язык с его функциональными стилями, и разговорный язык с его разновидностями. Авторы используют возможности всех языковых единиц для изображения картины жизни, выражения самых тончайших душевных состояний или внешних процессов действительности, при этом именно язык «становится материалом искусства, приобретает эстетическую функцию [1: 275].

Многими исследователями стихотворная речь рассматривается как такой тип искусства, который обладает специфическими особенностями организации языкового материала. Над анализом поэтического текста работали такие известные ученые, как Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Караулов и др. Они утверждали, что язык поэзии – особый язык. Ю.Н. Караулов писал, что «поэтический язык (или художественный) – это язык поэтических и прозаических литературных произведений, система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности» [5: 20]. Этот язык обладает эмоциональной выразительностью, четкостью, последовательным строем поэтических образов, находящих выражение в структуре целого произведения. При этом поэтический язык оказывается тесным образом связанным с литературным языком, являющимся его нормативной основой, и с общенациональным языком, из которого он

черпает и другие речевые средства. Так в стихотворении появляются диалекты, просторечия, жаргонизмы и происходит смешение «высокого» и «низкого» пластов лексики в поэзии. Материалом «поэтического языка» могут выступать самые обычные, общеупотребительные слова. Исследователь стихотворного текста Ю.М. Лотман в своей монографии «Анализ поэтического текста. Структура стиха» говорит о том, что «слово в стихе – это слово из естественного языка, единица лексики, которую можно найти в словаре. И тем не менее оно оказывается не равно самому себе» [8: 215]. Современный поэтический текст неоднороден по своему составу, и различные смешения стилистических пластов в нем далеко не случайны. Используя стилистическую систему современного русского языка, автор обращает внимание не на внешние приметы, а на «внутренние экспрессивно-смысловые принципы отбора, объединения, сочетания...» [3: 33] стилистически маркированных слов.

Языковые единицы используются писателями с учетом формы этой языковой единицы, связанной прежде всего с таким явлением, как индивидуальный стиль автора, объединяющий все стороны художественной структуры. Важно подчеркнуть, что речь идет не об отдельных словах и выражениях, которые отличают один стиль от другого. «Индивидуальность можно найти в своеобразии выбора и сочетания языковых средств», поскольку этот выбор и сочетания «могут быть бесконечно разнообразны, следовательно, и индивидуальны» [3: 145]. Кроме этого, каждая строка стихотворения представляет собой единство, скрепленное рифмой, метром, ритмом. Появляется особое взаимодействие между словами внутри строки, которое называется «теснотой стихового ряда», характеризующейся «синтаксическими и смысловыми связями между словами, которые выстраиваются при этом в ограниченный строкой ряд и могут меняться» [7: 184].

Композиция словесного произведения представляет собой сложное, многоаспектное явление, которое может получить толкование как «мотивированного расположения «отрезков» текста» [3: 151]. Отбор и расположение языкового материала принимает последовательный, упорядоченный характер, выделяется такая единица композиционного строения, как словесный ряд. Художественный текст можно рассматривать как взаимодействие выделяемых в его структуре словесных рядов, то есть как систему «динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [2: 49]. Части словесного ряда могут быть выражены единицами любого языкового уровня и связаны, как правило, не только с предметно-логической, но и эмоционально-экспрессивной стороной строения текста. Стилистически маркированные единицы языка (в том числе элементы разговорного стиля) обладают несомненными выразительными возможностями, которые нередко используются авторами для достижения нужного эстетического эффекта.

Обратимся к стихотворению Владимира Строчкова «Инотавр»:

*Мир тесен. Мир тесéen. Норовит
он в твой ушной отдельный лабиринт
и в твой смешной отшельный кабинет
ворваться, скучась в толпы «да» и «нет»,
взорваться, вспучась всеми «нет» и «да»,
ловча словить и ткнуть хотя б куда.*

*А ты сидишь, набычившись, мыча,
и ждешь дубины скучного меча,
надеясь лишь на тоненькую нить –
не для него, себе, – путь сохранить,
каким свинтить по нитке, хитрый винт
в другой, какой подальше, лабиринт,*

*подалее от кноссов, от каносс,
от охлоса, чей логос как понос,
от демоса, чей минус – грязный плюс,
от миноса, чья милость – грозный груз;*

*в другой, какой поглуше, кабинет,
где нету этих орд из «да» и «нет»,
куда не долетает этот крик,
где тишина, покой и пыль от книг.*

*Но хитрый финт тебя не упасет
от «да» и «нет» высочеств и босот;
и лабиринту новому хана:
ты минотавр, и в том твоя вина [7: 147].*

В первой же строчке этого стихотворения мы отмечаем слово «норовит», которое в толковом словаре С.И. Ожегова имеет помету «разг.» [11: 553], в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой это слово также имеет помету «разг.» [4: 1049]. Так в стихотворении открывается стилистически маркированный ряд, который вместе с деепричастиями «скучась» и «вспучась» чередуется с образно-метафорическим («ушной отдельный кабинет», «смешной отшельный кабинет»), книжно-поэтическим (звуковое обыгрывание в паре «мир тесен, мир тесёен»). Разговорный элемент в 4 строке «скучась» [4: 623] ритмично перекликается со словом «вспучась» в значении «вздувать, делать выпуклым», которое также имеет помету «разг.» [4: 233]. Сочетание этих словесных рядов, книжного и разговорного, направлено на создание особой экспрессивности текста. Разговорный ряд в тексте может взаимодействовать и с нейтральной лексикой, сохраняя экспрессивные качества речи. Так, в предложении «Ворваться, скучась

в толпы «да» и «нет», взорваться, вспучась всеми «нет» и «да», ловча словить и ткнуть хотя б куда» разговорные элементы «вкучась», «вспучась» чередуются с нейтральной лексикой. Стоит отметить, что повтор одной и той же морфемной модели этих слов также обладает выразительными свойствами. Это чередование разговорных элементов с нейтральными глаголами способствует усилению эмоционально-экспрессивного тона, достигающего своей кульминации в конце ряда однородных членов.

В следующих строках «А ты сидишь, набычившись, мыча, и ждешь дубины скучного меча» слова «набычившись», «мыча», «дубины» имеют общую сниженную стилистическую маркированность, и, как следствие, выделяются из языковой системы стихотворения не только стилистическими особенностями, но и способностью образного воплощения. В «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой слово «мыча» в переносном значении «издавать нечленораздельные звуки, похожие на мычание» - «разг.» [4: 96]. Слово «набычившись» в значении «надуться, насупиться» помечено как «прост.» [4: 916]. На наш взгляд, обыгрывается и внутренняя форма этого слова («набычившись» - сделать так, как бык). «Набычившись» «мыча», «дубины» - слова одной семантической группы, на которой и основывается микрообраз («зверь»). Стилистически сниженная лексика «мыча», «дубины», «набычившись» взаимодействует с книжно-поэтическим рядом, который составляют звуковые повторы («винт», «лабиринт», «кноссов», «каносс», «логос»), эмоционально-экспрессивным, состоящий из повтора слов с одной и той же семой «тяжелый предмет» («хитрый винт», «грозный груз») и создают яркий образ мифического персонажа.

Как уже отмечалось, важную роль в смысловом и экспрессивном развитии текста играет повтор. Например, при повторе словосочетания «да и нет» в предложении «где нету этих орд из «да» и «нет», куда не

долетает этот крик» появляется слово «*нету*» (в словаре Т.Ф. Ефремовой имеет помету «разг.» [4: 1031]), которое еще раз как бы напоминает читателю о параллелизме использования языковых средств разной стилистической окрашенности, причем не только в общем, но и узком контекстах. С третьим появлением в тексте словосочетания «да и нет» (антитезы) «перекликается» аналогичное по модели строения словосочетание «*высочеств и босот*», в котором существительное «босота» в переносном значении в словаре Т.Ф. Ефремовой отмечено как «разг.-сниж.» [4: 119]. «Колоритное» слово «хана», имеющее помету «разг.» в словаре Т.Ф. Ефремовой [4: 929], в предпоследней строке подводит итог бессмысленным попытками героя вырваться из лабиринта жизни.

Уже неонакратно говорилось о том, что словесные ряды в композиции поэтического текста могут вступать в сложное взаимодействие с другими словесными рядами, не только чередуясь с ними, но и направляя смысловое восприятие читателя, то есть выполняя своеобразную текстообразующую функцию. Обратимся к четверостишию стихотворения Марины Гарбер «Я ломала шаблон»:

*«взгляд вперья в картонное небо,
ждала не советчика и не врача...
не звонка – но звенела цепочками мгла,
в несвободу меня волоча»* [7:36].

Разговорные элементы текста могут разграничивать слова по своему лексическому значению. Так слово «вперья», помеченное в словаре Т.Ф. Ефремовой как «разг.» [4: 168], говорит о принадлежности слова «небо», кажущегося на первый взгляд нейтральным, к жаргону. В «Толковом словаре уголовных жаргонов» существительное «небо» означает потолок в камере [12:116]. Данное значение подтверждается и словами «несвобода», «звенела цепочками».

Наше исследование показывает, что в современных поэтических текстах словесный ряд с разговорной лексикой занимает заметное место. В зависимости от коммуникативной задачи автора в художественном произведении можно найти элементы разговорной речи разной протяженности (от слова до синтаксической конструкции), но особенно интересны примеры употребления разговорных элементов, составляющих словесные ряды как слагаемое композиции текста. На материале отмеченных контекстов становятся очевидными слова известного лингвиста В.И. Максимова, который отмечал, что при взаимодействии книжной и разговорной речи в процессе общения происходит «динамичное функционирование русского литературного языка как единой коммуникативной системы» [9: 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбеткова Р.И. Русская словесность: От слова к словесности. 9 кл.: учебное пособие. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2009. 300 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Горшков А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 367 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.]. М. : Рус. яз., 2000. 1084 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. Репр. изд. М: Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 2007. 703 с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
7. Литературная премия «Поэзия». Номинация «Стихотворение года» [Электронный ресурс]. 2021 г. Режим доступа: https://poetryprize.ru/upload/docs/2021_srihotvorenie_3.pdf.
8. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
9. Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование : учебник / под ред. проф. В.И. Максимова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарики, 2007. 653 с.
10. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
11. Ожегов С.И., Словарь русского языка :Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 25-е изд.,испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. 1328 с.
12. Толковый словарь уголовных жаргонов / Ю.П. Дубягин и др.; Под общ. ред. Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова. М.: СП "Интер-ОМНИС": СП "РОМОС", 1991. 206 с.

КРЫМСКАЯ Софья Максимовна (*Владимир, Россия*)

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
sonya.miss-sonya@yandex.ru

Научный руководитель –
ПИМЕНОВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ВлГУ

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АТРИБУТИВНЫХ
НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ
В ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ XVII ВЕКА
(на материале челобитных Владимирского края)**

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования атрибутивных нетерминологических сочетаний в деловых текстах XVII века на примере челобитных Владимирского края. Выделены основные денотаты, на которые указывают данные единицы, выявлены и описаны их основные признаки и свойства.

Региональная деловая письменность XVII века является актуальным объектом исследования. Во-первых, деловая письменность интересна тем, что представляет собой элемент языковой культуры, характеризующийся наличием набора особых лексико-фразеологических средств, обеспечивающих создание специфической, характерной для сферы делопроизводства, терминологической системы. Во-вторых, XVII век – важный период в истории развития и становления русского литературного языка. Именно в это время деловой текст расширяет как свои функции, так и сферу употребления, постепенно складываясь в деловой стиль речи. В-третьих, для нас важны региональные особенности деловых документов в связи с отсутствием их системной обработки, которая может помочь выявить местные отличительные черты деловых документов, что в свою очередь позволит составить более точную и полную картину лексико-семантического разнообразия устойчивых сочетаний в деловой письменности. Ценность такого исследования состоит в том, что

региональные памятники письменности отражают культурную уникальность внеязыковой картины мира конкретного населенного пункта.

Среди жанрового разнообразия деловых памятников XVII века для нас особый интерес представляют челобитные в связи с их многофункциональностью, а также распространенностью среди различных сословий и охватом разнообразных сторон общественной жизни. По своим функциям челобитные являются письменными статусными обращениями-прошениями от низшего по своему социальному статусу должностного лица и просителя к высшему. С. С. Волков говорит об уникальности и обширности лексико-фразеологического состава данного делового акта, подчеркивая разнообразие языковых средств, использующихся в челобитных, среди которых устойчивые лексико-фразеологические элементы, повторяющиеся из акта в акт, а также переменная лексика и фразеология, включающая в себя традиционную книжную лексику, лексику «...территориальных говоров и социальных диалектов эпохи» [2: 17].

Лексикографическое описание устойчивых единиц в челобитных века было рассмотрено в работах многих отечественных ученых, например, таких, как Н.К. Соколова, С.С. Волков, Т.Я. Жарких и других. Однако в связи особой важностью исследования особенностей функционирования таких единиц в местных деловых памятниках, мы обратили внимание, что за исключением отдельных работ Ю.Н. Барышевой и М.Вас. Пименовой комплексного анализа устойчивых атрибутивных сочетаний в деловых текстах в диахронии не существует.

Для челобитных, как и для других разновидностей документов, характерно наличие устойчивых и семантически неделимых атрибутивных сочетаний, которым свойственны воспроизводимость и повторяемость в различных текстах. Такие устойчивые сочетания мы

можем разделить на две группы: терминологические сочетания, которые по своей структуре напоминают элизионные сочетания, выделенные в синхронии М.В. Никитиным и обозначенные им как сочетания, в которых зависимое слово называет не признак денотата, обозначенного главным словом, а другой, относящийся к первому, денотат [4: 190]; а также нетерминологические сочетания, сходные по своим функциям с сочетаниями с фольклорными постоянными эпитетами, указывающими на идеал описываемого денотата [6: 25].

В данной статье мы рассмотрим именно второй тип, так как он в отличие от первого выполняет в тексте делового документа не только идентифицирующую функцию, но и стилистическую и семантическую, что позволяет рассматривать данный тип устойчивых атрибутивных сочетаний как средство эмоционально-экспрессивной выразительности. Нетерминологические атрибутивные сочетания выражают непосредственную оценочную позицию автора вне зависимости от контекста и конкретной ситуации, в которых они употребляются. Кроме того, они указывают на такой постоянный признак денотата, который соответствует представлениям об идеале в картине мира и коммуникатора, и реципиента: такие словосочетания представляют собой обозначения эталонного объекта [7: 23-24].

По своей семантике нетерминологические атрибутивные сочетания в деловых текстах XVII века могут быть разделены на несколько групп. Основанием, по которому мы производили данную классификацию, является объект описания. Среди проанализированных нами челобитных Владимирского края XVII века нам встретились три основных объекта описания:

- 1) светская и духовная власть, а также ее представители;
- 2) адресант-челобитчик;
- 3) религия, религиозные обряды и божественные существа.

Представителей светской и духовной власти чаще всего описывают при помощи эпитетов *преосвященный (Гсдрю првосвщенному Серапиину архиепискпу суздальскому и торускому [5: 173-174]), милостивый (...млстивыи гсдрь преосвщенныи Аврамии митрополит рязанский и муромский пожалуи меня сироту оукажи гсдрь дат похоронную память и тое оумершия жены моеи Евдокьино [5: 212]), милосердный (...млсрдыйи гсдрь црь і великий кнзь Алеѣгыи Михаиловичь всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ [5: 185])*. Данные особенности сочетаемости вышеуказанных прилагательных с обозначением титулов духовных и светских феодалов объясняются высоким положением объекта описания и усилением самодержавия на Руси [2: 44]. По мнению С.С. Волкова, использование «реляционных имен в обращении» объясняется, во-первых, отношениями между адресантом и адресатом, и, во-вторых, особенностями служебно-социальной и сословно-должностной принадлежности обоих [1:55]. Такого рода сочетания, встречающиеся преимущественно в начальном и конечном протоколах челобитных, являются по своей функции этикетными формулами обращения. При помощи созданного языковыми средствами возвышенного образа царя-адресата и сниженного образа челобитчика-адресанта, о котором будет сказано ниже, создается антитеза – экспрессивно-эмоциональное средство языка. Сочетания данной группы выполняют, в первую очередь, этикетную и экспрессивную функции.

Об объекте второй группы уже было сказано выше: образ челобитчика-адресанта в сочетании с прилагательными *бедный (...я бедная сирота в близости дворишько мои того кроужешънои двора і велел евосковат [5: 198-199]) и беспомощный (Црю гсдрю і великому кнзю Федору Алеѣгевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи бьет челом и являет сирота твоя Шоуи посадоу бедная и беспомочъная з детишьками своими [5: 198-199])* в деловых актах предстает

сниженным. Как правило, такие устойчивые атрибутивные сочетания характеризуют челобитчика с точки зрения определенных жизненных обстоятельств. Нетерминологические сочетания, относящиеся к данной группе, «эксплицируют эстетическое основание сублимированной оценки» [6: 76] при описании людей (в нашем случае – адресанта).

Интересно также следующее наблюдение: кроме «ситуативных» эпитетов, описывающих адресанта, нам встретились и этикетные сочетания, сходные с сочетаниями из первой выделенной нами группы. И в противовес *милостивому* и *милосердному государю* в качестве адресата выступает *государев сирота* в качестве адресанта (*Црю гсдрю і великому кнзю Михаилу Федоровичю всеа Роусии бьют челом и являют **сироты твои гсдрвы*** [5: 155]). Такое резкое противопоставление в сочетании с притяжательным местоимением *твой* и именем адресанта в уничижительно-пренебрежительной форме (*... бьют челом **сироты твои гсдрвы** луховские посадцкие люди **Сенка да Замятка Аникеевы дѣти*** [5: 185]) дополнительно подчеркивает его вассальную зависимость от адресата и отсылает нас к самому жанру челобитной, в котором обращение от низшего к высшему оформлялось как униженное прошение. В связи с этим образ челобитчика оказывается намеренно снижен за счет вышеописанных устойчивых этикетных сочетаний, которые могут считаться средством языковой объективации просьбы [3: 14].

Культовые сооружения и божественные существа как объект описания в рассмотренных нами документах чаще всего сопровождалась следующими прилагательными-эпитетами: *божий* (*... вели гсдрь того мужа моего Григоря погрести у **церкви бжию*** [5: 173-174]), *пречистый* (*прикажи дат запасцоу ржи на солод а я **дому прчстые бдцы** и вам гсдрнем работникъ* [5: 177]) и так же, как в первой группе, *милосердый* (*... велите мнѣ дат запасцоу чем вам гсдрнямъ **млрдыи бгъ** известит пожалоите* [5: 177]). Такой выбор

может быть обоснован особенностями описываемой этической категории, отражающей отношение человека к системе ценностей, которая ориентирована на идеальное преобразование мира. Устойчивые сочетания данной группы выполняют в деловых текстах оценочную и эмоциональную функции.

Таким образом, на материале челобитных Владимирского края можно сделать вывод о том, что атрибутивные нетерминологические сочетания в деловых текстах выполняют эмоционально-экспрессивную, оценочную и этикетную функции. Как правило, при помощи таких сочетаний в деловых актах XVII века описываются светская и духовная власть и ее представители, являющиеся адресатами челобитных, адресанты-челобитчики, а также религия как форма общественного сознания, названия религиозных обрядов и божественных существ. Нетерминологические сочетания в лексико-семантическом разнообразии устойчивых сочетаний в деловых текстах XVII века выражают непосредственную оценочную позицию автора и представляют собой обозначение эталона-образца для объектов из описанных тематических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышева Ю.Н. Устойчивые сочетания как средство номинации (на материале памятников письменности Владимирского края) // Вестник МГОУ, 2012. № 5. С. 54–58
2. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. 169 с.
3. Леонова Ю.Ю. Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века: Автореф... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 19 с.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. 168 с.
5. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984. 367 с.
6. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
7. Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.

МЁД София Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)

магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
sophiamed@mail.ru

Научный руководитель –
САДОВА ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета

ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В ОДНОЙ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЕ (*СМЕРТЬ НА ПЯДЕНЬ*)

Аннотация: На примере старой пословицы *Смерть на пядень* рассматривается языковое выражение общекультурной бинарной оппозиции «жизнь – смерть». Предполагается, что глубинная семантика этой паремии отражается не только на лексическом, но и на грамматическом уровне – в нашем случае в застывшей форме «на + вин.п. имени». В статье рассматриваются идеологемы, которые выявляются на уровне семантического анализа пословицы: *смерть всегда рядом, неизбежность смерти, жизнь близка смерти*. Конструкция «на + вин. падеж» отражает пространственно-временной синкретизм древнейших представлений о жизни и смерти.

Категории жизни и смерти являются универсальными в любой лингвокультуре. Вместе эти категории образуют бинарную оппозицию, каждый компонент которой концептуализируется специфически. Семантическая наполненность этих категорий обрастает ценностными смыслами и выражается в разных речевых формах. Пословицы и поговорки как малые фольклорные жанры представляют особый интерес при изучении указанных категорий: содержателен не только каждый их компонент, но и сама форма.

Пословицы и поговорки о жизни и смерти достаточно широко представлены в русском паремиологическом фонде; многие из них функционируют и в современном русском языке. Пословица **Смерть на пядень** не является общеупотребительной и встречается только в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля [3: 249].

Реконструкцию заложенного в пословице смысла важно осуществлять посредством рассмотрения как содержания, так и формы. Первичное толкование пословиц и поговорок является не конечным.

Исконный смысл заложен в форме – она сжатая, непроницаемая и максимально содержательная, поэтому сохраняет заложенную в ней семантику на разных уровнях.

Смерть в русском лингвокультурном сознании персонифицирована, наделена антропологическими характеристиками. Пословица **Смерть на пядень** вмещает в себя представление о близости смерти в пространственно-временном измерении, отражая типичный для славянской лингвокультуры пространственно-временной синкретизм.

В рассматриваемой пословице можно увидеть несколько семантических структур, идеологем, которые являются результатом философского осмысления действительности русским человеком. Наиболее легко реконструируемая идеологема – *'смерть всегда рядом'*. Она реализуется как на уровне содержания, так и на уровне формы. Пространство жизни подразумевает пространство смерти. Это отражается в некоторых пословицах и поговорках, зафиксированных В.И. Далем: «Промеж жизни и смерти» [3: 240]; «Думка за горами, а смерть за плечами» [3: 249]; «Ум за морем, а смерть за воротом» [3: 249]; «Смерть за порогом» [3: 249]; «Бойся бога: смерть у порога» [3: 249]; «Смерть не за горами, а за плечами» [3: 249]; «Смерть на носу» [3: 249]; «На волосок от смерти» [3: 249]; «Рубаха к телу близка, а смерть ближе» [3: 249]; «От жизни до смерти – шаток» [3: 249].

Идея близости смерти в паремиях проявляется – в том числе – в семантических категориях партитивности, уменьшении расстояния, которое фактически подразумевает временной отрезок. И.А. Бодуэн де Куртенэ отметил 4 разновидности математической количественности, каждая из которых отразилась в языке: 1) «размерная, пространственная; 2) времени, длительность протекания некоторого процесса; 3) числовая, относящаяся одинаково как к пространству, так и ко времени; 4) интенсивности, степени» [1: 313]. В нашей пословице отразилась и пространственная, и временная количественность, что

также свидетельствует о единстве времени и пространства в славянской концептуализации и категоризации действительности.

В пословице реализуется еще одна идеологема: '*неизбежность смерти*'. Указанное в паремии небольшое расстояние раскрывает семантику постоянного присутствия смерти рядом с жизнью человека.

Точка отсчета, мера – сам человек. Пядень – это древняя единица измерения, где человек собственной рукой определял длину и расстояние. В пословице неслучайно заключен именно этот вербальный вариант малого расстояния: он указывает не только на близость смерти, но и на то, что человек измеряет ее собой.

В словарях толкование слова *пядень* представлено через эквивалент *пядь* и имеет стилистическую помету – «устаревшее», в то время как *пядь* не имеет подобных помет. Согласно определению МАС, *пядь* – это «старая русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев» [4: 451].

Интересна сама форма слова *пядь* – *пядень*. По точному замечанию И.М. Снегирева, «в пословицах встречаются из разных эпох древние и вышедшие из употребления слова, областные и смешанные формы славянских форм с русскими, церковных с народными, старых с новыми» [5: 206]. В.И. Даль в сборнике «Пословицы русского народа» не указал диалектную принадлежность рассматриваемой пословицы.

Этимология слова *пядь*, определяемая рядом ученых, восходит к праславянскому **рѣti* с помощью суффикса **-дь* и содержит сему 'натягивать, растягивать'. Возможно, внутренняя форма этого слова намекает на «распяливание» пальцев для измерения чего-либо. Остается открытым вопрос о приблизительном времени образования формы *пядень* с суффиксом *-ень*. Приращение в виде суффикса *-ень*, вероятно, появилось позже. Этот суффикс в древнерусском языке является типичным для обозначения измерения: *сажень*, *полень* и т. д.

По аналогии развивалась и лексема *сажень* как еще одна единица измерения длины, означавшая расстояние от пальцев одной руки до другой при расставленных в сторону руках. Однако, в отличие от лексемы *пядь*, лексема *сажень* не имеет в современном русском языке усеченный эквивалент. В ней праславянский корень **seǵь* является исходной морфемой и выявляет себя в глаголе *сягнуть* – 'доставать, хватать'. Обе лексемы номинируют длину, измеряемую частями человеческого тела.

В пословице наблюдается трехгранный тип взаимоотношений, где вербально выражено только два компонента, а третий – подразумевается. Человек определяет себя обоими объектами: одним – непосредственно (жизнью), другим – опосредованно (смертью). Жизни и смерть, как уже отмечалось, – бинарная оппозиция, для которой в целом характерны два разных семантических поля. Однако они, в свою очередь, раскрывают разные компоненты друг друга как на уровне ядра, так и на уровне периферии, как эксплицитно, так и имплицитно.

Еще одной идеологемой, которую можно рассмотреть в пословице **Смерть на пядень**, является '*жизнь близка смерти*'. Предполагаем, что пословица отражает т.н. линейный характер культуры, свойственный язычеству, где жизнь и смерть – неделимы, располагаются на горизонтальной оси, на одной линии. Об этом свидетельствует и другая пословица: *Рубаха на теле – смерть во плоти*. Обе паремии заключают в себе представление о том, что человек, помимо жизни, как будто имеет где-то смерть, которая постоянно рядом. Т.Г. Бочина пишет, что количественный компонент является общим для конкретного значения пословицы и для вторичной семантики морали паремии, «связующим звеном денотативного и сигнификативного планов пословицы» [2: 5]. Это суждение хорошо иллюстрирует двойную семантику измерения длины в пословице **Смерть на пядень**: сама пядень как расстояние между точкой А и точкой В и смысл близости смерти во временном отношении.

Конструкция «на + вин. п.» имеет и временную, и пространственную семантику, которая проявляется в зависимости от контекста. В рассматриваемой пословице эта конструкция имеет эксплицитно выраженную пространственную семантику с имплицитным временным компонентом. Само же слово *пядень* по своему происхождению, по своей лексической потенции предполагает не только собственно количественное, но и некое «качественное» значение. Зная строго количественный эквивалент *пяди* (17 см), невозможно представить эту пословицу с сугубо числовой номинацией: «перевод» слова *пядь* в число нарушит глубинную семантику этой старой поговорки.

Подводя итог, отметим, что не только эта пословица, но и ряд других демонстрирует синкретизм количества и качества в мифологических (языческих) представлениях о самых важных для человека вещах, что отражено и в нашей пословице о жизни и смерти. Важно и то, что партиитивность как сугубо количественная категория имеет множество «качественных» проявлений в фольклорных текстах: выражение целого через часть – важнейшее свойство языческой культуры, что в известной степени отражено и в рассматриваемой пословице. *Пядь* – с одной стороны, вполне конкретная количественная мера, с другой – содержательное измерение жизненного пути, поэтому метонимическое перетекание количества в качество и обратно пословичный текст демонстрирует вполне определенно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 312–316.
2. Бочина Т.Г. Количественная оценка в русской пословице (оппозиция единиц измерения) // Вестник ОГУ. 2003. С. 4-8.
3. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. I. / Вступ. слово М. Шолохова. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П – Р. 702 с.
5. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород, 1996. 624 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

МОСКВИНА Инна Владимировна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
moskvinainna2514@gmail.com

Научный руководитель –
ПИМЕНОВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ВлГУ

К ВОПРОСУ О НАЗВАНИЯХ МИФИЧЕСКИХ И «ЛЕГЕНДАРНЫХ» РАСТЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТРАВНИКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются названия мифических (сказочных) растений. Представлены легенды о траве «с откушенным корнем».

В качестве материала для исследования средневековых травников мы использовали следующие источники: 1) «Травник» Ивана Бирюкова, являющийся, как отмечают исследователи, наиболее цитируемым (258 статей), созданным, по мнению ученых, в XVII веке; 2) «Травник» Любчанина (XVII в.); 3) «Самолечение простого народа по травникам» (1884), в котором описано более 100 растений.

Следует отметить, что помимо реальных растений в данных травниках упоминаются несуществующие в окружающей природе мифические (сказочные) растения. Конкретный денотат в данном случае отсутствует, поэтому, как отмечает М.Вас. Пименова, происходит «разрыв связей между означающим и означаемым» [4: 123]. К таким растениям относится **трава Архалимъ или Хралинъ** (в тексте «Самолечения простого народа по травникам» [5]), **царь Архилин, она же и халим** (в тексте «Травника» Ивана Бирюкова [6]). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, сказано, что трава Архилин – это «сказочная трава, собираемая (как и небывалый цвет папоротника) в ночь на Иванов день, 24 июня, и охраняющая от сглаза, порчи и пр.» [2]. В.И. Даль здесь имеет в виду то, что данное растение

является придуманным, вымышленным, как и белые цветы, которые распускаются 24 июня на папоротнике, но которые никто не видел.

Лекарственная трава **чертогрыз** реально существует: данное наименование указывает на растение *Scabiosa Succisa L.*, однако этот фитоним связан не с какими-либо признаками (как большинство других), а объясняется легендой. Эта легенда приводится, например, в «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова с пометой «(Сл. Ц.)», т. е. она взята из «Словаря церковнославянского и русского языка»: «Название хотя очевидно и переведенное с лат. *Morsus Diaboli*, но имеющее свою легенду, основанную на том, что эта трава имеет переоденный корень. Однажды Бог спорил с чортом. Чорт говорил: “я палец перегрызу у человека”. А Бог сказал: “я создам такую траву, которая может вылечить эту болезнь”. И создал. Чорт подгрыз корень этой травы, а Бог пустил от нея корешки во все стороны; так эта трава корня настоящего не имеет, а живет маленькими корешками”» [1]. А.Б. Ипполитова отмечает, что о вариантах легенды ничего не известно; в литературе нет достоверных сведений о месте, времени легенды; первоисточник давно утерян и до сих пор не выявлен; нет уверенности, что опубликованная легенда связана с растением под названием *чертогрыз*, в тексте легенды о названии растения нет упоминания [3].

Данное растение также упомянуто в инкунабуле «*Gaerde der suntheit*» (1492). Переведенный на русский язык текст выглядит следующим образом: «*Morsus diaboli. Duuels bete.* Лат. *Morsus diaboli.* I. Мастера лекарского дела говорят, что корень этой травы внизу тупой, будто откушенный. II. Мастер Орибазиус говорит, что дьяволу этот корень давал такую большую силу, что Мария Матерь Божья сжалилась и отняла у дьявола силу, так что он ничего больше не мог с ней сделать. И от большой ярости, что у него забрали силу, откусил он корень снизу, так он и растет по сей день» [3].

Кроме того, *чертогрыз* упоминается в травнике Любчанина, составленного, как полагают исследователи, придворным врачом князя Василия III – Никодем Булевым. Текст гласит: «*Что пречистая Богородица, слезнаго ради людскаго же к ней моления, не возможе терпети волхования, иже корением тоя травы бываемаго от волхвов, силу действующую от того корени отняла. И диявол, рняяся тому, корень тое травы откусил. И для того та трава и донныне имеет корень туп. Той же корень силу велику имеет, тако же и трава, а оба едину силу имеют*» [7].

В анонимных травниках конца XVII века схожая легенда связана с наименованием растения **коровей язык**. Согласно этой легенде, корень коровьего языка «отъел» Сатана, а Бог, не желая, чтобы растение погибло, дал траве дополнительные мелкие корни. При этом центральный корень нечистый откусил так ровно, будто обрезал ножом [3].

До сих пор нет точных сведений, какая легенда является более достоверной, а какая нет. В наше время все вышеперечисленные легенды имеют место быть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Н.И. Простонародные названия русских растений. М., 1858.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1955. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://qufo.me/dict/dal#> свободный, язык русский (дата обращения: 17.12.2021).
3. Ипполитова А.Б. Легенда о траве с откушенным корнем в русской рукописной традиции 16-19 вв., 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: https://phytonyms.iiling.spb.ru/static/webpage/articles/2_Ippolitova_Otkushennyj_korenj.pdf свободный, язык русский (дата обращения: 17.12.2021).
4. Пименова М.Вас. К истории названий и описаний растений (на материале «простонародных» травников) // Историческая лексикология и лексикография: Межвузовский сборник. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 118-127.
5. Самолечение простого народа по травникам. Олонецкие губернские ведомости. 1884. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.travolekar.ru/arch/trav_star.pdf свободный, язык русский (дата обращения: 17.12.2021).
6. Травник Ивана Бирюкова. XVII в. РНБ. Ф. VI. 16. 28 л.
7. Травник Любчанина. XVII в. ГИМ. Увар. 2192/ 387 (Царск. 615). 746 л.

МОСКВИЧЁВА Александра Сергеевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
moskvichevaaleksandra@gmail.com

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИКРОТОПОНИМОВ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности микротопонимов Александровского района Владимирской области. Проведенное исследование дает возможность раскрыть основные закономерности формирования микротопонимической системы Александровского района, выявить исторические, культурные и лингвистические особенности микротопонимов исследуемой территории, установить преобладающие структурные признаки.

Изучение географических названий в настоящее время получает большое развитие. Топонимы позволяют узнать что-то новое о языке, истории, быте населения разных районов.

Топонимы могут обозначать как крупные, так и мелкие географические объекты. Названия небольших географических объектов принято называть микротопонимами: «Микротопоним – собственное имя (чаще) природного физико-географического микрообъекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта» [3: 83].

Употребляются микротопонимы ограниченным кругом людей, проживающих на определенной территории. Это приводит к их недолговременному употреблению и быстрому исчезновению из лексикона местного населения, что объясняется сменой поколений и сменой исторического пространства (периодически они исчезают, не успев структурно оформиться и превратиться в настоящее имя). Подобные процессы не являются спонтанными, они приводят к

возникновению, формированию и функционированию микротопонимической системы. Особым признаком такой системы является семантическая корреляция. Е.Л. Березович считает, что семантическая корреляция в топонимии – это «комплекс топонимов, в котором реальной пространственной соотнесенности объектов соответствует семантическая связь элементов комплекса» [1: 56]. Семантические основания парадигматических связей в классификации топонимов позволяют выделить следующие типы системных отношений: 1) синонимические; 2) антонимические; 3) омонимические; 4) мотивационные.

На примере двух крупных городов Александровского района Владимирской области – Александров и Карабаново – были рассмотрены особенности микротопонимической системы данной территории.

В городе Карабаново было собрано 42 языковые единицы, а в городе Александрове – 18. Небольшое количество микротопонимов не помешало детальному анализу, так как собранный материал достаточно отчетливо отражает основные особенности микротопонимической системы Александровского района Владимирской области. Основная часть микротопонимов появилась относительно недавно и активно используется населением.

При анализе микротопонимического материала особое внимание было уделено определению структурных особенностей названий. В структурно-грамматическом отношении микротопонимы в основном делятся на три группы:

1) простые (односоставные) – топонимы, которые в процессе разных преобразований сохранили свою простую односоставную структуру;

2) сложные – топонимы, которые формируются с помощью сложения двух элементов в одно слово;

3) составные – топонимы, которые представляют собой словосочетания, являясь при этом единой микротопонимической единицей.

Образование микротопонимических единиц может осуществляться как морфологическим, так и неморфологическим способом. К морфологическим способам образования простых микротопонимов относят аффиксальный, безаффиксный, а также усечение. Аффиксальный способ образования заключается в присоединении аффиксальных морфем к корню или производной основе, в результате чего образуется одно слово. Суффиксальный способ образования является самым распространенным и заключается в соединении форманта, основным компонентом которого является суффикс, с корнем или производной словообразовательной основой.

Наиболее распространенными и употребляемыми микротопонимами Александровского района являются простые и составные, сложные микротопонимы практически не используются.

Простые микротопонимы Александровского района в основном представляют собой названия, которые появились в процессе фиксации существовавших когда-либо различных объектов или относящихся к ним мест, напр.: *Геологи, Галантерея, Комбинат, Маяк, Юбилейный* и т. д.

Среди морфологических способов образования в ходе анализа микротопонимов был выявлен суффиксальный способ. В микротопонимической системе Александровского района в образовании микротопонимов участвуют следующие суффиксы: **-ух-** (*Мируха*); **-ок-** (*Бугорок*); **-их-** (*Попиха*); **-арь-** (*Технарь*); **-к-** (*Чугунка*); **-овн-** (*Садовня*); **-инк-** (*Калинка*); **-ик-** (*Пуфики*).

Стоит отметить, что суффиксация зачастую сопровождается усечением основы, например: *Попиха – Попова, Технарь – Техникум, Чугунка – Чугунный*.

Сложные микротопонимы жителями Александровского района практически не употребляются (например: *Молокозавод*).

Вторая наиболее употребляемая группа микротопонимов – это составные микротопонимы. Данная категория является по численности равной простым микротопонимам. Самыми распространенными способами составного образования наименований являются следующие:

1) сочетание нарицательного имени существительного и имени прилагательного (*Белая палатка, Красный мост, Ленивая гора, Лодочная станция, Ногинский магазин, Ногинский поселок, Пенсионерский лес, Поганая лохань, Резаный пруд, Церковная гора, Братская гора, Ментовский скверик, Митрофановский угол, Попова гора, Пьяный дом, Стрелецкий мост, Цыганская слободка*);

2) сочетание существительного с существительным (*Мемориал звезда, Мост поцелуев*);

3) онимизация (т. е. переход нарицательных слов в класс имен собственных) имен числительных (*Двадцать седьмой, Сто двадцать шестой километр*).

Проведенный анализ микротопонимической системы Александровского района Владимирской области дает основания утверждать, что морфологический способ (а именно суффиксальное образование наименований) и неморфологический способ (составные наименования) являются самыми распространенными способами возникновения микротопонимов исследуемого географического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М., 2007.
2. Ковалева Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 133–136.
3. Подольская Н.В. Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики / Под ред. Никонова В.А. и Трубачева О.Н. М., 1964. 152 с.

НАРМУРАТОВ Зайниддин Раджабович (Термез, Узбекистан)

старший преподаватель
Термезский государственный университет
Zayniddin.terasu@mail.ru

Научный руководитель –
БАКИРОВ ПОЁН УРАЛОВИЧ,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета русского и родственных языков
Термезского государственного университета

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛОВИЦ С КОНЦЕПТОМ ОБРАЗОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье описаны лингвокультурологические особенности пословиц с концептами *образование* в лексическом фонде английского и узбекского языков. Они четко проанализированы на примерах.

Понятия образования и науки выражаются на разных языках на основе лексемы этого языка. Это свидетельствует о том, что английский и узбекский языки принадлежат к разным языковым семьям, так как существуют различия в структуре, грамматике и лексикологии языка.

Пословица *The roots of education are bitter, but the fruit is sweet* означает "корни учения горькие, а плоды сладкие". В узбекском языке она выражается через пословицу *Илмнинг аввали аччиқ, сўнги – тотлих* [2: 8]. В английском языке лексема образования представляет собой не только понятие образования, но и понятие науки. *The roots of education are bitter, but the fruit is sweet*. В этом контексте английская лексема *bitter* относится не к понятию вкуса в узбекском языке, а к сложности усвоения знаний. Хотя слова *образование* и *наука* - это слова, которые выполняют одну и ту же функцию для людей в обоих языках, они имеют определенные функции использования.

Английская пословица - *Education is a gift that none can take away* означает: *Образование* это дар, который нельзя отобрать. Эта пословица имеет следующий эквивалент в узбекском языке: *Илмни ўғри ҳам ўғирлай олмас, илмни ажал ҳам олиб кетолмас* [2: 8].

Слово *education* в английской пословице объясняется словом *образование* в узбекском языке. В узбекском языке слово наука является эквивалентом этому слову. Здесь люди используют уникальный и подходящий термин. Поэтому в узбекской версии пословицы слово «образование» не использовалось. Слово *gift* в английской пословице можно интерпретировать по-узбекски словом *инъом*. Однако слово *gift* целесообразно употреблять в художественном отношении: в узбекской народной пословице слова *совға* не существует, но используются слова *ўғри* и *ажал*.

В узбекской лингвокультурологии слова *ўғри* и *ажал* использовались как угнетающие и пугающие лексемы. Испокон веков узбекский народ предпочитал науку выше чем богатство и государство. Обе эти народные пословицы выражают мысль о том, что наука не может быть отобрана другими людьми, и подчеркивают, что она вечна для человека.

Английская пословица *Education begins agentleman, conversation completes him* означает "Совершенство начинается с воспитания, а беседа приводит все в порядок" Что касается приведенной выше английской народной пословицы она соответствует по смыслу и содержанию узбекской пословице *Йигит ориф бўлса, аслини сўрама* [2: 10].

Слово *education* в английской пословице выражается словом *таълим* на узбекском языке. В узбекском языке по отношению к этому слову мы можем процитировать слово *ориф*. В этих пословицах люди используют термин, который им подходит. Поэтому в узбекской версии пословицы слово *образование* не использовалось. Это означает, что лексемы, которые существуют в жизни нации и активно используются в повседневной жизни, создают свой образ в языке и вовлекаются в пословицы для отражения национального менталитета народов.

Если проанализировать смысл пословиц, говорится, что в языковой культуре англичан, как в языковой культуре узбекского языка, ребенок должен получать знание и образование. Однако, хотя значение пословицы, выраженной на этих двух языках, одинаково, некоторые из используемых в них слов являются лишь лексемами этого языка и представляют уникальные обычаи обоих народов.

Английская пословица *Education is the best friend* означает образование - лучший друг. Эта пословица является эквивалентом пословице на узбекском языке *Kitobdan yaxshi dўst йўқ* [2: 13]. Однако узбекская народная пословица не вошла в лексику образования. В узбекском языке слово *книга* используется как эквивалент этого слова. Эта английская народная пословица *Education is the best friend*. В английской лингвистике англичане считаются знанием ближайшим другом человека к власти, величию, богатству.

Эта узбекская народная пословица использует книжную лексему в узбекской лингвокультуре, у которой нет лучшего друга, чем книга, потому что узбекский народ всегда ценил книгу и считал ее лучшим другом. Поэтому книга признана узбекским народом уникальным духовным достоянием человечества.

Мы можем увидеть приведенное выше утверждение в этом предложении: «Величайшее чудо, созданное руками человека, - это книга. Оно также сыграло важную роль в появлении универсальных открытий и изобретений, сделавших человеческую жизнь проще или труднее.

Испокон веков книга ценится у узбекского народа. «Он считает: Испокон веков книга ценится у узбекского народа. Он считает: Величайшее чудо, созданное руками человека - это книга. Он также сыграл важную роль в появлении универсальных открытий и изобретений, сделавших человеческую жизнь проще.

Чтение – одна из древних ценностей нашего народа. Другими словами, желание читать течет в семидесяти двух жилах нашего народа. Мы всегда дорожили книгой, как зеницу ока, и мы несли в своих головах интеллектуалов, распространяющих свет просвещения.

Признанный уникальным духовным достоянием человечества Урхунско-энасайские надписи, каменные скрижали, найденные в пещерах в разных частях страны, великолепные росписи на стенах древнего Афросиаба свидетельствуют о том, что наш народ всегда высоко держал факел науки. Неслучайно Самарканд, одна из колыбелей цивилизации, был одним из первых городов мира, открывших для себя бумагу» [5].

Английская пословица "An educated person is respected everywhere" [1: 240] означает "Образованного человека везде уважают". Слово «образование» по-узбекски эквивалентно пословице *Илмли одам – иликли суяк* [3: 156]. В узбекском языке слово наука эквивалентно этому слову. В этом случае люди используют уникальный термин. Поэтому в узбекской версии пословицы слово «образование» не использовалось. Фразу *educated person* в английской пословице можно интерпретировать на узбекском языке фразой *человек знания*. Повсюду уважают образованного человека, подчеркивает, что образованного человека везде ценят.

Образование - это пропуск в будущее, потому что завтрашний день принадлежит тем, кто к нему готовится. В основе пословицы лежит призыв к знаниям, к тому, чтобы учиться и уважать повсюду. Это даже было похоже на костный мозг.

В книге Ш. Таджибаевой и Р. Эгамбердиев «Мудрость науки» нет ничего дороже науки. Как короли правят людьми, так и ученые правят королями».

В заключение следует отметить, что пословицы в обоих проанализированных выше языках выражаются через активные лексемы

этих языков, основанные на менталитете и культуре этих народов, и их лингвокультурные особенности были учтены при объяснении значений слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. A Dictionary of American Proverbs Wolfgang Mieder first published. – Oxford University Press, 1992. 710 p.

2. Нормуратов З.Р. Қисқача икки тилли илм-маърифат паремиологик луғат. Тошкент: ADAST POLIGRAF, 2020. 85 б.

3. Ўзбек халқ мақоллари Тузувчилар: Т. Мирзаев, А. Мусоқулов, Б. Саримсоқов. Тошкент: «Шарқ», 2005. 253 б.

4. Илм ҳикмати (Илм ҳақидаги ҳадис, мақол ва ҳикматли сўзлар тўплами) Тузувчилар: Ш. Тожибоев, Р. Эгамбердиев – Тошкент: Наврўз нашриёти, 2018. 76 б.

5. <https://old.xs.uz/index.php/homepage/madaniyat/item/10596-kitobdan-yakhshirod-st-j>.

НОВИКОВА Екатерина Викторовна (Владимир, Россия)

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
chizhikowa.catya@yandex.ru

Научный руководитель –
ПИМЕНОВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ВлГУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.А. АХМАТОВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование минералогической лексики в поэтических текстах А.А. Ахматовой, выявляются частотные значения этих единиц, развитие переносного значения, образное и символическое употребление.

Минералогическая лексика в лингвистике изучается широко и интенсивно в наше время. Среди рассматриваемых аспектов важен и аспект функционирования минералогической лексики в поэтическом тексте. Лингвисты обращали внимание на анализ одного минералогического наименования в различных художественных текстах (так, в 2021 году опубликована статья Т.В. Романовой и В.В. Чистяковой «Оценочное употребление лексем *янтарь*, *янтарный* в русской поэзии начала XX века» [5]) или комплексный анализ минералогической лексики в творчестве одного писателя (например, диссертация С.В. Таран «Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина» [6]).

Функциональная роль минералогической лексики в поэтических текстах А.А. Ахматовой также представляется интересной для изучения, поскольку в ее лирике широко представлен мотив *камня*. Известно, что мотив *камня* был чрезвычайно важен для символистов, поскольку ознаменовал высокие движения души, однако в поэзии акмеистов (именно к этому течению относят творчество Ахматовой) *камень* приобретает иное значение – *камень* ценен сам по себе, как сущность неизменная, твердая, вечная.

Проанализируем, при помощи каких минералогических лексем выражен мотив *камня*. В первую очередь, это сами лексемы *камень* и *каменный*.

В словаре С.И. Ожегова выделяются следующие значения лексемы *камень*:

1. Твердая горная порода кусками или сплошной массой, а также кусок, обломок такой породы. Бросаться камнями. На сердце к. (перен.: о тяжелом душевном состоянии). К. с души свалился (перен.: наступило душевное облегчение). Бросать камнем в кого-н. (также перен.: безоговорочно осуждать, обвинять кого-н.; неодобр.). К. за пазухой держать (перен.: таить злобу против кого-н.; разг.). Камня на камне не оставить от чего-н. (перен.: разрушить до основания).

2. В сочетаниях: драгоценный ~, полудрагоценный ~ красиво окрашенный или бесцветный прозрачный минерал, используемый для ювелирных украшений; поделочный ~ красиво окрашенный минерал или горная порода, используемые для изготовления украшений, предметов искусства.

3. Чаще мн. ч. Плотное образование из солей и органических соединений во внутренних органах, протоках. Камни в печени. Камни в почках [4].

Интересными для нашего исследования представляются первое и второе значения.

В творчестве Ахматовой лексемы *камень* и *каменный* практически не встречаются в прямом значении. Напротив, большинство анализируемых лексем употреблено в переносном значении, то есть возникшем на основе сходства по форме, цвету, весу и т. д. В стихотворении «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» («*Ему обещала, что плакать не буду. Но **каменным** сделалось сердце мое...*» [1]) лексема *каменный* употреблена в переносном значении, а в основе переноса лежит сходство свойств *камня* ('тяжелый', 'холодный',

‘твердый’, ‘жесткий’), а само словосочетание **«каменное сердце»** напоминает **«камень на сердце»** (‘о тяжелом душевном состоянии’).

Анализ синтагматических связей показал, что зачастую А.А. Ахматова использует слова *камень* и *каменный* в сочетании с погребальной атрибутикой: **«унылы у моря груды камней»** (в стихотворении «Похороны» **«груды камней»** – это могилы); **«пусть камнем надгробным ляжет на жизни моей любовь»** [1]. В первом случае мы говорим о метонимии – замене слов по смежности (**«груды камней»** = ‘могилы’), в возникновении которой прослеживаются ассоциативные механизмы, основанные на смежности материала и предмета из него.

В стихотворении «Уединение» (**«Так много камней брошено в меня, что ни один из них уже не страшен»** [1]) реализуется символическое значение ‘безоговорочно осуждать, обвинять кого-нибудь’, имеющее древнее происхождение. В Новом Завете, в Евангелии от Иоанна (гл. 8, ст. 7), приведены слова, которые Иисус сказал книжникам и фарисеям, когда последние, искушая его, привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии, и потребовали ее наказания. Для такого рода преступлений в древней Иудее существовала казнь – побивать камнями. На это Иисус ответил: **«...кто из вас без греха, первый брось в нее камень»** [3]. И никто не смог сделать это.

В своем стихотворении «Песенка» Ахматова придает камню значение несостоявшейся помощи. Эта тема прозвучала у Лермонтова в стихотворении «Нищий»: **«...И кто-то камень положил в его протянутую руку»** [2]. «Песенка» Ахматовой – буквально парафраз строки М.Ю. Лермонтова: **«Будет камень вместо хлеба мне наградой злой»** [1].

Однако не всегда лексема *камень* носит в лирике А.А. Ахматовой негативный характер. В стихотворении «Как белый камень в глубине

колодца...» в связи с мотивом *камня* возникают ассоциации покоя. Причина такой ассоциации кроется в прилагательном, сочетающемся с анализируемой лексемой, – *белый*. Белый цвет символизирует в русской культуре чистоту, покой, легкость, радость, духовность, ясность. К цвету добавляется такое свойство камня как ‘прочность, надежность, основательность’, и в итоге словосочетание *белый камень* означает ‘духовную чистоту, основательность’.

Перейдем к анализу лексем, относящихся к минералогическому пласту лексики. Сюда отнесем лексемы *алмаз, мрамор, гранит, изумруд, яшма, перламутр, янтарь* и производные от них.

Алмаз – ‘прозрачный драгоценный камень, блеском и твердостью превосходящий все другие минералы’ [4]. В стихотворении «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума» поэтесса употребляет метафору «*месяц алмазной фелукой ... выплыл*» [1], основанную на сходстве месяца по форме с маленьким, узким и длинным судном, а прилагательное *алмазный* характеризует месяц по цветовому и световому признаку – его яркому блеску. Аналогично употребляется лексема *алмазный* и в стихотворении «Годовщину последнюю празднуй», в словосочетании *алмазная зима*: зима *алмазная* из-за яркого блеска снега. Сюда же отнесем метафору *звезд иглистые алмазы* из стихотворения «Древний город словно вымер».

Мрамор – ‘твердый и блестящий, обычно с красивым узором камень известковой породы, употр. преимущ. для скульптурных и архитектурных работ’ [4]. Очевидно, что «*мраморный двойник*» из стихотворения «В царском селе» – это статуя, скульптура, сделанная из *мрамора*.

Гранит – ‘твердая горная зернистая порода, состоящая в основном из кварца, полевого шпата и слюды’ [4]. «*Гранитный город*» Ахматовой – это Петербург, знаменитый своими гранитными набережными. Здесь реализуется не столько словарное значение слова,

сколько культурологическое. В другом стихотворении («О, жизнь без завтрашнего дня...») лирическая героиня утверждает, что если встретится с возлюбленным глазами, то «в огне расплавится **гранит**» [1]. В этой метафоре важна твердость как свойство указанной горной породы.

Изумруд – ‘прозрачный драгоценный камень густого зеленого цвета’ [4]. В стихотворении «Подвал памяти» Ахматова использует метафору «**сверкнули два живые изумруда**», основанную на сходстве цвета глаз кота и цвета *изумруда* – зеленого. Цвет *изумруда* берется как важнейший признак для сравнения и в других стихотворениях: «**изумрудною стала вода замутненных каналов**» (=‘позеленела’); «в **изумрудном дерне**» (=‘в зеленом’) [1].

Яшма – ‘непрозрачный поделочный камень с пестрой окраской’ + *перламутр* – ‘твердый внутренний слой раковин некоторых моллюсков, ценное вещество с переливчатой радужной окраской’ [4]. Описывая закат, Ахматова создает яркий свето- и цветообраз при помощи лексем *яшма* и *перламутр*: «**И все перламутром и яшмой горит, но света источник таинственно скрыт**» [1].

Янтарь – ‘окаменевшая живица древнейших хвойных деревьев (обычно прозрачная, цвета от бледно-воскового до темно-красного), обрабатываемая для украшений, а также используемая в медицине, приборостроении и других производствах’ [4]. Значимыми компонентами лексического значения минералогических лексем являются эмоционально-оценочные контекстуальные значения. Так, в стихотворении «Он длится без конца – *янтарный*, тяжкий день!» контекстуальное значение формируется благодаря наложению двух синтагм: *янтарный день*, *тяжкий день*. У прилагательного *янтарный* развивается значение ‘тягучий, тяжкий, невыносимый’. Это значение лексической единицы поддерживает сема ‘цвет’ – ‘оттенок желтого’, ‘цвет болезни’.

Проанализировав материал сборников «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini», «Тростник», «Бег времени», мы приходим к выводу, что наиболее часто встречающиеся минералогические лексемы в творчестве А.А. Ахматовой – это *камень*, *алмаз*, *гранит*, *изумруд*. Лексемы *камень* и *каменный* чаще всего употребляются автором в переносном значении, то есть возникшем на основе сходства по форме, цвету, весу и т. д. При этом использование лексем, обозначающих драгоценные камни (*алмаз* и *изумруд*), основано на дифференциальных признаках цвета, сияния, красоты формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Ахматова ; сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. 638 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4 томах, Изд. Академии наук СССР. М.-Л., 1961-1962.
3. Новый Завет : современный русский перевод / перевод епископа Кассиана. М.: Российское Библийское общество, 2017. 509 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс, 2009. 1359 с.
5. Романова Т.В., Чистякова В.В. Оценочное употребление лексем *янтарь*, *янтарный* в русской поэзии начала XX века // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции (Владимир, 28–30 сентября 2021 года), посвященной 120-летию проф. Н.Н. Прокоповича. Владимир: ВлГУ, ООО Издательство «Транзит-ИКС», 2021. С. 271-276
6. Таран С.В. Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Калининград, 2005. 200 с.

СИДОРОВА Арина Евгеньевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
arina.sidorova050303@yandex.ru

СИДОРОВА Софья Алексеевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
sonya20020828@gmail.com

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

МЕТОДИКА СБОРА И АНАЛИЗА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье описаны теоретические основы создания топонимического словаря Владимирской области, рассматриваются методы работы с материалом при составлении словарной статьи, приводится проект словарный статей по нескольким топонимам Александровского и Собинского районов Владимирской области.

Семантическое своеобразие топонимической лексики любого региона реализуется в воспроизведении знаний о человеке и освоении им окружающей действительности. Данные сведения могут быть в достаточной степени отражены в топонимическом словаре, в связи с чем создание подобных лексикографических справочников остается актуальной задачей современной лингвистической науки.

Как известно, топонимика – это «раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени» [11: 565].

Топонимика представляет собой междисциплинарную сферу научных исследований. Э.М. Мурзаев писал: «Топонимика представляет глубочайший интерес для ряда наук, в первую очередь для истории,

географии и лингвистики, которые еще далеко не использовали все, что можно получить уже сегодня, не говоря о перспективе, когда степень изученности географических названий обязательно и неизмеримо возрастает» [7: 4]. Данный факт обуславливает и специфику методики проведения топонимических исследований, которая предполагает комплексное изучение географических названий.

Будучи разделом ономастики, т. е. раздела науки о языке, изучающего имена собственные, топонимика рассматривает географические названия как определенный пласт лексики, который не может существовать вне языка, в связи с чем он подчиняется общим языковым законам. Так, этимологические исследования топонимов должны опираться на всю сумму накопленных лингвистических данных и достижений [8].

Изучение топонимии представляет собой сложный и многогранный процесс. В последние десятилетия наметились различные подходы к исследованию географических названий. Особого внимания при этом заслуживают интердисциплинарные аспекты изучения топонимии.

Многие исследователи последних десятилетий придерживаются **лингвокультурологического подхода** к анализу географических названий. Данный подход развивает в своих работах известный отечественный ономаст М.В. Горбаневский, который утверждает, что «любой топоним – это компонент реальной системы географических названий, обладающих общей языковой историей и, в то же время, отдельной историко-культурной биографией» [2: 22].

Стоит обратить внимание на **этнолингвистический подход**, суть которого заключается в том, что в топонимии отражается духовная жизнь проживающего на определенной территории народа. Отражения русской ментальности в географических названиях рассматривается в работах С.А. Попова [10], М.Э. Рут [12] и др.

Богатый языковой материал для создания топонимического словаря был собран на кафедре русского языка Владимирского государственного педагогического университета. В рамках работы спецсеминара «Проблемы владимирской ономастики» ономасту В.В. Носковой вместе со студентами удалось собрать достаточно большой фактический материал по топонимике региона. В.В. Носкова выступала с докладами и публиковала статьи, посвященные необходимости создания топонимического словаря Владимирской области [9]. В настоящее время работа продолжается усилиями учеников и последователей В.В. Носковой.

В процессе работы над топонимическим словарем необходимо выработать определенную методику создания словарных статей. Такая методика работы с материалом не только предоставит будущим читателям словаря факты о конкретном географическом объекте и его названии, но и даст возможность зафиксировать отражаемую в топонимах связь между ментальностью и языком. Кроме того, создание четкой структуры словарной статьи позволит привлечь к работе над конкретным топонимическим словарем большее количество людей и сделать такую работу более оперативной.

Цель настоящей статьи – описать методику сбора топонимического материала, необходимого для создания топонимического словаря, а также представить проект словарных статей на материале Александровского и Собинского районов Владимирской области.

В.А. Никонов справедливо указывал на специфику топонимического словаря: «Топонимический словарь в отличие от географического занимается названиями, а не объектами, которые этими названиями обозначены» [8: 3]. В статье «Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики» Д.Ю. Ильин и Е.Г. Сидорова, опираясь на сформулированные Л. П. Крысиным в статье «О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка»

принципы словарного описания лексики, предпринимают попытку дать ответы на вопросы, возникающие при составлении топонимического словаря какой-либо области [5]. В таком словаре описывается топонимическая лексика, которая употребительна в коммуникативных условиях письменной речи носителей русского литературного языка. Источниками материала при этом «служат данные географических карт, сведения из ономастических и топонимических словарей, публикации областных газет» [4: 9].

Данные теоретические сведения могут стать основой для создания топонимического словаря Владимирской области. В процессе работы над ним необходимо систематизировать информацию о каждом топониме, т. е. представить ее в виде словарной статьи, которая будет отражать основные характеристики топонимов: с лингвистической точки зрения (фонетические, грамматические особенности, производные формы анализируемой лексемы и варианты ее написания), с точки зрения географии (тип географического объекта, его местоположение, административная привязка), с точки зрения истории (историческая справка об объекте). Обязательно должно быть отражено происхождение топонима (этимология названия).

В нашей работе мы ориентируемся на план словарной статьи, который был предложен Е.А. Лукьяновой [6: 136] на основе анализа и переработки публикаций М.В. Горбаневского и рекомендаций В.В. Носковой. В данный план включены несколько зон, соответствующих определенным аспектам описания топонима:

1. Название, грамматическая характеристика (варианты названия, название жителей данного населенного пункта и относительное прилагательное). Информация о прежних названиях.

2. Географическая справка (сведения об объекте, его координации на местности, возможно, с некоторой краткой характеристикой).

3. Историческая справка (информация об истории географического объекта).

4. Этимология названия (сведения о происхождении названия, его этимология, анализ принципа и способа номинации). Информация о народной этимологии.

5. Источники.

Работа над пунктами 1-3 должна вестись с учетом сведений географических справочников, архивных данных, публикаций краеведов.

Особенно сложной представляется разработка 4-го пункта словарной статьи. Предварительная работа по выяснению этимологии географического названий может строиться на основе последовательного выполнения следующих шагов:

1. Необходимо проверить, не образовано ли название от личного имени человека. Основой названия могли быть календарные (крестильные) имена (данный факт можно проверить по любому современному справочнику имен), а также некалендарные (докрестильные, дохристианские) имена, в работе с которыми может помочь «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова [14].

2. Следует проверить, не образовано ли слово от устаревшего слова. На данном этапе следует обращаться к словарям устаревшей лексики.

3. Нужно уточнить, не образовано ли название от диалектного слова. В данном случае помочь может «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [3], «Словарь русских народных говоров» [13].

4. Названий, которые образованы от фамилии человека, не так уж и много, поскольку подобные топонимы могли образовываться только от фамилии помещика, так как крестьяне долгое время фамилий не имели. При этом обязательно нужно уточнить наличие соответствующей

фамилии в Алфавитном списке дворянских родов Владимирской губернии [1].

5. Названия с неясной этимологией можно попробовать проверить на возможность происхождения из языка финно-угорских племен. Источников для анализа при этом немного, поскольку авторитетные словари языка финно-угорских племен публикуются нечасто.

Далее в настоящей работе будут представлены проекты словарных статей, которые были разработаны на основе описанного плана и методики.

ЖЕЛНИНО

1. Желнино; в Желнино, из Желнино; желнинский

2. Деревня в Александровском муниципальном районе Владимирской области России, входит в состав Краснопламенского сельского поселения. Деревня расположена в 10 км на север от центра поселения поселка Красное Пламя и в 36 км на северо-запад от города Александра.

3. В конце XIX – начале XX века деревня входила в состав Вишняковской волости Переславского уезда, с 1926 года в составе Тирибровской волости Александровского уезда. С 1929 года деревня входила в состав Мироедовского сельсовета Александровского района, с 1941 года – в составе Дуденевского сельсовета Струнинского района, с 1965 года – в составе Александровского района, с 1971 года – в составе Обашевского сельсовета, с 2005 года – в составе Краснопламенского сельского поселения².

4. Возможно, произошло от диалектного слова «желна» – дятел, птица из рода дятлов¹.

5. Источники:

1. *Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1972. Вып. 9. С. 108.*

2. *Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. По сведениям 1859 года / Обработано ст. ред. М. Раевским. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПб., 1863.*

3. *Список населенных мест Владимирской губернии. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. Владимир, 1907.*

ГЛУХО́ВО

1. Глухово; в Глухове, из Глухова; глуховский.

2. Село в Собинском районе Владимирской области России, входит в состав Куриловского сельского поселения, расположено на берегу реки Ворша (приток Клязьмы) в 12 км на северо-запад от центра поселения деревни Курилово и в 22 км на северо-запад от райцентра города Собинка.

3. Близ села располагается древний погост с церковью. В письменных старинных документах погост Санницы в первый раз упоминается в жалованной грамоте царя Иоанна Васильевича 1504 года митрополиту Симону, где Санницы показаны митрополичьим имением. В конце XIX – начале XX века деревня Глухово и погост Санницы входили в состав Кочуковской волости Владимирского уезда. С 1929 года село являлось центром Глуховского сельсовета Ставровского района, позднее вплоть до 2005 года входило в состав Куриловского сельсовета Собинского района.

4. Название могло произойти от слова «глухарь» (по местной легенде). Вероятнее произошло от одного из мужских некрестильных имен – Глухой, Глухан, Глух⁶.

5. Источники:

1. *Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года.*

2. *Владимирский округ Ивановской промышленной области и его районы: (с 11 картами районов и 1 окружной). Владимир: Изд. Орг. комис. Владокруга, 1929.*

3. *Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. По сведениям 1859 года / Обработано ст. ред. М. Раевским. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПб., 1863. 283 с.*

4. *Список населенных мест Владимирской губернии 1905 года.*

5. *Список населенных мест Владимирской губернии. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. Владимир, 1907.*

6. *Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. С.106.*

КОЛОКША (Колокшанское сельское поселение)

1. Колокша; в Колокше, из Колокши; Колокша / Княжево (редко); колокшанский.

2. Деревня в Собинском районе Владимирской области России, входит в состав Колокшанского сельского поселения, расположена на берегу реки Колокша в 3 км на северо-запад от центра поселения поселка Колокша, в 15 км на северо-восток от райцентра города Собинка, близ автодороги М-7 «Волга».

3. В середине XIX века существовало две деревни: одна – Колокша старая (Княжево) располагалась на старом тракте из Владимира в Москву, другая – Колокша новая находилась на новом Московско-Нижегородском шоссе. К началу XX века обе деревни слились в одну в составе Воршинской волости Владимирского уезда, с 1926 года – в Ставровской волости. В 1859 году в деревне Колокша старая (Княжево) числилось 25 дворов и 167 жит., в Колокше новой – 54 двора и 235 жит., в 1905 году – 73 дворов, в 1926 году – 80 хозяйств, с/х кооператив и начальная школа. С 1929 года деревня являлась центром Колокшанского

сельсовета Владимирского района, с 1945 года – в Собинском районе, с 1965 года – в составе Колокшанского сельсовета Собинского района.

4. Название произошло от гидронима *Колокша*. Гидроним мог произойти от диалектного слова «колокуша» – растение, шиповник войлочный. Возможно происхождение от слова «коло» – круг, окружность, обод, обруч⁶. Некоторые ученые видят в названии реки Колокши соответствующий гидронимам элемент «ша» и элемент «коло», который соотносят его с именем одного из богов древних славян (божество солнца).

5. Источники:

1. *Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года.*

2. *Владимирский округ Ивановской промышленной области и его районы: (с 11 картами районов и 1 окружной). - Владимир: Изд. Орг. комис. Владокруга, 1929.*

3. *Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. По сведениям 1859 года / Обработано ст. ред. М. Раевским. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПб., 1863. 283 с.*

4. *Список населенных мест Владимирской губернии 1905 года*

5. *Список населенных мест Владимирской губернии. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. Владимир, 1907.*

6. *Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978.*

Работа над проектами словарных статей для топонимического словаря Владимирской области показала, что географические названия региона могут образованы от крестильных и некрестильных имен, от диалектных слов со значением флоры и фауны, от слов со значением характеристики рельефа местности. Дискуссионным остается вопрос об

отражении в словаре так называемой народной этимологии. Так, существует местная легенда, согласно которой Глухово названо так, потому что в нем ранее обитало много глухарей. Данная гипотеза определенно является примером народной этимологии. В дальнейшей работе над топонимическим словарем Владимирской области подобные спорные факты должны быть по мере возможности уточнены.

Материал, собираемый и систематизируемый в настоящее время студентами и преподавателями кафедры русского языка ВлГУ, позволяет сделать вывод, что топонимы тесно связаны с общественной жизнью. В этой связи продолжение работы над созданием топонимического словаря, безусловно, необходимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирская ученая архивная комиссия. Труды: Кн. 8: [Материалы]. Прил. 4: Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии : с указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимирского дворянского депутатского собрания / сост. М.И. Трегубов; под ред. и с предисл. А.В. Селиванова. 1905. 256 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/45010>.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 1994. 39 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978.
4. Ильин Д.Ю., Сидорова Е. Г. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 7-16.
5. Крысин Л.П. О словарном представлении лексики неcodифицированных подсистем языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 1. С. 28-43.
6. Лукьянова Е.А. Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты: дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2012. 214 с.
7. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., Мысль, 1974. 382 с.
8. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
9. Носкова В.В. К вопросу о типах ономастических словарей // Воронинские чтения. Владимир, 1995. С. 121-134.
10. Попов С.А. Отражение русской ментальности в географических названиях // Русский язык, культура, история: Сб. мат-лов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. М., 1997. Ч. 1. С. 206-207.
11. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
12. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 188 с.
13. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1965-... . URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng>.
14. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 857 с.

СИДОРОВА Надежда Дмитриевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
sidorovanadezda209@gmail.com

Научный руководитель –
ПИМЕНОВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ВлГУ

**СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКУЮ ГРУППУ *СИНИЙ*
(на материале «Травника» Ивана Бирюкова
и «Действующего травника из Южной Сибири»)**

Аннотация. Статья посвящена изучению семантики цветообозначений, входящих в лексико-семантическую группу *синий*. Исследование проводилось на материале «Травника» Ивана Бирюкова и «Действующего травника из Южной Сибири». В данной работе будут рассмотрены особенности функционирования таких прилагательных, как *синий*, *голубой*, *васильковый* и *лазоревый*.

Цвет с античных времен является предметом исследования многих ученых. Стоит отметить, что анализ колоративной лексики как важнейшей категории культуры является особенно важным. Вследствие наличия у данной группы слов добавочных нецветовых значений, которые содержат в себе информацию о мировоззрении, традициях, особенностях быта и общественного уклада, характерных только для представителей отдельно взятого народа в конкретную историческую эпоху, эти слова требуют особого внимания со стороны исследователей. В данной работе не только рассматривается семантика отдельных прилагательных, но и определяется вид отношений, связывающих данные лексемы между собой.

В первую очередь, следует сказать, что в некоторых контекстах значения колоративов совпадают с современными. Так, например, можно выделить два случая использования лексемы *синий* для передачи 'одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым' (Ожегов URL).

В качестве примера рассмотрим описание растения горечавка (лат. *Gentiána*): «*Листья что язычки продолговаты узки, цвет **синь**, корень бел*» (Трав. I, № 73) (Атлас: 698).

Лексема *голубой* употребляется для обозначения 'светло-синего цвета' (Ожегов URL) лишь в одном контексте при описании прострела борового (Атлас: 674) (лат. *Anémone pátens*): «*Колокольчиками **голубыми** или синь походит на красной*» (Трав. I, № 141).

Прилагательное *васильковый*, встречающееся в травнике только два раза, функционирует в значении 'ярко-синий' (Ожегов URL), также соответствующем современному (василек (лат. *Centaurea*): «*Вколени листочки востринькия, цвет **васильковой***» (Трав. I, № 221); колокольчик сборный (лат. *Campanula glomerata*): «*Цвет **васильковой** колокольчиками*» (Трав. I, № 2) (Атлас: 753, 741)).

Теперь необходимо рассмотреть нетипичные с точки зрения синхронии случаи употребления анализируемых лексем. Довольно часто такие слова, как *синий*, *голубой*, и *лазоревый* используются для передачи сложного красно-синего цвета. Данное значение можно обнаружить даже в памятниках древнерусской литературы, относящихся к XI в. Так, например, в «большинстве переводных текстов ЦО *синий* описывало 'багровые, темно-красные' цвета» [Норманская 2005: 243].

Рассмотрим первый пример (подорожник (лат. *Plantágo*): «*Наверху головочька, что еловая шишечька, на ней цвет **изсиня***» (Трав. I, № 129). В ходе исследования было выявлено, что некоторые виды этого растения, например, подорожник средний (Атлас: 587) (лат. *Plantágo média*) имеют цветы фиолетового цвета.

Теперь попробуем проанализировать описание растения петров крест (лат. *Lathraéa*): «*Видом **синя** походит на молодую дятловину*» (Трав. I, № 3). В толковом словаре В.И. Даля находим, что дятловина – это «клевер разных видов» (Даль URL). Таким образом, можно сделать

вывод о том, что лексема *синий* в данном контексте также имеет значение 'фиолетовый' (Атлас: 629, 649).

Как известно, «для названия синего или голубого цвета в русском языке существовало также некогда очень употребительное слово *лазоревый*» [Бахилина 1975: 203]. На данный момент это прилагательное обозначает 'голубой, лазурный' (Ожегов URL), 'светлосиний' (Ушаков URL). «У Севергина мы находим уточнение цвета несколько неожиданное: синий с красноватым оттенком: Лазоревой, яркой, синий цвѣтъ съ малою токмо примѣсью краснаго (Севергин. Первые основания минералогии, I, 18)». Но по мнению Н.Б. Бахилиной «вряд ли из этого следует, что в XVIII в. прилагательное *лазоревый* обозначало лиловый (или сиреневый или фиолетовый) цвет. Можно думать, что Севергин как минералог находится под влиянием цвета камня» [Бахилина 1975: 204].

Теперь попробуем определить, какое значение оно имело в контексте травника. С высокой долей вероятности можно сделать вывод об особенностях функционирования данной лексемы лишь в одном случае, при описании растения куколь (лат. *Agrostemma githago*) (в травнике куполь): «*Ростом в стрелу, лист лапками цвет лазорев*» (Трав. I, № 246). Обратим внимание на описание этого же цветка, но уже в другом, более позднем, травнике: «*Цвет лазорев шапочкой*» (Трав. II, с. 445). Как видим в обоих случаях используется одно и то же прилагательное. А теперь сравним это с реальным цветом растения – так приходим к выводу, что слово *лазоревый* обозначает 'фиолетовый' (Надежкин, 2010: 168). Следовательно, замечание Севергина в данном случае оказывается вполне справедливым.

Также нами было обнаружено использование в данном значении колоратива *голубой*. Сначала рассмотрим описание дикой мяты (лат. *Méntha*): «*Лист покруглее мятнаго цвет голубой петушками*» (Трав. I, № 232). Цветы этого растения в действительности имеют

светлый сиренево-голубой оттенок (иногда более близкий к розовому) (Атлас: 578).

Теперь обратимся к еще более необычному примеру функционирования лексемы. Так, если в предыдущем случае *голубым* обозначался светлый оттенок, то при описании усила (лат. *Solánum dulcamárga*) это слово используется для передачи достаточно темного (по сравнению с прошлым) оттенка: «*Вьеться что хмель листочки клиньчиком цвет голубой*» (Трав. I, № 206). Цвет этого растения стоит охарактеризовать как фиолетовый или сине-фиолетовый (Атлас: 722).

Как отмечает Н.Б. Бахилина: «история прилагательного *голубой* как цветообозначения заключается в том, что оно теряет свою первоначальную ограниченность, становится одним из очень употребительных цветообозначений, с почти неограниченной сферой употребления... *Голубой* не называет такой широкой гаммы оттенков, как, *синий* (а лишь светлые и яркие оттенки этого тона)» [Бахилина 1975: 203]. Опираясь на текст травника, попытаемся определить, насколько справедливо данное замечание.

Во-первых, стоит отметить наличие у слова таких значений как 'темно-синий' и 'черный'. Рассмотрим сначала пример, в котором лексема обозначает 'темно-синий' (описание купены): «*Цвет бел, а как отъцветет то будут ягоды голубые*» (Трав. I, № 37). Так, в результате анализа ботанической литературы было установлено, что ягоды купены имеют темно-синий цвет (в некоторых случаях даже более близкий к черному) (Атлас: 364).

Необходимо сказать, что данная лексема может служить даже для обозначения черного цвета, как, например, в описании воронца (лат. *Actáea*): «*А как отъцветет, то будут ягоды голубые*» (Трав. I, № 82) (Атлас: 393). Здесь можно также проследить связь между названием растения и цветом его ягод, ведь, как известно, воронов (или

вороновый) цвет – это «блестяще-черный», как раз тот, который имеют ягоды воронца (Ожегов URL).

В «Травнике» Ивана Бирюкова можно обнаружить и еще более необычные случаи употребления колоремы *голубой*. Например, в описании ландыша (лат. *Convallária majális*) и купены: «*Ростет по лесам, высока, собою голуба*» (Трав. I, № 37); «*Ростет в лесахъ ростомъ въ четверть или вполторы листочковъ два или три походъть на черемичныгъ только поглаже и поголубее*» (Трав. I, № 127). Стоит сразу сказать, что их листья имеют зеленый цвет, свойственный многим растениям, описанным в травнике (Атлас: 360, 364). Попробуем определить значение данной лексемы в указанных контекстах.

Во-первых, опираясь на «Словарь русских народных говоров», можно было бы предположить, что *голубой* здесь служит для описания листьев желтоватого оттенка (СРНГ: т.6, с.340). Однако, как было указано выше, эти лечебные травы имеют другой цвет.

Во-вторых, стоит отметить, что обратная сторона листьев купены имеет сероватый оттенок. Таким образом, возможно, использование слова в значении 'цвет близкий к серому', которое было характерным для него, например в XIV-XVвв. [Бахилина 1975: 194]. Но в тексте сказано, что купена «*собою голуба*», что указывает на общий вид растения, а не на особенности, которые можно было бы выделить при детальном рассмотрении. Также необходимо сказать, что листья ландыша имеют одинаковый окрас с обеих сторон, поэтому данное предположение, скорее всего, не соответствует действительности.

В-третьих, интересно, что некоторые разновидности растения под названием купена имеют листья лилового оттенка, однако такого мы не наблюдаем в случае с ландышем.

Таким образом, можно допустить, что колоратив *голубой* в данных контекстах обозначает не конкретный цвет, а блеск листьев, их

голубоватый, синеватый отлив, на что указывает использование слова *поглаже* в описании ландыша. Данная точка зрения подтверждается и возможным происхождением лексемы. Так, в словаре М. Фасмера отмечено, что слово обозначало цвет «отлива шейных перьев голубя» (Фасмер URL).

М.Вас. Пименова отмечает, что «в отдельных контекстах травника прилагательные-цветообозначения используются в функции фольклорных (постоянных) эпитетов, которые воспринимаются синкретично с определяемым словом» [Пименова 2012: 459]. Так, в травнике можно встретить упоминания, например, о синем камне: «*Растет при камени моховом синим у воды*» (Трав. I, № 66).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее: во-первых, *синий* является наиболее употребительным по сравнению с другими словами данной группы цветообозначением. Во-вторых, некоторые лексемы используются в достаточно неожиданных значениях (в том числе сохранившиеся, например, и с XI – XIV вв.), в следствие чего они даже могут быть взаимно заменяемы (т. е. находиться в отношениях синонимии). У таких слов, как *синий* и *голубой* есть не только цветовые значения. Следует также сказать, что некоторые цветообозначения, семантика которых была непосредственно связана с явлениями окружающей действительности (*лазоревый, васильковый*), в контексте травника продолжают сохранять связь с денотатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас – Шанцер И.А. Растения средней полосы Европейской России. Полевой атлас. 2-е изд. М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. 407 с. Ил. 760.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975. 288 с.
3. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. М.: Цитадель, 1998. [Эл. ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal>.
4. Надежкин С.Н., Кузнецов И.Ю. Полезные, вредные и ядовитые растения. М.: КноРус, 2010. 248 с.
5. Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Под ред. А.В. Дыбо и Т.А. Михайлова. М., 2005. 379 с.

6. Ожегов – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. [Эл. ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>.

7. Пименова М.В. Из истории процессов вторичной номинации (на материале обозначений цвета в травниках XVII-XVIII вв.) // И слово Ваше отзовется: К 80-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Е.С. Отина / К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. С. 457–461.

8. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1970. 360 с.

9. Трав. I – Травник Ивана Бирюкова. № XVII в. XVIII в., РНБ, Ф. VI. 16.

10. Трав. II – Действующий травник из Южной Сибири.

11. Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. М.: Гос. Ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. Изд-во иностр. и нац. Слов., 1935 – 1940. (4 т.) [Эл. ресурс]: URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>.

12. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель, 2007. [Электронный ресурс]: URL <https://gufo.me/dict/vasmer?>.

СПЕЛОВА Анастасия Александровна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
nssty3664@gmail.com

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

КЛАССИФИКАЦИЯ КОРЕЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПО СТЕПЕНИ ОСВОЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических заимствований из корейского языка в современном русском языке. Особое внимание в статье уделяется изучению степени освоенности корейских заимствований. Анализ проводился на основе использования основных положений подхода Л.П. Крысина.

Взаимоотношения между Российской Федерацией и Республикой Корея сейчас проходят стадию активного развития, которое распространяется на многие сферы общественной жизни: наука, торговля, культурный обмен и т. д. В процессе данных межкультурных контактов происходит заимствование корейской лексики, которая обогащает русский язык и русскую культуру. Большой интерес вызывают лексемы, заимствованные на фоне значительной популярности некоторых корейских культурных феноменов, к которым относится музыкальный жанр K-POP (кей-поп), а также дорáмы – особый жанр фильмов восточноазиатского производства. Множество слов из корейского языка стали использоваться поклонниками K-POP и дорам в России, что сделало эти единицы фактами современного русского языка и русской речи, а их недостаточная изученность в современной лингвистической науке, обусловленная новизной языкового явления, определяет актуальность данной темы.

В рамках настоящего исследования из интернет-источников (специализированные сайты, форумы, социальные сети), а также из

речи методом сплошной выборки было собрано и проанализировано 30 наиболее популярных слов, заимствованных из корейского языка.

Анализируемый языковой материал редко используется в книжных стилях речи, однако активно употребляется в устной речи представителями вышеуказанных субкультур, а также в письменной речи в сети Интернет в социальных сетях и на форумах. Это говорит об их широком распространении и использовании в узусе.

Как известно, в противопоставлении языка и речи более динамичной является речь. Именно процессами, происходящими в речи, обуславливается эволюция языка. «В соответствии с этим и иноязычное слово вначале появляется в речи (письменной или устной), а затем проникает в систему, в язык и фиксируется в словарях» [7: 57].

Указанная точка зрения Фердинада де Соссюра прекрасно иллюстрирует особенности освоения заимствований из корейского языка в русском языке. Существуют различные подходы к разграничению степеней освоенности заимствованных слов в языке-реципиенте. В настоящей статье мы будем опираться на концепцию Л.П. Крысина, который выделяет пять этапов заимствования [4]. На основе данной концепции мы разделили проанализированные нами лексемы на 5 групп – в соответствии с их степенью освоенности.

Большая часть анализируемых лексем находятся на втором этапе освоенности, то есть наблюдается транслитерация и транскрипция иноязычного слова, а также отнесение его к определенной части речи, с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением. Примерами таких слов могут послужить лексемы *манхва* (만화 [manhwa] – ‘комиксы южнокорейского производства’) и *оппа* (오빠 [зрра] – ‘старший брат’, обращение младшей сестры к старшему, также может использоваться лицами женского пола в неформальном общении при обращении к молодым людям старше их). Как в русском, так и в

корейском языках данные слова являются существительными, однако в русском языке они приобрели особые морфологические признаки.

Рассмотрим слово *манхва* – это существительное женского рода, неодушевленное, имеет числовую пару, 1-й тип склонения (по аналогии со словами *лампа, швабра*), ср.:

И.п. **Манхва** действительно потрясающе сделана (Twitter).

Р.п. Джисон – второстепенный персонаж **манхвы** (Twitter).

Д.п. Каковы шансы, что я потеряю интерес к **манхве**, если прочту новеллу? (Twitter).

В.п. Я читаю **манхву** (Twitter).

Т.п. Около суток беседовал с человеком под одной **манхвой** (Twitter).

П.п. Вероятно, многие слышали о **манхве ANTIPT** (Twitter).

Мн.ч. Еще люблю марвел и читаю разные **манхвы**. У меня нет любимчиков среди **манхв** (Twitter).

Слово *оппа* также входит в парадигму 1-го склонения, однако из-за наличия семы 'лицо мужского пола' в речи оно употребляется в мужском роде, о чем могут свидетельствовать левый предтекст, а также глаголы прошедшего времени, употребляющиеся вместе с данным словом:

И.п. **Оппа** сказал, что он в плохой физической форме (Twitter).

Р.п. У **оппы** всегда есть деньги (aminoapps.com).

В.п. У меня все мысли только про Антона **оппу** (Twitter).

Т.п. Бинни сказал стэй называть его **оппой** (Twitter).

П.п. Данное правило все же больше применимо, когда разговор идет об этом самом "**оппе**" с третьим человеком (inninn.okis.ru).

Мн.ч. Всем **оппам** нравятся милашки (Twitter).

Как видно из приведенных контекстов, данная лексема грамматически характеризуется как одушевленное существительное и имеет числовую пару.

Таковыми же грамматическими признаками обладают и существительные *нуна* (누나 [nuna] – ‘старшая сестра’, обращение младшего брата к старшей сестре, также может использоваться лицами мужского пола в неформальном общении при обращении к девушкам старше их), *аджума / ачжума* (아줌마 [aɕuma] – ‘замужняя женщина или женщина средних лет’).

Ко 2-му типу склонения относятся следующие лексемы: *вебтун* (웹툰 [ʷebtʰun] – от англ. *webtoon* – ‘манхва в цифровом формате’), *мокбанг* (먹방 [mɔkpaŋ] – ‘форма видеоблогинга, представляющая собой трансляцию поедания большого количества пищи в реальном времени’), *самгёпсаль* (삼겹살 [samgʷɔpsal] – ‘блюдо корейской кухни, которое представляет кусочки жирной свиной брюшины, не прошедшей маринования, без специй, которые участники трапезы поджаривают на стоящем на столе гриле’), *кимпаб* (김밥 [kimpaɓ] – ‘блюдо корейской кухни, которое представляет собой роллы, завернутые в сушеные прессованные листы нори, наполненные приготовленным на парú рисом, с добавлением начинки, нарезанной или выложенной полосками’). Это неодушевленные существительные мужского рода, имеют числовую пару (склоняются по аналогии со словами *дуб*, *гриб*):

И.п. **Вебтун** нарисован парнем (Twitter).

Р.п. *Ли Минхо* – молодой автор **вебтуна** «R» (Twitter).

Д.п. *Выставка* фигурок *бтс* по **вебтуну** в Нью-Йорке на таймс-сквер (Twitter).

В.п. *Вижу Джуну* в кепке и вспоминаю **вебтун** (Twitter).

Т.п. *Проводят параллели* между **вебтуном** и клипами (Twitter).

П.п. *Основан* на очень популярном корейском **вебтуне** (Twitter).

Мн.ч. *Ты читаешь* **вебтуны**? (Twitter).

Лексема *хён* (형/형님[h'iŋ] / [h'iŋnim]) – ‘старший брат’, обращение младшего брата к старшему, может использоваться в неформальном общении при обращении младшего члена коллектива к старшему) обладает сходными признаками с предыдущей группой слов, единственное отличие заключается в категории одушевленности из-за наличия семы ‘лица’ (склоняются по аналогии со словами *лис, заяц*):

И.п. *Как больно от того, что хён ушел* (vk.com).

Р.п. *Прости, у хёна нет работы* (vk.com).

В.п. *Даже не отрицал и не бил хёна по плечу за такие шутки* (vk.com).

Д.п. *Первый кусочек он дал своему любимому хёну* (vk.com).

Т.п. *Почему я всегда вижу первый снег с этим хёном?* (Twitter).

П.п. *Они буквально всегда нуждаются в хёне* (Twitter).

Заимствованных слов, изменяющихся по 3-му типу склонения, нами найдено не было.

Несклоняемых существительных среди анализируемых лексем намного больше, чем существительных предыдущих двух групп, что говорит о низкой степени освоенности этих слов, однако категория рода большинству из них на синтаксической основе все-таки присваивается. К несклоняемым существительным среднего рода относятся слова *тхэквондо* (태권도 [thækwɔndɔ] – ‘боевое искусство Кореи’), *хапкидо* (합기도 [hɔpkidɔ] – ‘боевое искусство Кореи’) и *эгё* (애교[ægʰɔ] – ‘милый, миловидный, очаровательный, дружелюбный / ‘милый жест’). В русском языке нет очевидного эквивалента, по которому можно было бы определить род данных существительных, поэтому предлагаем отнести их по общему правилу к среднему роду. Дополнительным аргументом в пользу этого служит также речевая практика, которая обнаруживает отнесение лексем *эгё* к среднему роду (ср., напр.: *Я выучила самое*

милое *эгё* по мнению корейцев). Такие слова, как *тхэквондо* и *хапкидо*, уже зафиксированы в словарях, об их принадлежности к роду свидетельствуют соответствующие пометы (ср., напр.: [1: 1354; 5]). Стоит отметить, что от слова *тхэквондо* суффиксальным способом в русском языке образуется слово *тхэквондист*, т. е. человек, занимающийся тхэквондо. Однако подобное производное от слова *хапкидо* нами обнаружено не было, что говорит о более низкой степени освоенности данной лексемы по сравнению с *тхэквондо*.

К несклоняемым существительным женского рода относятся следующие единицы: *онни* (언니 [ɔnɲi] – ‘старшая сестра’, обращение младшей сестры к старшей, может использоваться лицами женского пола в неформальном общении при обращении к девушкам старше их), *агасси* (아가씨 [agassi] – 1) ‘молодая незамужняя девушка’, 2) вежливое обращение к незнакомой девушке) и *кимчи* / *кимчхи* (김치 [kimčʰi] – ‘приправленные красным перцем, луком, чесноком и имбирем квашеные кочаны или листья пекинской капусты’). Говоря о первых двух лексемах, можно привести два аргумента относительно определения их родовой принадлежности: во-первых, в семантике данных слов присутствует сема ‘лицо’, во-вторых, об этом говорит левый предтекст (ср., напр.: *У нас в группе такая красивая онни; Милая, но вечно устающая агасси*). С лексемой же *кимчи* / *кимчхи* все не так однозначно. Изначально так назывались блюда исключительно из капусты, поэтому по аналогии было бы справедливо отнести данное слово в существительным женского рода (ср., напр.: *кольраби* – капуста (ж.р.), *бри* – сыр (м.р.)). Такой вариант словоупотребления был зафиксирован нами в печатном издании «Южная Корея» Олега Кирьянова [3: 165-167]: *В том месте кимчхи вкусную подают; Далеко не каждая кореянка умеет делать правильную и вкусную кимчхи*. Однако в настоящее время

насчитывается более десятка вариаций приготовления *кимчи* из разных продуктов: дайкон, редька, лук, огурцы и т. д. В таком случае кажется возможным употребление данного слова и в среднем роде, подтверждением чего служит употребление в речи (ср., напр.: *Посмотрите на это красивое и очень вкусное кимчи; Впервые у меня получилось такое вкусное кимчи*).

К несклоняемым существительным мужского рода относятся следующие: *аджосси* / *ачжосси* (아저씨 [aʃɔssi] – ‘женатый мужчина или мужчина средних лет’) и *куксу* (국수 [kusu] – ‘корейская лапша, которая готовится из пшеничной, гречневой, кукурузной или картофельной муки’). Первая лексема имеет сему ‘лицо мужского пола’, поэтому ее следует относить к мужскому роду (ср., напр.: *Еще один красивый аджосси* (Twitter)). При определении рода лексемы *куксу*, как и в случае с *кимчи*, мы предлагаем отталкиваться от родового слова. Если речь идет о супе *куксу*, то по аналогии нужно употреблять данное слово в мужском роде (ср., напр.: *Куксу безумно вкусный, но очень острый*). Если же в контексте подразумевается определенный вид лапши, который в Корее называют *куксу* (син. *фунчоза*), тогда слово следует употреблять в женском роде (ср., напр.: *Сделала себе холодную куксу, мама и брат увидели и тоже захотели*).

Далее стоит упомянуть о лексемах, определение рода у которых вызывает затруднение. К ним относятся слова *соджу* (소주 [soʃu] – ‘традиционный корейский крепкий алкогольный напиток из картофеля или зерновых культур’), *макколи* (막걸리 [makʒɔli] – ‘корейский традиционный алкогольный напиток из риса и солода’) и *чапче* (잡채 [ʃapʃhæ] – ‘традиционное корейское блюдо из фунчозы с жареными овощами, грибами и (или) мясом’). Первые два слова являются

названиями корейских алкогольных напитков. В речи наблюдается их употребление в женском, мужском и среднем роде, ср.: *Вкусная **соджу** со вкусом сливы; Я вернулась сюда пить вкусный **соджу**; Скажу, что грейпфрутовое **соджу** очень вкусное.* Выразим свою точку зрения по этому вопросу. Самым близким по способу производства алкогольным напитком к *соджу* является водка, в некоторых источниках его даже называют рисовой водкой [3: 53-57]. Кроме того, встречаются словоупотребления типа *водка **соджу*** [9]. В этой связи мы предлагаем рассматривать лексему «водка» в качестве родового слова, а слово *соджу* относить к женскому роду. Слово *макколи* обозначает определенный вид браги, потому данное слово мы также рекомендуем относить к женскому роду. У слова *чапче* нет очевидного русского эквивалента, потому по общему правилу предлагаем отнести его к существительным среднего рода.

Оставшиеся шесть лексем: *сонбэ* (선배/ 선배님 [sɔnbæ] / [sɔnbænim]) – ‘старший коллега’, обращение младшего члена коллектива к старшему), *тонсэн* (동생 [tɔŋsæŋ]) – ‘младший брат/сестра’), *хубэ* (후배[hubæ] – ‘младший коллега’), *макнэ / маннэ* (막내 [maŋnæ] – ‘самый младший участник музыкальной группы’), *бутсуни* (불순이 [butsuni] – ‘тип фанатов, которые не уважают личное пространство артистов и позволяют себе трогать их без согласия’), *аккэ / акгэ* (악개[akkæ] – ‘ярые фанаты одного члена музыкальной группы, чаще всего очень негативно относящиеся к остальным участникам’) – предлагаем формально отнести к общему роду, т.к. они могут обозначать лица как мужского, так и женского пола (ср. *соня, лежебока*), однако в речи эти лексеммы всегда являются существительными определенного рода: *Это же твой **сонбэ*** (м.р.) (Twitter), *Я как твоя **сонбэ** обязательно поддержу* (ж.р.) (Twitter); *Она не*

только красивая, озорная макнэ, но и потрясающая вокалистка (ж.р.) (Twitter), *Макне сказал – макне сделал* (м.р.) (Twitter) и т. д.

У данной группы лексем присутствуют характерные особенности. Несмотря на то, что слова были освоены на фонетическом и грамматическом уровнях, носителями русского языка они все равно воспринимаются как чужие. Свидетельством этого является наличие кавычек в некоторых контекстах, ср., напр.: *Данное правило все же больше применимо, когда разговор идет об этом самом "оппе" с третьим человеком.*

На 3-м этапе освоения находятся слова *сасэн / сасэнка* (사생팬 [sasænpʰæn] – ‘поклонники артистов/моделей/публичных лиц, особенно фанатично любящие своих кумиров и способные в ряде случаев на нарушение закона «ради них»’), *саранхэ* (사랑해 [saranhæ] – 1) ‘я люблю тебя’; 2) жест, при котором большой и указательный палец руки складываются в форме сердца), *самсунг*, *хендай* и *доширак*. У них наблюдается более высокая словообразовательная активность. Например, первые две лексемы обросли словообразовательными суффиксами: слово *сасэнка* образовано от *сасэн* с помощью суффикса **-к(а)-**; от слова *саранхэ* образованы слова *саранхуль* и *саранхулька*. Т.Ф. Ефремова в своем толковом словаре указывает, что суффикс **-ульк-** характерен для имен существительных женского рода со значением предмета, который характеризуется действием, названным глаголами, от которых соответствующие имена существительные образованы (*висюлька, писулька, сосулька* и т. п.) [2]. Стоит также отметить, что нами был найден производный от существительного *саранхэ* глагол *саранхулить* (ср.: **Саранхулю тебя!** (Twitter)).

Любопытными также являются лексемы *доширак* (도시락 [tʰʌsɪrək] – ‘еда в дорогу’, марка пищи быстрого приготовления) и *самсунг* (삼성 [samsɔŋ] – ‘три звезды’, название многоотраслевой южнокорейской корпорации), которые в современном русском языке пишутся со строчной буквы. Данные слова особенны тем, что они подверглись процессу апеллятивации и перешли из разряда имен собственных (**Доширак, Самсунг**) в разряд имен нарицательных. Данный процесс возможен при условии приобретения именем собственным обобщенного значения. Л.В. Леваева отмечает, что подобное свойство присуще онимам, соотносимым с известными денотатами. Оно основано на четких и прочных связях между названием и известным предметом и, соответственно, всеми постоянными ассоциациями, вызываемыми отличительными признаками этого предмета [6]. Примером тому могут послужить анализируемые лексемы. Название южно-корейской марки пищи быстрого приготовления «Доширак», которая с конца 1990-х гг. является лидером продаж в сегменте лапши быстрого приготовления на российском рынке, сегодня приобрело значение не конкретной продуктовой марки, а лапши быстрого приготовления в целом, а в просторечии даже получило словообразовательный вариант *дошик*, ср.: *Полицейский принес бутылочку воды и доширак в пакетике, ожидая, что они откажутся: «Вы это будете есть?»* (Национальный корпус русского языка); *Зачем клинике нужны продукты типа «доширак»,* *порталу «Доктор Питер» объяснил главный врач Олег Лиманкин* (Национальный корпус русского языка); *Он залил нам доширак кипятком, и мы с удовольствием поели* (Национальный корпус русского языка); *«Вот что дошик животворящий делает», – отметил тогда один из комментаторов* (Национальный корпус русского языка).

Доказательством того, что название южнокорейской компании по производству электроники «Самсунг», а также наименование

автомобильной марки «Хёндай» (현대 [h'ɔndæ] – ‘современность’, марка автомобилей’) также подверглась процессу апеллятивации, хотя и не в полной мере, является употребление данных лексем во множественном числе со значением ‘некоторого множества продуктов данной фирмы’ (телефоны, смартфоны, автомобили и т. д.), ср., напр.: *А у них – айфоны и самсунги последней модели* (Национальный корпус русского языка); *А ведь это представительские БМВ и менее представительские, но вполне приличные «Хендаи»* (Национальный корпус русского языка). О данном процессе писала классик отечественной ономастики А.В. Суперанская: «...употребление во множественном числе имени собственного, нормально соотношенного лишь с одним денотатом, часто приводит к его апеллятивации» [8: 121].

Подводя итоги анализа лексем по степени их освоения, отметим, что анализируемые корейские заимствования по классификации Л.П. Крысина находятся только на втором и третьем уровнях освоенности. Это говорит о том, что лексика корейского происхождения, несмотря на возрастающее количество заимствованных единиц, пока еще не до конца «прижилась» в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. РАН, Ин-т лингвист.исслед. СПб.: Норинт,2000. 1536 с.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразоват. единиц. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>.
3. Кирьянов О.В. Южная Корея. М.: РИПОЛ классик. 2017. 352 с.
4. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. М. 1991. №2. С. 74-78.
5. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: Т. 3 / под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. 2014. 1360 с.
6. Леваева Л.В. Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. №4. С. 133-136.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. . 1977. 696 с.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука. 1973. 366 с.
9. Тимофеев И.В. Южная Корея: путеводитель + карта. М.: Издательство «Э». 2018. 304 с.

ТАЛИЦКАЯ Диана Максимовна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
diana.talitskaya@inbox.ru

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Аннотация. Статья посвящена анализу неофициальной топонимии города Владимира – названиям городских объектов, которые не закреплены на картах и в официальных документах, а бытуют в речи местных жителей. Рассмотрены общие особенности неофициальных топонимов, а также основные семантические процессы в области формирования подобных названий. Проанализированы такие процессы, как простая семантическая онимизация, метафорическая семантическая онимизация, а также метонимическая семантическая онимизация

Неофициальные названия есть в каждом городе, они уникальны и очень разнообразны. Их особенность заключается в том, что они идут из народа, то есть придуманное название получается настолько удачным, что способно закрепиться в речи огромного количества людей. Какие-то из этих названий забываются через определенное время, какие-то остаются на десятилетия. Бывают также ситуации, когда существующее неофициальное название впоследствии кодифицировалось и становилось вполне официальным.

Официальные и неофициальные топонимы принадлежат к разным сферам употребления. Несмотря на то что неофициальные топонимы часто вырастают на базе своего закрепленного документально аналога, у них разные источники и способы создания. Одни официальные топонимы являются чисто информативными, то есть называют объект по его функционалу, другие же появляются под влиянием истории, отражая память народа о важных событиях, личностях, местах, именно

они особенно ценны, потому что помогают нам помнить о том, что происходило когда-то.

Неофициальные топонимы могут служить средством упрощения сложного названия, или же это может быть прежнее название географического объекта, который долгое время назывался определенным образом, но после был переименован. Иногда неофициальные топонимы отличаются особой эмоционально-оценочной окраской, которая передает отношение горожан к тому или иному месту и появляется благодаря ассоциации или как напоминание о событии.

Если изучать неофициальные топонимы в диахронии, можно проследить их связь с определенными историческими событиями. Кроме того, они дают важный материал для установления закономерностей ономообразования. В.Г. Костомаров в своей работе «Языковой вкус эпохи» указывает на стилистические особенности словообразования в определенные периоды времени, среди них, например, стремление к созданию каламбуров, зародившееся в XX веке и продолжающееся до сих пор [2].

Ярким примером, иллюстрирующим тезис В.Г. Костомарова, может служить неофициальное название Администрации города Владимира *Кубик Бобика*. Данный пример иллюстрирует соотнесенность с эпохой: Ратмир Бобовиков – первый секретарь Владимирского обкома КПСС, а отношение народа к нему отражается в насмешливом названии построенного им в 80-е гг. здания, когда головоломка кубик Рубика была на пике популярности. Все это соединилось в каламбуре *Кубик Бобика*, так как форма здания городской администрации напоминает своим видом куб.

Неофициальная топонимика – это довольно новая и неизученная область лингвистических исследований. Не так много лингвистов обращались к ней в своих работах. Если рассматривать крупные города, такие как Москва или Санкт-Петербург, можно найти исследования и

словари подобных названий, но в небольших населенных пунктах такая работа проводится нечасто.

Вопросу неофициальной микротопонимии города Владимира посвящена статья В.В. Носковой «Заметки о неофициальной микротопонимии города Владимира» [4], в которой автор классифицирует неофициальные номинации по различным признакам: по причинам возникновения, по видам объектов, по характеру исторической мотивированности, по распространенности среди разных групп населения и т. д. [4].

В.В. Носкова предлагает анализировать неофициальные топонимы с культурной точки зрения: «Неофициальные МТ – чуткий барометр, прекрасно отражающий весь ужас и кошмар нашей теперешней жизни» [4: 44]. Так, дискотечная площадка напротив театра «Разгуляй» раньше была широко известно под названием *Клетка*. В.В. Носкова рассуждала: «Пожилой человек реже назовет монумент в честь 850-летия г. Владимир *Три дурака*, но назвать место для дискотеки *Клеткой* сможет человек любого возраста, хоть раз увидевший собирающуюся там публику» [4: 45]. В данном примере можно проследить связь названия объекта с отношением к нему жителей города. Само название возникло из-за внешнего вида площадки: она обнесена забором. При этом негативный, насмешливый подтекст все равно прослеживается.

Необходимо добавить, что названия типа *Клетка*, *Зверинец* или даже *Загон* являются достаточно типичными для 90-х гг. названиями мест проведения досуга молодежью. При этом имеет место процесс *тезоименности* – использования одного имени для разных объектов в одном онимическом поле [1: 131].

Еще одно исследование неофициальной топонимии города Владимира представлено в книге В.И. Титовой «Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей, и др.», две главы которой («Официальные и неофициальные

районы Владимира», а также «И еще о некоторых неофициальных городских названиях») содержат сведения о неофициальных топонимах. Автором описаны неофициальные топонимы и дан их анализ с исторической точки зрения. Например, *Залыбедье* – неофициальное название территории большого района Владимира к северу от реки *Лыбеди*. По существу, это второе историческое ядро города. Само название произошло от названия реки *Лыбеди* [5].

В рамках настоящего исследования на основе опроса горожан разных возрастов было собрано 59 неофициальных топонимов. Многие из них появились давно и фигурируют уже в работе В.В. Носковой. Предположительно, большинство неофициальных топонимов города появилось в конце XX века, потому что тогда город активно строился и новые названия появлялись чаще, чем сейчас. К тому же, это показатель того, сколько из них действительно фигурируют в речи или сколько их еще хотя бы помнят. Спустя время многие неофициальные топонимы выходят из употребления, так как это достаточно нестабильные единицы речи, которые часто употребляются внутри небольших групп людей. Например, нынешние студенты уже не называют корпуса ВлГУ как *Н-корпус* и *Р-корпус*, хотя раньше эти топонимы были очень распространены.

Чаще всего образование неофициальных топонимов происходит посредством онимизации – перехода имени нарицательного в имя собственное [1: 95]. Анализ собранных единиц с точки зрения особенностей образования базируется на классификации, предложенной Н.В. Подольской [3], которая предлагала выделять простую семантическую онимизацию, метафорическую и метонимическую онимизацию.

1. Простая семантическая онимизация

В данную группу входит не так много неофициальных топонимов, так как чаще всего к семантике апеллятива присоединяется сема,

отражающая особенность объекта, или же топоним видоизменяется, попадая в речь. Рассмотрим следующие примеры:

Керосинка – название дома на улице Северной, в здании уже сменилось множество магазинов, но закрепившийся топоним сохранился;

Черный мост называется так, потому что по вечерам зимой под ним абсолютно темно, машины и люди вынуждены передвигаться вслепую;

Яма – промышленная зона, находящаяся на Юго-западе города, названная так, по одной из версий, из-за того, что находится фактически в яме ниже основного уровня города.

2. Метафорическая семантическая онимизация

Каждый из описанных ниже топонимов создан на основе сходства именуемого объекта с каким-то другим объектом действительности:

Аквариум – небольшой магазин в Добром, все стены которого сделаны из стекла;

Зигзаг – 4 корпус ВлГУ, получивший неофициальное название еще в прошлом веке благодаря особенной форме здания;

Подкова – жилой дом в Добром, напоминающий дугообразной формой подкову;

Пьяная дорога – проезд с улицы Гастелло на Пекинку, получивший название из-за большого количества аварий на данном отрезке дороги;

Шайба – главное здание Сбербанка на площади победы, названное из-за своей округлой формы.

3. Метонимическая семантическая онимизация

При таком типе номинации топоним создается на основе метонимического переноса и поэтому лучше всего передает связь между объектом и названием, так как отражает один из его признаков. Рассмотрим примеры:

Горячий хлеб – целый район вместе с остановкой называют так благодаря небольшому магазину;

Огуречная гора – отрезок улицы Куйбышева недалеко от Тандема, названный так, потому что возле нее расположены объекты комбината «Тепличный», где в том числе выращиваются огурцы;

Полтинник – столовая возле 3 корпуса ВлГУ, где постоянно обедали студенты, на обед при этом хватало 50 копеек.

Неофициальная топонимия постоянно развивается, возникают новые топонимы. Выявление словообразовательных и функциональных особенностей говорит о системности этих единиц и особом месте в языковой системе. В настоящее время изучение неофициальных топонимов – актуальная тема, которая представляет большой интерес для ученых. Лингвисты создают целые словари народных наименований, при этом в каждом городе есть свои уникальные топонимы, которые являются неотъемлемой частью истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
3. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-54.
4. Носкова В.В. Заметки о неофициальной микротопонии г. Владимира // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: межвуз. сб. науч. тр. к 60-летию Т.В. Майоровой. Тула, 2007. С. 44-53.
5. Титова В.И. Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей и др. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. 204 с.

ТОЛЛИЕВА Ольга Тохировна (Термез, Узбекистан)

магистрант
Термезский государственный университет
tollieva_tergu@mail.ru

Научный руководитель –
БАКИРОВ ПОЁН УРАЛОВИЧ,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета русского и родственных языков
Термезского государственного университета

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация: Статья посвящена современному этапу в развитии строительной терминологии. Представляется актуальным выявить и исследовать живые процессы и тенденции в сфере номинации строительной терминологии.

Проблемам номинации в русском языке уделяется значительное место в лингвистических исследованиях последних лет. Ряд монографий посвящен анализу номинации как явлению на разных языковых уровнях, а также и в различных сферах языковой деятельности. В одной из своих работ "Способы номинации в современном русском языке" Д.Н. Шмелев отмечает, что "...в сфере номинации происходит постоянное взаимодействие между двумя диалектически противоположными тенденциями. С одной стороны, наблюдается стремление закрепить новые понятия при помощи новых однословных обозначений. С другой стороны, постоянно возникают устойчивые описательные обозначения новых понятий..." [1: 280]. Учет взаимодействия этих тенденций особенно актуален в сфере терминообразования. Современный этап в развитии СТ характеризуется значительным количественным пополнением новыми единицами.

Проведенное исследование показывает, что в последние годы в СТ пришли целые группы новых терминов. Вновь образованные термины представлены однословными и неоднословными языковыми единицами, созданными различными способами терминообразования. Можно

предположить, что в СТ в сфере номинации действуют те же или сходные тенденции, что и в общелитературном языке.

Представляется актуальным выявить и исследовать живые процессы и тенденции в сфере номинации в СТ. Обнаружено, что наиболее активно пополняются новыми единицами тематические группы терминов: "строительные материалы", "строительные механизмы, машины, приспособления". Исследование проводится на базе данных групп терминов. Термины отбирались из газетных и журнальных статей, посвященных описанию новых строительных материалов и механизмов. Это позволило: 1) исследовать новые термины, которые не были еще предметом научного рассмотрения; 2) исследовать термины в их естественном виде, не подвергнутые лингвистической обработке; 3) исследовать термины и терминопотребления (то есть в "сфере функционирования").

Исследование показывает, что современный этап развития СТ характеризуется действием следующих тенденций:

1. Усложнение структуры термина. Анализ терминов указанных групп показал, что они представлены структурно усложненными номинациями, созданными:

а) контаминацией посредством агглютинации сегментов слов. Например: *акмигран* – (ак/устический/ +ми/нераловатный/ + гран/улированный/) – акустический облицовочный материал, изготавливаемый на основе гранулированной минеральной ваты *декорот* – (декор/ативный/ + от/делочный/) – декоративно-отделочные панели, применяемые для облицовки стен; *мимакс* – (ми/неральные/ ма/сла/ + /карбо/кс/иметилцеллюлоза/) – новая безолифная шпаклевка на основе минеральных масел, используется для выравнивания бетонных, деревянных и других поверхностей, предназначенных для окраски или оклейки обоями и пленкой; *помелакс* – (по/верхностно-активное вещество/ + /карбокси/метилцеллюлоза/ + ла/те/кс) – безолифная

шпаклевка, предназначена для подготовки поверхностей стен, перегородок, потолков внутренних помещений под окраску; *силакпор* - (сил/икаты/ + ак/устический/ + пор/истый/) – декоративный акустический строительный материал на основе силикатов; *рубера* - (рубера/оид/+ ан/тисептический/) – новый кровельный материал типа рубероида с различными антисептическими добавками, устойчив к биологическому разрушению, водостоек, прочен и гибок даже при низких температурах; *йеностиропор* - (фено/лформальдегид/ + /поли/стиро/ла/ +пор/истый/) – новый теплоизоляционный материал;

б) путем сложения, т. е. слиянием в одно слово двух или более слов или усеченных основ слов: (такие единицы хорошо членятся, сохраняют четкую опознаваемость: *золкерам* (зола + керамика) –новый высокопрочный строительный материал, обладает высокой плотностью, морозостойкостью, хорошими декоративными свойствами; *зодогазобетон* (зола + газобетон) – новый высокоэффективный материал, заменяет дорогостоящий керамзит, применяется в качестве изолятора и утеплителя; *полимербетон* (полимерный + бетон) – новый вид бетона, используется при прокладке оснований спортивных сооружений и покрытий полов; водостоек, выдерживает перепады температур, износостоек; *стеклокремнезит* (стекло + кремнезит) – новый материал из боя стекла, предназначен для облицовки стен и устройства полов, отделочный материал; *стеклоцемент* (стекло + цемент) – новый облицовочный материал в виде плит, вместо арматуры использовано стекловолокно;

в) посредством суффиксации (основа прилагательного, существительного + суффикс -ит, -лит, -ин). Например: *декорит* – отделочные бетонные плиты, имитирующие природные декоративные породы камня; применяются для облицовки стен зданий; *шунгит* – новая разновидность гравия, получаемая по новой технологии из камня, а также *тенисит* – новый строительный материал для покрытия

спортивных кортов, площадок, беговых дорожек, *террасит* – новый отделочный материал, цветная штукатурка, *армолит* – новый теплоизоляционный материал из отходов кабельного производства; *клавделит* – новый облицовочный материал; *бесалит* – особобыстротвердеющий цемент; *полиэфирбарханлит* – искусственный мрамор, создан на основе полиэфирных соединений и каракумского песка, легко обрабатывается, обладает широкой цветовой гаммой, *гранитин* – высокоэффективный отделочный материал, заменяет гранит; обладает теми же свойствами, но в 3-4 раза дешевле;

г) посредством аббревиации, т. е. слияния в одно слово усеченных слов, образующих словосочетание. Например: *ворсонит* (ворсо/вые/нит/и/) – новый материал для устройства пола, созданный на основе ворсовых текстурированных синтетических нитей; *дейас* – (де/коративный/ фас/ад/) – декоративноотделочное покрытие, применяется для отделки и ремонта фасадов, лестничных клеток и интерьеров зданий; *сигран* - (си/нтетический/ гран/ит/) – искусственный отделочный камень, по свойствам не уступает естественному камню, но дешевле в несколько раз; к этой группе терминов примыкают слогиинициальные образования, например, *армикс* - (арм/янский/ научно-исследовательский и/нститут/ к/амня/ и с/иликатов/) – новый изоляционный материал на основе перлита и размолотой целлюлозы.

Среди исследуемых терминов могут быть выделены термины-словосочетания, или раздельнооформленные номинации. Например: металлический бетон – бетон, армированный металлическими нитями, прочнее обычного бетона, не деформируется; морозостойкий бетон – бетон, получаемый в результате применения специальных добавок, улучшающих формовочные свойства бетона и образующих в затвердевшем материале воздушные поры; песчаный бетон – новый отделочный материал, получаемый с добавлением гранитной крошки, различных пигментов, можно использовать как для внешней отделки

зданий, так и интерьеров; полимерсиликатный бетон – новая разновидность бетона, жаростойкий бетон, выдерживает температуру +350°, предназначен для устройства защитных покрытий; шлакощелочной бетон – новый материал, бесцементный бетон, обладает более высокими физико-механическими свойствами, чем обычный бетон; **ВЫСОКОПРОЧНЫЙ** легкий жаростойкий бетон на основе каолиновых отходов – новый материал, предназначен для изготовления ограждающих несущих конструкций с температурой применения до 1200°С; авантюриновое стекло – стекло, получаемое из специфического состава компонентов при малой продолжительности термообработки, обладает повышенным светопропусканием.

Можно предположить, что отдельно оформленная номинация активно используется при создании терминов для новых видов (модификаций) строительных материалов на базе уже известных, широко используемых. Как известно, наиболее важными направлениями работ в области строительных материалов является создание новых высокоэффективных материалов, а также улучшение свойств известных строительных материалов и создание их улучшенных разновидностей. Анализ данных терминов показывает, что они, как правило, именуют новые разновидности материалов, созданные на базе традиционно используемых в строительстве (например, новые виды бетона, цемента, стекла), но улучшенные или специализированные по своему качеству, назначению и т. п.

В группе наименований строительных механизмов, машин, приспособлений преобладают термины-словосочетания, что свидетельствует о перспективности данного типа терминов. В исследованном материале обнаружены термины, являющиеся аппозитивными образованиями. Например: "свая-штамп – она предназначена для экспресс-оценки несущей способности грунта и буронабивных свай непосредственно на месте строительства. Состоит

из гидравлической головки для отдельного определения сопротивления грунта под штампом и боковой поверхности. Конструкция позволяет свободно устанавливать сваю-штамп в пробуренную скважину и при испытаниях включать в работу боковую поверхность"; трамбовка-волчок – механизм для трамбования бетонных смесей, работает без шума и вибрации. При употреблении бетонных смесей "волчками" их прочность повышается на 50 процентов, а время обработки сокращается в 4-5 раз; шпунтовый дергиватель-погружатель – используется для извлечения и погружения тяжелого шпунта; представляет собой сваебойный молот виброударного действия. Значительная группа новообразований – двухкомпонентные словосочетания атрибутивного типа, представленные такими моделями.

Свидетельством усложнения структуры терминов в современной СТ является наличие в ней значительного массива многокомпонентных наименований. Наиболее активное их образование происходит именно в последние годы. Анализ лингвистических исследований, посвященных проблемам терминологии, свидетельствует о пристальном внимании ученых к этому типу номинации. Очевидно, что возросший интерес исследователей вызван количественным ростом таких единиц в языке. Известно, что название предмета посредством его описания, т. е. создание составных наименований, основанных на устойчивом употреблении сочетаний слов, - один из исконных способов номинации, поэтому, как отмечает Д.Н. Шмелев, - возникновение подобных наименований в наши дни не является само по себе чем-то принципиально новым" [1]. Одной из главных причин появления большого количества неоднословных наименований, очевидно, является стремление к предельной мотивированности обозначения. Дальнейшее развитие науки и техники влечет за собой появление новых понятий в данной понятийной системе. Совершается акт номинации, когда за понятием закрепляется определенное наименование. В

качестве новых наименований часто выступает многокомпонентные словосочетания.

Общепризнанным является деление терминологических единиц на однословные (термин-слово) и не однословные (термин-словосочетание). Однако в связи с выделением терминов-словосочетаний в отдельную группу возникает ряд проблем, которые поднимаются в работах ряда исследователей. Так, В.П. Даниленко в своей монографии, говоря о терминологическом словосочетании, рассматривает вопрос о его границах, количестве и порядке следования его компонентов. Выделяется как бы еще одна модель терминов, "термин-описание", когда границы словосочетания расширяются, а дефиниция термина содержится уже в самом термине. Довольно остро стоит вопрос о статусе "терминов-описаний". Многие понятия в языке имеют не прямые обозначения, а выражены при помощи описаний. Сложилось мнение о том, что в терминологической лексике, требующей точности и краткости единиц, описательное выражение появляется при отсутствии термина для данного понятия и со временем должно быть заменено термином [2: 97].

Как показывает исследование современных терминов в СТ такие "описательные обороты" функционируют как термины и им приписывается дефиниция. Например: передвижная установка для приготовления растворобетонных смесей – установка для приготовления бетонных смесей и строительных растворов на строительной площадке; механизированная установка для срезки и уборки свай – предназначена для срезки выступающих после забивки концов железобетонных свай и удаления их в отвал; канатный подъемник для подачи ГРУЗОВ В проемы зданий – предназначен для подъема и подачи в проемы зданий строительных материалов и конструкций. Итак, термин-описание именуется специальным понятием, выполняет номинативно-дефинитивную функцию, является

принадлежностью языка науки (техники). Нам представляется обоснованным вывод В.П. Даниленко и Л.И. Скворцова о «свершившемся факте "стихийного рождения" особого типа терминологической номинации» [2: 97; 3: 225]. Среди других типов терминов выдвигает ряд проблем: выявление структурных особенностей терминов-описаний, их отличий от других типов терминов, условий их появления. Нами исследуются новейшие термины-описания, отобранные из периодических изданий последних лет, которые еще не нашли отражения в лексикографии, а общепризнанная нормативная оценка этим языковым фактам пока не дана. Стремление к прозрачности внутренней формы термина

Среди новых терминов-наименований строительных машин преобладают словосочетания, как правило, отражающие назначение, принцип действия, конструкцию механизма и относящие его к определенному классификационному ряду понятий. Как правило, главным компонентом терминологических сочетаний, является термин, называющий строительный механизм. Анализ главных компонентов терминологических словосочетаний показывает, что они представлены двумя основными группами терминов: 1) традиционно-используемыми терминами-наименованиями родовых понятий (агрегат, бетононасос, грейфер, ключ, машина, молот, молоток, насос, ножницы, подъемник, пистолет, рыхлитель, смеситель и т. п.); 2) терминами-неологизмами, появившимися в последние 2-3 года, не отмеченными в специальных строительных словарях (виброметр, битумонагреватель, герметизатор, крошкет, шткорез, сваеруб, электрокромкорез и т. п.).

Определяющая часть (зависимый компонент) данных словосочетаний вместе с главным компонентом образуют термин-наименование видового понятия сходные с традиционно употребляемыми терминами, образованными по продуктивным для данной категории понятий моделям. Как отмечалось выше,

продуктивными словообразовательными аффиксами в образовании строительных терминов-наименований материалов являются суффиксы -ит, -ин. Исследуемая группа новых терминов также содержит единицы, оканчивающиеся на -ит, -ин. Однако в этих терминах они являются не суффиксами, а корневыми сегментами, лишь омоформами соответствующих суффиксов. Например: *дошит* (дор/ожный/ + нит/роволокно/) – прочное нетканое покрытие, производится из отходов нитроволокна; *ворсонит* (ворсовые нити) представляет собою сходное внешне образование с терминами, образованными при помощи суффикса -ит: азешт, декошт. Аналогично с терминами *акмигран* (акустический + минераловатный + гранулированный), *рубера* (рубериод + антисептический). Таким образом, при образовании новых терминов путем "склеивания" корневых сегментов, последние отбираются на аналогии со специальными словообразовательными формантами (например, -ит, -ан). В исследованных группах терминов обнаружены единицы, которые активно функционируют в составе СТ продолжительное время, однако в настоящий момент характеризуются изменением (модернизацией) терминируемого понятия. Очевидно следует отнести такие термины к новым, поскольку значение их как языковых единиц изменилось. Например, термин "гайковерт" является весьма употребительным, включен в состав Тезауруса и Строительного словаря. Однако изобретен новый прогрессивный механизм для выполнения функций уже имеющегося гайковерта. Таким образом известному термину гайковерт теперь соответствует новое понятие.

Современный этап развития СТ характеризуется действием следующих тенденций:

- 1) усложнение структуры термина;
- 2) аналогичная повторяемость терминологических элементов в наименованиях аналогичных понятий;
- 3) стремление к прозрачности внутренней формы термина;

4) изменение терминируемого понятия при неизменности языкового знака.

Можно сделать вывод, что наиболее продуктивным типом термина для наименования строительных материалов является термин-слово, но для наименования строительных машин и механизмов – термин-словосочетание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Даниленко В.П. Лексико-семантические особенности слов-терминов. М.: Наука, 1971.
3. Скворцов Л.И. Вопросы терминологии и терминотворчества в эпоху М.: Наука, 1981.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка, СПб.: Норинт, 2000.
5. http://org.company-era.ru/artikles/slovar_stroitelnyh_terminov/
6. <http://www.vashdom.ru/doc/gosstroy/>

ФАДЕЕВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
ekaterinafad20@gmail.com

Научный руководитель –
КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

**УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ "ОДЕЖДА" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**
(на материале романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка»)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лексических единиц пассивного запаса языка, относящихся к тематической группе «Одежда». Анализ и классификация лексем указанного типа были проведены на основе текста романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка», написанного в первой половине XIX века.

Русский язык как исторически сложившаяся и относительно устойчивая система знаковых единиц никогда не обладал замкнутостью. Он обогащался как за счет собственных средств, так и путем взаимодействия с другими языками [8: 3]. Вследствие постоянной активности данная система вполне может послужить историческим источником, то есть определенной базой, которая содержит информацию о длительной истории жизни предшествующих нам поколений.

Лексический ярус русского языка обладает огромной подвижностью своего состава. Как пишет Л.А. Булаховский, именно лексика, в отличие от фонетики и грамматики, которые в основном носят консервативный характер, обнаруживает довольно четко отраженные реалии разных исторических эпох, вбирает в себя сведения о них, тем самым существенно преобразуясь [2: 88].

В словарном составе русского языка традиционно выделяется две группы: слова активного употребления и слова пассивного запаса. В активный состав лексики входят лексеммы, которые повседневно используются носителями языка и понятны каждому из них.

К пассивному слою относятся единицы устаревающие и устаревшие [11: 226].

Устаревшие единицы включают в свой состав архаизмы (замененные другими названия сохранившихся в языке понятий) и историзмы (наименования, вышедшие из активного употребления вместе с понятиями, ими обозначаемыми) [11: 227]. Н.М. Шанский определяет указанные единицы как устаревшие слова I-ой степени, противопоставляемые «старинным», «прочно забытым» [12: 143]

Одной из задач настоящей статьи было классифицировать найденные в тексте романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка» историзмы и архаизмы в соответствии с их структурными и тематическими особенностями.

М.И. Фомина, основываясь на структурной характеристике архаизмов, выделяет несколько их типов:

1. Собственно лексические (целиком устаревшие и перешедшие в пассивный слой единицы);

2. Лексико-семантические (многозначные слова, имеющие устаревшие значения);

3. Лексико-фонетические (слова, изменившиеся в процессе развития языка фонетически, но сохранившие при этом свое значение);

4. Лексико-словообразовательные (единицы, обладающие устаревшими словообразовательными элементами) [11: 228].

В учебнике под редакцией Е.И Дибровой обозначаются 2 типа историзмов, которые определяются структурой лексем:

1. Собственно историзмы (слова, называющие исчезнувшие из современной жизни понятия);

2. Семантические историзмы (ЛСВ (лексико-семантические варианты) многозначных слов, вышедшие из употребления вследствие исчезновения называемого ими предмета или явления) [3: 295-296].

Для распределения обнаруженных в тексте историзмов по определенным тематическим группам была использована классификация А.В. Калинина.

Лингвист выделяет 3 группы указанных лексических единиц:

1. Военные;

2. Бытовые и хозяйственные;

3. Историзмы, называющие ушедшие в прошлое явления общественно-политического порядка [7: 102].

Тематической классификации архаизмов в изученных нами источниках обнаружено не было, однако возможно ее создание по аналогии с той, что была использована для анализа историзмов.

Для проведения исследования был взят созданный в первой половине XIX века текст романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка». Целью являлось выявить в нем устаревшие слова тематической группы «Одежда», определить характер данных единиц с точки зрения употребительности и происхождения и установить их лингвистическую судьбу в современном русском языке.

На данный момент обозначенная тема активно не изучается. Однако, как пишет И.Ю. Абрамова, сфера одежды является «одной из самых многочисленных и при этом «открытых» систем современного русского языка», т. е. представляет большой интерес для изучения лексики его пассивного запаса [1: 177].

В.Ю. Соловьев указывает, что в XVIII веке русский язык обогащался за счет заимствований из западноевропейских языков: польского, французского, голландского, итальянского, немецкого. Однако этот процесс оказался настолько чрезмерным, что Петр I вынужден был издать приказ «писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [9: 6-7].

В XIX веке, к которому и относится создание Вельтманом романа «Сердце и Думка», наблюдаются споры о том, что же считать основой русского национального языка [9: 7-8].

Из всего вышеизложенного можно заключить, что язык первой половины XIX века сохранял в себе исконные черты, но вместе с тем непрестанно обогащался за счет европейских языков, а в большей степени за счет французского [9: 8].

Как пишет в одной из своих статей М.Е. Зозикова, самые многочисленные заимствования из французского наблюдались в сфере еды, одежды, обуви и аксессуаров, русской военной терминологии, а также искусства и литературы. Со временем некоторые из них устарели, но большинство присутствует в русском языке и сейчас [6].

Тематическая группа «Одежда», о которой говорится в указанной статье, ярко отражена в тексте анализируемого в настоящей работе произведения. Из более чем 150 примеров устаревших лексических единиц треть составили единицы тематической группы «Одежда». В ходе анализа было выявлено несколько основных закономерностей.

1. Большую часть найденной устаревшей лексики тематической группы «Одежда» составляют историзмы. С точки зрения структурной классификации преобладают собственно историзмы, напр.:

клок – «род женского салопы» [4];

чепчик – «старинный легкий женский головной убор в виде закрывающего волосы капора, который носили в XVIII - XIX вв.» [5];

шлэфор – теплый халат на вате, который появился в России в начале XVIII века как элемент мужского гардероба [10].

Согласно тематической классификации, в тексте романа «Сердце и Думка» преобладающим типом являются бытовые историзмы, напр.: *аграф* ('нарядная застежка, пряжка'), *фероньерка* ('женское украшение в форме обруча, носимое на лбу'), *блонды* ('вид шелковых старинных кружев') и др.

Архаизмы тематической группы «Одежда» представлены в малом количестве и имеют различные структурные особенности. В качестве примера можно привести собственно архаизм *поручни* в значении 'браслеты', словосочетание *шляпка с вуалем*, где слово *вуаль* является лексико-морфологическим архаизмом (согласно классификации, данной в учебнике под редакцией П.А. Леканта [8: 49]) и пр.

Кроме того, стоит отметить, что с тематической точки зрения архаизмы данной группы будут относиться к одному разряду – названия одежды и аксессуаров к ней (напр.: *светы* в значении 'разноцветные ленты' и т. д.)

2. При анализе текста романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка» среди устаревших лексических единиц было обнаружено множество таких, которые пришли в русский язык путем заимствования из французского в первой половине XIX века, напр.:

капот (франц. *capote, capot*) – «женская верхняя одежда широкого покроя для домашнего употребления» [10];

манто (фр. *manteau*) – «широкое дамское пальто с широкими рукавами» [10];

реденгот (фр. *redingote*) – «мужская или женская верхняя одежда прилегающего силуэта, с двумя небольшими воротничками и сквозной застежкой» [4].

В процессе исследования были также обнаружены слова, заимствованные из других европейских языков, но в меньшем количестве, что подтверждает закономерности, выведенные М.Е. Зозиковой, напр.:

кивер (венг. *kiver*) - твердый высокий головной убор некоторых воинских частей [10];

фижмы (нем. *Fischbein* - китовый ус) - «широкий каркас из китового уса или ивовых прутьев в виде обруча, надевавшийся под юбку для придания пышности фигуре; юбка на таком каркасе» [10].

Таким образом, с точки зрения происхождения большинство устаревших лексических единиц тематической группы «Одежда», обнаруженных в тексте романа А.Ф. Вельтмана «Сердце и Думка», являются галлицизмами, что характерно для развития русского языка первой половины XIX столетия.

3. Стоит отметить, что некоторые лексические единицы устаревали уже во времена Вельтмана, в то время как слова типа *капот*, *кивер* входили в группу активного употребления (сейчас же они находятся в пассивном запасе).

Так, например, автор пишет о *роброне* ('старинное женское платье с юбкой на кринолине') и *фижмах* как об устаревающих понятиях. Из этого можно заключить, что уже в первой половине XIX века лингвистическая судьба данных лексических единиц была определена: они переходили в разряд собственно историзмов, с тематической точки зрения являющихся бытовыми, чем остаются и в настоящий период развития языка.

Таким образом, проведенный анализ указанных выше лексем подтверждает закономерности, определенные в работах И.Ю. Абрамовой и М.Е. Зозиковой. Вследствие своей «открытости» тематическая группа «Одежда» достаточно подвижна и изменяема, доказательством чему является высокий процент содержания таких лексем среди прочих историзмов и архаизмов текста А.Ф. Вельтмана. Кроме того, она обнаруживает большое количество заимствований из французского языка, что было характерно для данной категории лексических единиц эпохи первой половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.Ю. Новейшие номинации в системе цветообозначения в русском языке XXI века (на примере тематической группы «Одежда») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 177–184.
2. Булаховский Л. А. Введение в языкознание: учебное пособие для пед. вузов. Ч. 2. М. : Учпедгиз, 1953. 178 с.
3. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб.

заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / [Е. И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева]; под ред. Е.И. Дибровой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 480 с.

4. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 17.12.2021).

5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.12.2021).

6. Зозикова М.Е. Судьба устаревших галлицизмов в современном русском языке // Филология и литературоведение. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philology.snauka.ru/2015/01/1117> (дата обращения: 17.12.2021).

7. Калинин А.В. Лексика русского языка: учебное пособие. М.: Издательство московского университета, 1966. 232 с.

8. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2000. 560 с.

9. Соловьев В.Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие. Пенза: Издательство пензенского университета, 2003. 136 с.

10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 17.12.2021).

11. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1983. 335 с.

12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие для пед. институтов. М.: Просвещение, 1964. 316 с.

ФАРАФОНОВА Мария Сергеевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
farafonova2001@mail.ru

Научный руководитель –
ТЯПКИНА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА,
кандидат филологических наук
доцент кафедры второго иностранного языка
и методики обучения иностранным языкам ВлГУ

«КОРОНАВИРУСНЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлены неологизмы, появившиеся в лексической системе немецкого языка в период пандемии. Материал исследования включает в себя неологизмы «коронавирусной» тематики, отобранные из онлайн-словарей. Определены наиболее продуктивные тематические группы зафиксированных лексических новаций в 2020 и в 2021 гг.

Словарный состав любого языка хранит в себе историю этого языка. Все события, происходящие в жизни общества, входят в язык в виде слов и выражений, которые могут затем либо закрепиться в языке, либо выйти из употребления.

«Всякое новое слово, возникшее в языке тем или иным путем, является неологизмом (от основ греческих слов *neos* новый и *logos* слово). Новое слово остается неологизмом до тех пор, пока оно еще воспринимается именно как новая единица языка» [6: 54].

Сложившаяся в 2020 году ситуация в мире оказала сильное влияние на все сферы жизни общества. Новые реалии нашли отражение в языке и привели к появлению неологизмов. Но пандемия не закончилась, и в 2021 году ее влияние на словарный состав немецкого языка продолжилось.

Уже много лет как в России, так и в Германии проходит акция «Слово Года», направленная на выявление слов и выражений, отражающих события, которые больше всего повлияли на политическую, экономическую и общественную сферы жизни общества за указанный период.

В России самые значимые слова определяет Государственный институт имени А.С. Пушкина. В 2020 году 6 слов из 10 названных были связаны с коронавирусом. Однако самыми важными являются слова **самоизоляция** и **обнуление**, занявшие в списке первое и второе место соответственно [8]. В 2021 году русскоязычным словом года было признано название вакцины от коронавируса: **Спутник**. По результатам анализа, это слово выросло в популярности в 9 раз. И это было ожидаемо: весь год одними из главных тем для обсуждения были вакцинация и признание российской вакцины за рубежом [7].

Вакцинация явилась также главной темой в англоязычном мире. В 2021 году Оксфордский словарь назвал слово **vax** 'вакцина' словом года. Составители словаря считают, что «ни одно слово не отражает атмосферу года лучше, чем вакцина». Это слово употреблялось в сентябре 2021 года в 72 раза чаще, чем в том же месяце в прошлом году [5].

Что касается слова года в Германии (которое определяется Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache)), в 2020 году первое место ожидаемо заняло слово **Corona-Pandemie** 'пандемия коронавируса' и еще 7 слов из 10 имели отношение к пандемии [3]. В этом году первое место было отдано слову **Wellenbrecher** 'волнорез'. Это слово, не являющееся в немецком языке новым, получило новое значение: мероприятия, направленные на то, чтобы остановить распространение коронавируса (т.н. волны). Кроме указанного выше еще 5 слов из 10 относятся к теме пандемии, а именно: **Pflicht** ('увольнение по собственному желанию с работы по уходу за больными', 3 место), **Impfpflicht** ('обязательная вакцинация', 4 место), **Lockdown-Kinder** ('дети локдауна', 6 место), **Booster** ('ревакцинация', 7 место), **freitesten** ('люди, которые не были вакцинированы и не выздоровели, могут избежать определенных ограничений, связанных с пандемией, сдав тест на коронавирус', 8 место) [4].

В прошлом году нами было отобрано и проанализировано 177 неологизмов, относящихся к теме пандемии [2]. Мы разделили их на 9 тематических групп:

1. слова, обозначающие запрет выхода из дома и то, как это повлияло на жизнь людей (**das Außer-Haus-Verbot, Coronavirus-Lockdown** (ohne Artikel), **das Onlinelearning, das Digitalsemester, der Ausgehgrund**);

2. новые виды досуга (**Balkongesänge** (Plural), **das Home-Clubbing, die Coronaparty, das Co-Watching, das Distanzkonzert**);

3. слова, связанные с акцией по возвращению граждан Германии из зарубежья (**die Coronavirus-Rückholaktion, die Abreisepflicht, das Rückholticket, der Rückkehrerflug, der Rückkehrerflugplan**);

4. защитные маски и все, что с ними связано (**die Mund-Nase-Bedeckung, die Maskennäherin, die Maskenregel, bemaskt** (Adj.), **maskenfaul** (Adj.) ‘кто-то, кто ленится носить маску’);

5. слова, связанные с тестами и вакцинацией (**der Ansteckungstest, das Coronavirus-Testkit, die Covid-19-Testung, der Coronaimpfstoff, der Impfkrieg**);

6. «AHA-Formel» («Abstand, Hygiene, Alltagsmaske» – ‘дистанция, гигиена, ежедневная маска’) (**der Zwischenplatz, die AHA-Formel, die Distanzpflicht, der Outdoor-Gottesdienst** ‘церковная служба, проходящая не в здании, а на улице’, **die Fünf-Personen-Begrenzung**);

7. слова, связанные с обозначением временных промежутков (**die Nachcoronazeit, die Prä-Corona-Ära, der Coronasommer, die Pandemiegegenwart, der Coronawinter**);

8. распространение вируса и его последствия (**die Fallzahlenkurve, die Telefonkrankschreibung, ereignismager** (Adj.), **die Infodemie, das Fake-News-Ökosystem**);

9. слова, описывающие поведение людей (**das Klopapierlager, der Coronastress, coronamüde** (Adj.), **die Anti-Corona-Maßnahmen-Demo, die Maskenklage**).

Наиболее продуктивными тематическими группами в 2020 году стали группы «запрет выхода из дома и то, как это повлияло на жизнь людей» и «распространение вируса и его последствия». Вместе слова из этих групп составляют практически половину всех неологизмов.

В 2021 году прослеживаются два пика появления новых слов: февраль (34 слова) и март (37 слов). Далее продуктивность появления неологизмов резко снижается. Наблюдается значительный прирост в следующих тематических группах: 1 (запрет выхода из дома: **der Flockdown** ‘локдаун во время зимы, когда за окном идет снег’, **der Endloslockdown, der Wellenbrecherlockdown, der Schullockwon**), 5 (тесты и вакцинация: **die Impfreihenfolge, das Drive-in-Testzentrum, die Impfprioritätsgruppe, die Auffrischungsimpfung, die Impfnacht** ‘вечеринки и прочие мероприятия, на которых можно вакцинироваться’, **2G** ‘geimpft, genesen’, **3G** ‘geimpft, genesen, negativ getestet’), 8 (распространение вируса и его последствия: **die grüne/rote Zone** ‘название регионов в зависимости от уровня заболеваемости’, **der Genesungsnachweis, der Hochinzidenzstaat, der Zutrittspass**) и 9 (поведение людей: **die Pandemie-Straftat** ‘преступление, связанное с несоблюдением коронавирусных мер’, **mütend** ‘müde + wütend’, **die Impfnachweis-Fälschung, der Impftourismus** ‘люди отправляются вакцинироваться в другие страны/регионы из-за нехватки вакцины или по другим причинам’). Из 134 отобранных нами неологизмов 127 относятся к этим группам [1]. Самой непродуктивной оказалась тематическая группа, связанная с возвращением граждан Германии из зарубежья: она не пополнилась новыми словами. Это связано с тем, что такие акции проводились только в самом начале пандемии, весной 2020 года. Самой продуктивной ожидаемо оказалась группа, связанная с

тестами и вакцинацией (61 новое слово). Причем преобладают слова, связанные именно с вакцинацией. Это еще раз доказывает значимость данной темы для общества.

Изучив все полученные данные, можно сделать вывод, что пандемия оказала очень сильное влияние на язык. В 2020 году словарный состав немецкого языка значительно пополнился обозначениями новых реалий. В 2021 году одной из самых обсуждаемых тем года стала вакцинация, что и подтверждается полученными данными.

Пандемия и ее последствия будут долгое время влиять и на нашу жизнь в целом, и на язык в частности. Можно предположить, что 2022 году появление неологизмов, связанных с данной темой, тоже будет наблюдаться, но, возможно, не в таком объеме, как в предыдущие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Wortwarte – Reloaded [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wortwarte.org/>.
2. Die Wortwarte. Eine Sammlung von Neologismen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wortwarte.de/>.
3. GfdS wählt »Corona-Pandemie« zum Wort des Jahres 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gfds.de/wort-des-jahres-2020-1/>.
4. GfdS wählt »Wellenbrecher« zum Wort des Jahres 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gfds.de/wort-des-jahres-2021/>.
5. Oxford Languages' Word of the Year 2021, Vax: A report on the language of vaccines [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2021/>.
6. Лексикология немецкого языка. Пособие для учителей / К.А. Левковская. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. 248 с.
7. Осадчий М.А. Институт Пушкина объявил русскоязычное слово года: Спутник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=30095>.
8. Осадчий М.А. Итоги исследования «Слово Года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=27341>.

ХОДЖАЕВА Эльнара Эльдаровна
(Владимир, Россия – Туркменабад, Туркмения)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
elnara.khodzhayeva@mail.ru

Научный руководитель –
САФРОНОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства выражения времени с точки зрения основных значений, которые они способны формировать, а также отмечается, что именно лексические средства выражения времени, в отличие от грамматических, наиболее ярко отражают особенности менталитета народа, культурные, религиозные и иные особенности говорящего и пишущего.

В жизни нет более важного элемента, чем материя, движение которой невозможно представить без наличия времени и пространства. Время в сознании человека формирует понимание протекания естественных и общественных процессов, отношение к настоящему, прошлому и будущему. Время теснейшим образом связано со всеми сферами человеческой жизни, поэтому с различных позиций оно рассматривается в различных областях философского и научного познания.

Средства и способы выражения времени в языке являются объектом изучения лингвистики. Активно изучаются категории времени глагола, синтаксического времени, темпоральности, таксиса, лексические и лексико-грамматические средства выражения времени. В последние десятилетия возрастает интерес к когнитивным моделям времени, которые тесно связаны с ментальными особенностями конкретных народов [2, 4].

Все многообразие лексических средств выражения времени принято классифицировать по частеречной принадлежности: наречия,

существительные и прилагательные с временным значением. Отмечаются и основные значения, которые лексические средства могут иметь в предложении. Выделяются следующие основные лексические значения:

1) соотнесенности явления действительности с моментом речи: *... я думал о том, какая, наверно, унылая, мглистая равнина с плешинами серого, обдутого ветрами льда, со свинцовыми полыньями лежит **сейчас** перед окнами лесной сторожки (С. Никитин); Мы ушли очень далеко в тот день по лесистым, не захваченным полой водой буграм, приглядывая места для **завтрашней** тяги (С. Никитин).*

2) временной протяженности, длительности: *Василий Акимович под Воронежем уснул **навечно**... (С. Никитин); – Никак все-таки не пойму, – задумчиво сказал он, – **долга** наша жизнь или трагически **коротка**... (С. Никитин);*

3) неоднократности действия, повторяемости: *– А ты помнишь упавший вяз, который еще **несколько лет** сопротивлялся смерти и **каждую весну** выбрасывал мелкие розовые листочки? (С. Никитин); **По утрам** я просыпался с чувством необыкновенной свежести (С. Никитин);*

4) постоянства: *«Полноте, – как бы говорит он смятенным горем людям, – посмотрите кругом, все осталось, как было, и пребудет **вечно**» (С. Никитин);*

5) последовательность событий: *Поговорил **сначала** с Кандыбиным, с Ульяной, **потом**, так же обстоятельно, изложил Ане свои условия... (С. Никитин).*

Существительные со значением времени указывают на различные временные отрезки, такие как время суток, дни недели, периоды года, месяцы, периоды жизни человека, временные интервалы и т. д.: *И когда фотозащитный элемент, заживавший бакены с **наступлением темноты** и гасивший их с **рассветом**, – крохотная штучка, умещавшаяся на*

ладони, – в одно **лето** сделал ненужными и керосиновый фонарь, и долбленный осиновый ботник, и чистенькую избушку на берегу, и само дело, которому бакенщик отдал больше **четверти века**, он тоже не приуныл – ушел на пенсию, избушку выкупил у государства и **летом** жил в ней, как прежде (С. Никитин); Зато какой рай, когда няня придет, бывало, за мной **в субботу** вечером (Ф. Достоевский); Часто, уже **в старости**, говаривал он: «Вот бы мне лосиные ноги...» (С. Никитин); Прошло не более **десяти минут**, как веки сбросили тяжесть и глаза открылись неожиданно легко – и сна как не бывало (С. Никитин).

На время могут указывать и некоторые имена существительные, называющие какие-то события, которые могут служить точкой отсчета для других событий: *Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи* (И. Шмелёв). Часто в роли таких существительных выступают названия исторических событий: *Мне наивно верилось, что эта революция может внезапно переменить людей к лучшему и объединить непримиримых врагов* (К. Паустовский). Стоит отметить, что выбор событий, являющихся точкой отсчета для других, безусловно, связан с культурными, историческими, религиозными особенностями говорящего или пишущего. Так, например, упоминание Пасхи, Масленицы и других православных праздников в качестве точки отсчета будет говорить о том, что, вероятно, говорящий имеет отношение к христианству и к русской культуре, а упоминание о Новрузе, празднике Курбан-байрам – о том, что отправитель речи, вероятно, связан с мусульманской культурой. Исследователи отмечают, что именно в употреблении лексических средств выражения времени чаще всего проявляются не только культурные, религиозные предпочтения человека, но и его менталитет. Так, отмечается, что для русского человека важное значение имеет заполненность времени событиями. Даже в традиционные формы приветствия «доброе утро», «добрый

день» и «добрый вечер» русские люди, по замечанию А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёва, в отличие от других народов, вкладывают представление о заполненности времени событиями. Если для англичанина форма приветствия *good morning* связана с представлением о времени до полудня, то есть до 12 часов, то для русского человека – с моментом пробуждения. То есть «доброе утро» обычно говорят человеку непосредственно после пробуждения, даже если он проснулся поздно и еще не приступал к каким-либо важным занятиям. И наоборот, если после пробуждения прошло достаточно много времени и человек уже работает, то приветствие *доброе утро* будет не совсем уместным, даже если до полудня еще далеко [3: 239].

Замечено также, что русские люди в целом более свободно обращаются со временем, чем представители Западной Европы, поэтому очень часто, особенно в пословицах, поговорках, фразеологизмах, временные отрезки имеют очень приблизительное значение: *Делу время – потехе час*. Не обращаясь к первоначальному смыслу выражения, ставшего пословицей [см. 3], отметим, что в настоящее время, употребляя это выражение, мы имеем в виду, что нужно больше времени уделять делам, чем развлечениям. Слово *час* здесь не имеет значения «промежуток времени, равный 60 минутам», а просто указывает на незначительный по времени отрезок, а слово «время», в современном языке имеющее очень общее значение, не соотносимое с конкретным временным отрезком, указывает здесь на длительный промежуток времени.

В художественном тексте лексемы со значением времени могут выступать и в качестве средства речевой характеристики персонажа. В рассказах владимирского писателя С.К. Никитина удалось выявить стилистически окрашенные лексемы со значением времени, которые используются в основном в речи персонажей. Как правило, это лексемы с разговорной и даже просторечной окраской (*нонче, вчерась, в миг*):

Бывало, какой приказ написать, он в миг; – Я три дни в городе луком торговал, а нонче иду домой, вижу, под деревней в поле человек кружит; Алексей-то Ефимыч еще вчерась помер (С. Никитин). Эти слова помогают автору в создании образов простых, не очень грамотных, но искренних и прямых людей, которые и были героями его произведений.

Таким образом, лексические средства выражения времени способны передавать разнообразные оттенки временных значений, которые не могут быть переданы при помощи грамматических средств. Именно лексические средства выражения времени обладают большим потенциалом в передаче личностных, национальных, культурных и иных особенностей отправителя речи и являются отражением менталитета представителей того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Время суток и виды деятельности // Зализняк А.А., Левонина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 39-50.

2. Сафронова Н.А. О когнитивных моделях времени в языке // Язык и ментальность в диахронии: Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир – Суздаль, 26-28 сентября 2017 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 442-447.

3. Словарь крылатых слов и выражений // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3336/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D1%83

4. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах. Автореферат ... доктора филологических наук. Тверь, 2009. 43 с.

ШАВИЛОВА Наталья Сергеевна (Термез, Узбекистан)

магистрант
Термезский государственный университет
shavilova_tergu@mail.ru

Научный руководитель –
БАКИРОВ ПОЁН УРАЛОВИЧ,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета русского и родственных языков
Термезского государственного университета

ЯВЛЕНИЕ ПАРОНИМИИ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию понятий «паронимия», «паронимы», как объективное следствие языковой эволюции, один из кругов образующих лексику.

В словарный состав русского языка входит целый ряд лексических категорий, одной из которых являются паронимы (от греч. пара «возле, рядом» + опута «имя»).

Паронимы – это разные по значению слова, близкие по произношению, лексико-грамматической принадлежности и по родству корней, сходность в звучании которых приводит к смешению их в речи: ковкий // ковочный, мудрость // мудрить, экспонат// экспонент [2, с.11].

Изучением явления паронимии в русском языке занимались многие известные лингвисты: В.В. Виноградов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, А.Н. Гвоздев, О.С. Ахманова, Ю.А. Бельчиков, Р.А. Будагов, Л.А. Введенская, Н.М. Шанский, О.С. Вишнякова, В.П. Григорьев, И.Б. Голуб, Н.П. Колесников и многие другие.

Анализ работ этих ученых показывает, что в данном вопросе нет единства мнений, существуют различные точки зрения, иногда достаточно противоречивые на природу паронимии.

Так, одни ученые (н-р, Л.А. Введенская, Ю.А. Бельчиков, М.С. Панюшева и др.) считают, что паронимы – это однокоренные слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях (узнать – признать, одеть – надеть, подпись – роспись). Паронимы, как правило,

относятся к одной и той же части речи и выполняют в предложении аналогичные синтаксические функции.

Другие исследователи (Колесников Н.П., Ахманова О.С. и др.) понимают явления паронимии расширенно, относя к паронимам любые близкие по звучанию слова, независимо от того, однокоренные они или нет [1], то есть паронимами признают и такие слова, как трель – брель, ланцет и пинцет, фарш и фарс.

Большинство лингвистов считает, что паронимия охватывает лишь родственные слова, имеющие звуковое подобие [4] (н-р, Вишнякова О.В.). Звуковая близость их и сходство в значениях объясняются тем, что у них один и тот же морфологический корень.

В работе "Паронимия в русском языке" О.В. Вишнякова отмечает: "Лексические паронимы - это однокорневые слова, имеющие лексико-семантическую близость и принадлежащие одному семантическому полю. Паронимия - самостоятельное языковое явление как омонимия, синонимия и антонимия, слова народной этимологии, варианты слова, слова с общей понятийно-логической соотнесенностью".

В "Очерках по стилистике русского языка" А.Н. Гвоздев пишет: "К омонимам близки паронимы, представляющие собой разные по значению, со сходным, хотя и не тождественным произношением (вакансия - вакация)" [5].

Колесников Н.П. дает следующее определение: "Термином паронимия... принято называть такое явление в речи, когда два слова, в какой-то мере сходно звучащие, но имеющие разное значение, ошибочно употребляется одно вместо другого. Например, употребление адресат вместо адресант, боцман вместо лоцман, кремень вместо кремний, одеть вместо надеть, эмигрант вместо иммигрант являются паронимией, а слова, составляющие такие пары, называются паронимами" [7: 78].

Похожее определение можно найти в "Словаре-справочнике лингвистических терминов", автором которого являются Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова: "Паронимы ... чаще однокоренные слова, близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие в своем значении: ароматный - ароматический - ароматичный; банковский - банковый; встать - стать; героический - геройский" [8].

Н.М. Шанский в работе "Лексикология современного русского языка" пишет: "Одним из видов региональных толковых словарей нормативного характера являются словари паронимов, под которыми понимаются то близкие по своему звучанию, то различные по значению слова в целом (как однокорневые, так и гетерогенные), то одни лишь однокорневые слова разной семантики. В последнем случае лексические единицы сходного звучания, но различного значения относятся к паронимии" [9].

Отдавая должное работам В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Н.М. Колесникова, О.В. Вишняковой, Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, О.С. Ахмановой, А.Н. Гвоздева и других, в качестве исходного определения остановимся на определении, которое дает нам И.Б. Голуб: "Однокоренные слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях (узнать - признать, одеть - надеть, подпись - роспись), называются паронимами (греч. *para* – возле, *onoma* – имя). Паронимы, как правило, относятся к одной и той же части речи и выполняют в предложении аналогичные синтаксические функции" [6: 50-51].

Отношение паронимии к другим языковым явлениям современного русского языка. Исследуя отличия паронимии от смежных с ней языковых явлений, можно выявить специфические черты паронимии, что позволит установить реальные закономерности функционирования паронимов в речи:

Паронимы и синонимы. Основным отличием этих двух языковых явлений может служить тот факт, что синонимами называют «слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Паронимами же являются слова, обозначающие разные явления действительности. Отличающим является и тот факт, что большая часть синонимов существует в языке в виде неоднокорневых гнезд слов с объединяющим их значением, тогда как паронимы объединяются в гнезда не только по лексическим значениям слов, но и по этимологическим признакам.

Слова синонимического гнезда могут быть использованы для пояснения непонятого слова путем замены его более известным и подходящим в данном контексте. Паронимы же «всегда идут параллельно» [З: 101] и заменяться один другим не могут. Среди синонимов есть лексические дублиеты: фриктивный – щелевой; лингвистика – языкознание.

Среди паронимов лексических дублиетов нет. Отличаются от паронимов и однокорневых слов синонимы типа: чаща – чащоба; ученье – учеба; краса – красота; нарочно – нарочито и др.

В словарях таких пар синонимов нет признаков, резко отличающих их значение, а в паронимах такая смысловая разница обязательно имеется.

Отличием синонимов в фонетическом отношении заключается в том, что ударение в них не играет такой роли, как в словах-паронимах. Не является обязательным признаком синонимии созвучие слов, которое необходимо для паронимов.

Итак, сопоставив паронимы и синонимы, можно ответить полную самостоятельность паронимии как языкового явления.

Паронимы и омонимы. Провести четкое разграничение этих понятий необходимо, в силу того, что иногда паронимы называют псевдонимами.

Омонимы – совершенно одинаково звучащие разнокорневые слова («иногда даже происходящие из разных языков»), имеющие одинаковое написание: стекло – стекло:

- 1) Стекло – корень – тек(ч) – русского происхождения;
- 2) Стекло – корень – стеки – готского происхождения.

Паронимы же – только подобно, сходно звучащие однокорневые слова: зубастый – зубатый:

- 1) Зубастый – корень – зуб (разг.) с большим количеством зубов;
- 2) Зубатый – корень – зуб (разг.) имеющий большие зубы.

Основным отличием паронимов от омонимов является неодинаковое построение словообразовательных рядов.

Вторым отличием омонимов от паронимов является то, что лексическое значение слов-омонимов в речевой ситуации нейтрализуется контекстом, лексическое же значение слов-паронимов, отнюдь не вытекает из контекста, хотя правильное употребление соответствующего паронима служит уточнению смысла того или иного выражения.

Третий факт, отличающий омонимы от паронимов, заключается в том, что из слов-омонимов, в то время как из ряда слов-паронимов образуются гнезда пар паронимов: безответно // безответственно; безответный // безответственный; Безответность // безответственность.

Кроме того, омонимы часто используются при построении каламбуров:

Рубины губ ее – огонь, мне душу жгут.

И клятвам верить был бы рад, но искренне ль они?

И светочь верности в тебе зажгут, иль не зажгут?

(А. Навои)

Случаи же построения каламбурного созвучия с использованием слов-паронимов редки:

Я не хочу терпеть диктат и не хочу писать диктант.

Паронимы и антонимы. Слова – антонимы сочетаются с одним и тем же кругом слов, образуя противоположные по смыслу выражения. Антонимы могут быть использованы для выяснения того или иного оттенка значения как синонима, так и ряда паронимов. Смысловые значения некоторых паронимов – существительных антонимично.

Например: сталактит (известковый нарост на своде пещеры, образованный подающими каплями) // сталатит (известковый падающими с ее сода каплями), адресат (тот, кому адресовано почтовое отправление) // адресант (тот, кто посылает почтовое отправление) и т. д.

Паронимы и варианты слова. Следует четко отграничивать друг от друга эти языковые явления на том основании, что фонетические и грамматические видоизменения в вариантах одно и того же слова не ведут к изменениям в лексическом значении слова. Варианты слова и паронимы сходны только тем, что в состав обеих лексических единиц входят однокорневые слова: двуспальный // двухспальный; короткошерстный // короткошерстный и др.

Паронимы не могут быть взаимоподменимы без изменения смысла предложения. Они, как правило, не сочетаются одним и тем же кругом слов, в то время как варианты одного и того же слова сочетаются и при взаимоподмене не влияют на смысл предложения. Варианты одного и того же слова всегда можно заменить.

На фонетическом уровне видоизменением слов-вариантов одного и того же слова зависит от ударения, которое в ряде случаев неодновременно: твóрог – творóг; инáче – úначе, а в словах–паронимах всегда одновременно: опáсный – опáсливый, сбóрочный – сбóрочивый.

Сравнивая паронимы и варианты слова, необходимо учитывать и функции аффиксальных морфем. Если значения аффиксов совпадают – перед нами варианты одного и того же слова, если же нет – это паронимы.

Итак, смешение паронимов с вариантами одного и того же слова недопустимо.

Паронимы – одно из выразительных средств и языковых богатств русской речи. Правильное использование паронимов является показателем культуры речи.

Паронимы, будучи тесно связаны с такими явлениями языка, как синонимы, омонимы и антонимы служат воспроизведению колорита эпохи, места действия, речевой характеристики персонажей. Стилистически паронимы обуславливают разнообразие устной и письменной речи. Уточняют смысл высказываемого, позволяют сохранить однозначность мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1983. №5.
3. Вишнякова О.В. Паронимы в русском языке // МВШ. 1974.
4. Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. М., 1987.
5. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1988.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2004.
7. Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, 1971.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1972.
9. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
10. <http://garshin.ru/linguistics/>
11. <http://miresperanto.com/>
12. <http://yazykoznanie.ru/>

ЭРГЕШОВА Айкейик Эркиновна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
Aykeyik@list.ru

Научный руководитель –
КОВАЛЬЧУК ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале русского и туркменского языков)

Аннотация. В статье рассматриваются методические приемы обучения русскому речевому этикету в туркменской аудитории в контексте подготовки к межкультурной коммуникации. В этой связи отмечается важность изучения формул русского РЭ через сопоставление с родным языком. Приводятся результаты изучения особенностей туркменского речевого этикета.

Каждый живой язык существует в мире его носителей. Без приобретения фоновых знаний культуры народа, которую представляет тот или иной язык, невозможно успешно пользоваться этим языком как средством общения.

У представителей разных культур по-разному идет дешифровка полученных сообщений. Часто даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка.

Обучая русскому языку иностранцев, необходимо одновременно готовить их к коммуникации с носителями этого языка, к межкультурному общению.

Готовясь стать преподавателями русского языка как иностранного в туркменской аудитории, мы осознаем, что основная задача такого обучения состоит не только в том, чтобы научить читать и писать по-русски, дать основы грамматики языка. Целью обучения является и приобретение туркменскими учащимися возможности полноправно участвовать в межкультурной коммуникации, комфортно себя

чувствовали в различных ситуациях общения с русскими, т. е. необходимо стремиться к единству языка и культуры в учебном процессе.

Большой интерес, на наш взгляд, в этой связи представляет изучение русского речевого этикета, что способствует усвоению иностранцами норм и ценностей другой национальной культуры.

Речевой этикет обладает набором общих для различных культур черт. При этом воплощение этих формул в речи отдельной лингвокультурной общности может иметь свои особенности, свое выражение.

Представляется, что в процессе обучения иностранцев русскому речевому этикету важно провести сопоставительный анализ формул речевого этикета в русском и родном языках обучающихся. Это помогает не только увидеть на примерах различия в двух языках, но и способствует быстрому усвоению речевых формул изучаемого языка в соответствии с принципами коммуникативного подхода к обучению русскому языку как иностранному.

Актуальность данной темы обусловлена также недостаточность материалов по сопоставлению формул речевого этикета русского и туркменского языков в методических целях преподавания РКИ.

При анализе использовались методы описания и сравнения этикетных формул русского и туркменского языков, а также подбор эквивалентов при переводе с русского языка на туркменский.

Сопоставление формул речевого этикета русского и туркменского языков считаем возможным провести на основе следующих национальных особенностей русского речевого этикета: а) «ты/Вы»-форма обращения к одному человеку; б) специфика системы именований (имя-отчество-фамилия); в) синонимическое богатство фраз речевого этикета.

Мы увидели, что главные национально-культурные особенности связаны с формой обращения к человеку, спецификой именования человека.

Прежде всего, наши языки отличаются спецификой обращений к родственникам. Вероятно, это связано с тем, что в Туркменистане со времен феодально-патриархальных отношений кровному родству придавалось очень большое значение, и жизнь общества рассматривалась через призму семейной.

Здесь как особо значимые и отличающиеся от русского речевого этикета следует отметить:

1. Обращение к родственникам старшего поколения.
2. Отсутствие необходимости уточнения того, о каком дедушке или какой тете идет речь, так как оно уже входит в лексическое значение слова (соответствующей лексемы):
3. Обращения, принятые между супругами.
4. Специфичная система обращения к родственникам одного поколения.

Система именования также имеет свою национальную специфику. В туркменском речевом этикете обращение по фамилии или имени-отчеству очень редки. Даже при официальном общении к человеку обращаются, чаще всего, почтительно «ага». Внимание туркменских обучаемых нужно обратить на то, что в русском речевом этикете не допускается принятое в туркменской культуре обращение: «Преподаватель» – *Mugallym* (мугаллым).

В методической литературе по обучению РКИ [2] выделяется более 10 различных ситуаций речевого этикета. В рамках подготовки ВКР нами составлено 15 тематических таблиц формул русского речевого этикета и их туркменские эквиваленты, что составляет ПРИЛОЖЕНИЕ к работе. Здесь обязательно нужно обратить внимание

обучаемых на стилистические различия богатых синонимических рядов формул речевого этикета.

В неформальной ситуации общения используются непринужденно-разговорные выражения с обилием эллиптических, «осколочных» структур с частицами: «Ну пока!», «Всего!», «Как жизнь?».

Официальное общение требует стилистически возвышенных, синтаксически полных структур: «Разрешите поблагодарить вас», «Рад вас приветствовать».

В таблицах русских и туркменских эквивалентов формул речевого этикета мы делали обязательные стилистические пометы: «официальное», «возвышенное», «разговорное», «просторечное». Считаем, что это поможет быстрому усвоению речевых формул изучаемого языка. Приведем в качестве примера часть большой таблицы по теме «Приветствия», а именно «проявление чувств к собеседнику при встрече»:

Проявление чувств по отношению к собеседнику	
Какая встреча!	Nahili dususyk!
Приятная встреча!	Yakymly dususyk
Рад(а) вас (тебя) видеть!	Sizi gorenime shat!
Я так рад(а) вас (тебя) видеть!	Sizi gorenime oran shat!
Хорошо, что я встретил(а) вас (тебя)	Sizi gorenim gowy boldy
Какая неожиданность!	Nahili garasylmadyk yagday!
Какая приятная встреча!	Nahili yakymly dushusyk!
Вот это встреча!	Ine bu gorushmek!
Кого я вижу?	Men kimi goryan!
Не ожидал(а) вас (тебя) встретить (здесь)!	Sizi gorerin diyip garashmandym!
Давно не виделись!	Kopden bari biz gorismedik!
Давненько мы не виделись! (разговорное)	Kopden bari gorushmedik!
Сколько лет, сколько зим!	Nache yyl bari!
Сто лет тебя не видел!	100 yyldan bari seni gormedim!

Рассматривая национальные особенности русского речевого этикета, мы отмечаем использование фразеологических единиц в русском речевом этикете. Фразеологические единицы нельзя перевести, возможно только найти эквивалентную фразеологическую единицу в туркменском языке.

Проводя сопоставление, мы заметили, что большинство фразеологизмов речевого этикета двух языков имеют одинаковую образную основу. Например:

Не принимайте близко к сердцу – Yureginize yakyn alman

Сколько лет, сколько зим! – Кор wagtlardan bari!

Фразеологизмы, отличающиеся по своей образной основе, представляют большой интерес. Например, фразеологизм «Скатертью дорога!» в негативном значении имеет эквивалент «Gozumgormesin seni», что можно перевести как «мои глаза не хотят больше тебя видеть».

Таким образом, умение правильно использовать сопоставление, перевод и подбор эквивалентов формул речевого этикета при обучении русскому языку как иностранному является необходимым условием достижения успеха туркменскими учащимися в общении на русском языке.

В научной литературе понятие речевого этикета рассматривается в контексте культуры и через коммуникацию. Н.И. Формановская, один из основателей описания системы русского речевого этикета применительно к обучению иностранцев, анализирует природу общения в аспекте коммуникативной лингвистики [1].

Ситуации речевого этикета – это ситуации непосредственного общения. Таким образом, изучение и обучение правильному их использованию проводится прежде всего в диалогической работе.

Чтобы правильно употреблять ту или иную формулу, или даже форму слова, необходимо ознакомить студентов с формулами речевого этикета, которые могут быть различны в зависимости от ситуации.

После установления отличий возможно работать по системе, в которую могут входить разнообразные виды упражнений и заданий, такие как:

- диалоги с подстановкой;
- проблемно-поисковые типы заданий;
- разыгрывание ситуаций, моделирующих какой-то момент общения;
- составление диалогов;
- ролевые игры;
- составление документов (письменные задания по обучению правильному составлению поздравлений, благодарственных писем, приглашений, писем с извинениями и т. д.);
- визуальные и мультимедийные материалы.

Перспективным также является включение в языковой курс лингвокультурных блоков, которые способствуют освоению этикетных формул изучаемого языка, т.к. речевой этикет связан с национальной спецификой фразеологических выражений, нередко безэквивалентных, с обычаями, привычками и обрядами народа. Такую работу возможно проводить и на начальном этапе изучения языка, но, прежде всего, она относится к продвинутому этапу. Здесь художественная литература, являясь очень важным источником приобретения лингвострановедческих знаний, оказывается богатым источником в изучении речевого этикета народа.

Таким образом, преподаватель должен следовать основным методическим принципам и использовать целый ряд методических приемов при обучении иностранных студентов русскому речевому этикету. Благодаря использованию целого комплекса заданий у

студентов вырабатываются наиболее эффективные стратегии поведения в этикетной ситуации. Умение правильно использовать этот важный компонент владения иностранным языком – необходимое условие успеха в общении.

Русский язык отражает богатейший материал речевого этикета как части национальной культуры, а теория и практика РКИ предоставляет большие возможности для обработки и использования этого материала для достижения успешной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: монография. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
2. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1984. 194 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. <http://www.lit-ru.ru/files/obrachenie.html>

ЯЗГУЛЫЕВА Шахрибан Агамырадовна
(Владимир, Россия – Кушка, Туркмения)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
yazgulyyeva1998@gmail.com

Научный руководитель –
САФРОНОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)

Аннотация. В работе дается представление о сложности времени как философской и научной категории, представлена попытка обзора основных средств выражения времени в языке, а также выявлены некоторые особенности функционирования лексических средств темпоральности в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

«Время есть бесконечное движение, без единого момента покоя – и оно не может быть мыслимо иначе», – такое толкование дает понятию «время» Л.Н. Толстой. Время, являясь элементом окружающей нас реальности, всегда было в центре внимания ученых. С древних времен до наших дней представители разных наук стремились найти ответы на вопросы, связанные с этой категорией: о реальности существования времени, его природе, свойствах и др. Представления о времени отражены в работах современных русских и зарубежных ученых В.Н. Дубровского, Р.Я. Штейнмана, Е.И. Головахи, А. Грюнбаума, В.И. Молчанова, П.П. Гайдено и др.

Первые представления о существовании времени связаны с концепциями великих древнегреческих философов Платона и Аристотеля. Важную роль в прогрессе естественнонаучных представлений о времени сыграли теории абсолютного времени И. Ньютона и относительного времени Г. Лейбница. Следующим этапом в изучении времени стало появление физической теории электромагнитного поля М. Фарадея, Г.А. Лоренца, Дж.К. Максвелла,

Г. Герца и др. и теории относительности А. Эйнштейна. Если в развитии естественнонаучных представлений о времени революционными теориями стали концепции И. Ньютона и А. Эйнштейна, то в философии такой прогресс связан с идеями И. Канта. Он рассматривал сознание в контексте времени, функции времени в структуре познавательной способности [4: 4].

Подходы к изучению времени и возникновение в естественных и гуманитарных науках «нефизических» понятий, таких как «биологическое время», «физиологическое время», «геологическое время», «психологическое время», «социальное время», «художественное время» и др. обусловили сложность понятия времени и его проявлений. В естественных науках понятие времени связано с объективностью, а в гуманитарных науках реализуются субъективные представления о времени.

Категория времени нашла свое отражение и в языкознании. Многие ученые-лингвисты попытались дать определение времени и объяснить, какие языковые средства употребляются при обозначении этого понятия. Одна группа лингвистов выделяет категорию времени как текстообразующую, к примеру, И.Р. Гальперин говорит о категории времени как о «единстве континуума, ретроспекции и проспекции» [2: 106]. А.В. Бондарко отмечает «комплекс семантических категорий, отражающих различные аспекты понятия времени. Данный комплекс включает в себя категории темпоральности, аспектуальности, временной локализованности и временного порядка» [1: 29].

Время как грамматическая категория рассматривается в трудах А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.А. Шахматова, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева и др.

В лингвистике выделяются два аспекта взаимодействия времени и языка: язык во времени (время как внешний фактор по отношению к языку) и время в языке (время как внутренний фактор по отношению

к языку). Время как внешний фактор проявляется в эволюции языков мира и в истории конкретного языка. Время как внутренний фактор характеризует формальную и содержательную стороны языка [3].

Категория времени может быть выражена в разных формах и различными средствами. В русском языке существуют средства выражения значения времени на разных языковых уровнях: на лексическом и на грамматическом уровнях.

На морфологическом уровне языка основным средством отображения времени является категория времени глагола. *Категория времени глагола* – это грамматическая категория, которая выражает отношение действия, выраженного глаголом, к моменту речи. Действие может совпадать с моментом речи, может и не совпадать. Время, которое определяется отношением к моменту речи, называется *абсолютным временем*, а формы его выражающие формами абсолютного времени. *Относительное время* – это время одного действия по отношению ко времени другого. Грамматическая категория времени глагола тесно связана с категорией вида. Только глаголы несовершенного вида имеют формы всех времен: настоящего, прошедшего, будущего. Глаголы совершенного вида имеют формы прошедшего и будущего: *писал, пишу, буду писать* (несов. вид), *написал, напишу* (сов. вид).

Категория времени на синтаксическом уровне выражает отношение высказывания к моменту речи. Синтаксическое время проявляется и в тех предложениях, где нет глагола: *Сегодня холодно. Ночь.*

На лексическом уровне временные значения выражаются такими частями речи, как существительное, прилагательное, наречие. Прилагательные, выражающие признак предмета со значением отношения ко времени: *прошлый, будущий, утренний, молодой и т. д.* Наречия, выражающие временные значения, указывают на то, когда именно произошло определенное действие: *скоро, когда, долго, позже,*

потом и т. д. Имена существительные могут обозначать определенные по длительности отрезки времени, а также календарное время: *месяц, год, лет, день* и т. д.; временные отрезки неопределенной длительности: *момент, мгновенье, вечность* и т. д.; номинации циклических событий человеческой жизни: *завтрак, ужин, досуг* и т. д.; номинации циклических природных явлений: *день, ночь, лето, весна* и т. д.; номинации признаков антропоцентричности в языковой модели времени: *юность, дети* и т. д. Многие ученые к лексическим средствам относят тропы, которые используются в переносном значении и служат для создания образов. К ним относятся: эпитеты: *утро нежное, дни печальные*; метафоры: *тяжелое время*; сравнения: *как вечный двигатель* и т. д.

Мы остановимся на некоторых особенностях использования лексических средств выражения времени в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Изображение времени в произведении многообразно, значительно количество лингвистических средств, использованных автором для экспликации времени.

При отображении периодов времени А.С. Пушкин употреблял слова и словосочетания, состоящие из именных и служебных частей речи. Слова и словосочетания ***стары годы, непостоянный, долго, давно, скоро, несколько дней*** и т. д. являются средствами выражения неопределенного промежутка времени, а словосочетания ***две минуты, восемь лет, два века, две недели*** и др. – для конкретного промежутка времени.

Сам А.С. Пушкин писал в предисловии к своему роману, что время в нем «расчислено по календарю». Эта «расчисленность» проявляется по-разному. В романе представлено циклическое календарное время, которое проявляется в смене времен года. В романе «Евгений Онегин» представлены все четыре времени года. Основными средствами

экспликации календарного времени являются лексические средства.
Например:

*Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.*
[Пушкин, с. 130].

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало*
[Пушкин, с. 130].

*В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.*
[Пушкин, с. 141].

*Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...*
[Пушкин, с. 121].

При описании времен года встречаются как название самих времен года (*осень, зима*), так и названия месяцев (*ноябрь, январь*), а также называются конкретные даты (*третье января*). Для описания весны автор романа использует метафору «утро года», позволяющую увидеть авторское отношение к этому времени года, когда пробуждается все живое.

Литературное произведение – это «вторая реальность», созданная с помощью лингвистических средств. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» является образцовым в этом плане. В романе «Евгений Онегин» отображается и конкретное время суток с помощью лексических

средств, таких как существительные, прилагательные, числительные, местоимения и др.

В четвертой главе романа, когда поэт описывал образ жизни Евгения Онегина, пишет такие строки:

*Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом...*

[Пушкин, с. 129].

Использование лексических средств помогает автору не только назвать время суток (*утро, день, ночь*), но и указать на конкретное время совершения какого-то действия или события (*в седьмом часу*).

«Человеческое» время, то есть временные периоды жизни человека, также широко представлены в романе:

*Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость...*

[Пушкин, с. 31].

Для описания периодов жизни человека используются как имена существительные (*младость, юность, старик*), так и имена прилагательные (*старый, юный*).

Лексические средства помогают увидеть читателю и «историческое» время. Исследователи называют конкретный временной промежуток, в который происходит действие романа, годы рождения и основных событий в жизни героев романа, однако историческое время представлено в романе очень широко и не охватывает период только 20-х гг. XIX века. Экспликации исторического времени служат названия исторических личностей и событий:

*Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин...*

[Пушкин, с. 24].

*Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*

[Пушкин, с. 16].

Таким образом, можно сказать, что лингвистическое время сложно и многомерно, в нем реализуются научные понятия и наивные представления о мире. В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» широко представлены разнообразные средства выражения временных значений, как лексические, так и грамматические. Анализируя использование лексических средств выражения времени в рассматриваемом произведении, нам удалось выявить, что в романе широко представлено историческое и природное, циклическое время. Автор показывает в произведении и разные периоды жизни человека. Эти разнообразные представления о времени тесно связаны друг с другом и помогают создать картину многомерности и сложности времени, которое оказывается связанным с действием самого романа. Использование лексических средств выражения времени позволяет автору расширить временной период, представить картины жизни человека и общества «от Ромула до наших дней».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006. 144 с.
3. Дарбанова Н.А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah-predystoriya-i-sovremennost-1/viewer>
4. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988.
5. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Детская литература, 1978.

ЯКУНЬКОВА Анастасия Алексеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
nastya.yakunkova@mail.ru

Научный руководитель –
СОКОЛОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВлГУ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В АНТИУТОПИЧЕСКИХ РОМАНАХ XXI ВЕКА
(Т. ТОЛСТАЯ «КЫСЬ», В. СОРОКИН «МАНАРАГА»)**

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей функционирования прецедентных феноменов в современных антиутопических художественных текстах.

Как известно, человек является представителем определенной национальности, носителем той или иной культуры, факты которой находят отражение в существующих в сознании представителей социума «готовых блоках» – прецедентных феноменах. К прецедентным феноменам относятся тексты, высказывания, ситуации, имена, узнаваемые представителями того или иного культурного сообщества.

Данное явление напрямую связано с различными видами коммуникации (в т. ч. международной), тенденция к изучению которых заметно возрастает. Прецедентные феномены широко распространены в текстах художественной литературы и прессе. Прецедентный «бум» в литературе приходится на конец XX – начало XXI века. Это явление связано с направлением общественной и культурной мысли нашего времени. Господствующий в литературе постмодернизм – это «...своего рода форма эстетического бунтарства, где цитирование известных образцов представлено в форме коллажа...» [6: 178]. Для передачи постмодернистского мировосприятия представители данного направления выбирают, как правило, путь «ироничного цитирования» феноменов мировой культуры.

Термин «прецедентность» в научный оборот ввел Ю.Н. Караулов. *Прецедентные тексты* он определяет как «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3: 216]. Вслед за лингвистом прецедентность изучал Д.Б. Гудков, который определил прецедентные феномены как «единицы, которые знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [2: 102], аналогичной точки зрения придерживается В.В. Красных [4: 52].

Можно обозначить отличительные признаки прецедентных феноменов, позволяющие отличить явление от подобных (фразеологизмы, идиомы, топонимы, антропонимы и под.). Прецедентный феномен содержит культурный код, который отсылает к факту в прошлом, постоянно актуализируется в речи (воспроизводим), обладает прагматичностью, особой отмеченностью для представителя культурного сообщества (маркирован), связан с традицией и ритуалом (клиширован), включен в ассоциативную цепочку, обладает оценочностью, содержится в когнитивной базе представителей лингвокультурного сообщества.

Прецедентность тесно переплетается с понятием интертекстуальности, которая обеспечивает смысловую «многомерность» текста. Интертекстуальность – это «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [5: 9]. Интертекст, таким образом, оказывается включенным в другой текст. Данный тип отношений похож на цепочку, отражающую связь художественных произведений мировой литературы. Таким образом, вся литература составляет большую

«интертекстуальную сеть». При этом текст, в обыденном понимании являющийся логически завершенным целым, становится многомерным пространством смыслов, у которого невозможно определить начало и конец. Текст в эпоху постмодернизма – это полотно, сотканное из многочисленных цитат, отсылок, реминисценций, аллюзий.

Распространенным жанром литературы постмодернизма является антиутопия как своеобразный ответ коммунистической модели построения «идеального общества». В этой связи интересной представляется позиция исследователя А.Н. Воробьевой: «Утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок. Ведущие признаки этого жанра: 1) изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; 2) отказ от настоящего, который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; 3) коллективный характер утопической цели» [1].

Анализируя особенности функционирования прецедентных феноменов в художественном тексте, важно обратить внимание на его жанровые, стилистические и сюжетные особенности. Роман Татьяны Толстой «Кысь» представляет собой этноцентрированную постапокалиптическую антиутопию/постантиутопию (вопрос о жанровой принадлежности продолжает оставаться дискуссионным). Жанр антиутопии тесно связан с переосмыслением прошлого, а этноцентризм предполагает наличие культурной и философской призмы своего народа, через которую пропускаются и оцениваются иные формы культуры.

Действие в романе происходит после Взрыва. Главный герой, Бенедикт, является представителем молодого поколения. Он всю сознательную жизнь существует вне уничтоженных устойчивых культурных ценностей и представлений, которые сохранились только у

«прежних», пожилого населения, жившего еще до Взрыва. Однако у Бенедикта, не получившего «оверверстецкого абразования», сложилось собственное представление о мире: литературным гением он считает Большого Мурзу, который выдает произведения классиков за свои, а услышанные им от «прежних» понятия и имена немедленно получают собственные интерпретации. Когнитивные базы героев различны, поэтому между ними невозможно понимание.

Особенностью романа является неповторимый язык, который представляет собой смесь говоров, разговорной речи, сниженной лексики и лексики высокого стиля. Подчеркнутая неграмотность народа влияет на осмысление Бенедиктом некоторых культурных явлений.

«А то помните, на Муркину Горку парней водил, все хотел, чтоб землю рыли... Мол, ШАДЕВРЫ там погребены. А еще будто там доложен быть мужик каменный, агромадный и сам ДАВИД. А у нас тут есть кому нас давить, лишней-то нам без надобности...» (глава «Глаголь»). Главный герой сопоставляет прецедентный феномен ДАВИД с глаголом *давить*, происходит оживление внутренней формы слова. Два слова мыслятся героем как однокоренные только на основе созвучия. Для среднестатистического представителя социокультурного сообщества универсально-прецедентный феномен *Давид* имеет инвариант значения *статуя Микеланджело*, а для Бенедикта *Давид* – это тот, кто *давит*.

Потеря прецедентности часто сопровождается переходом имени собственного в имя нарицательное: *«Ну, голубчики спервоначалу озлобились, – страсть. Утром встанешь, глаза продерешь, а у тебя перед самым окном орясина торчит: “Арбат”. Свету в окошке и так мало, зимой, с пузырем, и того меньше, а тут, понимаешь, арбат этот как срамной уд на свадьбу собрамшись. Ну и выворотят его к такой-то матери: на растопку пустят или полы латать»* (глава «Веди»). Для Бенедикта *Арбат* не является значимым объектом, теряет связь со своей сферой-источником, опредмечивается и становится всего

лишь табличкой, которая загораживает солнечный свет. Поэтому далее в тексте слово дано со строчной буквы.

Одной из основных функций прецедентного феномена в художественном тексте является создание комического эффекта, придание тексту ироничной тональности: «*Когда он сейчас, вот сейчас станет обладателем неслыханного, невообразимого... Шахиншах, эмир, султан, Король-Солнце, начальник ЖЭКа, Председатель Земного Шара, мозольный оператор, писмоводитель, архимандрит, папа римский, думный дьяк, коллежский асессоры, царь Соломон, – все это будет он, он...*» (глава «Ять»). В данном контексте прецедентные феномены *Король-Солнце* (Людовик XIV), *царь Соломон*, *Председатель Земного Шара* (утопическое «Общество Председателей земного шара», или «Союз 317», было основано В. Хлебниковым в конце 1915 года), инвариантом значений которых является «влиятельный государственный деятель», стоят рядом формально и по смыслу с *председателем ЖЭКа*. Проведенная параллель придает размышлениям Бенедикта оттенок наивности, невежественности и комичности.

Роман Владимира Сорокина «Манарага» написан в форме футуристического дневника, который ведет главный герой, Геза. Он живет в мире, где чтение потеряло свой истинный смысл, книги стали редкостью и теперь используются для удовлетворения потребительских запросов богатых людей. Геза – повар, незаконно готовящий изысканные блюда book'n'grill – на книгах, используя их в качестве топлива.

Произведение имеет антиутопические черты, которые находят отражение даже в специфической форме когнитивной базы. Книги перестали выполнять свою основную культурную функцию, поэтому возникла потребность в инородном вспомогательном устройстве. Средоточием когнитивной базы стала синяя блоха, отвечающая за ассоциативные связи и представления. Благодаря блохе при взгляде на

картину или книгу у героя в сознании возникают представления из ядерной части значения того или иного прецедентного явления.

Прецедентные феномены в тексте Сорокина выполняют ту же функцию, что в тексте Толстой. Они создают эффект комичности, подчеркивают иронию автора:

«– *What would you prefer, sir?*

– *Говяжьи мозги на “Горе от ума”.*

– *Certainly, sir».*

Комичность также создается посредством подключения языковой игры на основе созвучия прецедентного феномена со словом одной ЛСГ (*мозги – ум*).

«Выезжаем с парковки. Рассекаем ночное шоссе. Надо собраться с мыслями. Которых, признаться, нет. Миссия Кухни. Я должен увидеть, как раздавят гадину. Убедиться, что молекулярный гад мертв. Ради мирного неба на Кухне /.../ Во имя хрустящего венского шницеля на Шницлере». Здесь также происходит оживление внутренней формы слова, возникает ассоциация *Шницлера* со *шницелем*, полностью отражающая потребительские отношения к литературе в рамках данного произведения.

В анализируемых текстах прецедентные феномены – это неотъемлемая составляющая художественной идеи авторов. Их основная функция – создание комического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2009. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/russkaja-antiutopija-hh-nachala-hhi-vekov-v-kontekste-mirovoj-antiutopii.html>

2. Гудков Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Моск. ун-та. 1997. №4. С. 106-118.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

4. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Москов. ун-та. Филология, 1997. №3. С. 62-74.

5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. М.: Прогресс, 2000. 260 с.

6. Чотчаева М.Ю., Сосновский В.Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник АГУ. Майкоп, 2017. № 2. С. 177-182.

ТРЕЛЛЕ Наталья Игоревна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
trellesha999@gmail.com

МАИРКО Татьяна Сергеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)
mairko.tanya@bk.ru

Научный руководитель –
АБРАМОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,
старший преподаватель
кафедры русского языка ВлГУ

РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНРОВОГО «СИНТЕЗА» (на материале дилогии А.В. Иванова «Дэнжерологи»)

Аннотация. Статья рассматривает индивидуальные особенности стиля современного русского писателя А.В. Иванова. Своеобразие его творческого метода заключается в жанровом синтезе, находящем выражение в отборе языковых средств и организации речевой структуры художественного текста.

При создании художественного текста как структурно-семантического целого важнейшей задачей автора является отбор и организация языковых единиц. Особенно актуально это для произведений, отличающихся оригинальностью жанровой формы, своеобразием индивидуально-авторского стиля. Индивидуальные языковые особенности в современной лингвистике изучаются в рамках нескольких направлений. Одним из них является теория языковой личности. Термин «языковая личность» был употреблен Л. Вайсгербером [4], в отечественном языкознании к данному вопросу обращались В.В. Виноградов [5], Ю.Н. Караулов [9] и др.

С термином «языковая личность» тесно связано понятие идиостиля писателя, хотя указанные термины нельзя считать абсолютными синонимами, поскольку понятие «языковая личность» является по

отношению к идиостилю более широким, обобщенным. Идиостиль представляет собой отражение одной из граней языковой личности.

Под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем «...любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [14: 671]. Понятие «языковая личность» складывается из индивидуальных особенностей употребления языковых средств с целью отражения в тексте картины мира автора и выражения важных для писателя идей.

Особенности каждой языковой личности находят выражение в идиостиле, под которым понимается индивидуальный авторский стиль писателя или поэта, проявляющийся в специфике речи его художественных произведений и выражающийся не только с помощью эксплицитных и узнаваемых языковых средств, но и на уровне скрытых смыслов. Интересно отметить, что понятие «идиостиль» сегодня включается и в школьные учебники. Так, автор пособия «Русская словесность» Р.И. Альбеткова определяет идиостиль как «свойственное конкретному писателю единство всех сторон художественной формы – языка, жанра, композиции» [1: 156]. Это та особенность языка, в которой проявляется уникальность языковой личности, что позволяет ей выделяться и быть узнаваемой среди других писателей.

Для того чтобы выявить особенности языковой личности писателя, необходимо осуществить анализ его текстов, поскольку идиостиль проявляется не только в выборе языковых единиц, но также в их употреблении с учетом семантических и стилистических характеристик. Разработка художественной идеи и «воплощение ее в материальных подробностях» [3: 171] – это и есть, по мнению Н.С. Валгиной, воплощение идеи в стиле, поэтому в художественном произведении

стиль – это материализованная идея. Использование же языковых средств, как правило, и служит материалом для воплощения авторской идеи.

Разное видение окружающей действительности и разное отношение художника к реалиям этой действительности и порождает идиостиль того или иного автора. Увиденный писателем образ мира воплощается в своеобразном «образе стиля» [3: 171-172].

В рамках данной статьи рассматриваются индивидуально-авторские особенности употребления языковых единиц, характерные для современного русского писателя А. В. Иванова. В качестве объекта наблюдения нами выбран один из текстов, входящих в дилогию «Дэнжерологи» (роман «Комьюнити» [8]), поскольку произведение представляет интерес с точки зрения своеобразия жанровой формы, а также тех индивидуальных языковых черт, которые выражают эту форму и выступают в качестве особых языковых «примет» на разных языковых уровнях, «примет», делающих стиль автора неповторимым.

Следует отметить, что одной из тенденций современного литературного процесса является усиливающаяся трансформация жанровой системы, благодаря которой наблюдается взаимодействие разных жанровых форм, в результате чего рождаются «гибридные образования» [13: 22]. Это так называемые тексты «синтетического» характера; кроме того, в литературе конца XX – начала XXI вв. существенно меняется и само соотношение «жанр – автор».

С точки зрения жанрово-стилевых характеристик «синтетическим» текстам, в частности анализируемому нами роману А.В. Иванова, свойственна такая форма, в которой проявляются всевозможные смешения структурообразующих элементов разных жанров. Повествование в синтетической прозе отличается особой пространственно-временной организацией: наблюдается смешение временной оси, которое достигается путем слияния бытового, бытийного

с фантастическим, реального с мистическим и т.д. Контрастное сочетание параллельных планов – ирреального и реального – характеризует творческую манеру А.В. Иванова. И именно эта творческая «манера» воплощается в стиле его прозы. Так, в «Комьюнити» реалии сегодняшнего общества показаны через призму фантастического проникновения средневековой болезни – чумы, символизирующей смещение акцента с вектора духовных ценностей в сторону материальных благ. Таким образом, Иванов отражает современную действительность через вторжение в нее ирреального начала. Отметим, что данный прием не является новым, однако конкретное воплощение его становится для текстов современного писателя стилистически значимым, так как именно этот прием определяет жанровую форму произведения, а следовательно, и его структуру.

Любая жанровая форма характеризуется определенным композиционным построением. Каждая единица анализа в тексте связывается с проблемой выделения контекста, подразумевающего два типа членения. Так, с точки зрения объемно-прагматического членения анализируемый нами роман «Комьюнити», наряду с романом «Псоглавцы», является составной частью диалогии «Дэнжерологи». В свою очередь текст каждого из произведений, образующих диалогию, в частности текст «Комьюнити», разбивается на главы. Этот тип членения тесно взаимодействует с контекстно-вариативным, которое предполагает в свою очередь выделение контекстов, организованных авторской речью, и контекстов, содержащих «чужую речь». Вычленение этих композиционных форм осуществляется «с учётом субъекта речи» [13: 22]. Отметим, что реализация этих двух планов важна для понимания структуры текста и специфики его организации. Однако у А.В. Иванова не наблюдается чёткого контекстно-вариативного членения, так как происходит смешение планов авторского повествования и речи персонажей, из-за чего субъект повествования очерчен нечётко.

Н.А. Николина также отмечает, что взаимодействие элементов различных жанровых форм «обуславливает сочетание в тексте конкретного произведения речевых средств разных типов» [13: 22].

Жанровый синтез, находящий выражение на уровне пересечения бытового и фантастического, в текстах дилогии А.В. Иванова проявляется и с точки зрения языковой формы прежде всего в смешении речевых структур. Исследователи выделяют в художественном тексте два речевых пласта, связанные с такими субъектами повествования, как аукториальный повествователь и персонаж. На пересечении этих речевых пластов находится несобственно-прямая речь, которая формально включается в состав авторской речи, но с точки зрения языкового выражения и семантики представляет собой «чужую речь», поэтому данной речевой структуре свойственно «смещение субъектно-модального плана» [6: 16], за счет чего в повествовании автора о герое, в его характеристике читатель может наблюдать переход от объективной точки изображения к непосредственному отражению внутреннего мира персонажа, глубинные переживания героя, «записи» его мыслей и т.д.

Различая характерологическую и литературную несобственно-прямую речь [6: 16-17], отметим, что наибольший интерес для нас представляет второй тип, которому свойственно включение в «авторское слово» элементов разговорной речи, являющихся «отражением субъективированного повествования» [6: 18], которое может быть самой разной протяженности, становясь при этом композиционно и идейно значимым элементом всего произведения, что характерно для современной литературы, а для идиостиля А.В. Иванова совсем не случайно включение таких элементов для достаточно продолжительных текстовых фрагментов – преимущественно глав (см. главы 4, 5, 8-14). Тексту анализируемого романа свойственна именно такая манера письма, такой стиль, где несобственно-прямая речь становится основной языковой структурой, позволяющей писателю совмещать авторскую

характеристику героя с его собственной, органично переплестать авторскую речь с речью персонажа, тем самым погружая читателя во внутренний мир героя посредством передачи его мыслей, чувств, переживаний, размышлений. При прочтении произведения часто становится невозможным определение субъекта повествования: автор и герой, их речевые сферы взаимодействуют настолько тесно, что можно говорить о взаимопроникновении субъектно-речевых сфер. При этом прорывы «чужого голоса» в авторской речи маркируются стилистически на разных языковых уровнях. Наиболее показательными в этом плане в творчестве А.В. Иванова являются лексический и синтаксический ярусы языка.

Продемонстрируем сказанное, обратившись к фрагменту 4 главы романа «Комьюнити»:

*Глеб снимал квартиру в Раменках, а контора «ДиКСи» находилась в Отрадном. Глеб добирался до работы, **минуя центр**, и ему часто удавалось **избегать пробок**, тем более что можно было **выезжать не в разгар давки: он сам себе начальник** и не уволит себя за опоздание. Вот сейчас **цивилизация** и **проверялась на состоятельность: человек неподвижен, заперт в пробке** и **бессилен развлечь себя иначе, нежели средствами связи...**[8: 36]*

Количество лексических единиц со стилистически сниженной, разговорной окраской здесь не может не обратить на себя внимания читателей. Так, слово *давка* в «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной фиксируется с пометой *разг.* [10: 174]; слово *пробка* в значении ‘скопление транспорта или людей где-либо, мешающее нормальному движению, проходу’ в нескольких современных словарях («Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой [7: 337], «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова [2: 998]) имеет помету *разг.*; устойчивое выражение *сам себе начальник* восходит к поговорке *сам себе господин*, которая в

«Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [11: 717] маркируется как *разг.*; кроме того, выражение *сам себе начальник* может быть соотнесено с фразеологической единицей *сам себе хозяин*, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» [15: 592] характеризующейся принадлежностью к разговорной речи. Интересно в выделенном фрагменте и слово *цивилизация* (*Цивилизация проверялась на состоятельность*). Данная лексема в словаре С.А. Кузнецова имеет два значения: 1. Уровень общественного развития, материальной и духовной культуры, достигнутый той или иной общественно-экономической формацией. *Римская, европейская ц. Исчезновение древних цивилизаций*. 2. Современная мировая культура и технические достижения, свойственные ей. *Стремиться к цивилизации. Ц. еще не коснулась северных районов земли* [2: 1463]. В вышеописанном контексте слово *цивилизация* выступает скорее во втором значении, т.е. *на состоятельность* проверялись современные технические достижения, а именно средства связи. Однако согласно значению лексемы *состоятельность* в данном выражении происходит нарушение сочетаемости: *на состоятельность*, по-другому – *обоснованность, доказательность* [2: 1241] могут проверяться только доводы, мнения, утверждения. Анализируемый контекст является ярким примером не только употребления разговорных элементов, но и установления новых сочетательных возможностей слов, присущих разговорной речи. Для текста А.В. Иванова свойственны такие речевые конструкции, которые характерны для бытового общения, и в них слово может проявлять необычные сочетательные возможности.

Разговорная лексика в избранной для анализа главе (как и во всем романе) составляет примерно 40% от всех употребленных в ней лексических единиц, это элементы речи персонажа, взаимодействующие с речью автора, что свидетельствует о значительной роли несобственно-прямой речи в организации структуры текста.

Разговорные элементы как сигналы «вкрапления» в авторское повествование «чужого голоса» проявляются и на уровне синтаксиса. Рассмотрим следующий фрагмент: **Но сегодня не повезло. Надо было ехать по Минской и Филёвской, а Глеб поехал по Мосфильмовской и влип в мёртвый затор. Серое, холодное и мокрое утро напоминало студень, дрожало дождём. Справа и слева у Глеба стояли грязные автомобили, впереди — корма маршрутки...**[8: 36-37]

В представленном отрывке использованы парцеллированные предложения: *Но сегодня не повезло. Надо было ехать по Минской и Филёвской...* (ср.: *Но сегодня не повезло, потому что надо было ехать по Минской и Филёвской...*). Дробление СПП на два предложения с пропуском подчинительного союза с целью экономии речевых усилий тоже примета разговорного стиля. О сказанном свидетельствует и наличие неполной предикативной единицы в БСП, а также инверсированный порядок слов (*Справа и слева у Глеба стояли грязные автомобили, впереди — корма маршрутки...*). Обратить внимание необходимо и на параллелизм построения предикативных единиц в данном предложении, проявляющийся в использовании слов с пространственным значением в абсолютном начале каждой части предложения, чем и объясняется неполнота второй предикативной единицы (*впереди — корма маршрутки...*). Стоит также отметить, что само выражение *корма маршрутки* представляется стилистически окрашенным, поскольку в большинстве толковых словарей, в частности, у С.А. Кузнецова даётся только одно значение лексемы *корма*: ‘Задняя часть судна, противоположная носу судна’ [2: 458]. Однако в словосочетании *корма маршрутки* наблюдается расширение лексической сочетаемости существительного *корма*, обусловленное, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами (появлением у слов дополнительных значений и использование их в бытовом общении), что

дает основания рассматривать данное сочетание как элемент, свойственный разговорной речи.

Обратим внимание на еще один контекст: *Глеб вспомнил: в фильме «Константин» Киану Ривз, истребитель демонов, терзал одержимых, чтобы те назвали имя овладевшего ими демона. Потом врага уже можно было одолеть. Значит, на памятнике Калитниковского кладбища начертано заклятье, убивающее демона?*

Глеб закурил. Marlboro, Lexus, дождь, айфон, Мосфильмовская улица, демон ABRACADABRA... Глеб чувствовал, что всё это могло сочетаться только здесь — и нигде более. Поэтому он и любил Москву [8: 41].

Читатель понимает, что повествование о главном герое ведётся не от лица самого Глеба, так как используется так называемый «третьеличный текст» [6: 15], однако наличие слов сниженного тона (о которых шла речь выше), бессоюзных сложных предложений (в том числе номинативных: *Marlboro, Lexus, дождь, айфон, Мосфильмовская улица, демон ABRACADABRA...*), присущих, в отличие от ССП и СПП, именно разговорной речи, а также риторических вопросительных предложений становится маркером выражения внутреннего состояния героя, его внутренней речи. Такой способ повествования на фоне авторской речи воспринимается как привнесенная «со стороны» речь, как «прорыв голоса» другого лица. В выделенном фрагменте текста, как и в приведенных выше контекстах, присутствуют разговорные элементы и на лексическом уровне: *терзал одержимых, чтобы те назвали имя овладевшего ими демона.* Глагол *терзать*, употребленный в анализируемом контексте в значении ‘уродовать, исказить’ имеет стилевую окрашенность и в словаре Т.Ф. Ефремовой маркируется как *разг.* [7: 764].

Важно отметить, что, кроме несобственно-прямой речи, А. Иванов активно использует и другие языковые возможности, в том числе и

прямую речь героев, которая наиболее ярко представлена в сетевых диалогах, занимающих около 30% от содержания всего романа. Для наглядности следует продемонстрировать фрагмент из переписки внутри интернет-блога главного героя с демоном чумы (из-за него происходит «заражение» сети, впоследствии выходящее за пределы интернета):
L-a-p-k-a: *А скажите мне люди, вот есть скаска про дудочника, который заиграл и увел детей вместо крыс, это веть тоже про чуму?*
D-r_Pirrez: *Гамельнский крысолов! Он же Узрюмый дудочник! Ййооопт!!! Как жы я сам не догадалсо, что это про чуму!!!!* [8: 145]. Пристальное внимание автора уделяется именно письменному, сетевому, языку, который здесь свободен от всех грамматических и орфографических норм, и более того – участники интернет-общения намеренно изъясняются на таком сетевом сленге, вызывающем неприязнь у привыкших к литературно обработанной, правильной письменной речи образованных людей, к которым и принадлежит главный герой романа Глеб Тяженко.

Наиболее показательна с точки зрения несоответствия принятым нормам языка речь фантастического персонажа – чумного демона, скрывающегося под ником YMHЕЕВСЕХ. Он появляется в комьюнити Глеба с таким сообщением: *Привет. Ты меня не заешь. С тобой только так можна связатся, как сечас. Совсем недоступен. Ни скем не общаешся* [8: 145]. Так, письменный язык в романе позволяет создать сатирический обобщенный образ потребителей, в нем содержится призыв к возрождению духовных ценностей.

Отметим, что образ автора в тексте произведения связан не только с выражением идейно-художественных взглядов автора, но и с той словесно-речевой структурой, которая становится организующим ядром художественного текста. Такой речевой структурой в романе А.В. Иванова является несобственно-прямая речь, использование которой обусловлено спецификой жанровой формы произведения.

Жанровый «синтез» как особенность творческой манеры А.В. Иванова определяет речевую структуру его текстов: «синтез» жанров ведет за собой «синтез» употребления языковых средств, который наиболее ярко прослеживается на лексическом и синтаксическом уровнях организации его произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбеткова Р.И. Русская словесность: От слова к словесности. 9 кл.: учебное пособие. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2009. 300 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 191 с.
4. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРОС, 2004. 232 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. тр. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Рус. яз., 1989. 152 с.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз. 2000. 1209 с.
8. Иванов А.В. Комьюнити: роман. М: Изд. АСТ, 2019.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/lopatin.html>.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
12. Молдавская Н. Несобственно-прямая речь // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: «Просвещение». 1974. С. 238-239.
13. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
14. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
15. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Научное электронное издание

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов

Материалы приводятся в авторской редакции

Компьютерная верстка Е. А. Кузнецовой

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод CD-ROM

Тираж 10 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Педагогический институт, кафедра русского языка
pimenova-vgpru@yandex.ru